

ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА

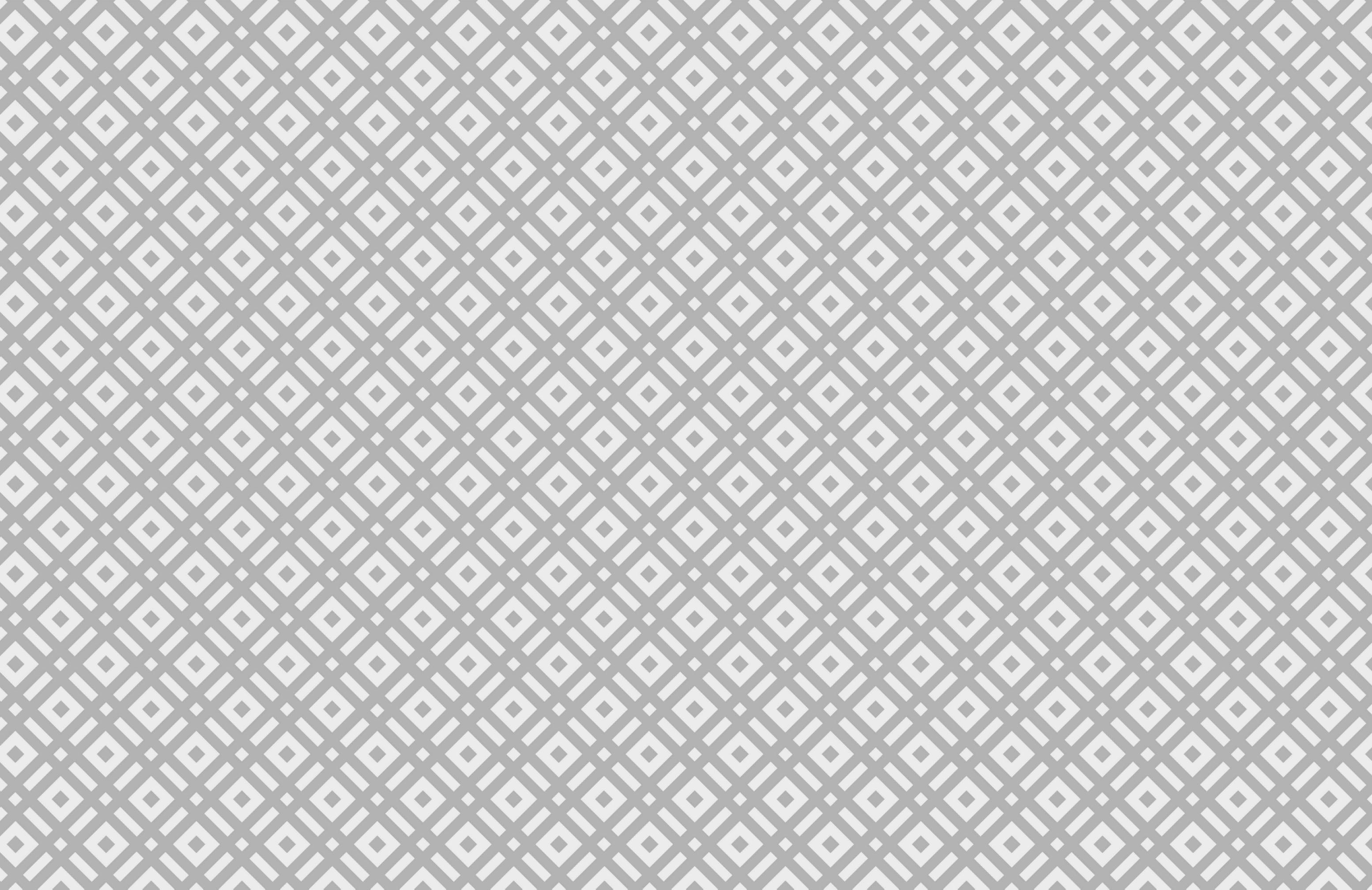
СБОРНИК ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

50

ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА Сборник творческих работ

*Энергия
творчества*

Ухта, 2017 г.

УДК 82-822
ББК 84 (2 Рос-6 Ко)
Э65

ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Сборник творческих работ

Редакционный совет:

Ольга Александровна Филиппова, начальник ССО и СМИ;
Марина Александровна Сивакова, корреспондент ССО и СМИ.

Составитель, куратор проекта:

Евгения Валерьевна Карначева, специалист ССО и СМИ.

Рабочая группа:

Евгения Валерьевна Карначева, специалист ССО и СМИ;
Марина Александровна Сивакова, корреспондент ССО и СМИ;
Сергей Геннадьевич Лавренов, старший специалист ССО и СМИ;
Евгений Валентинович Жданов, инженер-программист СИУС;
Елена Валерьевна Дементьева, специалист ССО и СМИ.

Э65 **Энергия творчества / сост. Е. В. Карначева, ред. Н. В. Мельникова. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2017. – 356 с.**

ISBN 978-5-7934-0718-2

В сборнике «Энергия творчества» представлены произведения сотрудников предприятия, ранее публиковавшиеся в художественно-публицистическом альманахе «Литературный факел» и в рубрике «Литературная страница» корпоративной газеты «Севергазпром», а также отмеченные на фотоконкурсах Общества.

Книга разработана издательской группой
ООО «Коми республиканская типография».

Редактор: **Наталья Владимировна Мельникова**,
руководитель издательских проектов.

Дизайн, вёрстка: **Арсений Алексеевич Гусев**, дизайнер дизайн-студии.

Предпечатная подготовка: **Александр Александрович Забоев**,
специалист дизайн-студии.

Корректурa: **Оксана Михайловна Кокорина**, корректор.

УДК 82-822
ББК 84 (2 Рос-6 Ко)

Дорогие друзья!

Наша жизнь складывается из тысячи самых разных граней. Семья и любимые люди, работа и профессиональный успех, здоровый образ жизни, творчество и общение в кругу единомышленников. Гармоничное сочетание всех этих граней формирует счастье человека. Каждая важна и заряжает позитивной энергией, желанием двигаться вперёд, развиваться и созидать.

Газовики — народ особый. Трудясь в небольших городах и посёлках вдоль трассы магистральных газопроводов, вдали от развитой инфраструктуры и культурных центров, работники ежедневно решают задачи управления сложнейшими технологическими процессами и промышленными объектами. При этом многие находят вдохновение и желание для реализации своих талантов: вокал, хореография, поэзия, публицистика, живопись, фотография, прикладные ремёсла.

Энергия творчества объединяет коллег, организует и обогащает их досуг, что особенно важно для наших небольших северных населённых пунктов. На страницах книги — живые эмоции, мечты, устремления наших талантливых сотрудников. Проникнуться этой энергией вы сможете, перевернув следующую страницу.

А. В. Гайворонский,
генеральный директор
ООО «Газпром трансгаз Ухта»

ISBN 978-5-7934-0718-2

© ООО «Газпром трансгаз Ухта», 2017.
© ООО «Коми республиканская типография», 2017.

Глава I
Моззля

Александр Торнович

Работал главным инженером Урдомского ЛПУМГ

* * *

40 нам сегодня стало,
40 лет сроднили нас,
Всех от Волги до Урала,
Всех коротким словом ГАЗ.

40 — улицам Вуктыла.
Мы сумели, мы смогли
Закачать в стальные жилы
Голубую кровь земли.

Закачать и в срок доставить
И заводам, и домам,
40 — можете представить,
Как бывает трудно нам.

40 лет — совсем не мало
Для котельных и турбин,
Для трубы, что из металла,
Механизмов и машин.

40 лет — проходят годы,
40 лет живёт труба,
Строим новые заводы,
Расширяем города.

40 — помнишь, начинали?
Многих нет уже, увы...
Если люди есть из стали —
Это про таких, как мы.

Город Ухта

Северный город. Наступила зима
И на полгода белым пухом укрыла
Северный город с названьем Ухта,
Северный город, для нас очень милый.

С нами же рос ты, город-студент,
Где мы выросли, учились, любили.
Лучший из всех для тебя комплимент,
Что мы с тобою расстаться не в силах.

Город как город. Кварталы, дома.
Город, тепло посылающий югу.
Город, который не портит зима.
Город, поющий под снежную вьюгу.

Белые ночи разбудят тебя —
И ты расцветаешь черёмухой белой.
Где бы я ни был, ты манишь меня,
Город, живущий надеждой и верой.

Летние ливни помогут асфальт.
Город, который измеришь шагами.
Город, порой мне становится жаль,
Если теряется что-то с годами.

Город-трудыга, город-спортсмен.
Город-жених или город-невеста.
Город школьных звонков и больших перемен.
И на карте страны ты — родное нам место.

Фото О. И. Гурьева

Баба Нюра

Баба Нюра гнала самогонку,
Лучше не было крепких сивух.
Вместо мужа у ней — похоронка,
Вместо деток — лишь кот да петух.

Участковый ругался нестрого,
Приходил, иногда выпивал.
«Вот, попробуй, сварила немного
— Для соседа, он дров обещал».

Мужики заходили «догнаться»,
Бабе Нюре поправив забор.
И могли меж собою подраяться
И схватиться в злобе за топор.

И ругали баб Нюру соседки,
Если пьяный колачивал муж,
От давленья глотая таблетки,
Завезённые чудом в ту глушь.

Со слезами ходили к баб Нюре,
Если муж от жены загулял.
Наливала им рюмочку: «Дуры,
Он вернётся, он мне обещал».

А раз так, то, конечно, вернётся,
Чай, мужик, а не дура-коза.
Баба Нюра негромко смеётся,
Голубые прищунив глаза...

...Было жаркое раннее лето,
Нюра в белом, глаза-васильки.
«Свадьба в мае — плохая примета», —
Говорили, сердясь, старики.

Месяц с липким названием «медовый»,
А потом — беспросветная грусть:
Из невест — почти сразу во вдовы.
«Ты — вернёшься?» — «Конечно, вернусь!»

«Я вернусь!..» — прокричало ей эхо,
И качнулись макушки берёз...
...Говорили в деревне, что эта
Самогонка из бабкиных слёз.

Паромщик

Был паромщик небрит и бос,
Был, как памятник прошлому веку.
Но, упрямо цепляясь за трос,
Он паром проводил через реку.

Папироска зажата в кулак,
Взгляд усталый поверх голов.
Говорили: паромщик — чужак
И душевно не очень здоров.

Кто, откуда он, есть ли семья?
Вряд ли знали о нём в городке,
Где, петляя спиной, как змея,
Шла вода утомлённо в реке.

Парень — строен, высок, «Мерседес»,
Пыль подняв, к переправе пригнал.
— Шевелись поживее, балбес! —
С нетерпением жал на сигнал.

Дед тросы отвязал от кнехта
И рукой показал: «Заезжай».
Но паром покачнула река,
На капот оперся невзначай.

— Ты чё делаешь?! — Маты и крик. —
Для того я его покупал?!
Деду двинул рукой под кадык,
Чтоб с кем дело имеет, тот знал.

Опросили свидетелей всех,
Кто в то утро был рядом с плотом,
Бестолковые все, как на грех —
Нет, не видел, не знал, не знаком.

Что вдруг вспомнил старик, что узнал?
Может, крикнул команду «Огонь!»?
Может, снова он воевал,
Пробивая торпедами бронь?

Может, слышал друзей голоса,
Может, видел израненный борт?
Вокруг шеи обвились троса,
Оказавшись сильнее аорт.

Дед на миг бормотать перестал,
Трос потуже ещё затянул,
Словно вахту последнюю сдал —
«Мерседес» с парома спихнул.

Солнце в лак посмотрело, смеясь,
А река его скрыла навек.
Дед вздохнул и упал, не крестясь:
Он неверующий был человек.

Плыл паром по реке — сирота,
Дед лежал на нём, строг и суров.
Было лето — вокруг красота,
Петухи провожали коров.

Фото Д. Н. Васина

Молога*

Шлюз открылся со скрипучим звуком,
Выпуская теплоходы на свободу.
Пассажирский лайнер «Маршал Жуков»
Носом разрезал речную воду.

Впереди, насколько глаз хватало,
Простиралось Рыбинское море,
Солнце за день так палить устало,
Что в него нырнуть грозилось вскоре.

Чайки теплоход сопровождали
И прощались, будто со знакомым,
Пассажиры чайкам хлеб кидали,
Те благодарили всех с поклоном.

— Уважаемые пассажиры теплохода! —
Голос был по радио простужен. —
Ожидается прекрасная погода...
Приглашаем вас пройти на ужин.

Иван Митрич, судовой электрик,
Устранял поломку у радиста:
— Всё теперь исправно? Ну, приветик.
Слушайте известного артиста...

Пойдём-ка мы на палубу покурим,
Успокоим, что ли, наши нервы.
Главное, радист, не паникуем.
Рейс-то для тебя, наверно, первый?

Я маленько походил на сухогрузе,
Ну, когда ещё в речном учился.
Был потом помощником на шлюзе,
А на «Жуков» еле напросился.

Митрич сигаретой затянулся,
Посмотрел задумчиво на воду,
Про себя чему-то улыбнулся,
И сказал: «Ох, годы, мои годы...».

— Митрич, ты всю жизнь на теплоходе, —
Говорит ему радист. — Не надоело?
Это ж надо постоянно, как в походе,
Не моё, конечно, это дело...

— Ух ты, как сказал-то: «Как в походе».
А по мне — работы лучше нету.
А ты знаешь ли, где мы сейчас проходим? —
Митрич снова взял из пачки сигарету. —

Нет, я говорю не про фарватер,
Просто ты не знаешь, так как молод.
Красный бакен видишь? Рядом катер...
Так вот, там, внизу, под ними, — город.

Улицы, дома, колодцы, церкви,
А отсюда из-под нас была дорога...
Здесь играли мы, мальчишками, у верфи.
Что за город? Мой браток — Молога...

И река Шексна — она под нами,
Город — чуть поодаль, на пригорке.
Мы зимой морозной с пацанами
На ледянках к речке мчались с горки.

Здесь могилы матери и деда.
Брат пропал — на Беломорканале:
Никуда, сказал, отсюда не поеду.
Батю самым первым расстреляли.

Он с соседом, когда всех собрали,
Призывал народ не расходиться,
Их прикладами в сторонку отогнали...
Ну, а нам приказ — быстрее грузиться.

Нас везли, и слышали мы взрывы:
Церкви с колокольнями взрывали.
И, прижав детишек, бабы выли,
Ну, а как же — дом ведь покидали...

Аккурат перед войною это было...
Года два иль больше разливалось
Море, блин, «домашнего разлива».
Сердце чуть тогда не разорвалось...

Митрич грустно небу улыбнулся,
Снял фуражку, замолчал надолго,
А закат с водой почти сомкнулся,
Прямо как Шексна-река и Волга.

Теплоход дал затяжной гудок,
Все на палубах гуляли, веселились —
Там никто не знал про городок,
Бывший населённый пункт России...

Баба Люба

...К непогоде ломота в коленках,
Хмурит небо, слышен грома звук.
Прислонилась баба Люба к стенке,
А над нею в рамках — сын и внук,

Мужа нет. Фото не сохранилось...
После свадьбы — сразу на войну...
Баба Люба тихо помолилась,
Дождик каплей брызнул по стеклу.

Вырос сын и стал служить военным.
Шли ему фуражка и загар,
Внук родился, дедовские гены...
...И как выстрел — слово «Кандагар».

Орден привезли однополчане.
Автоматный залп и крик ворон...
Шли домой в пугающем молчанье
Внук и баба Люба с похорон.

Внук на фотографии серьёзный —
За день как идти в военкомат.
Написал, что посылают в Грозный,
Форму получил и автомат...

...Дождь хлестал траву, что не скосили,
И лупил по окнам невпопад.
Сколько их баб-Люб по всей России,
Не дождавшихся домой своих солдат...

*Молога — город, располагавшийся при впадении реки Молога в Волгу и затопленный Рыбинским водохранилищем. Место, где был город, находится в южной части водохранилища, в пяти километрах на восток от острова Святовский Мох, в трёх километрах севернее от створа Бабы Горы — щитов на бетонных основаниях, обозначающих судоходный фарватер, идущий над старым руслом Волги.

Сергей Тушин

Заведующий Центром искусств
при профкоме Юбилейного ЛПУМГ

Посвящение деду

Мой дед танкистом две войны прошёл.
Вот фото: в полушубке, толстом шлеме,
Глаза вприщур, планшетка на колене,
На вид лет тридцать... Ну, не дед — орёл!

Завидовал ужасно я всему,
Наград эмаль и шёлк перебирая,
Что деду выпала судьба такая
И повезло повоевать ему.

И я бы много подвигов свершал,
Фашистов побеждая в схватке жаркой,
И на руках красивой санитарки,
Израненный, красиво бы лежал...

Я как-то по истории учил
Про Курскую решающую битву.
«Всё врут они!» — вдруг дед сказал сердито,
Вздыхнул, махнул рукой и закурил.

И никогда он, сколько ни просил,
Не рассказал мне про войну ни слова,
Настолько, видно, страшной и суровой
Ценой дед за победу заплатил.

Фото А. В. Кучерова

Дети рисуют войну

Сегодня тема важная — девчонки не хихикают,
Мальчишки все серьёзные, повисла тишина.
Открыты банки с красками, готовы кисти разные,
И под руками детскими рождается война:

Разрывы ярко-красные деревьями нарядными
И танки, словно слоники, застыли там и тут.
Солдаты изумрудные с коленками кузнечиков
В атаку очень весело меж взрывами бегут.

А если ранен кто-то вдруг, то ранку краской алою
Кружочком аккуратненьким художник обведёт,
И медсестра румяная, под ручку взяв болезного,
В палатку с красным крестиком торжественно ведёт...

Спасибо тем, чью молодость война украла подлая,
Кто жизнь без громких слов отдал, чтоб наша детвора,
Рисуя в упоении победу над фашистами,
Не знала правду горькую, какой была она!

Фото Е. А. Васильевой

*Библиотекарю
С. Б. Тютюнниковой*

Жара. Июль. Расплавленный асфальт,
Трамваев звон, машин и лиц мельканье.
Мне шесть иль семь. Вхожу в огромный зал —
Таким осталось всё в воспоминаньях.

И всюду книги, миллионы книг...
К ним тётя легонько подтолкнула
в очках — иди, ищи, что хочешь, а потом
Вдруг отчего-то тихо так вздохнула.

И я бродил, теряясь среди шкафов,
До третьих полок еле доставая,
Не помню, выбрал что, но помню мысль:
«Вот вырасту — я все их прочитаю!».

Прошло сто лет, да что там — жизнь прошла,
Над бездной плёнка с каждым часом тает.
И стало ясно — сколько ни трудись,
Все книги я уже не прочитаю...

Щитом бумажным от невзгод укрыт,
Над книгой тихо век свой коротая,
Спокоен я — ведь где-то тот растёт,
Который точно всё перечитает.

* * *

Я — лирик?!
Сбереги нас Боже!
Мне спать мешает пеньё соловья,
И опасуюсь искренним быть я
В стихах, да и в обычной жизни тоже.

От душевных скучно мне бесед —
Увы, они проблемы не решают.
В стихах я пожелтевших поздравляю
Друзей, давно которых рядом нет.

Но про хандру и боли в пояснице
Забить мне помогает быстрый взгляд
Лукавых милых глаз и локонов водопад,
Волненья трепет на густых ресницах.

И стало небо выше, дали — шире,
Желанье вновь шутить, стихи писать
И полной грудью воздухом дышать...
Я — лирик, друг мой! Слава Богу, лирик!

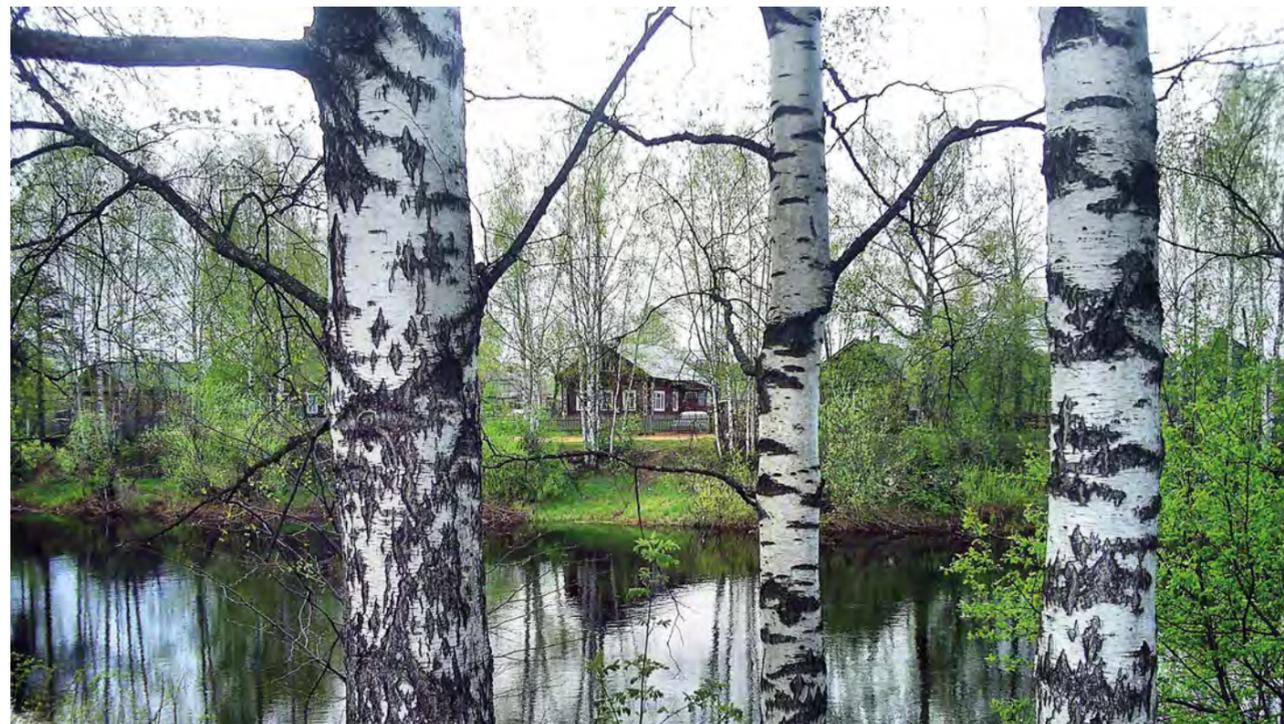

Фото Е. А. Васильевой

Корабль компрессорной

Тайга раскинулась, как море —
Деревьев волны, зыбь болот...
Среди вершин берёз и елей
Корабль компрессорной плывет.

Плывёт он, не сбиваясь с курса,
В грозу, и в стужу, и в туман.
И есть на корабле команда,
И есть суровый капитан.

Гудят турбины, блещут трубы,
Просты и строги корпуса,
И кажется — стальные мачты
Вот-вот поднимут паруса.

А где-то там, за горизонтом,
Плывут другие корабли
По тундре, по лесным просёлкам
Бескрайней северной земли.

Их курс один объединяет —
Они тепло несут к вам в дом
Под бело-синим гордым флагом
Эскадры с именем «Газпром».

Фото Е. В. Жданова

Газотрасса

Снова вечер, стихло всё вокруг,
Спят деревни, город засыпает,
Но гудят, гудят компрессора —
Газотрасса отдыха не знает!

Припев:

Трасса, трасса
Вьётся по Отчизне.
Трасса, трасса,
Трасса нашей жизни.

День и ночь работает КС —
Летом и зимой, забыв усталость,
Чтобы людям дать в дома тепло,
Чтобы жизнь спокойно продолжалась...

Припев:

Трасса, трасса
Вьётся по Отчизне.
Трасса, трасса,
Трасса нашей жизни.

Путь себе нашла через леса,
По болотам в комарином крае
Трасса, словно линия судьбы,
На ладонях наших пролегает.

Припев:

Трасса, трасса,
стала ты судьбой,
Наша трасса —
Мы всегда с тобой!

Юбилейный

Под небом низким, северным,
Среди лесов болотистых,
Где Сухона широкая
Задумчиво блестит,
На пяточке асфальтовом
Под дождевыми тучами,
Под вьюгами колючими
Посёлок наш стоит.

Кто с жаркой Средней Азии,
Кто с Севера сурового
На гулкий зов компрессорной
Собрались и живут.
И кажется порою мне,
Что вся Россия-матушка
Под крышей Юбилейного
Нашла себе приют.

Какие же мы разные —
Весёлые и хмурые,
Простые и с хитринкою —
Быть вместе суждены.
Как небо отражается
В одной росинке маленькой,
Здесь можно, словно в зеркале,
Увидеть жизнь страны.

С природой несговорчивой
Не сладить в одиночестве —
Хотя порою ссоримся,
Мы вместе день за днём.
Когда в посёлке маленьком,
В селе, деревне, городе
Поддержит каждый ближнего —
Тогда и заживём.

Наталья Ерошенко

Работала оператором
магистральных газопроводов Мышкинского ЛПУМГ

Обновление

Кружатся, кружатся снежинки...
Ура! Наступила зима!
Неспешно иду по тропинке,
Мечтая, смотрю на дома...

Смотрю на деревья, на кошек,
На небо в объятиях туч,
На свет запотевших окошек,
Фонарика яркого луч...

Вокруг покрывалом пушистым
Лежит незапятнанный снег.
И сердце становится чистым,
И время замедлило бег.

На снежных холодных страницах
Напишут событий тома.
Пришла молодая царица,
Морозная чудо-зима!

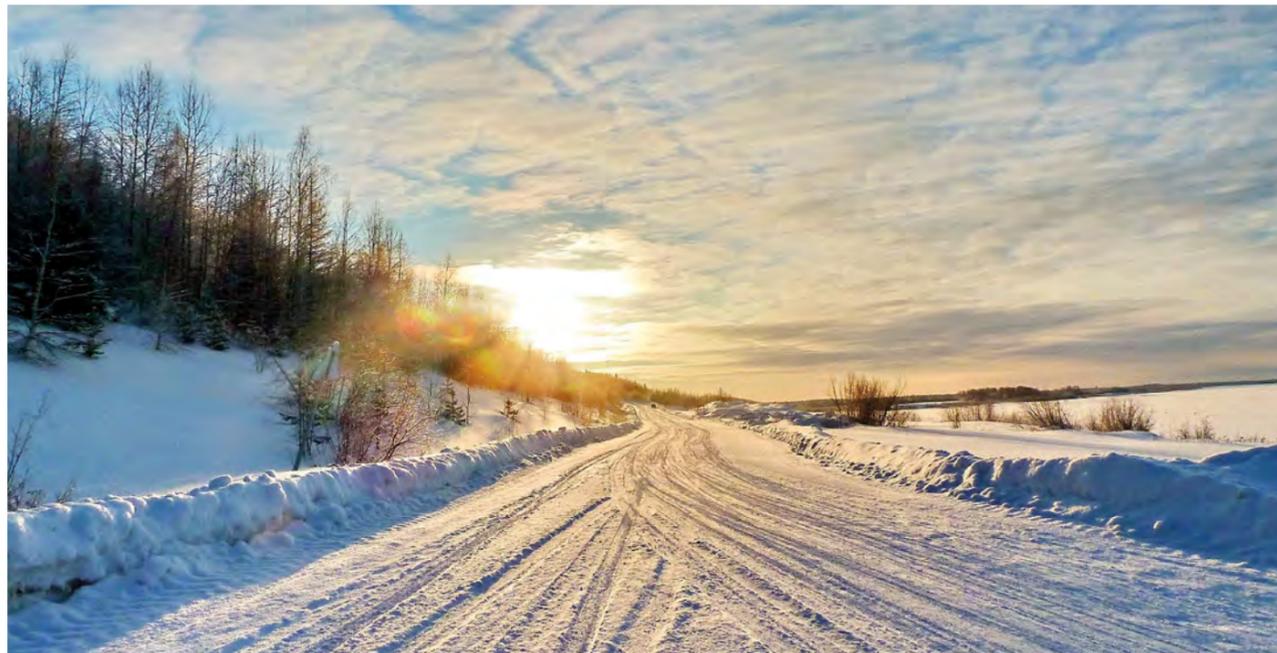

Фото А. В. Коровина

Волчица на воле

Ночью в заснеженном поле мчится,
В синих сугробах слегка приседая,
Гибкая, чуткая тень-волчица —
Как пепел веков, серебристо-седая.

Глаза бесстрашно сумрак пронзают,
И сильные ноги не знают боли,
И яростный вой в небо взлетает.
Из клетки ушла... И снова на воле!

* * *

Необычное что-то в пришедшей зиме,
Или даже чудесное, если хотите:
Отражая порядок минувших событий,
Что-то новое, чистое дарит земле.

Повторяется вечно природная жизнь,
Нерушимы законы космических трасс,
И невинно зима над землею кружит,
Беззащитно, несмело кружит. В первый раз.

* * *

Темно. Затаились дома.
Вокруг всё затихло сразу.
В оконной тетради зима
Рисует свои рассказы.

Блестящая звёздная пыль
На снежный сугроб осела.
Смешалась со сказкою быль,
А с неба луна смотрела.

Ода валенкам

Зима. Мороз. А я довольна
И улыбаюсь на ходу.
Ногам моим тепло-привольно,
Ведь я же в валенках иду!

Лютуй, зима, себе на горе
До юной солнечной весны.
Меня хранит от разных хворей
Наследство русской старины.

Хвала рукам, что вас катали,
Как раньше, при огне лучин.
Вы рук тепло в себя вобрали
И добрый жар большой печи.

Как рада валенкам я русским:
Удобно и легко ногам.
Куда до вас туфлям французским
И итальянским сапогам!

Мои восторги вызывает
Недоумение друзей.
Да, многого они не знают...
Что ж, пусть заглянут в наш музей!

Пускай войдут и оглядятся,
От удивления вздохнут...
Полезно в прошлом оказаться.
Хотя б на несколько минут.

А те, кто за границам служат,
Традиций русских не любя,
Наверное, узнают глубже
Не только Русь, но и себя.

* * *

Над городом серая туча,
Как добрый щенок лохматый,
Играет и твякает звучно,
По небу бежит к закату.

А позже встречала я вечер,
И туча меня узнала,
И весело, радуясь встрече,
Весенним дождём искупала.

* * *

Вы знаете, как сердце раскрывать
Неосторожно, просто по привычке,
И душу, словно маленькую птичку,
Несмелую, на волю выпускать?..

И птичка веселится и тоскует,
И песнь её прекрасна и нежна...
Но никого та птичка не волнует,
И никому открытость не нужна

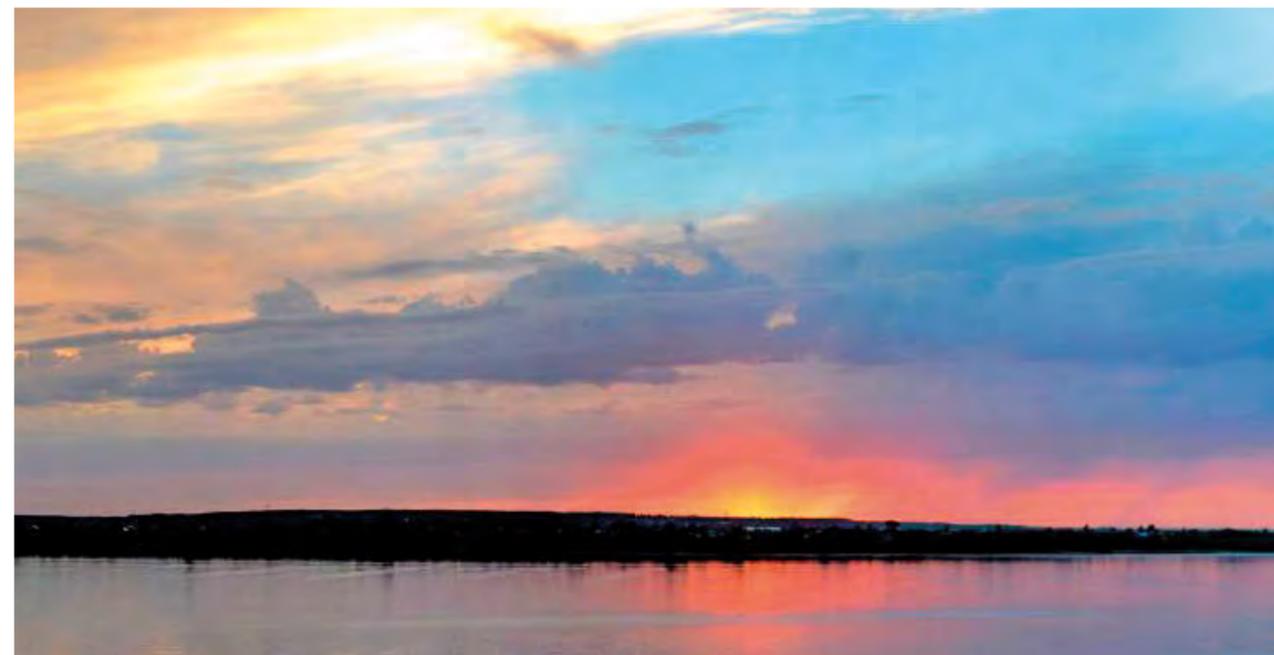

Фото Р. А. Селькова

Стихи о цветущей сакуре

Пусть бываю порой я странная,
Очень грустная и плаксивая,
Всё равно я твоя желанная,
Всё равно я твоя красивая.

Пусть я хмурю брови нерадостно
И порой говорю нелепости,
Всё равно мне с тобою сладостно,
Мне надёжно с тобой, как в крепости!

Жизнь бывает порой ненастная,
И тогда становлюсь ранима я.
Всё равно я твоя прекрасная,
Всё равно я твоя любимая.

* * *

Ветер, брат весёлый мой,
В танце крылья распускает,
Манит тихо за собой,
Песней в небо зазывает.

Что ж, летим! Раскрою я
Переливчатые крылья,
И подхватит он меня,
Осенья звёздной пылью.

Мы помчимся в вышине,
Хохоча, резвясь, как дети.
Побываем на Луне
И вернёмся на рассвете...

Любимому

Любимый мой, спокойной ночи!
Я по тебе скучаю очень...
Сажу я молча у окна,
Вокруг темно и тишина.

Мне грустно... может, ты заметил?
Но зов души и чист, и светел.
Сейчас пойду уже в кровать.
А завтра на день меньше ждать.

Я терпелива, как и ты,
И в наши верю я мечты.

* * *

Ты подарил мне розы. Я вдыхала
Их странный горьковатый аромат.
Среди людей я так тебя искала!
И вот ты здесь, твой голос,
запах, взгляд...

Часы и дни беспечно пролетали
В стране желанных,
нежных, ярких грёз.
Но срок пришёл. Цветы твои завяли.
И ты ушёл... И новые принёс!

Осколки

Ты ворвался в меня,
Как полночный звонок,
Захвативший и душу, и тело,
Мои слезы чисты,
Как хрустальный клинок,
Но тебе всё равно — в этом дело.

Источаю тревогу, кокетство и шик
На людей, что меня окружают,
Но мой злой фейерверк
Для тебя просто «пшик»,
Ну, а «пшики» тебя раздражают.

Я сражаюсь с собой, я глотаю мечты,
Презирая тебя в знак протеста,
Я хочу на свободу, на волю, но ты
Слишком много во мне занял места.

Я безумие пью, как застывшую кровь,
Жаля сердце с отчаянной силой.
И кричу я в истерике: «Стерва любовь,
Ну, зачем же ты мне изменила?!».

И бросаюсь я в ужасе вниз головой...
Звук удара... И ангелов трубы...
Из души вырывается тягостный вой,
Раня сердце, разбитые губы...

Я проста и мила. Состою я из роз.
(Остальным отобедали волки.)
Не даёт мне покоя один лишь вопрос:
Ну зачем, почему мне — осколки?..

Иришке

Как я пишу стихи? А что конкретно
Хотела бы узнать ты обо мне?
Как вижу я снежинку разноцветной
Или вздыхаю в полночь при луне?

Всё это интересно, но не ново.
А знаешь, держит что меня в плену?
Как в плоское, почти пустое слово
Вместить возможно мысль, и не одну.

Всё дело в интонации, ты скажешь.
Да, ты права, но как свою мечту,
Как чудный образ мира ты покажешь,
Без слова как восславишь красоту?

Я вижу, огорчилась ты. Напрасно!
Пусть есть шипы на избранном пути —
Писать стихи воистину прекрасно.
Создай из перьев крылья. И лети!

Фото Н. В. Матюшевой

Дождь и душа

Намокли весёлые улицы
Под мягким осенним дождём.
И люди обиженно хмурятся,
Торопятся скрыться в свой дом.

А я улыбаюсь сконфуженно
И в мокрой одежде пою
Про дождь — серебристое кружево,
Про звонкую душу мою.

Беспечно весёлыми красками
Звенит, восторгаясь, душа,
И дождь отвечает ей ласково,
Босыми ногами шурша.

Эй вы, недовольно глядящие
Сквозь мутные стёкла окон,
Безлико-бесцельно курящие,
Со скукой дыша в телефон,

Смотрите! Легко и взволнованно
В немыслимом вальсе кружа,
Свободны, мокры и раскованны,
Танцуем мы, дождь и душа.

1994 г.

Фото Е. А. Васильевой

Поруганная церковь

Поруганная церковь. Это страшно.
Болят столбы поломанных крестов.
На куполе бессмысленно и важно
Грудятся космы спутанных кустов...

Поруганная церковь. Это стыдно.
Глядят глаза из сохнувших окон.
Куда глядят, зачем и что им видно?
Откуда этот тихий скорбный стон?

Поруганная церковь. Это больно.
Душевной боли хуже не найдёшь...
Лишь ветер треплет листья здесь
довольно,
И капли слёз роняет летний дождь.

1994 г.

Фото А. В. Кучерова

Ветер и деревья

Деревья ловят ветер. И хитрят.
А ветер, как волчонок, завывает,
Дурачит их, резвится и играет.
Деревья же сдаваться не хотят.

Скрипят корою громко, как во сне,
Стволы застыли, ветви наготове,
Стараются, как могут, ветер ловят.
А он не верит, скрылся в вышине,

Но скоро попадётся. Будет он,
Притворные разбрасывая стоны,
Старательно расчёсывать им кроны,
Пока мучителей не сморит сон.

1996 г.

Фото М. В. Филиппевой

Городу Мышкину

(предновогоднее)

Всё спрятал за окном холодный вечер,
Но в сердце лучик солнца я храню.
И каждый день я прихожу на встречу
С тем городом, который так люблю.

Пейзаж в окне — картинка в детской книжке.
Блестя на солнце, льдинками звеня,
Мой друг, весёлый, звонкий, милый Мышкин
В который раз приветствует меня.

Задумчивого ветра тихой песней
И роем звёзд, парящих в небесах,
И тишиной, которой мало в тесных,
Невыносимо шумных городах.

И в ярких ликах городов огромных,
Залитых беспокойною толпой,
Нет милой тайны улиц наших скромных,
Сияющих неброской красотой.

Пусть новый век зовёт нас за собою,
Тысячелетье третье нас манит...
Но город между лесом и рекою
В родных объятьях нежно нас хранит.

1999 г.

Фото А. В. Кучерова

Здесь меня уже нет

Шаловливой рекой
Серебрясь среди лет,
Мне неведом покой,
И не знаю я бед.

Зачерпну я рукой
Неостывший рассвет.
Что ты ищешь? Постой!
Здесь меня уже нет.

Оседлаю звезду
С тихим именем Грусть
И умчусь в высоту,
И уже не вернусь.

Что ж ты смотришь вослед
Сквозь закрытую дверь?
Здесь меня уже нет,
Я исчезла, поверь.

В небо рвутся мечты,
Край плаща беребя,
Средь унылой толпы
Я оставлю тебя.

Среди скучных бесед,
И забот, и проблем.
Здесь меня уже нет.
Я исчезла совсем.

2000 г.

У Волги

Я летом под вечер люблю налегке
Извилистой тропкой спуститься к реке,
И там, позабыв про тоску да печаль,
Присесть, погрузившись в прохладную даль.

По небу идут облака чередой,
Неясные тени скользят под водой,
И рыбки искрятся, танцуя на дне.
Как в детстве... Как в добром и сказочном сне...

Спокойно и гордо струится река,
Мой образ порой искажая слегка,
А может, являя души моей суть,
Как Дао, священный, таинственный Путь...

Неспешно приходят волна за волной,
Но мне уже скучно сидеть здесь одной,
Иду я обратно с вечерней звездой,
С душою, омытой речною водой...

* * *

Лилово-лилово-лилейная гладь —
Дневная изнанка звенящего неба.
У сонного дуба тихонько присядь,
Отведай кусочек священного хлеба.

Тот хлеб освящён неизбывной жарой
И каплями влаги грохочущей тучи,
Изысканной радуги яркой игрой
И ветром, ленивым, душистым, могучим...

2002 г.

Виктор Зайков

Работал рабочим бригады
УТР Юбилейного ЛПУМГ

Родина

Реченька Печенга. Щучьи заставы
К омутам путь стерегут.
А бережком расплескали дубравы
Сказочный, царский уют.

Кто-то от славы ненужной прилежно
Этот сберёг уголок.
О, как привольно в неге безбрежной
Дятла плывёт стукоток.

Отдых неведом невидимой птице,
Пряные листья парят...
Реченька Печенга, даль серебрится —
К ранним снегам, говорят.

Ранним — не вечным. И скоро не скоро,
В тайно загаданный срок,
Хочется мне у речного затора
Снова разжечь костерок.

И как сегодня — в осеннюю стылость —
Знать, что не помнить нельзя:

Родина, Русь для меня здесь открылась
Милая, чудная. Вся!

По извалам предзимних прилужий
С фонарями, прислугой, вином
Цепко стая охотников кружит —
Шум, пальба! — как в романе дрянном.

Я смотрю на стрелков, что в облаве,
И дивлюсь: кто же странный досуг
Им устроил — чертям на забаву,
Заманив в этот гибельный луг?

Здесь и воли-то в три переклика —
Зверь бывалый сюда не зайдёт.
А заезжим ловцам повилика
Ноги спутает, след заплетёт.

И — что хуже — приветливым свистом
В хлябь болотную, в адову щель
Заведёт ведь низиною мглистой
Пастушок водяной — коростель...

Фото В. Н. Юданова

Похоронка

Памяти дяди Коли

Понакрылась от горя страна
Чёрным вдовьим платком.
Вот и к нам похоронкой война
Заглянула в заснеженный дом.

С той поры часто сетует мать:
Чахнут вишни, пустеет жнивье.
И как горько ей так доживать,
Потеряв продолженье своё.

Свидание

Дождалась. Пробежала по ставням
Стука условного дрожь.
Миг! — и вот он — друг её давний,
Сердцем и ликом пригож.

Сон-травой, непогодиной смятой,
К тайным воротцам прошли.
Там по укроминам скошенной мятой
Спящие пахли шмели.

...И неумелых лобзаний услада
Мёдом текла, и набат
Не долетал до заглохшего сада
Из-за приреченских хат.

Все расставания чем-то похожи —
Тяжко засов заскрипел.
Но ещё долго мальчик пригожий
Грустно глядел и глядел.

Как золотистая бабочка ситца
Рвётся к нему в темноту...
Так и не смог он милой открыться,
Что завтра ему... на войну.

Теннадий Иванов

Работал сотрудником по договору, внештатным корреспондентом корпоративной газеты «Севергазпром», редактором и автором текстов книги «Земное величие солдата»

Кукушка

Надоели встречные мне лица,
Навалилась чёрная тоска.
Я в природе уголок искал,
Где бы мог спокойно похмелиться.

А кукушка, это ей дано,
Нагадала — будет жизнь короткой,
Если сильно увлекаться водкой
Или медовухой — всё равно!

Бабка старая, кликуша всяких бед,
Тоже мне — лесная пропаганда!
Для души лекарства малость надо,
Только и в лесу покоя нет.

Я разбил бутылку о пенёк
И прилёг в тени пушистой ели.
Век бы так в зелёной колыбели
Пролежать, не ведая тревог.

От земли духмяный запах шёл —
Даже просветлела голова...
Нет, кукушка всё-таки права:
Жить трезвым очень хорошо!

Конфликт

Тяжёлых мыслей мрачной тенью
Покрылся вдруг поэта лик.
Что привело его в смятенье?
Возникший с Музой конфликт.

Она, ни много и ни мало,
Ему вдруг предъявила счёт:
Мол, на стихи вас вдохновляла,
А нынче всюду хозрасчёт.

Живя на мизерную ренту,
Внезапно неплатёжным став,
Он сдал поэзию в аренду
И принял собственный Устав.

Теперь поэт живёт — не тужит,
Солидным и маститым стал.
Высокий стиль — зачем он нужен?
Коль в кошельке звенит металл.

Была поэзия обузой,
Был трудным гонорарный хлеб...
Теперь под вывескою «Муза»
Он гонит разный ширпотреб!

Проект

В мире тесно от идей:
Вот поэт зубасто
Гвозди делать из людей
Призывал — и баста!

Возле ценников скорбя,
Под пятой момента
Превращаю я себя
В два мешка цемента.

Деревянный дефицит,
Хоть мечтой согрей-ка.
Из меня всю летит
Брус, доска и рейка.

Разогнавшись сгоряча,
Изнутри готовлю
Две тыщонки кирпича,
Шифера на кровлю.

И маячит вдалеке
Трудная задача...
Но пока я на пеньке,
И в проекте — дача.

Талина Монова

Работала специалистом
по организационной работе профкома
администрации ООО «Газпром трансгаз Ухта»

Бессонница-бессмыслица

Почему мне часто плохо ночью спится?
Днем уснёшь на часик, даже сон приснится!
Только жду Морфея ночью я напрасно,
Жизнь начать сначала было бы прекрасно.

Говорят, три жизни каждый проживает:
Первая — младенцем в Мир тебя пускает,
Юности чудесной место уступает.

Жизнь летит вторая — бешеная дама:
Что ни день, то драма,
Медленно здоровье унося упрямо.

Третья жизнь даётся нам на испытанье,
Проверяет прочность лёгкости дыханья,
Вот хрустит в колене, головные боли...
Что за наважденье — испытанье воли?!

Были бы бессмертны все на этом свете,
Жили б люди в радости, кланяясь планете,
Только что-то плохо спится мне ночами
И не получается жизнь начать сначала.

01.07.2016, Ухта

Посвящается доченьке Юленьке

К её 40-летнему юбилею

Милая красивая девчонка
Появилась много лет назад.
С криком не справлялись перепонки,
Превращая ночи в сущий ад.

Подросла красавица, примолкла,
Отрастила косы за спиной,
Приносить домой пятёрки стала,
Ей и возраст нипочём переходной!

И опять помчались годы эти,
Юность за собою унося.
Муж, работа, подрастают дети,
Даже у хозяйки не спрося!

Но прошли года, и сороковник
Прыгнул, как шальной, на циферблат,
Подмигнул надежде с лёгкой грустью:
Дескать, сорок — ведь не шестьдесят!

Да, конечно, радуйся и наслаждайся
С лёгким сердцем принимай удар.
На судьбу, свекровь — не обижайся
Не держи в душе колючий жар!

Но уже совсем иначе смотрит Юля
На события минувших дней.
Словно из нагана выпущена пуля,
Не вернуть и на угнаться уж за ней!

Но не нам решать, что хорошо, что худо,
Наша жизнь расписана на небесах.
И какое всё же это чудо —
Каждый день зарю встречать с восторгом: «Ах!».

28.09.2016

Посвящается мировому прогрессу...

Раскидала, разбросала нас по свету
Капризная подруга-судьба.
Кого-то в живых уже нету,
Бесславно ушёл навсегда.

А кого-то однажды
Увидела я в толпе.
Для меня было это важно,
Но помахали не мне.

Раньше я часто мечтала,
Как встречу своих друзей,
Но мечта мечтою быть перестала
От тысяч пошедших дней.

Надежда встретить пропала,
Раз уж ушло — не вернуть!
Но время вдруг, видно, настало,
Открыв «Одноклассникам» путь.

И понеслась я по сети,
Разыскивая подруг
Пусть я за них не в ответе,
«Друзей» расширяется круг!

Теперь я уже не мечтаю,
Как встреча произойдёт.
По «Скайпу» я с ними общаюсь,
Полдня пусть на это уйдёт.

Кому-то это не надо:
Ну, учились вместе, и что?
Я же каждому другу рада,
Чудо произошло!

Теперь в моей картотеке новой
Ещё один адресат.
В сети, как в библиотеке, роюсь,
Как выброшенный десант.

И рада, что не напрасно роюсь,
Что десант я, а не диверсант!

25.10.2016

Заглянуть бы в зеркало,
А лучше — в «Зазеркалье».
Но жизнь диктует правила,
Чтоб носа не совали
Кому куда не следует,
Кого не приглашали!
А вдруг вам не понравится
Ваше отраженье?
А вдруг уже не сможете
На всё найти решенье?
А жить в богатстве хочется,
И чтоб здоровье было,
И чтоб от слова «старость»
Под ложечкой не ныло!
Куда уходит время?
Что за сторона?
Манит человечество
Зеркальная страна.
И даже люди старые
Предупреждают нас:
«Будьте осторожными,
У зеркала свой глаз!».
И лучше не гадайте
На старых зеркалах,
На них вы не пеняйте,
Пусть даже и в сердцах!

Алексей Ковалев

Ведущий инженер группы
по поставке газа, работе с потребителями
и прогнозированию газопотребления
Производственно-диспетчерской службы

Орденосец

Мой папа был орденосецем, носил он гордо ордена.
Обычно только в день Победы, он одевал их у окна.
Прошёл от Курска до Берлина, а это — не одна страна...
Второго мая у Рейхстага закончилась его война.

В пехоте — в первой же атаке чуть богу душу не отдал,
Сражённый в грудь немецкой пулей, упал — но друг его поднял.
Дошли вдвоём до медсанбата. Друг ранен в руку и устал...
«Спасибо, Ваня! Спас, братишка!» — теряя силы, прошептал.

Пришла в деревню похоронка — погиб любимый младший сын.
В печали дед и плачет мама — грустит семья, все как один.
Потом — вот счастье — треугольник. А в нём — из госпиталя весть!
«Хоть ранен тяжело ваш Миша, он крепок, молод, начал есть...»

Потом взорвалась рядом мина. Упал — и снова недвижим!
Пришла вторая похоронка. «Не верю, — дед сказал, — он жив!
Я чувствую, живой наш Миша, и будет всё нормально с ним.
А проклятущего фашиста мы непременно победим!»

И вправду жив, контужен, ранен, лежит в бинтах и глуховат.
А что ошиблись вновь — бывает: поторопился, виноват
Кто составлял то донесенье — уверен был: погиб солдат!
Что выжил снова — это чудо, опять минул он райских врат.

Погибли на войне два брата: сначала в Венгрии — Иван.
Под Кёнигсбергом в сорок пятом геройски пал второй — Лукьян.

А Миша воевал умело, и грудь в наградах — неспроста.
Разведчик смелый, автоматчик — он не просиживал в кустах.
Врывался первым он в траншеи в атаке на передовой,
Кидал в противника гранаты: враги — погибли, он — живой.

Есть фотография в альбоме: в Берлине, сорок пятый год,
Стоит солдат-орденосец, расправив плечи, очень горд!
Он расписался на Рейхстаге, он этот город штурмовал,
У ног фашистская столица, и враг повержен наповал!

Он завещал мне все награды, и их я сыну передам.
Пусть Миша мой гордится дедом — достоин славы ветеран!

Про маму

Дед Фёдор служил на Авроре
И внёс в революцию вклад,
А после гражданской он вскоре
Вернуться в деревню был рад.

И был женихом он завидным,
Клешами метя пыль дорог,
Хоть ростом не вышел, а видно:
Орёл, так не каждый бы смог!

Недолго ходил неженатым,
Расставлены были силки...
И стали рождаться детишки:
Три девки, а два — мужички.

Настюша и Шура, и Витя,
Антон, Тоня — все мал-мала...
Но выросла умница Настя
И Шура уже подросла,
Когда наступило несчастье:
Война нам врагов принесла.

В прекрасное летнее утро
Вошёл в каждый дом полицаи...
Всех старых и малых сгоняли
На площадь в большущий сарай.

Девчат и парней тоже брали:
Нужны были Рейху рабы,
Чья горше судьба — мы не знаем,
Не надо такой нам судьбы...

Направились двое к калитке
И мать поняла: это всё!
Толкнула она сына Витю:
Беги! Вдруг тебе повезёт!

Рванул что есть силы он к лесу,
А пули свистят у виска
И лишь добежал до подлеска —
Оставили силы малька...

Однако неточно стреляли
Каратели, тыловики:
До смерти мальчика напугали
«Весёлые озорники».

С тех пор он всю жизнь заикался,
Но мама сыночка спасла.
Ведь главное — жив он остался,
Старуха с косой обошла...

Не нужных фашистам в сарае,
На ключ заперев, подожгли.
Кричали бедняги, сгорая:
Ну, что они сделать могли?

А тех, что годились для рабства,
Здоровых и молодых,
Погнали в концлагерь: вот гадство!
Ведь Настя и Шура среди них!

Нет, лучше погибнуть, чем сгинуть —
И Настя сумела бежать,
С собой прихватила сестрёнку:
Негоже её оставлять...

Два года в лесах партизанах
Сражалась с фашистами мать...
Да, Настя была моя мама —
И доблесть её не отнять!

Сергей Коробка

Приборист 6-го разряда
компрессорной станции «Байдарацкая»
Воркутинского ЛПУМГ

Прощание с Воркутой

Я покидаю Воркуту
Под тихий перестук колёс
И увожу свою мечту
В края каштанов и берёз.

Прощай, активированный день,
И ты, колючая пурга!
Меня зовут к себе сирень
И древняя, как мир, тайга.

Уже остался позади
Последний Севера виток.
Что ждёт меня там, впереди?
Палящий зной, заводов смог.

Но очень скоро я вернусь,
Оставив лето позади,
И с головою окунусь
В морошку, тундру и дожди.

Фото М. А. Сиваковой

Байдарацкая

Это северный край, где лютует пурга
И ветры терзают душу.
Всюду бродят песцы и оленей стада,
А губа врезается в сушу.

Здесь полгода хозяйкой — полярная ночь,
Зато летом всё залито светом.
И каждый готов другому помочь,
Не требуя платы за это.

«Байдара, Байдара, Байдара», —
Льётся песня по небу с утра.
И ветер разносит простые слова:
«...айдара, ...айдара, ...айдара».

Недра Ямала газом полны,
Так мир уж Господом создан.
Полярным сиянием любимы мы,
С небес не хватаем звёзды.

Пунктир газопровода чёрной стрелой —
По белому росчерку судеб.
Ни ветры шальные, ни холод лихой
Сердец наших не остудят.

«Байдара, Байдара, Байдара», —
Льётся песня по небу с утра.
И эхом летят простые слова:
«...айдара, ...айдара, ...айдара».

Фото П. Н. Слесарева

Алиция Краснова

Работала телефонистом 4-го разряда
Ухтинского цеха технологической связи

Магия осени

Златокудрая осень —
Цвет янтарной листвы,
Пусть немножечко с грустью
К нам являешься ты.

И в беспечье весеннем
Нет такой красоты,
Как в пору увяданья,
Что даруешь нам ты!

В бальном платье багряном,
С листопадом кружа,
В танце гордо и ровно
Вновь скользишь не спеша!

Нам в награду оставишь
Золотистый сентябрь,
Прежде щедро украсишь
В свой рубин и янтарь.

Будешь долго нам сниться,
Даже в снежный февраль,
Ведь с такой чаровницей
Расставаться всем жаль!

Душа

Душа дана, чтобы любить,
От счастья плакать и смеяться,
Искриться, радугой сверкать,
Цветком прелестным распускаться.

Душа дана, чтобы парить.
Во сне иль наяву пытаться
Над пропастью легко взлетать
И, падая, не разбиваться.

Душа дана, чтоб вечно жить
И жизнью этой наслаждаться.
От боли жгучей не сгорать,
Сгорев, из пепла возрождаться.

Душа дана, чтоб нужной быть
И в полном мраке не скитаться.
Страх одиночества забыть
И счастья своего дожидаться!

Фото О. Е. Дьячкова

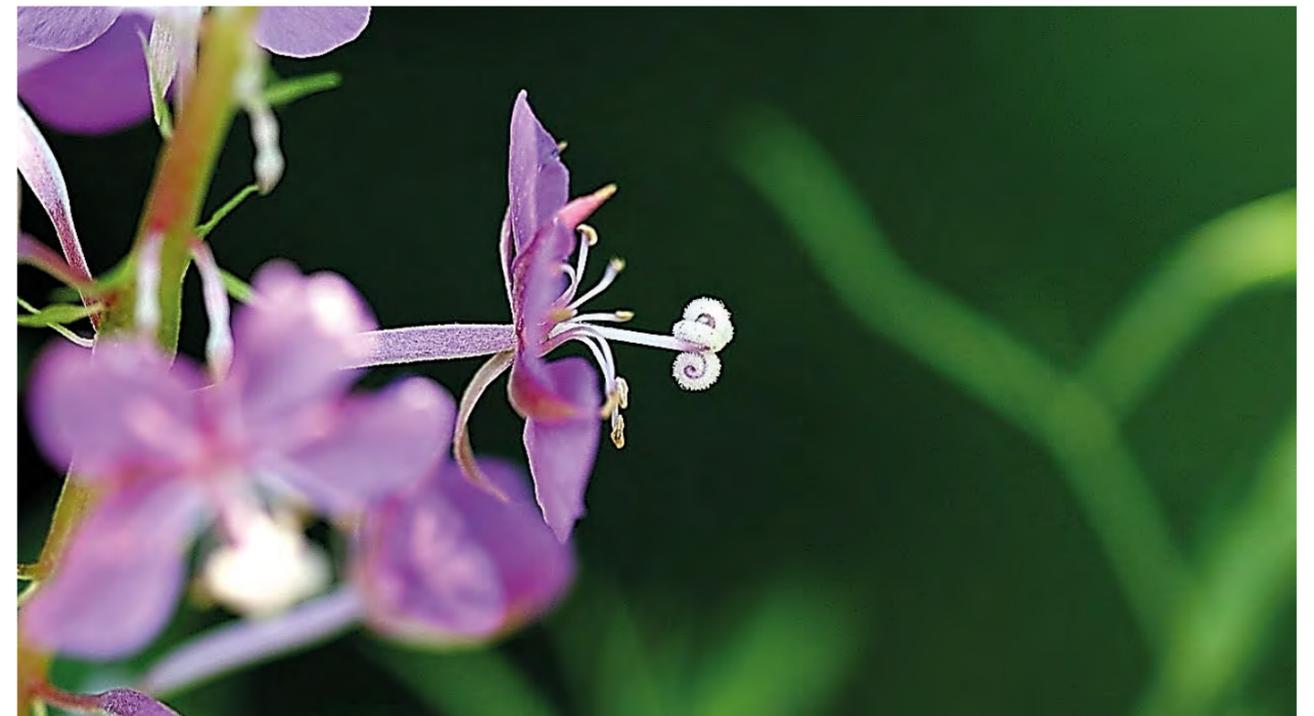

Фото Н. В. Матюшевой

Спасибо

Кто мы теперь? Чужие люди.
Стремимся прочь, глаза отводим.
А ведь недавно были встречи,
И на столе горели свечи.

Нам было нелегко проститься,
Мы не могли наговориться.
И в сладкий миг мы не забудем:
Слова любви шептали губы!

Была ль любовь? Она не вечна.
И кратко страсти быстротечье.
Что нас свело на перепутье?
Но вместе мы уже не будем.

Хватило б сил забыть всё сразу,
От воли чувств спасти свой разум.
В душе смешались боль, обида,
Но я скажу тебе: спасибо!

За радость встреч и ожиданий,
За предвкушение свиданий,
За то, что мы, хотя б минуту,
Так были дороги друг другу.

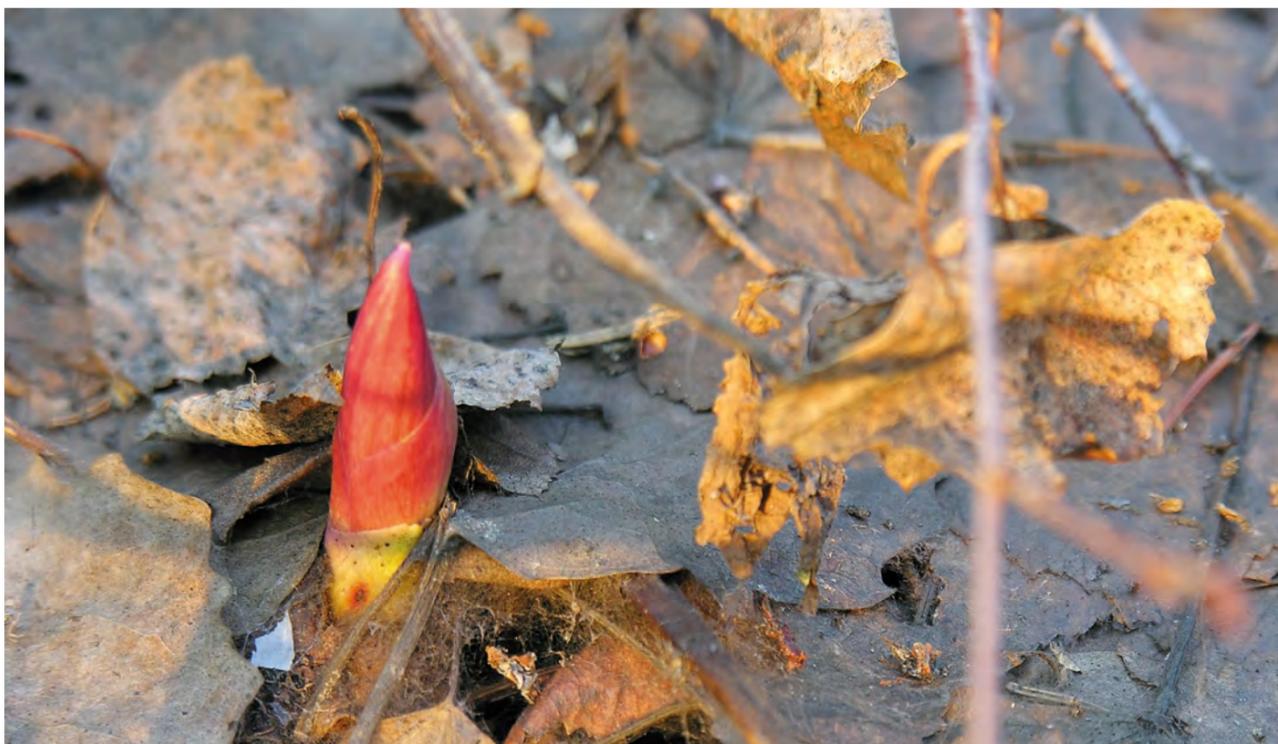

Фото А. В. Кучерова

Одна история

Больничный корпус. Полдень. Суета...
Стояла женщина тихонько у окна.
В руках — платочек. Мокрые глаза.
На подоконнике — упавшая слеза.

У всех дела. Проходят люди прочь...
Вдруг за спиной: «Не нужно ли помочь?».
Кивнула женщина: «Всё хорошо. Да, правда,
Кому-то высказаться, видимо, мне надо».

И тут без передышки слов поток,
Как будто тот прохожий ей помог.
«Я от врача... Вполне здорова,
Но вот сюрприз судьбой мне уготован,

Теперь покой себе не нахожу:
Ребёночка под сердцем я ношу!»
«Так это радость! Ну, а вы в печали?»
«А возраст мой глаза не подсказали?

Немолода я, сроки вышли все давно.
А жизнь — не сказка. И реальность — не кино.
Сейчас вот выбор сделать предстоит...
Наркоз. Палата. И вопрос закрыт».

Но опускается ладонь ей на живот:
«Здесь ведь дитя невинное живёт!

Не торопясь, вы всё обдумайте опять,
Не повернёте после время вспять.
И возраст уж не тот. Здоровье берегите.
Жизнь обрывается, хотите не хотите».

Больничный корпус. Полдень. Суета.
По коридору женщина задумчиво брела...
А ангел у окна с надеждой вслед глядел,
Моля тихонечко: «Не надо... Не убей!».

Материнство

Затих малыш у маминой груди,
Причмокивая пухлыми губами,
А за окном поют раскосые дожди
На пару с шелестящими ветрами...

Сверкает бисером грудное молоко
На щёчках розовых уснувшего младенца,
И в эту комнату, где от любви тепло,
С небес слетают ангелы согреться!

Не растерять в веках нетленную любовь,
Не разорвать ничем родную пуповину.
Едины... Неразлучны плоть и кровь
За гранью... В том... И в этом тоже мире!..

Тихонько песня колыбельная звучит
В уютной комнате, где так светло и чисто,
А в небе звёздочка лучистая горит,
Как вечный знак святого материнства!

* * *

Всем хорош и мил не будешь,
Где сказать, что утаить.
Разве кто-то нам подскажет —
Где смолчать, где говорить.

Рассуждая так серьёзно
О проблемах бытия,
Кто-то сделал шаг навстречу,
Кто-то встретил, не любя.

Кто-то, завистью влекомый,
Распускает язычок.
Кто-то из обычной ссоры
Извлекает свой урок.

Кто-то доброю улыбкой
Всех, как светом, озарит.
Кто за пазухой украдкой
Злобно камешек таит.

Как бы ни было обидно,
Из обид гнездо не свить.
Значит, будет очень мудро,
Если всех в душе простить!

Фото А. В. Кучерова

Из детства

Зимним утром, ранним утром,
Просыпаясь не спеша,
Тёплым светом, добрым светом
Наполняются дома.

Над трубою дым клубится,
Возле печки суета.
Пахнет хлебом и блинами
Деревенская изба.

Вон полозья рассекают
Рыхлый выпавший снежок.
За собою оставляют
Ровный гладкий след-стежок.

У колодца спозаранок
Скрип и скрежет «журавля»,
Воду кто-то набирает,
Громко вёдрами звеня.

В спешке шубки застегнув,
Пирожки в руках держа
И мороз не замечая,
В школу мчится ребятня.

Над деревней расцветая,
Занимается заря.
Тёплым светом, добрым светом
Наполняет мир она!

Моя глубинка

Деревенская глубинка —
Ставни, крыши, купола.
Молока парного крынка,
И душа моя светла.

Блики солнечного света
На росинках поутру.
Сладость ягодного лета
На губах детей, во рту.

Я к истокам припадаю,
Как к колодезной воде.
Столько лет не изменяя,
Возвращаюсь вновь к тебе.

И, как в детстве босоногом,
Встречу здесь мою зарю.
И лугов духмяных негу
Я, душой хмелея, пью.

Сердцем здесь я отдыхаю,
Ведь с тобою — как в раю.
И тебя, моя глубинка,
Я ничем не заменю!

Вышивка И. Н. Фокиной

Мамина молитва

Нас в дорогу дальнюю
Снова провожая,
Мама молча выйдет,
Слёзы утирая.

Подойдет, обнимет
И прижмёт всех к сердцу.
Нехотя откроет
Нам калитку-дверцу.

Знаю, что молитву
Прочитает тихо,
Не возьмёт в пути нас
Никакое лихо!

Ведь хранимы будем
Мы её молитвой,
Даже если будут
Все пути разбиты.

Не печалься, мама,
Мы вернёмся скоро,
Долгожданной встреча
Будет и весёлой.

Память

Где над озером стелилась кружевная тень,
Где с серебряных рассветов начинался день,
На тропиночках заветных стёрлись все следы,
Там слова любви когда-то говорил мне ты.

В незабудках утопали спелые поля,
Кудри с запахом малины целовала я.
Были ночи сокровенны, ранним был рассвет,
Нам всего лишь было только по семнадцать лет.

Корни

Край до боли родной с родниковыми росами,
С земляникой в лесу, с наливными покосами.
С соловьями в саду да с заветной калиткой,
Где пока что живёт деревенька забытая.

Там седой старичок загрустит о старинушке,
О поре молодой да утраченной силушке.
Много видел старик и жену уже пережил:
«Эх, забыть бы на миг, что устал и так немощен!».

Ненароком старик впустит в сердце кручинушку:
«Будет осень последней? Протяну ли я зимушку?».
Кашлянет, побряхтит да поднимется с лавочки:
«Ох, нога не идёт... Тяжелы стали тапочки!».

Знает мудрость одну тот старик на завалинке:
Черпал силу свою он от печки, от каменки,
От колосьев в полях, что родятся от зёрнышка,
Да от тёплой в ладони земли-чернозёмушки!

Мудрость эта от века дарована предками:
«Нет тепла без огня, а без корня нет дерева!».
И пусть дышит земля, чистым светом умытая,
И живёт еще долго деревенька забытая!

Фото С. Н. Панкратова

Прости, деревенька

Деревенька моя,
уголочек ты малый России...
Милый сад, отчий дом,
край берёзовый мой...
Словно старая мать,
скорбно руки сложила
И с укором в глазах
тихо смотришь с тоской.

Ты достойных детей руками
своими вырастила,
Их поила, кормила
простою нехитрой едой.
И задорно и звонко
голосами людскими звенела,
Разве ведала ты, что так рано
уйдешь на покой...

Ты заблудшие души
ключевою водой исцеляла
И дарила тепло всем уставшим
от жизни сердцам,
Но не ведала ты,
что последние дни доживала,
А возвращенные дети
разбрелись по большим городам.

Позабыты, брошены в травах колодцы,
Песен некому петь,
и гармошечки здесь не звучат.
Скорбно ставни скрипят.
И в развалинах сенцы.
Тут и там, пригорюнившись, избы стоят.

Деревенька моя,
уголочек ты малый России,
Что же стало с тобой,
край родимый, берёзовый мой?
Пред тобою, родная,
с покаяньем встаю на колени
Ты прости нас за этот сыновний разбой...

Дмитрий Кривцов

Работал ведущим инженером
Управления капитального строительства

В тайге

Я белым ковром из оленьего мха
Средь к небу янтарно поднявшихся сосен
Иду по тайге, и дорога легка...
Какой чудный день подарила мне осень.

Лес величаво стоит в тишине,
Вздыхая порывами ветра шального,
И тайны свои открывает он мне,
Как толстая книга от слова до слова.

Вот карста провал — огромная яма
В диаметре сто, глубиной пятьдесят.
По склонам, сбегаящим к озеру прямо,
Всё подо мною ели стоят.

Вот лиственниц строй, заслоняющих даль,
Стволы-монолиты в четыре обхвата.
На самой высокой — важный глухарь,
Волнующий кровь охотника-брата.

Визирка-тропа сбегает к реке,
И солнце на небе клонится к закату.
Я знаю избушку невдалеке,
Что выстроил коми охотник когда-то.

На жарком костре бурлит котелок,
И хариус свежий, и кружка полна,
Я сало достану, хлеб и чеснок,
Перекрещусь и выпью до дна.

Деревенская дорога

Деревенская дорога
Мимо убранных полей,
Мимо начатого стога —
К дому родины моей.

Деревенскою дорогой
На телеге. Скрип да скрип.
Лошадь, хромя на ногу,
Хвост репейником облип.

Старичок в картузе ладном.
Что ему, всё нипочём.
Угощает самосадным
Деревенским табачком.

С деревенским красноречьем,
Ох, язык его остёр,
Рассказал, что «ложит печи»
И в деревне кто «помёр».

Что на этой вот телеге
Провожал он на погост
В путь далёкий, путь последний
Друга, с кем в деревне рос.

Деревенская дорога —
Или пыль столбом, иль грязь.
Но дорогой этой к Богу —
Я бы тоже, не боясь!

Топят бани

В чём же прелесть мыться в ванне?
Или в душе? Никакой!
В деревнях все топят бани,
Топят бани день-деньской.

Веник парится в кадушке,
А в парилке — знатный жар.
Три доярки, три подружки
Нагоняют квасом пар.

Белогруды, ликом ладны,
Как мадонны, видел сам,
Хлещут веником нещадно
По роскошным телесам.

А потом, разгорячённы,
Прямо в снег пушистый — плюх!
И у каждой у мадонны
Вдруг захватывает дух.

Вечерком в избе просторной
Девки ставят самовар.
Пьют чаёк за разговором
И ромашковый отвар.

Так иди же в баню смело,
В деревенскую спеши!
Баня, хоть она для тела,
Но, скорее, для души!

Белые церкви

Русские церкви — стены белёные.
Над деревнями малиновый звон.
Я куполами, крестами, иконами —
Всем совершенством церквей опьянён!

Жемчугом белым рассыпаны в зелени
Далей бескрайних, лесов и полей.
Не поддаются течению времени,
Прихоти черни и воли царей.

В годы безбожия, в годы гонения —
Семьдесят страшных расстрелянных лет —
Белые церкви стояли в забвении,
Но возвращения к прошлому нет.

Белые церкви российской глубинки,
Милой Отчизны незыблемый трон!
Над городишком моим по старинке
Ветер разносит малиновый звон.

Фото А. В. Кучерова

Провожала девушка

Провожала девушка
Парня на войну,
Образок и хлебушка
Положив в суму.

Образок поблѣклый,
Чтоб среди дорог
В стороне далѣкой
Милого берѣг.

Хлебушка домашнего
Чтоб в пути вкусил,
Запах прелой пашни
Чтоб в душе хранил.

Поезда разлучного
Пропадут огни,
Скоро друга лучшего
Ты домой не жди.

Над пустым перроном
Выплыла луна,
В хмеле самогонном
Ты стоишь одна.

Календарик образный
Составлять начни,
Жди слезами, грѣзами
Парня из Чечни!

Я коня оседлал...

Я коня оседлал, да крылатого.
Муза лиру вручила: «Рискни!».
Под моление троекратное
Мне ниспосланы были стихи.

Струны лиры настроив на лад,
Я отправился в сказку лесную.
Там, где сосны и ели шумят,
Там, где ветры шальные беснуются.

На широкой российской равнине
Проскакал по осенним полям,
Поклонился церквам, что и ныне
По забытым стоят деревням.

Но из песен всех лучшие звуки
Той, что рядом с другим, посвятил.
Отгоняют душевные муки
Только взмахи Пегасовых крыл.

У неё на Васильевском, может,
Полки книг освещает софит,
Где мой томик, наверное, тоже
Среди лучших поэтов стоит.

И на склоне угасшего лета,
Может, вспомнит, а может, и нет,
Что когда-то на Севере где-то
Жил влюблённый в неё поэт.

Знаю я с невысказанной болью

Знаю я с невысказанной болью:
В суете однообразных дней
Мне уже не встретиться с любовью
Бесшабашной юности моей.

Мне уже не суждено в деревне
По траве высокой босиком
Привести коня, держа за стремя,
В сытый, тёплый и богатый дом.

Всё. Деревни больше нету.
Есть проспект, машины и жена.
Всё ушло, всё кануло, как в Лету,
Никому деревня не нужна...

Мне ж нужна изба с огромной печью,
По утрам мычание коров,
С деревенской окающей речью
Посиделки баб и мужиков,

Суета и шум весёлых свадеб,
Кольханье хлеба спелых волн,
Тот погост, где дед лежит и прадед,
Церковь та, что украшает холм.

И дождливым, грустным днём осенним
В забытии привиделось мне,
Как про мать рассказывал Есенин,
Что ходила в ветхом шушуне.

Ленинградскому трамваю

Ленинградский весенний трамвай,
Утро бодрым звонком оглашая,
По Садовой бежит — не зевай!
Он бежит за волшебником маем.

Мне сегодня не нужно спешить
Никуда. Я проедусь в трамвае.
Город светлый, где выпало жить,
Посмотрю вновь от края до края.

Ленинградский трамвай, ты мудрец,
Как же много всего повидал ты!
И монархии дряхлой бесславный конец,
И весной сорок пятого залпы.

Сколько судеб людских ты связал,
От холодного ветра спасая.
По проспектам влюблённых катал,
Я по личному опыту знаю.

Это больше, чем просто вагон,
Это города символ колёсный.
Я в трамвай ленинградский влюблён,
В ленинградские белые вёсны!

Будка обходчика

Была ясная летняя ноченька,
Тонко пахли лесные цветы.
Схоронила нас будка обходчика,
Где в любви признавалась мне ты.

Говорила ты тихо и искренне,
Сердце мне раскрывая своё.
И слова твои яркими искрами
Освещали худое жильё.

Был наказ тебе матушкин: «Доченька,
Не ходи ты к нему, пропадёшь!
В этой чёрной избушке обходчика
Счастья в жизни себе не найдешь».

Жарким словом сказал я доходчиво:
«Никому я тебя не отдам!
И в убогой избушке обходчика
Будет счастья сияющий храм!»

Сирень

Ночное солнце осветило двор
И куст благоухающей сирени.
Я выслушал прекрасный приговор,
Обняв твои холодные колени.

А две слезы, упавшие с лица,
Как капли сварки, обожгли мне спину.
Ты овладела мною до конца
И смяла, как податливую глину.

И ночью белой под пичуги трель
В каком-то диком, страстном упоенье
Я рвал сирень, чтоб бросить на постель
И осчастливить тебя запахом сирени!

Фото А. В. Кучерова

Тёмное окно

Тёмное окно, в которое гляжу,
В котором свет нескоро загорится.
Меж нами кто-то пропахал между
И без зазренья совести глумится.

Я знаю: ты обижена сейчас,
Но позабыл, что был тобой обижен.
Гляжу в окно, не отрывая глаз,
Дождём осенним бездвижен.

Мне нужен свет, как воздух, как вода.
В твоём окне ищу полоску света,
Чтобы изгнать из сердца холод навсегда,
Чтоб светом тем душа была согрета!

Мы дорожкой лунной

Мы дорожкой лунной
Плыли без конца.
Не отвести глаз с юного
Твоего лица.

Вся из звёздной пыли ты,
Ангел во плоти.
Если так, то крыльями
Белыми взмахни.

Может быть, русалкою
Выплыла со дна?
С трезубцем-палкою
Ждёт меня беда.

Но у пляжа дикого
Прыгнем без одежд,
С визгами и криками
В океан надежд.

А потом под звёздами
В сказочном краю,
Упиваясь грёзами,
Будем ждать зарю.

Непознаваем мир — твердят нам теософы

Непознаваем мир — твердят нам теософы,
И ты непознаваема, как мир.
Пустым враньём ложатся рифмы, строфы,
Впустую раздаются звуки лир.

Тебя не описать известными словами,
Сто тысяч рифм не в силах передать
Твой образ, отшлифованный веками,
Твою воистину Божественную статью.

О тяжкий рок простого рифмоплёта!
Зачем мне даден стихотворный дар?
Выскивать слова высокого полёта
И ими же тушить бушующий пожар?

Но как Спартак, сорвавший цепи рабства,
Восстанье подниму наперекор судьбе.
Кошунство допущу, дойду до святотатства:
Ни строчки о любви! Ни слова о тебе!

Фото Н. В. Быкова

Грустная ворона

Одеянья сбрасывают
Красные осины,
Провожают с ветром
Каждый свой листок.

А на речке медленной,
Нет, ещё не льдины,
Но уже окрепший
Молодой ледок.

Там по льду выхаживает
Грустная ворона.
В небе над рекою
Журавлиный клин.

Ей лететь не надо
Далеко от дома —
Вечная затворница
Осеней и зим.

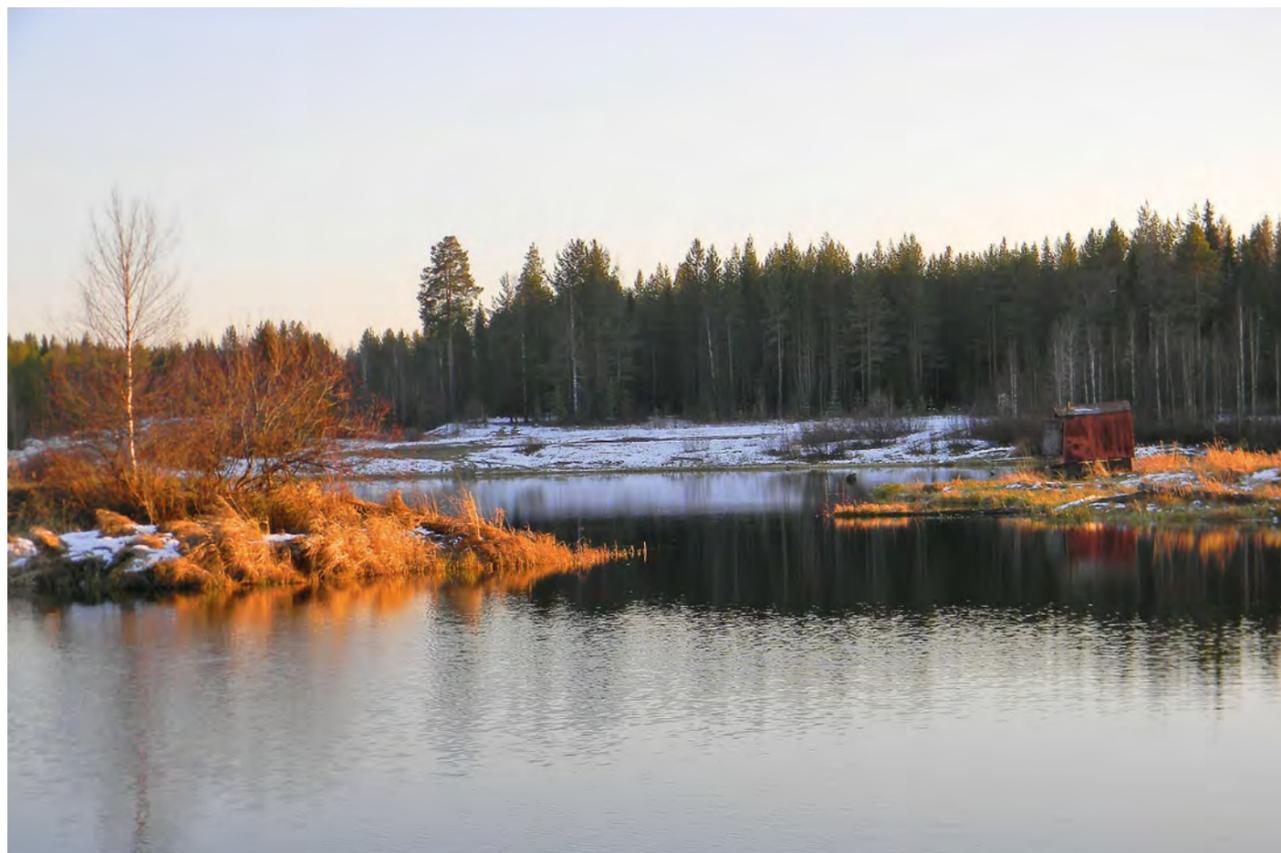

Фото М. В. Филиппевой

Рыжая мокрая осень

Рыжая мокрая осень
В окна стучится дождём,
Жёлтые листья пронесит,
В лужах рассвет отражён.

Что же ты, милая, грустно так смотришь
В серую, мглистую даль,
Очи зелёные горестно мочишь,
Выплакать хочешь печаль?

Жалко ушедшего жаркого лета,
Жалко и прожитых лет.
Птицам, летящим над городом где-то —
Взгляд твой прощальный вослед.

Скорбно тебе, что давно не бывала
В дальней родной стороне,
Где за оградкой покоится мама
В жирной родящей земле.

Долго, наверно, отцу не звонила.
Как он там с сердцем своим?
Вспомнилось с болью, как осудила,
Что не остался один.

Дождю слёзно вечно не литься —
Вытри глаза поскорей.
Дочка из школы сейчас возвратится,
Станет тебе веселей.

Когда башка забита хламом

Когда башка забита хламом
И нет от пошлости спасения,
Зову Рубцова с Губерманом
На стихопение и чтение.

Когда вдруг груз переполняет
Грешных утех, мирских забот,
Меня в тайге рассвет встречает,
Где, знаю точно, Лель живёт.

Когда тоска пронзает сердце,
Через года и расстоянья,
Душой мечтая отогреться,
К тебе иду я с покаяньем.

Святая Троица

Святая Троица! Нас всех учили так:
Ты верь в Отца и Сына и в Святого Духа,
Тогда и там, на небесах,
Ты в райские врата войдёшь без стука.

Слова мои Всевышним учтены:
Есть троица не менее святая.
Во имя матери и дочки, и жены
Я каждодневные молитвы совершаю.

И коль за богохульство быть в аду,
Ну, что же, снисхождения не надо!
За эту троицу безропотно сойду
Я к самым дальним закоулкам ада...

Памятнику и человеку

В недолговечном алебастре
(А где же зеку мрамор взять?),
Пока ещё не распят насмерть,
Он* взялся Пушкина ваять.

Ведь было «сверху» указанье
Украсить Пушкиным Ухтлаг.
И как награду наказанье
Воспринял он, «народа враг».

Что думал скульптор заключённый,
Когда над Пушкиным сидел?
«Гипс, под дождями растворённый?
Смерть от чахотки ли, расстрел?»

Какие мысли он поэту
В высокое чело вложил?
Печалился, что канет в Лету,
Что жизнь короткую прожил?

С тех пор не минуло и века,
С расстрельных сталинских времён.
Но помнит город человека,
Что был в концлагерь заключён.

И вот уж в бронзе явлен свету,
Был восстановлен в наши дни
Прекрасный памятник поэту
И память вечная Бруни.

*Николай Александрович Бруни (28 апреля 1891, Санкт-Петербург — 1938) — русский живописец, музыкант, поэт, прозаик, лётчик, Георгиевский кавалер, священник и авиаконструктор. 8 декабря 1934 года был арестован и обвинён в шпионаже в пользу Франции. 23 марта 1935 года был осуждён на пять лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Ухтпечлаг в посёлок Чибью (ныне город Ухта Республики Коми). Стал лагерным художником. В 1937 году в память 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина создал из кирпича и бетона памятник поэту. 25 ноября 1937 года был обвинён Тройкой УНКВД Архангельской области в «контрреволюционной агитации». 21 декабря 1937 года приговорён к расстрелу.

Весной в лесу

От зимней тяжести оков
Лес отряхнулся. Всюду звуки:
То крик болотных куликов,
То дятлов звонких перестуки.

Река набухла подо льдом,
Шумит и рвётся на свободу.
Ей ледяной наскучил дом,
Вот-вот раскрепостятся воды.

В природе мирно и покойно.
Вдруг в исчезающей ночи
В ложбине робко и нестройно
Затоковали косачи.

И как венец весны молодой,
Над необъятностью полей,
Зовя в безбрежность за собой,
Курлычут стаи журавлей.

Фото А. М. Дьяченко

Усть-цилёмка

Красивая девчонка, усть-цилёмка,
По мосткам спускалась да к Печоре.
Каблучки отстукивали звонко,
Синева небес в бездонном взоре.

Я застыл, распутывая невод,
Рот раскрыл, но подавился словом,
А она подходит так и смело:
— Эй, рыбак, возьмёшь до Окунёво?

Всю дорогу по реке, а путь неблизкий,
До чего же жарко было мне.
Помню только, звали её Лизкой.
Хороши девчоночки в Усть-Цильме!

Лиственница

О, славный род пиитов и поэтов!
Деревьев всех пород вы свойства осветили,
Но среди берёз, рябин, дубов воспетых
Одну воспеть вы всё-таки забыли.

А между тем во всех лесах России
Нет более достойной представительницы,
Чем та, что всех могучей и красивей,
Над северной тайгой подняла крону лиственница.

Достоинств всех её не передать.
Венец гармонии... А внешний вид!
Непосвящённым же достаточно сказать,
Что на её стволах Венеция стоит.

Берёзку сравнивают с худенькой девицей:
Она стройна, гибка и кудри развеивает.
Когда я думаю про стройность лиственницы,
Иной мне образ ветер навеивает:

Я вижу женщину в расцвете сил и лет.
В ней мудрость, статность, красота,
Уверенность в себе и глаз прекрасных свет,
И ангельская доброта.

Амазонка

На скамейке у забора
Посреди деревни в ряд
За пустым ненужным спором
Парни скучные сидят.

Разговор смешон и мелок.
Воскресенье, мухи, зной.
До вечерних посиделок
Масти ровно никакой.

Вдруг волшебное явление
Прерывает скуки ход.
И, застыв от удивленья,
Все сидят, раскрывши рот.

Белокурая девчонка
На огромном жеребце
Прискакала амазонкой,
Смех и радость на лице.

Конь застыл всего в двух метрах.
Дышит тяжело, горячо.
А на ней от скачки, ветра
Оголилось плечо.

Загорелою ногою
Обнимает бок коня
И с улыбкою лихою
Смотрит прямо на меня.

Ей на вид — ну лет пятнадцать,
Раскраснелась, точно медь:
— Пацаны, айда купаться,
Чо впустую-то сидеть?

Да, вода в речушке нашей —
Как парное молоко...
Ту девчущку звали Сашей.
Как всё это далеко!

Родина

Уголок моей ласковой Родины:
Средь крестов, обелисков и плит
Ствол рябины да гроздь смородины,
Рядом церковь немая стоит.

Благодатна земля твоя, Родина!
Принимает в себя без обид.
Вся родня моя здесь похоронена,
Под кустами смородины спит.

Что-то с памятью сделалось, Родина.
По дорожкам хожу наугад.
— Где могила тут Кости Забродина? —
Вопрошаю у старых оград.

Половина пути уже пройдена,
И я знаю, приблизился срок,
Когда вдруг позовёт меня Родина
В этот дальний глухой уголок.

На Кировской дороге

На серой Кировской дороге
Ряд чёрных русских деревень.
За полем — лес в изломах строгих,
Под серым небом — серый день.

Старуха в чёрное одета,
Одетый в серое старик.
Как больно мне все видеть это —
В душе невырвавшийся крик!

Да, много серой краски, чёрной
В палитре Матушки Руси.
Как живописец кистью скорбной,
Ты пишешь. Господи, прости.

Но эта скупость мне дороже.
Чужие краски не любить.
Благодарю тебя, о Боже,
Что дал мне счастье русским быть!

Горят леса осенним золотом

Горят леса осенним золотом,
Встречая новую зарю,
В зверином, диком и богатом
В таёжном Северном краю.

Возьму ружьё, рюкзак на плечи,
Уйду тропой, уйду строкой
Туда, где царствует извечный
Вселенской мудрости покой.

Там среди лиственниц и елей
Течёт спокойная река.
На воды тихие издревле
Избушка смотрит свысока.

Я знаю, в той избе когда-то
Жил, как отшельник, старовер.
Он бороду носил лопатой
И от цинги был ликом сер.

В его избе я брошу шмотки,
И, суеверьям вопреки,
Закину сети, выпью водки,
Присяду на берег реки.

И у костра за кружкой чая
Вдруг, совершенно невзначай,
Мне там откроется случайно
Одна из самых древних тайн!

Болото на пути красно от спелой клюквы

Болото на пути красно от спелой клюквы,
А на пригорке всю бруснику не собрать.
И хариус в реке играет, видно, крупный.
И всё это — моё. Какая благодать!

Я, житель городской, из каменной трущобы
Бегу в тайгу при случае любом,
Чтоб ощутить в лесах мятежный дух свободы
И обрести однажды истинный свой дом!

Вадим-Лапокин

Инженер Управления связи

На смерть Пушкина

На Мойке Пушкин умирает...

Надежды нет, и он об этом знает,
Дела свои в порядок приводя.
Да, там, на Мойке, Пушкин умирает,
В вечерний час в лицо жены глядя.

Он что-то говорит своей Наташе,
Её рука в его руке лежит.
Всю ночь не будет свет погашен,
И вот — уже рассвет брезжит.

В январский день, последний для поэта,
Пришёл его предсмертный час.
В глазах погас вдруг лучик света,
Сказал он «...давит...» — и покинул нас.

Недалеко, в Конюшенной церквушке,
Народ в молчанье траурном стоит.
Изрёк в толпу оратор: «Умер Пушкин».
Но кто-то словом выстрелил: «Убит!».

Последние слова Александра Сергеевича Пушкина: «Тяжело дышать, давит...». 29 января (по старому стилю) 1837 года в 14.45 Пушкин умер...10 февраля (по новому стилю) — день памяти поэта.

Борис Райнов

Работал начальником
Инженерно-технического центра

Исповедь начальника, или...

С высоты небес смотрит Божий глаз.
В колее дорог бьётся жизни стук.
В колее любви — все дороги — такт.
Если я живу — сердце молвит «тук»!
Если я люблю — промолчу, ребята...

На своём пути лишь запомнил «старт!».
Спросят про судьбу — с ней играть не рад.
От неё в удар был и шах, и мат.
Но прошли года, и в руках — мой щит,
И за мной стоит инженеров ряд.

Начинал, как весь трудовой народ.
Да, мечты копил, снег вершин берёг.
Сколько нас, таких Борек и Серёг?
Но хотел ли я покорять Кавказ?
Тут решила жизнь всё и так за нас.

Вроде, всё успел, жизнь, как будто, в лад:
Двое дочерей, сын, жена — семья.
И в работе — жизнь, и команда — брат,
Хоть порой жестка, но, видать, моя.
Ну, а я ведь ей и по правде рад.

Вроде, все у дел, жаловаться грех,
Но бывает в край — уж забросит так,
Что боюсь не вспомнить, что такое смех,
На груди кольнёт острием ножа,
Так заголосит, заболит душа.

Захлестнёт порой, что не продохнуть,
На работе: «Чёрт! Всем по шее дать...».
Выговорюсь в дождь — будет поливать,
Всё же промолчу... Но могу поддать.
А потом, как есть, всё могу понять.

А за все те дни, что тонули в спорах,
Всей команде — «Браво!».
Вы держали лодку!
И никто не спрыгнул, не оставил вёсел.
Благодарен вам я... Искренне. С душою.

С высоты небес смотрит Божий глаз.
В колее дорог бьётся жизни стук.
Если где «стучит», что-то здесь не так!
Если здесь не так, к Богу обращусь.
Бога попрошу, руки протяну —
Дождь заменит град.

Любовь Роже

Ведущий специалист группы по организации
культурно-массовых мероприятий
Службы по связям с общественностью
и средствами массовой информации

Мы — первопроходцы!

В промёрзших недрах добывали газ —
Геройством это вовсе не казалось...
Но детям нашим говорим сейчас,
Что время нам великое досталось.

Мы зарывались в ширь и в глубь земли,
В болотах вязли, в горы поднимались...
Посёлки-вахты, вышки буровых
В морщины картой Севера впитались.

На нашей трассе
Огни не гаснут,
Ревут турбины,
Качая газ...
Трудились мы,
Веря в счастье,
А Родина верила в нас.

И каждый, сколько мог, себя вложил
В Василковское, Соплес и Вуктыл...
Вдыхая жизнь в болота и тайгу,
Вписали Север мы в свою судьбу.

Поверженный могучий исполин
Приручен, спрятан нашими руками.
Но кто из нас слуга? Кто господин?
Об этом даже мы не знаем сами.

Стремится к людям газовый поток,
Пересекая тундру и отроги,
Неся с собой в дома уют, тепло...
Прокладывая новые дороги.

И в нём — тепло моё, твоё, всех нас,
Которое, мы Северу отдали.
Первопроходцами назвали нас,
И это звание важней медали.

На нашей трассе
Огни не гаснут,
Ревут турбины,
Качая газ...
Трудились мы,
Веря в счастье,
А Родина верила в нас.
Трудились мы
Не напрасно —
И люди вспомнят о нас!

Ожидание

У вас на трассе вновь нелётная погода,
И вахта в этот день не прилетит.
И встречи сладостной
нам не испить восторга,
Другие будут встречи,
Эту — не прожить...

Твои владенья от Ухты до Океана —
Ты добываешь газ из недр земли.
И краше музыки тебе
свист голубых фонтанов,
А у меня на целом свете только ты!

Сеедем мы с тобой, а дети подрастают,
И я устала, но привыкла ждать.
И твой характер одержимый — понимаю:
Ты, как открытый газ, тебя не удержать,
Мой милый покоритель голубых фонтанов,
И я была тобой покорена...
Твои уста целует лютый ветер Океана,
А я хочу, чтоб целовала я одна...

На трассе, как всегда, нелётная погода...
Но я молю — на крыльях прилети!
Ведь набираются из ожиданий годы,
Безжалостно оторванные у моей любви.
Ещё не все на вахтах переждал туманы,
Как и мою любовь, не выпил ты до дна...
Но я удерживать тебя и укорять не стану —
Люблю тебя таким, каким судьба дала.
Любовь моя, судьба моя! Как жду тебя!

* * *

Жертвам «Ухтарки» 30–40-х годов посвящается

Июльское солнце, купаясь в Ухтарке,
Запуталось в плёсах и косах берёз...
На месте бараков — лугов разнотравье,
Я в них утопаю, слепая от слёз...
Не я предавала, не я вас сжигала,
Полуживых не бросала на лёд!
Но сердцем своим я ваш стон услышала,
И боль эта ночью мне спать не даёт.
Простите, родные, что судьбы иные,
Что не довелось с вами ад пережить.
Простите Россию, что в годы лихие
От лжи и беды не смогла защитить!..

Из страшных бараков, невинные души,
Вы к правде тянулись, как к солнцу цветы...
И верили свято: «Поймут! Разберутся!» —
И вот разобрались... И ставят кресты!
В те годы в озёрах вода онемела,
Считая ушедших весною под лёд...
Бесправные строили светлое завтра —
И «завтра» пришло. Только вас не найдёт.

Дочери в день рождения

Мечтаем, чтобы дети были лучше нас:
Красивей, радостней, умнее.
Чтоб жизнь на славу удалась,
Любовь была и чище, и сильнее.

Но с каждым часом вы уходите от нас...
И, глядя вам вослед, растущим,
Мы тихо молимся за вас,
Как можем, защищаем ваши души.

Успехам, самым малым, радуемся сильно,
Поглубже пряча боль от неудач.

И если мы ругаем вас, не злитесь —
Мы, матери, ответственны за вас.

И нет для матери важнее дела,
Чем дать ребёнку жизнь и жизни научить...
Но... это вы поймёте чуть позднее,
Когда ребёнок ваш начнёт ходить.

И нет для матери важнее дела,
Чем дать ребёнку жизнь и жизни научить...
Но... это вы поймёте чуть позднее,
Когда ребёнок ВАШ начнет ходить.

День Победы

Склоняем головы пред ПОДВИГОМ ВЕЛИКИМ!
А память, словно крона у дерев...
Чем глубже корни — тем живее листья...
Всё чётче видим прошлое, как будто бы прозрев...

Несметные коричневые стаи...
И взгляд бескровный юного лица...
Не знал солдат, застреленный вначале,
Что есть войны начало, нет — конца...

Ещё — что сон в строю, рытьё траншей, окопов,
Перед бомбёжкой страх и жажду жить
Потомки назовут геройством
И стойкостью, которую не смог фашист сломить.

Родные! Славные! Великие Герои!
Каким эпитетом ни назови — всё ВЫ!
И те, «на Безымянной только трое»,
И в окружениях пропавшие полки...

Хранимы будьте, воины седые,
Любовью нашей, памятью веков...
Склоняем НИЖЕ головы,
А подвиг Ваш всё ВЫШЕ!!!
И слава БОГУ за ТАКИХ, как ВЫ, отцов!

Фронтовые письма

«Лети с приветом, вернись с ответом!» —
Так письма начинались все...
Наивною, святою ложью
Спасая души в той войне.

«Во первых строчках сообщаю,
Что письма ваши получил...
Сам жив-здоров, чего желаю
И Вам... Ваш младший сын...»

Из тыла пишут: «Все здоровы,
Еды хватает, план даём...».
И с фронта браво отвечают:
«Воюем! И фашиста жмём!».

А между строчек — слёз потоки:
От голода не встанет мать...
В санбате юноша безногий —
Пытался против танка встать!..

Прошли года... Но и в Афгане,
И в обескровленной Чечне
Писал пацан родной мамане,
Мол, «на войне как на войне!..

Друзья — орлы! Комбат — батяня!
За горло схвачен подлый враг...».
Но... огненным сверкнул оскалом
Вдруг разорвавшийся снаряд...

Прочтите письма фронтовые:
В них проза и наивный стих...
Любовные...
От боли злые...
Любые!..
Но правды о войне — ни слова в них!..

Посвящение молодым специалистам

Говорят: «Молодые — зелёные...»
Но... Цветенье!.. Веселье!.. Задор!
Молодые — не закалённые...
Но энергии умной — напор!

Делу — польза? — не грех и амбиции.
Карьеризм, если в меру, — не плох!
Но храните святыне традиции
Прежних судеб и прежних эпох.

Дружбу, верность превыше цените!
Смелым, дерзким — высокий полёт!
Сложной трассы простые строители,
Вам дано идти дальше — вперёд!

Тучи

Свинцовые звери лохматые...
Громо-властно так похихатывают...
Брюхи влагой перенапряжены,
На шпили антенн посажены...
Водяными клыками-пиками
Вгрызаются в землю немытую...
А она?..
Принимает безропотно,
Потому что в делах этих опытна.
Упивается влагой живительной
И становится... восхитительной!

19.05.2011

О романтиках-первопроходцах

Улетали на край света птичьей стаей,
Им в болотах — рай, родной причал...
Нас — романтиков нетронутых окраин —
Север неприветливо встречал...
Ослепляли чистыми алмазами
Зим суровых белые холсты...
Мы на прочность были очень разными,
Но душою — молоды, чисты!..

Припев:

Отшумели, отзвенели вёсны с зимами,
Всё успели, всё с тобой прошли:
Рай небесный в шалашах с любимыми,
Непокорность северной глуши...

Разукрасила пурпурными осинами
Поседевшие уральские хребты,
У подножий разлеглась трясинами
Рыжая предвестница зимы...
Отогнала в лето птичьей стаей,
Они с грустью с неба машут нам...
Мы же остаёмся в этом крае,
Чтоб весной поведать беглецам:

Припев:

Как красивы белой вьюги хороводы,
Как прозрачен здешних речек лёд...
И роднее уголка природы
Вряд ли сердце для себя найдёт.

Припев:

Отшумели, отзвенели вёсны с зимами,
Всё успели, всё с тобой прошли...
Прикипели нитями незримыми
К покорённой северной глуши.

С юбилеем, Ухта родная!

К 80-летию Ухты

Зелень укутала мягкой накидкой,
Подпоясала лентой река
Город с загадочной, доброй улыбкою,
Город с названием чудным «Ухта».
Улыбнись, наш город, улыбнись,
Тёплые объятия распахни...
Нас с тобою повенчала жизнь,
Север пересёк наши пути.

Припев:
Дивный город над рекой
Стал для многих судьбой —
Покорила тайга вековая,
Скромность здешней весны,
Белоснежность зимы,
Коми «Удорская плясовая»!..

Ухта — это город на краешке лета...
Ухта — бесконечный таёжный простор...
Белых ночей чуть прикрытые веки...
Птиц улетающих свой разговор...
Улыбнись, наш город, улыбнись,
Тёплые объятия распахни...
Нас с тобою повенчала жизнь,
Север пересёк наши пути.

Припев:
Дивный город над рекой
Стал для многих судьбой —
Породнила тайга вековая
Песни горных вершин
И Днепровских долин,
И молдавские ритмы Дуная.

Реки хрустальные, горы лесистые,
В топких болотах от ягод рябит...
Нет удивительней, краше природы,
Добрее и радостней нашей Ухты.
Улыбнись, наш город, улыбнись,
Тёплые объятия распахни...
Нас с тобою повенчала жизнь,
Север пересёк наши пути.

Припев:
Дивный город над рекой
Стал счастливой судьбой.
Приняла нас тайга вековая.
И от чистой души
Ты поклон наш прими,
С юбилеем, Ухта родная!
И от чистой души
Ты поклон наш прими,
С юбилеем, Ухта родная!
С юбилеем, Ухта родная!

Газовики — народ особый

По Северу стальные магистрали
Натянуты, как струны вдоль земли,
Но чтобы газ подать на службу людям,
На вахтах день и ночь ГАЗОВИКИ!

Припев:
Газовики — народ особый,
Суровым Севером закалены.
Достоинство и честь даны от Бога,
В делах надёжны и друзьям верны.

Характер в трудном деле закалённый
У всех газовиков один:
Открытый, смелый, целеустремлённый.
Им скажут: «Надо!», — а в ответ — «Дадим!».

Припев:
Газовики — народ особый,
Суровым Севером закалены.
Достоинство и честь даны от Бога,
В делах надёжны и друзьям верны.

Речитатив:
Так с праздником! Здоровья и удачи!
Родным и близким — мира и добра!
И пусть пребудет в славе и почёте
Такой нелёгкий труд ГАЗОВИКА!

Припев:
Газовики — народ особый,
Суровым Севером закалены.
Достоинство и честь даны от Бога,
В делах надёжны и друзьям верны.

Республика моя

Средь бескрайней тайги синих речек изгибы,
Пятна рыжих болот и бездонных озёр зеркала...
И летят журавли, песней синее небо наполнив,
Острым клином своим, как плечом, подперев облака.

Припев:

Земля моя, Республика родная!
Красу твою я в сердце берегу.
Твоё величье в песнях воспеваю,
За всё, что есть, тебя благодарю!

Слушай, Коми земля, несравненные песни
Устьцилёмов степенных, чернутьевских чипсанов лад...
Как на сочных лугах водят песни красавицы Ижмы,
Как звенит серебро голосами ухтинских девчат...

Припев:

В труде и мире живём в просторном доме,
Народов-братьев дружная семья.
Гордимся Родиной – Республикою Коми,
Храним, как мать, и славим на века.

Из промёрзших болот поднимаются вышки...
Магистралы пронзили стрелой тёмный бархат лесов...
И огни городов, и над тундрой факелов вспышки...
Это — Коми земля! Это — Родина наших отцов!

Припев:

Земля моя! Республика родная!
Живи и здравствуй долгие века!
Живи и здравствуй! Ов, да видза кылан!
Тэ войвыв кодзув! Севера звезда!
Живи и здравствуй! Ов, да видза кылан!
Живи и здравствуй, мудрая земля!
Да будет мир! Добро и счастье в доме!
Живи в веках, Республика моя!
Живи в веках, Республика моя!

Нас называют нефтяными королями

Всё в нашей истории было когда-то впервые:
Первый отважный десант и первые буровые...
Мы пробивали Тимано-Печорскую твердь,
Мы добывали чёрное золото — нефть.
Первая Севера нефть — наша радость и вера
В нефть Мичаю, Кыртаеля, Пашни, Джиера...
Нам миллионы тонн непросто достались —
Сединами в висках легли и потом пропитались.

Припев:

Нас называют нефтяными королями,
Но королева — нефть, уж мы-то знаем с вами.
И королева правит балом не спеша,
И судьбы наши, и историю верша.

Суточный дебет, как пульс, то ровней, то собьётся.
Чёрное золото — нефть — тяжело достаётся.
Но трудится с честью нефтяников дружный народ,
И Север суровый богатства свои отдаёт.
Первая нефть — это Коми земли география,
Первопроходцев и наша с тобой биография,
Нефтяные артерии к сердцу завода ведём,
Славу, богатство Республики мы создаём.

Припев:

Нас называют нефтяными королями,
Но королева — нефть, уж мы-то знаем с вами.
И королева правит балом не спеша,
И судьбы наши, и историю верша.

Савинобор, Возей, Береговое...
Кто-то, быть может, не слышал — есть такое...
Ухта, Нижний Одес, Усинск, где так дружно живём,
Вахты встречают уютом, любовью, теплом...
Нас не пугают ни стужа, ни гнус, ни болота,
С Севером крепко срослись навсегда и с работой.
Годы прошли, мы забыли, что временно тут...
Вот уже дети и внуки к скважинам идут...

Припев:

Нас называют нефтяными королями,
Но королева — нефть, уж мы-то знаем с вами.
И королева правит балом не спеша,
И судьбы наши, и историю верша.

«Севергазпром»

С первой нитью магистральной от Вуктыла до Торжка
Начинался транспорт газа – Синдор, Микунь, Урдома...
Что историю писали, мы не думали тогда,
Строив станции, посёлки, на болотах города...

Короткое слово «газ» многое значит для нас —
В нём свет белых ночей, запах отчего дома...
В нём любовь и судьба, в нём родная Ухта,
Город — родина «Севергазпрома».

«Севергазпром» — работа и дом, гарантия и защита.
«Севергазпром» славен трудом, где каждый шаг смел и просчитан.
«Севергазпром» людей оценил, сделав любой труд престижным,
«Севергазпром», «Севергазпром» — это стиль нашей жизни.

От Ухты до Нарьян-Мара, от Тюмени до Твери,
Всё построенное нами оставляем людям мы.
Наши замыслы богаты, наши помыслы чисты:
Петербург, Архангельск, Мурманск,
И Европа впереди...

Короткое слово «газ» многое значит для нас —
В нём вуктыльские кедры и тундра Ямала...
Беспросветность пурги и безбрежье тайги,
И седые вершины Урала.

«Севергазпром», «Севергазпром» Север учил не по книжке.
«Севергазпром» — могучий мотор — образ совсем не книжный...
«Севергазпром» вперёд устремлён, путь в перспективу неближний...
«Севергазпром», «Севергазпром» — это стиль нашей жизни.

Короткое слово «газ» многое значит для нас:
Свет сигнальных огней аэродрома,
Свет любимых очей,
Смех счастливых детей
Здесь, на родине «Севергазпрома».

«Севергазпром» известен кругом, его представлять излишне.
«Севергазпром» честен во всём — знаем не понаслышке...
«Севергазпром» — надёжный партнёр, имидж весьма престижный...
«Севергазпром», «Севергазпром» — это стиль нашей жизни.

«Инженерная слава» Газпрома

По случаю вручения ордена «Инженерная слава»

Газ рождается в жарких глубинах земли...
Трасса — в наших умах и расчётах.
От проекта следим за здоровьем трубы,
Исключая дефекты, просчёты.

Нам дано понимать шум ревущих турбин,
Нам дано ощущать пульс нагретой трубы,
Повелители умных могучих машин —
Мы солдаты одной инженерной судьбы.

Перемножьте кубометры с километрами,
Дух открытий с холодными ветрами,
Плотность грунта, надёжность сварки
На людей особой закалки.
Вот из этого мощного сплава
Родилась «Инженерная слава»...
В именах хорошо нам знакомых —
Инженерная слава Газпрома.

Старт, разбежка и взлёт — вот что трасса для нас.
Инженерных проектов и судеб расцвет...
На смелость и прочность испытывал газ
Бесконечностью проб, отступлений, побед.

Седина на висках появилась не вдруг —
Это след от бессонных, тревожных ночей...
Но сильны мы терпением родных и подруг,
И поддержкой проверенных трассой друзей.

Перемножьте кубометры с километрами,
Дух открытий с холодными ветрами,
Плотность грунта, надёжность сварки
На людей особой закалки.
Вот из этого мощного сплава
Родилась «Инженерная слава»...
В именах хорошо нам знакомых —
Инженерная слава Газпрома.

Серебряные кружева

Под Обской губой, сквозь Урал, до Твери
Магистралаи «Трансгаз Ухта» пролегли.
Силой света, добра, согревает Газпром
Народы земли и Россию — наш дом.
Расплескалась по северной трассе весна,
Расстелила сере-бря-ны-е кружева —
Из нитей стальных магистралей,
Узоров полярных сияний,
Расплескалась по северной трассе весна,
Расстелила сере-бря-ны-е кружева -

Припев:

В «Сере-бря-ны-е кружева»
Мы добавим свои голоса,
Вплетём в фестивальнй узор
Наш талант и безмерный задор.

Воды Волги, Печоры, сибирской Оби,
Кружева Вологодской старинной земли,
Моря Белого нрав и глубины озёр,
Песни, танцы нюксян – свой вплетают узор...

Расплескалась по северной трассе весна,
Расстелила сере-бря-ны-е кружева
Из мозаики тающих льдов и снегов,
Из зелёного бархата Коми лесов...
Расплескалась по северной трассе весна,
Расстелила сере-бря-ны-е кружева.

Припев:

В «Сере-бря-ны-е кружева»
Мы добавим частицу тепла,
Вплетём в фестивальнй узор
Наш талант и безмерный задор.

Финал:

Из полярных сияний, огней городов,
Из мозаики тающих северных льдов,
Из талантов, любви и дружбы
Сплетём фестивальное кружево.

Припев:

От нашей всеобщей любви
Растают полярные льды,
Но останутся с нами всегда
«Серебряные кружева»,
Кружева...

Марина Маратина

Работала лаборантом
химического анализа 4-го разряда в Урдомском ЛПУМГ

* * *

Я пишу о своём «котёночке»
Под названьем простым — Максимка.
Для других он, конечно, ребёночек
Или, может быть, просто мальчишка.
Для меня же создание милое,
Неожиданное и любимое.
Первый раз познакомясь в роддоме,
Неразлучны мы стали в доме.
Слово первое было «баба»,
Ну, а большего мне и не надо.
Так вот мы и живём год и пять, много дней.
Вдруг звонок у двери: «Встречай, баба, скорей».
Это значит — из садика внучек пришёл.
В тёплом доме опять всё у нас хорошо.

Родная Урдома

Говорят, что где родился,
Там и в жизни пригодился.
Но пословица стара,
Словно бывшее «вчера».

Оглянитесь, люди, смело:
Сколь приезжих прикипело
Сердцем и душою
К нашей Урдоме.

Есть на юге сад и дом,
Только нету счастья в нём.
Едем на неделю, две,
А сами сердцем в Урдоме.

Здесь всем дышится легко:
Воздух здесь отличный.
Лес, река недалеко,
Жители приличные.

Доброту, гостеприимство
В Урдоме всегда найдёшь,
Коль беда, все рядом, близко —
С нами, друг, не пропадёшь.

Что сказать, мы не капризны,
Не балованы судьбой,
И встречаем всех по-русски,
Как положено — с душой.

Посёлок Урдома,
Архангельская область

Надежда Фролова

Оператор Диспетчерской службы Юбилейного ЛПУМП

Прекрасная страна

Я родилась в России,
В берёзовом краю,
Где небо сине-синее,
Ромашки на лугу.

Где по весне черёмуха
Стоит белым-бела,
И ароматом нежным
Наполнены леса.

А осенью рябина
Стучится мне в окно,
И гроздьё ярко-красные
Сверкают у неё.

Люблю тебя, Россия,
Прекрасная страна.
И нет чудесней края,
Чем Родина моя!

Мамина «Колыбельная»

За окошком месяц светит,
За окошком — ночь.
Мама песню напевает
И качает дочь.

Спи, малютка, сладко-сладко,
Вырастешь большой,
Если будет в жизни трудно —
Знай, что я с тобой.

Я тебя не дам в обиду —
Отведу беду.
Ты иди по жизни смело —
Рядом я пойду.

Вырастай красивой, умной
И счастливой будь.
И свою родную маму,
Дочка, не забудь!

Ностальгия

Кто не был далеко от дома,
Тому меня и не понять.
Как тяжело порой бывает
Тоску по юности унять.

О, как земля моя прекрасна,
Как хороши весной сады!
Какие грёзы были в детстве,
Какие светлые мечты...

И вот покинула всё это,
Уехала в суровый край.
Зима тут длится долго-долго,
Но вот приходит месяц май...

И радость в сердце вновь рождается.
Места чужие, вы — мои!
Весной природа просыпается,
И всё вокруг кричит: «Живи!».

Но всё равно бывает время
(И вы должны меня понять),
Как тяжело порой вечерней
Тоску по юности унять.

Светлана Шабалина

Член семьи машиниста
технологических компрессоров 6-го разряда
цеха № 3 газокompрессорной службы Ньюксенского ЛПУМГ

Скоро весна

Зима с повадками упрямства
Никак покоя не даёт,
Дождём пугает, словно пьянством,
И ветром снежным щёки бьёт.

Луна на небе стынет спелая,
Метель в полях сугробы вьёт,
Уж скоро девушкой несмелою
Весна с разливами придёт.

Притихну я, за день уставшая,
И провалюсь в глухую ночь.
Простить во сне обиду страшную
Весна лишь сможет мне помочь.

Весна пришла

Весна, воспетая поэтами,
Пришла и на пороге встала.
Я только именно поэтому
Чуть привлекательнее стала.

Не помешает ночь мне вьюжная
Восстать от зимней канители,
Завьют мне кудри ветры вьюжные,
Не зря ж с весною прилетели!

Проснётся глаз мой обжигающий,
Сверкнёт огнём не шулки ради,
Весна пришла... Хотя пока ещё
Я не во всём своём наряде!

Про меня

С улыбкой скромной, кареокая,
И волосы, что русый сноп,
По-вологодски нежно окаю,
Подёрнулся морщинкой лоб.

Мне быть с тобой светло и весело,
И только боязно легка.
Картинкою меня повесила
Тебе осенняя тоска.

Пусть я ревнивые, колючие
Кидаю вслед тебе слова,
Прости меня, дурёху жгучую,
И поцелуй меня сперва.

Прости, что я люблю с упрёками,
Сквозь дождь осенний с высоты,
Я для тебя стихи проокаю,
Скажи, не выдумка ли ты?

И я за сплетнями, за взорами —
Зимой тебе живой апрель,
Я слёзы лью всегда озерами,
Я яркая, как акварель!

Нет-нет... Ни слова о любви

Среди житейской вялой прозы,
Когда льют трели соловьи,
Я так люблю лесные розы,
Нет-нет... Ни слова о любви.

Вот куст упорный ствол берёзы
Ветвями страстными обвил,
Где на заре сияют росы...
Нет-нет... Ни слова о любви.

Хорош стоит в лесу шиповник,
Хоть цапнуть может до крови,
Берёзы пламенный любовник,
Нет-нет... Ни слова о любви.

Я так люблю лесные розы...
Нет-нет... Ни слова о любви,
Среди житейской вялой прозы
Поют с зарёю соловьи!

Месть

Я сегодня в платье синем,
Синий пояс и серьга,
Чем, скажите, не княгиня,
Лишь тебе не дорога.

И когда опять уснёшь ты,
Отомстить приду во сне,
Может, в платье, может, в кофте
С синевой под цвет весне.

И когда к губам губами
Ты прильнёшь, меня губя,
Я чужими именами
Назову во сне тебя!

* * *

Взгляд сосны горит зелёный —
Знак свободного пути,
Одиноко, невлюблённой,
Мне по улице брести.

Рифма ляжет осторожно
И заснёт у самых губ,
Есть желанье? — всё возможно,
Всё сумею, всё смогу...

Вновь сосна мигает вроде
И включает огоньки:
Путь зелёный, путь свободен
Для любви и без тоски.

* * *

А ты меня совсем ещё не знаешь,
Звучу я, точно песня за рекой,
Милая, открытая, родная,
Далёкая — ну не достать рукой.

Мёд вечеров мне дарят наши травы,
И прячет с головой тумана дым,
Мой поцелуй — нет сладостней отравы,
Со мной ты будешь вечно молодым!

Мой голос чист, и песнею томится,
И для тебя окидывает высь,
Хочу я быть в твоих руках синицей,
Лови меня уже... Проснись! Проснись!

Услышь меня сквозь сны свои густые,
Звучу я, точно песня за рекой,
Лишь мною на слова твои простые
Отыскан будет отзвук дорогой.

Фото В. Н. Юданова

Привет

Прими привет, что я с надеждой шлю,
Хоть полон он и грусти, и мечтаний,
Он прилетит к тебе по снегу и по льду
Сквозь километры леса между нами.

Вот снег в окно... Бескрайние поля...
И слёзы я за рукавами спрячу —
Так просыпается весной душа моя
К весенней сырости и слякоти в придачу.

И всё ж прими привет, что я тебе дарю,
Бродяга март его доставит точно,
И вот уж праздник по календарю
Нас встретит жизнью
распускающихся почек!

Сны

Прошлой ночью звёздной мне приснилось лето:
Луг, ромашки, пчёлы, неба синева,
От безумства красок и от буйства света
Даже закружилась голова.

А сегодня в полночь осень хмурой тенью
Просочилась в сон мой и вогнала в дрожь,
Напугала до смерти она без сожаленья,
И в подушку слёзы — как октябрьский дождь.

Но под утро солнце тёплыми лучами
Разбудило нежно, прогоняя сны,
Снова жизнь наполнилась светом и мечтами,
Радостным предчувствием ласковой весны.

* * *

На ладошке искрятся снежинки —
Одинаковых двух не найдёшь,
Заметает овраги, тропинки,
Быстро полем уже не пройдёшь.

Снегом чистым расписано время,
Снова вьюгу в ночи не унять,
Она воев в трубе, нас жалея,
А под утро отправится спать.

Посмотри, вся в снежинках ладошка,
Не ищи одинаковых двух,
Жмусь к тебе — я замёрзла немножко,
Согреваюсь дыханием губ...

Весна

Не отворачивайте лица,
Не прячьте за зонтами взгляд,
Весна спешит дождём пролиться,
Случайно промолив наряд.

Бродяга ветер, шаловливо
Касаясь каждого лица,
Встревожит вдруг неторопливо
Неотогретые сердца.

Глянь, в небе синем и бездонном
Весна царицею плывёт,
Всем людям щедро и задорно
Лучи живительные шлёт.

* * *

Поэзию не сложишь за мгновенье,
Особых требует от автора страстей,
И если стих твой не лишён значенья,
То вспыхнут, оживут в строке быстрей
Леса, поля, озёра, трав цветенье —
Приметы малой родины моей.

Так в рифме миру душу раскрывая,
Люблю селение моё ещё сильней,
И, словно эти чувства подтверждая,
В высоком небе с нюксенских полей
Летит гусей гогочущая стая,
Блестая гордым видом длинных шей.

Пробуждение

Зимой уснувшая, озябшая душа.
К весне какими ты пробудишься стихами?
Спешит уже тепло, но не спеша,
Чтобы лучом своим согреть, а не мехами.

Запас природных сил давно уже не спит,
Прониклось всё весенней суетою,
Вставай и ты, душа, — поэзия манит,
Хоть полон лес ещё холодной тишиною.

И неба синь, и веток переплёты,
И пенье птиц — всё вторит пробуждёнью,
Проснись и я и запою сонеты,
Не зря ж весной день моего рожденья!

* * *

Сирень с черёмухой уж скоро зацветут
Красивым нежным облаком пушистым,
Дурманящим и сказочно душистым —
Так поздняя весна всем правит на лету.

Слышна повсюду птиц весёлых трель,
А дятла стук стал более задорный,
И вот уж на цветке сидит проворно
Проснувшийся от сна пушистый шмель.

Всё занято вокруг прекрасным созерцаньем
Цветов ли первых или листьев сочных,
А на заре звезда прошепчет точно:
«Весна прошла! Всё под её мерцаньем!»

Может быть

Тоскливо бьётся одинокий ветер,
С закатом небо поменяло цвет,
Последний луч спешит оставить след,
Скребётся в рамы синеокий вечер.

А в бархатной ночи закроются цветы,
Так все мои мечты останутся мечтами,
А жизнь несётся, шелестя годами,
И, может быть, проходишь с нею ты?

Все просьбы и мольбы окажутся пусты,
С любовью посмотрю печальными глазами,
Как ты уходишь мерными шагами,
Ты, может быть, с досады жжёшь мосты?

Слова прощальные коварны и просты,
С дождём весенним поделюсь слезами,
Печалью и ненужными словами,
Кто знает, может быть, вернёшься ты?

Ветер

Пусть сильный ветер с ног сбивает,
Нещадно мокрый лист срывает,
Восторгом он наполнит душу
И мокрые глаза осушит.

Совсем другой ты, ветра гений,
Не знаешь ты любви мучений,
Ты мчишься вдаль, не уставая,
Шлейф ароматный оставляя.

Я жить хочу, как вольный ветер,
И за грехи не быть в ответе,
Огнём гори, что будет завтра,
Хочу сказать я миру: «Здравствуй!».

Май

И снова май туманит взгляд
В подснежниках под солнцем ярким,
Весна меняет свой наряд,
Всего лучом касаясь жарким!

И вынесет пусть каждый пытку
Любви, сгорая на огне,
И ты не сделаешь ошибку
И этот май подаришь мне!

То посмеётся, то поплачет,
Играя радугой, дождём,
Весна идёт, а это значит,
Влюблённым надо быть вдвоём.

* * *

Куда душа моя устремлена
В беспечном и весеннем своеволие?
Ты знай, любовь по-прежнему жива,
Свободную гуляет на приволье.

И каждый раз, когда сойдут снега
И ручеёк в проталинах завьётся,
Любовь моя по-прежнему жива
И разуму никак не поддаётся!

Фото А. В. Кучерова

Мне снится сад...

Мне снится сад, где белая сирень
Томится в ожидании свиданий,
И аромат неведомых преданий
Уж грустью наполняет новый день.

Мне снится сад, где светел лёгкий сон
Застенчивых и белоснежных вишен,
Где соловей лишь потому не слышен,
Что для возлюбленных хранит все трели он.

Мне снится сад, где юная трава
Веснушки одуванчиков не прячет,
Здесь все слова звучат совсем иначе
И не страшна зелёная молва.

Осень

Поял уж в августе душистый клевер,
Меняет осень леса акварели,
Устало небо от дождей и гроз,
Поляны спят от леденящих рос.

С утра тумана зыбкая завеса
Мешает видеть тёмный гребень леса,
И кроет землю одинокий лист
Под музыку дождя и тихий ветра свист.

И расцветут уж скоро косогоры,
Деревья сумрачного бора,
Где сосны не один уж век
Зрят на природы переменный бег.

И вспыхнут дивные закаты,
И тихо в берегах своих покатых
Уснёт холодная печальная река,
В течении своём спокойна и легка.

В лесу

Бреду домой неторопливо
По листьям мятым налегке.
Угор, украшенный рябиной...
Взбегу с корзиною в руке.

Здесь в полумраке и прохладе
Любая ягода красней.
Не вырастишь такую в саде,
Особый вкус в лесу у ней.

Сегодня и грибы встречались
Во мху, скрываясь от росы,
Где дятел звонко, не печалась,
Уж бьёт осенние часы.

* * *

А мысли снова далеко в дороге,
За ветром и дождём лечу вперёд,
Пусть затекла спина, устали ноги,
И в городе чужом никто не ждёт.

Покачивает ласково автобус,
Приятно в уши музыка гудит...
Куда лечу? Возьми скорее глобус
И область Ярославскую найди!

К тебе примчусь я, незнакомый город,
Прольюсь словами песни от души,
Сегодня у нюксянки славный повод
Сказать, как новые знакомства хороши!

* * *

Хочу в осень уйти с головою,
Ощутить её жар золотой,
Попрощаться с зелёной листвою —
Всё уж дышит другой красотой.

Чуден лес, остывающий тихо,
На душе моей снова покой,
Не пугай меня, грусть-облепиха,
Я прощаюсь сегодня с тоской!

* * *

Пусть на земле весна творится!
Всех к пробуждению зови,
Мир за окошком, воздух, птицы —
Всё расцветает от любви!

Неловко брошенная фраза...
Стихов таинственных полёт,
Любовь моя, минуя разом,
Царицей светлою плывет.

Как к солнцу неба цвет подобран,
Как дарит лес узор ветвей,
Так вслед за строчками подробно
Сплетается душа с твоей.

И если ты сумел однажды
Увидеть эту красоту,
Любовь поймаешь вздохом каждым,
Чтоб раствориться на лету!

* * *

Мне так надоел мёрзлый снег,
Хочу, чтоб зима прекратилась,
За солнцем, меняя разбег,
Ручьями под гору скатилась.

Так скучен морозный фасон,
Сковавший дома и деревья,
Пусть вешний особенный звон
Разбудит под солнцем деревни.

Пусть солнце весны с высоты
Прогреет озябшие плечи,
Проснутся бывшие мечты...
Весной всем становится легче.

* * *

Я здесь одна на утреннем рассвете,
От суеты и шума вдалеке,
Спокойная, с природою в совете
На берегу на Сухоне-реке.

Где солнца луч приветливо ласкает
Обхвата в три огромную сосну,
Берёзовая роща колдовская
Здесь украшает каждую весну.

А белые и тонкие деревья,
Не признающие оградок и оков,
Поведают мне о варяге древнем,
Что очарован был красою берегов.

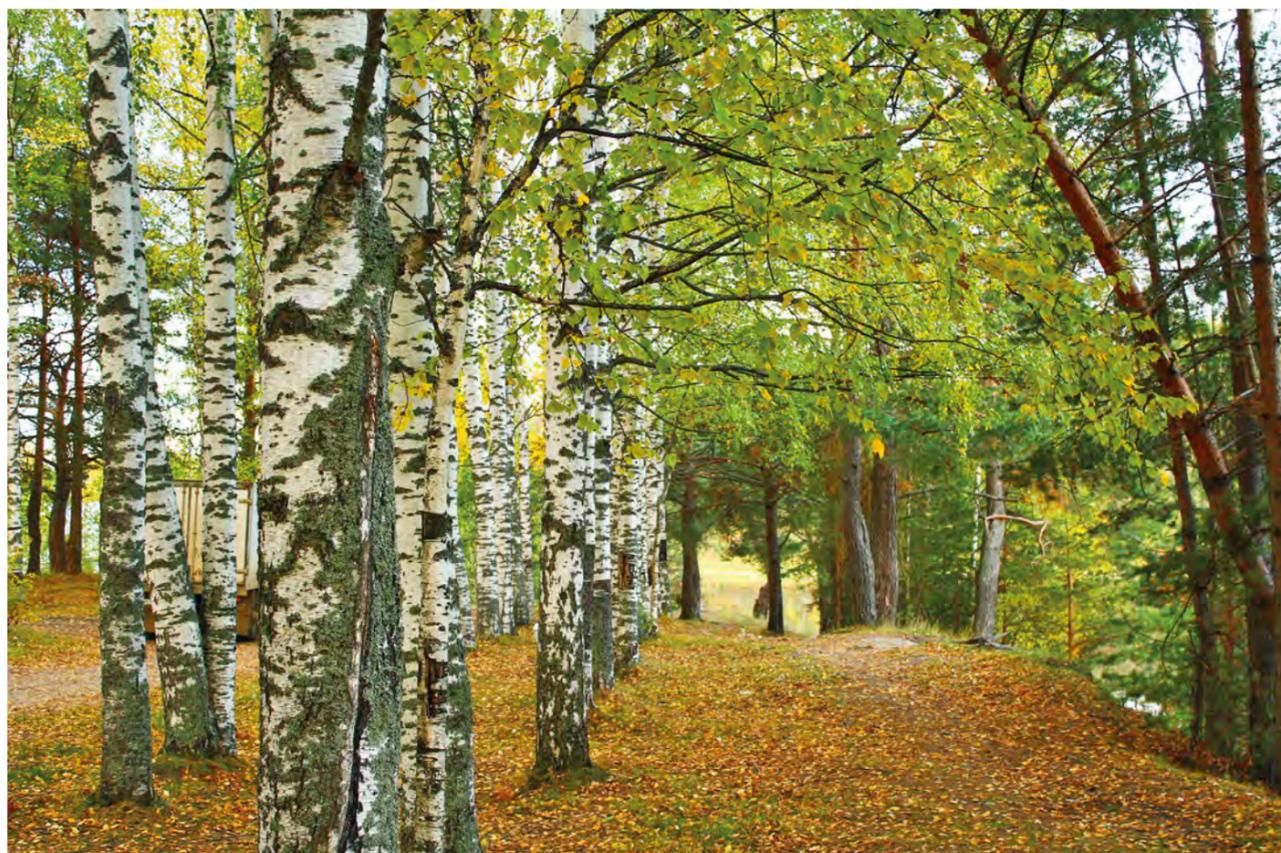

Фото А. С. Седакина

Ирина Маманова

Работала заместителем начальника
Службы по связям с общественностью
и средствами массовой информации

* * *

Среди сосен и мхов это было как в сказке,
Среди сосен и мхов расцветала мечта.
Под дождём там сияли глаза наши счастьем,
Сумасшедшею песней кружили слова.

Ты сказал: «Этот лес теперь будет мне сниться»,
Ты сказал: «Не обижу тебя никогда».
Сердце к сердцу под небом осенним стремилось,
Паутинкой дождя серебрилась вода.

Эхо поздней любви, долгожданного счастья,
Эхо поздней надежды на вечность любви...
От печорской тайги уходили ненастья,
Оставляя нам память волшебной мечты...

* * *

Нам сколько лет отпущено судьбою?
Тебе и мне — отдельно строкою...
И как нам перейти из разных измерений
К отсчёту единения мгновений?
Как одолеть всю бесконечность расстояний,
Свести к нулю жестокость расставаний?
И как сойтись в одной единой точке,
Чтоб начертать начало новой строчки?

* * *

Вот и всё.
Обещаний пустых позабыты слова,
И от дум невесёлых «гудит» голова.
Вот и всё.
В прошлом августе наша случилась пора...
Там, где дождь серебрился, — уж стылая мгла.
Вот и всё.
Скажем так: изначально не верилось как-то
В то, что ваши слова — солнцеликая правда.
Вот и всё.
Повернула я жизнь в русло тихой рутины,
Стало пусто и грустно от этой «картины»...

* * *

Стихи мои несовершенны
И абсолютно не нужны
Тому, кому посвящены...
Мечта, капризная подруга,
Явилась вдруг — какая мука!
И надо бы замкнуть замок,
Чтобы ко мне войти не мог
Луч света, страсти и печали.
Но где же, где же ключик тот?
Как будто мягкий чёрный кот,
Исчез он в темноте бесследно,
Не подчиняясь воле пут.
Предательски вселяет слабость
И заставляет быть ответной,
В тебя влюблённой, в образ твой...

Юбилей

На 60-летие Г. В. Берникова

Сегодня юбилей,
Мы собрались привычным кругом.
И горестно, душевно
Поздравили тебя.
Здесь, у стола,
Мы вспомнили в признаньях
Твои причуды
И твои дела.

И было всё...
Но стол стоял под небом —
Холодным, серым
Небом октября,

Среди оградок,
На снегу, между могилочек...
Четыре года, друг наш, —
Без тебя...

Страдания

Я забыла всё, что было,
Всё, что было до тебя.
Очень больно сердце ныло —
Позабыть хочу себя...

Невозможно излечиться
От душевной боли мне.
Сизым голубем, синь-птицей
Ты являешься во сне.

Если б знать, как это больно —
Наши встречи вспоминать,
По глазам твоим невольно
Равнодушие читать...

Лучше б сразу эту нитку
Из клубка бы не тянуть...
Прекрати ты эту пытку —
Хоть часок со мной побудь!

Повторяю, как заклятье,
Те слова, что говорил!
Не о чем уже мечтать мне,
Теперь знаю — не любил...

Я наполню сердце светлой, нежной грустью,
С этой тихой грустью вспомню про зарю...
Для большого счастья целой жизни мало,
За минуту счастья — тебя благодарю.

Я открою сердце нежности навстречу,
Затуманю голову хороводом грёз.
На слова приветные ласкою отвечу
И оставлю в памяти свежесть летних гроз.

А в лугах на травы выпадают росы,
Тихой пеленою стелется туман.
Русские красавицы расплетают косы,
Над рекою тихой изгибая стан.

Я рассветы встречу — с новой мечтою,
На закате солнца вспомню о тебе.
Пусть никто не знает, что живу тобою,
Тайну я доверю лишь речной воде...

Я наполню сердце тихой нежной грустью,
С этой тихой грустью вспомню про зарю...
Для большого счастья целой жизни мало,
За минуту счастья — тебя благодарю.

Живопись И. В. Шаманаевой

Песня шофёра

Закружило снегом северной пурги,
Замело метелью — не видать ни зги!
Далека дорожка, наш нелёгок путь,
Я вернусь, родная, ты не забудь!

Нам с тобою вместе — жить да не тужить,
О своих печалях Бога лишь молить.
На пороге встретишь на закате дня,
Милая, родная, — свет ты для меня!

За окном мелькают реки и леса,
Белизной сияют снежные поля.
Зимний день короток, наступает тьма,
Впереди уж близко родина моя.

А мороз крепчает — жми, шофёр, домой,
Звёзды с неба светят с яркою луной.
Эх, краса какая, в северной ночи,
Милая, родная, только не усни!

Приготовь мне ужин, застели постель,
Отмела позёмкой белая метель...
Вот уже окошки светят впереди,
Трудная дорога осталась позади.

Апрель

Пришла весна, и первый день апрельский
Вдруг разразился шелестом дождя!
И грязный снег, растоптанный и вязкий,
Стал истекать, как воск из-под огня.

Дождь миновал. Ещё не видно почек,
Но пробивается травиночка одна.
Под солнечным лучом пылает отблеск
Открытого весеннему теплу окна.

И первой прилетевшей птицы трели —
Уже не зимний кашель стаи воронья.
И кошка, замурлыкавшая с крыши,
С усмешкой смотрит сверху на меня.

Живопись И. В. Шаманаевой

Глава II
Ироза

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

7 марта 1945 года в одной из дивизионных газет Красной Армии была опубликована статья, в которой сообщалось: «В последних боях в Чехословакии отличилась связистка Тамара Кожаева. Под огнём противника она десятки раз исправляла повреждения на телефонной линии, связывающей огневые позиции артиллеристов с наблюдательным пунктом». Эти строки написаны военным корреспондентом о женщине, которая живёт рядом с нами, о ветеране Великой Отечественной войны и нашего предприятия Тамаре Петровне Петушковой (Кожаевой).

Дорогами войны

Родилась Тамара Кожаева 20 мая 1925 года в городе Кинешме Ивановской области. В семь лет осиротела, и её взяла в семью родная тётка. Воспитывала в строгости и без особой любви. Окончив семь классов, Тамара работала на ткацкой фабрике на шести станках одновременно.

А потом грянула война. Трижды ходила девочка с подругами в военкомат, но 16-летних в армию не брали. И только 9 апреля 1942 года после очередного похода её отправили на медкомиссию, а потом в подмосковные Чернышевские казармы, где она выучилась на связиста-радиста.

К армейским порядкам гражданскому человеку привыкнуть сложно, особенно женщине. Суровая

дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское окружение, тяжёлые физические нагрузки — всё это явилось нелёгким испытанием. Потом был фронт — со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и вечно преследующим, но скрываемым страхом.

Первое боевое крещение Т. Кожаева получила в кровопролитных боях под Сталинградом. Она обеспечивала связь командира батальона 192-го пехотного полка со стрелковыми ротами, отбивавшими бесконечные атаки гитлеровцев, передавала команды с артиллерийского наблюдательного пункта на батареи. Её позывным сначала был Муха, а потом — Чайка.

Там под Сталинградом Тамара случайно встретила старшего брата Володю. Боевая обстановка была накалена до предела. Они только успели обняться и обменяться координатами. Но свидеться больше не довелось: брат в этом бою был ранен и вскоре умер в госпитале. Место его захоронения осталось неизвестным.

Каждое воспоминание о войне болью отдаётся в её душе. Некоторые эпизоды настолько страшны, что о них она рассказывает только сквозь слёзы. Под Сталинградом и на Курской дуге в бою против танков использовали «живые мины» — собак, которым на спину прикрепляли фугасные противотанковые мины. «Они ведь скулили, а под танки ползли. Их было так жалко», — рассказывает Т. Кожаева.

В память врезались события 1943 года — форсирование Днепра. Бойцы переправлялись кто как

мог. Тамара отлично плавала: гребла одной рукой, а другой держала катушку с телефонным проводом. Рядом оказался парень, который тонул, он уцепился за неё — чудом, только благодаря её сноровке оба остались живы. Как вспоминают участники этих событий, из двадцати тысяч человек, которые пытались переплыть реку, добирались всего пять тысяч бойцов. Днепр покраснел от крови, а тела, словно каменная стена, останавливали воду.

Однажды девушка чуть не попала в плен. Пошла по линии связи, чтобы обнаружить порыв. Оказывается, это немцы специально сделали, чтобы захватить связиста. Так частенько делали и с той, и с другой стороны. В засаде оказалось три немца, пришлось отбиваться, хорошо, подоспели наши разведчики, помогли.

«Да, очень много было таких случаев. Если обо всём рассказать, целая повесть получится. В районе Кировограда я видела концентрационный лагерь для русских военнопленных, его освободили наши

танкисты. Там были бараки, печи крематория, «линейка», где расстреливали людей, комната пыток, всякие приспособления. Забыть всё это невозможно, на всю жизнь врезалось в сознание», — рассказывает Тамара Петровна.

Т. Кожаева участвовала в освобождении Украины, Бессарабии, Молдавии, Румынии, обеспечивала связь во время отражения яростных атак врага на наши позиции на Вислинском плацдарме. В одном из боёв на польской земле, когда она под шквальным артиллерийским обстрелом исправляла повреждение на линии связи, её ранило.

Четыре месяца пролежала молодая связистка в госпиталях, а после излечения была направлена в 232-й артполк той же 97-й гвардейской дивизии. С этим полком Тамара Кожаева освобождала крупный промышленный центр Польши Ченстохов, форсировала Одер, Шпрее и Эльбу, участвовала в боях по освобождению от фашистов Дрездена, Праги...

На войне как на войне

Женщинам очень тяжело было на войне, а у радиста особая роль: от аппарата ни на шаг! Не раз приходилось лежать в окопе в насквозь мокрой одежде. Спасали опытные бойцы, которые могли подменить у радики и отпустить погреться, привести себя в порядок. И во фронтовых условиях женщины оставались женщинами: в землянках устраивали бани, прожаривали одежду от

паразитов, а полотенца делали из простыней, которые находили в разбитых немцами домах.

Тамара Петровна рассказывает, что махорку меняла на сахар. Спиртное практически не брала в рот. Лишь когда мороз пробирал до костей, наливали в кружку по глотку спирта, а потом закусывали снегом. Простудными заболеваниями не болели — врачи объясняли, что это всё от нервного стресса.

Фото Н. В. Матюшевой

Фото Н. В. Матюшевой

А воспоминания о войне приходят всякие. Разные ситуации случались за те четыре года. «Было это в Чехословакии в 1945 году. Пошли с девчонками погулять, и очень пить захотелось. А там же все вывески на домах и магазинах написаны на иностранном языке, а мы его не знаем. Зашли в первое же здание, показали, что хотим пить, нас напоили. Выходим, а на улице наши парни стоят. Спрашивают: «Ну, и чего вы там делали?». Отвечаем: «Очень пить захотелось, вот и зашли». «Видим, видим, как пить хочется!» А потом узнали, что это был публичный дом. Ещё долго потом над нами подшучивали», — вспоминает, улыбаясь, Тамара Петровна.

9 мая о Победе связист-радист Т. Кожаева сообщила однополчанам первой, было это в чешском городе Кладно. Поймала волну и сказала: «Ребята, уже Победа, капитуляция немцев». Но Победу они отмечали только 20 мая, как раз в день рождения

Долгожданный мир

После войны Тамара вернулась в Кинешму, но там её ничего уже не держало. Брат погиб, родителей нет. Несколько лет работала ткачихой, а в 1957 году по совету друзей приехала на Север, в Ухту. «Вылезла, ничего не понимаю, два вагончика — и всё. Где пешком, где автобусом, где на попутках добралась до Троицко-Печорска, затем ещё сорок километров — и Северный Джебол, где находилась контора управления буровых работ. Там ответили, что им никто не требуется. Сидела на своём сколоченном из фанеры чемодане с пятью рублями в кармане и не знала, куда же податься и что теперь делать. Проходивший мимо заведующий столовой позвал в посудомойки», — вспоминает Тамара Петровна. Через четыре месяца её перевели на должность повара.

Затем было двадцать лет работы в Вуктыльском управлении буровых работ комендантом общежитий. Мужских общежитий было пять, жили там и вольнонаёмные, и «химики». Рассказывают, что как только выпивохи видели, что идёт Тамара Петровна с проверкой, сразу прятали бутылки со спиртным, так как знали, что разговор будет короткий! Возле крыльца одного из общежитий был большущий камень — об него Тамара Петровна и разбивала вдребезги бутылки с водкой. «Строгая, но справедливая», — говорили о ней.

С будущим мужем Василием Петушковым Тамара познакомилась в 1961 году. После службы на флоте он приехал в Вуктыль из Ленинградской области. Сначала трудился помбуром, потом бурильщиком. Он работал на буровой, которая дала первый газ на Вуктыле. Его

Тамары: бои шли и после 9 мая, советские солдаты продолжали уничтожать вражеские группировки.

На Родину она вернулась только в сентябре 1945 года.

Сейчас в доме Петушковых на почётном месте висит фотография, сделанная в 1945 году в Чехословакии. На ней юная блондинка Тамара в ладной гимнастёрке рядом с подругой. Примечательно, что в победном году она отрезала русую косу и сделала завивку: в мирную жизнь хотелось войти красивой и модной. Ведь она — девушка из поколения победителей!

Т.П. Петушкова (Кожаева) награждена орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I и II степеней, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Трудовые заслуги отмечены орденом Трудовой Славы III степени и медалью «За доблестный труд».

Жили Петушковы дружно, но семья не семья, если нет детского лепета. А как хотелось Тамаре испытать материнское счастье! Приговор врачей был суров: детей у неё не будет. Слишком суровы были военные испытания — боевая обстановка, контузия, стрессы, непосильное для женского организма перетаскивание тяжестей.

Но произошло настоящее чудо. За все тяжкие испытания, которые выпали на долю этой героической женщины, судьба преподнесла ей настоящий подарок. В сорок два года она родила доченьку, которую назвала Татьяной.

Уже давно Татьяна Васильевна стала взрослой, у самой есть сын, но по-прежнему свято хранит усвоенные с детства мамины правила: «Если ты можешь помочь человеку — скажи «да». Если не можешь — не обещай! Никогда не бери чужого, всегда помогай старикам, не позволяй себя унижать и всегда оставайся женщиной».

20 мая в год 70-летия Великой Победы Тамаре Петровне Петушковой исполнилось девяносто лет. За праздничным столом собрались самые близкие — дочь, внук, друзья и добрые знакомые. Юбилярша надела боевые ордена и снова стала молодой и красивой. Вспомнила своих боевых товарищей, встречи во время празднования Дня Победы в Полтаве, Кременчуге, Одессе, Севастополе и произнесла самый главный тост: «Пусть прекратятся все войны и наступит мир!».

Александр Велтистов

Работал оператором газораспределительной станции
5-го разряда Переславского ЛПУМГ

ВЕЗУЧИЙ ВЫ НАРОД, СОЛДАТЫ

Фронтные рассказы

С людьми, о которых пойдёт речь, мне приходилось сталкиваться и общаться на компрессорных станциях, в линейно-производственном управлении, при монтаже и строительстве газопроводов. Кто-то работал главным бухгалтером, а кто-то простым водителем в автотранспортном хозяйстве. И хотя они не встречались, даже не подозревали о существовании друг друга, объединяло их, делало необычайно схожими то, что всем им просто ПОВЕЗЛО...

Балагур

Буфера состава железно лязгнули в последний раз, колёса прекратили свой назойливый перестук на рельсовых стыках. Стояла глубокая осенняя ночь. За дощатой стеной вагона слышались приглушенные гудки паровозов, перестук молотков обходчиков. Дверь в теплушку резко, с зубовным скрежетом, распахнулась, и зычный голос, прозвучавший из темноты, заставил вскочить с нар обалдевших со сна солдат, хватавших в потёмках и спешке вещевые мешки, скатки.

Эшелон стоял где-то на запасных путях железнодорожной станции. Солдаты строились, подгоняемые злыми, резкими окриками взводных: всё было погружено в темноту. Небо затянуло плотными, без

единого просвета, по-осеннему низкими, холодными тучами.

Моросающий дождь проникал сквозь набрякшую шинельку, скатывался по отворотам пилотки за воротник; в башмаках и под обмотками появилась противная водяная слизь. Через полчаса колонна заколыхалась, тяжело качнувшись, тронулась, затопала по грязным топким лужам.

Месяц назад старшему сержанту Сеньке Ерхову с ещё двумя десятками счастливицев (всё, что осталось от стрелкового полка их дивизии!) удалось под Вязьмой с боем прорваться к своим. Старший по команде, Сенькин погодок с двумя «кубарями» в петлицах, привёл их на сборный пункт в тыл какой-то части. Больше Сенька его не видел.

Дивизия спешно формировалась в одном из городов Оренбуржья. Время сжалось тревожными сводками Совинформбюро, оно подстёгивало, и даже хлестало, заставляя лихорадочно торопиться. Дивизию, как и десятки других набранных по всей стране, перебрасывали в подмосковные, покрытые уже не тающим снегом поля и перелески.

В одном окопчике рядом с пулемётчиком расположился теперь уже замкомвзвода Сенька. Правее виднелись ещё трое-четверо его бойцов.

Всё утро фрицы вели себя почему-то тихо. Не лезли, как вчера и позавчера. И это было непонятно, оттого особенно тревожно было на душе.

«А ведь сегодня праздник, 7 ноября», — промелькнула мысль, совершенно не нужная, отвлекшая Сеньку от ежесекундной опасности. «Ерхова, к

Фото Н. В. Матюшевой

командиру полка!» — пронеслось по цепочке бойцов. «Меня? Зачем? Не дай бог, за «языком», мать его!»

Согнувшись, стараясь лишний раз не высовываться из мелкой траншеи, сержант направился к командирскому блиндажу. Крупнокалиберные снаряды с шумом проносились над головой — это наша и немецкая дальнобойная артиллерия продолжала бить по невидимым отсюда целям.

Часовой перед землянкой молча посторонился, и Сенька, откинув плащ-палатку так, чтобы можно было только протиснуться, не давая улетучиться в холодную стужу теплу, шагнул внутрь.

— Товарищ полковник, старший сержант Ерхов по вашему приказанию прибыл, — он стукнул валенком о валенок и отдал честь.

— Проходи, сержант, — из-за стола поднялся полковник, — присаживайся.

Незнакомый майор с двумя «шпалами» в петлицах подвинулся, освобождая краешек лавки.

Кроме их командира полка и незнакомого майора за столом сидели начальник штаба и политрук, присланный недавно вместо убитого. В углу землянки, источая жар, малиново светилась «буржуй-

ка», а на сбитом из горбыля столе коптящим пламенем горела «катюша», освещая съестное богатство, которое может только присниться солдату в обледенелом ровике на передовой.

— Утощайся, праздник отмечаем. Налей-ка ему, комиссар, — полковник подвинул кружку сержанту. — Я слышал, что ты мастер анекдоты рассказывать? Ну-ка, ради праздничка, заверни что-нибудь позабористей!

У себя в колхозе, ещё до войны, Сенька слыл первым балагуром, по-скоморошьи весёлым парнем, умевшим завораживать слушателей своими почти правдивыми байками. Минут через десять полковник, хохотавший до слез, указывая на сержанта пальцем, сказал:

— Комиссар, вот тебе комсорг полка! Не раздумывай! — взглянул на Сеньку. — Ты комсомолец, сынок?

— Так точно, товарищ полковник!

— Вот и бери его, комиссар!

Уже через месяц лейтенанта Семёна Филипповича Ерхова назначили в политотдел дивизии. Войну закончил в Праге, в тот незабываемый для всех день. Повезло...

Солдат двух войн

— Шоферские курсы я, почитай, перед Отечественной окончил. Как пришёл с финской, паспорт на руках — в колхоз ни ногой!

Иван Васильевич пошарил в карманах своих выдавших виды галифе, вытащил пачку «Севера», внимательно и обстоятельно разглядел папиросу и прикурил от зажжённой мной спички.

— Да, так вот, пришёл с войны, да и подался на наш завод подсобным в литейный. А тут увидел объявление, что набирают учиться на шоферов при заводе. Я ведь семилетку окончил, приняли. При заводе и шоферил. Тут-то и война вдругорядь. Пришла и мне повестка в октябре. Мать покричала-покричала да сложила мешок на вторую войну. Собралось нас в военкомовском дворе человек за сто, построили. На крыльцо вышел замвоенкома, кто, говорит, шофера — три шага вперёд. Я да ещё человек с десятком шагнули. Документы мои проверили (младшим сержантом на ту пору был) и отправили эшелонам в Пензу.

Иван Васильевич попыхал, раскуривая папиросу, щелчком заядлого и старого курильщика стряхнул пепел, продолжил:

— Под Пензой сформировали полк «катюш», а меня водителем при одной из них. В декабре были уже на Калининском фронте, как раз наступать мы

там под Москвой начали. Поначалу нас очень даже берегли. Дивизионом выедем на позицию, залп дадим, да и дай бог ноги! То в лесок какой-никакой заскочим, то в овражке отсидимся. Командирам виднее было, куда кинуться. Наше дело исполнять. Немец-то по ентому месту долбит из орудий, самолётами утюжит, а нас уже тью-тью. Хотя ведь и под бомбёжки попадали, и артиллерией накрывал он нас. ЗИС-5 — плохенькая машина, не увёртистая. Вот уж в сорок третьем пересели на «Студебеккеры». «Студебеккер» — хорошая военная машина: мостов три штуки, движок сильный, а в кабине зимой — теплота.

Войну я на речке ихней — Эльба, что ли, закончил, в апреле, как раз перед майскими праздниками. Недалече от городка Торпау. Речка-то Эльба плёвая. Самарка наша куда лучше. И водой, и бережками. А чего? Черпанул водицы оттель для радиатора, и айда себе уже прямо на восток, к дому ближе. До января сорок шестого и простоял с полком под Лейпцигом, да и демобилизовался...

Иван Васильевич внимательно осмотрел окурок и неторопливо затушил о каблук своего сапога:

— А ведь вторично свезло мне...

Он поднялся с бревна, на котором мы с ним устроились перекурить, пошёл по своим теперь мирным делам. Солдат двух войн. Повезло...

Комиссовали

Сирень буйствовала в ту весну. Запах её, смешанный с запахом молоденьких листочков, лип и клёнов, с запахом первой ярко-зелёной травки на городских газонах, приятно кружил голову, заполнял молодые лёгкие.

Иван Васильевич, улыбаясь чему-то только ему известному и понятному, в это раннее майское утро впервые шёл на новую работу, немного стесняясь своего довоенного гражданского костюма, который бросался в глаза, отличаясь от встречных гимнастёрки.

Кумачовые полотнища, плакаты на театральных тумбах и просто на стенах жилых домов — всё это радостно-праздничное многоцветие ещё и ещё раз говорило... да нет же, кричало: «Победа!». Он непроизвольно взглянул на свою правую искалеченную руку, и улыбка исчезла. Резче обозначились морщины. В памяти вдруг отчётливо всплыли события той страшной осени...

В ста с лишним километрах от Сталинграда, на левом берегу Волги, глубокой сентябрьской ночью,

Фото Н. В. Матюшевой

в ковыльной степи спешно разгружался очередной воинский эшелон. Солдаты в одних гимнастёрках в кромешной тьме скатывали по настилам с платформ орудия, из вагонов выводили лошадей, в кровь раздирая ладони, вытаскивали по краям обитые железом ящики с патронами и снарядами. От многосотенной толпы бойцов пахло потом и здоровым молодым разгорячённым телом. Темнота нарушалась короткими вспышками ручных фонариков, но синий свет их не только не рассеивал эту пропитанную тревогой тьму, но ещё больше сгущал и уплотнял её почти до материального состояния. Только на западе зарницы вспыхивали густо-красным светом, озаряя низкие осенние тучи. Там был Сталинград.

Послышалось гудение самолёта, и над степью повисли на парашютах осветительные ракеты. Ослепляющий свет разлился, высветил, вывернул наизнанку состав, сделал беззащитными, легко уязвимыми всех, кто так спешно работал на железнодорожном полотне. Налёт немецких бомбардировщиков был яростно-коротким. «Юнкерсы» пикировали, невидимые в ночном небе, засыпали бомбами, били крупнокалиберными пулемётами по полыхающим теплушкам, перевёрнутым платформам.

Паровоз уже не давал тревожных продолжительных гудков; он валялся, смятый мощным взрывом, под откосом, похожий на детскую игрушку, отброшенную ударом ноги. Слышались крики раненых и умирающих, дико ржали лошади. В первую минуту в горячке Иван не почувствовал боли. Будто кто-то палкой наотмашь ударил его по кисти правой руки, выбив и далеко отбросив карабин. Сверху на него упало ещё что-то. Сознание угасло...

Медицинская комиссия после госпиталя признала рядового Ивана Васильевича Зайцева не годным к дальнейшему прохождению воинской службы. Повезло...

Маша

Этих людей давно нет. И в какой раз, начиная с той поры кровавого лихолетья, пролегает невидимая грань между нами, живыми, и мёртвыми, оставляя нам, живым, только память. В скверах и садах этой ранней осенью ещё не облетели пожелтевшие листья, окрасившие город необычайным прощальным цветом. Тонкая паутинка плавала в чистом, в одночасье ставшим прозрачным воздухе, цепляясь за ветви деревьев, металлическую ограду городского парка, липла к лицам прохожих, редких в это раннее и не по-осеннему тёплое утро.

Прошло уже больше двух месяцев как шла эта война. Хотя она была где-то очень далеко, эхо тех страшных боёв, крови и смерти докатилось и до этого города, привольно раскинувшегося в степи на границе с Казахстаном. Воинские эшелоны уходили от вокзала под причитания и плач обезумевших от горя женщин всех возрастов. Новобранцы перед посадкой в теплушки уже не распевали ухарски частушки, улыбаясь, подпрыгивая ногой в такт весельчаку-гармонисту. Пили, почти не таясь, занюхивая просолённой горбушкой домашнего хлеба. Лица у

них стали строже и напряжённее, они даже не пытались успокоить своих провожавших матерей, жён, сестёр. Командиры уже не выкрикивали теми оруще-звонкими, на высоких нотах голосами команду: «По вагона-а-м!».

Две девушки-подружки с заплечными мешками торопливо шли мимо городского парка, не обращая внимания ни на серебристые струйки паутины, ни на расцвеченные осенью деревья и кусты. Только этим летом они окончили местное медицинское училище, немного поработали в городской больнице сёстрами. И вот сейчас с повесткой в кармане, вещевыми мешками, что накануне собрали их плачущие навзрыд матери, торопились к зданию городского военкомата. Вышел пожилой командир со «шпалой» в петлицах, сделал перекличку. В военкоматовском дворе девушек оказалось ровно семьдесят...

Эшелон поздно вечером разгрузился на станции Серпухов. Машу Мартемьянову с несколькими такими же молоденькими медсестрицами направили в прифронтовой госпиталь, расположившийся в здании бывшей школы почти забытого мирного времени. До фронта оставалось с десятков километров: раненых, контуженых, обмороженных солдат привозили в основном ночью, опасаясь налётов немецкой авиации. Целый день приходилось простаивать

за операционным столом, ассистируя хирургу, майору медицинской службы, а ночью переносить раненых, распределяя их по классам, ставшим больничными палатами.

Маша отличалась завидным здоровьем: тело, налитое молодостью и силой, румянец во все щеки. Без усталости, забывая об отдыхе и еде, она таскала тяжеленные носилки с ранеными бойцами, которые под силу поднять лишь хорошим портовым грузчиком; просиживала ночи напролёт, когда не было эвакуационной колонны с фронта; во время дежурства поминутно вскакивала с жёсткой и неудобной табуретки на зов больного.

Во время бомбёжки Маша торопливо переносила и переводила своих беспомощных подопечных в убежище. Перестирывала и кипятила грязные, в следах крови, бинты. Проходили недели и месяцы. Тяжесть бессонных ночей, недоедание, смертельная усталость убрали румянец со щёк, налили свинцовой тяжестью руки и ноги. Поток раненых не иссякал.

Госпиталь переезжал всё дальше и дальше на запад. 9 мая лейтенант медицинской службы Мария Васильевна Мартемьянова встретила в тыловом госпитале в Минске. А из семидесяти молоденьких девочек в свой дом вернулись только четверо.

Им повезло...

ПАЦАНЫ

Рассказы

1948 год

Самым лучшим стрелковым оружием, несомненно, обладал Генка. Автомат ППШ выглядел как настоящий. В кожаной кобуре, пристёгнутой к широкому офицерскому ремню, лежал пистолет ТТ — шедевр столярного искусства. Да и где там тягаться девятилетним пацанам с Генкой!

Его друг, смастеривший все эти бесценные вещи, — наводчик гаубицы, старшина-сверхсрочник Ванушкин, Герой Советского Союза, обладатель двух орденов Славы, не считая почти десятка медалей. Офицеры полка, включая командира, первыми при встрече приветствовали его, отдавая честь. Строгим и суровым старшина оставался и на службе, и в повседневной жизни, а вот к сынишке командира батареи майора Деева прикипел всем сердцем.

Жизнь у Ванушкина круто изменилась в начале войны. Родом из Орловской области, он был призван на действительную в мае 1941-го и с того времени от своих близких — отца, матери и двух младших се-

стёр — известий не получал. В отпуск старшина ездил на родину ещё два года назад, в июле 1946 года, вернулся в полк задолго до окончания отпуска и подал рапорт на сверхсрочную.

На вопросы о своей поездке отмалчивался, замыкался в себе, только желваки на скулах начинали перекачиваться вверх-вниз да ладони огромных рук непроизвольно сжимались в кулаки. Что там случилось на Орловщине да как, однополчане могли только гадать, строя различные предположения.

Гвардейский ордена Суворова гаубичный полк расквартировали почти в центре Германии, в небольшом городке Потсдам вблизи Берлина. Сюда полк пришёл в победном 1945-м, и за три года быт офицеров приобрёл мирный характер. К ним из России стали приезжать жёны с детьми, офицерские общежития перестраивались в коммунальные квартиры. У Деева семья была неполной, в 1941-м его жена с тогда ещё двухлетним сынишкой эвакуи-

ровалась из Смоленска в Чкаловскую область. В дороге она заболела да так и не смогла оправиться, а маленького Генку определили в детский дом областного центра.

Только в начале этого года майору дали полноценный отпуск, и после недолгих сборов Деев поехал в Россию за сыном. Детский дом, который находился на улице Цвиллинга, Деев нашёл довольно быстро. Это был старинный двухэтажный особняк, построенный до революции каким-то зажиточным купцом. Ремонт фасада не проводился несколько десятков лет, лепнина местами отвалилась, как отвалилась и штукатурка, обнажив красный кирпич стен.

Взбежав по ступеням парадного, майор потянул массивную входную дверь и оказался в полумраке вестибюля. У широкой лестницы, ведущей на второй этаж, стоял мальчишка лет тринадцати-четырнадцати в серой фэзэушной форме с красной повязкой на рукаве. Представившись, Деев обратился к дежурному:

— Не подскажешь, как мне найти вашего директора?

Юноша при виде боевого офицера с орденскими планками на левой стороне груди и нашивками за ранения на правой вытянулся и, срываясь на высоких нотах, доложил:

— Товарищ майор, кабинет директора детского дома Николая Владимировича находится на втором этаже! Вам по этой лестнице, — он жестом указал направление. Но, забывшись, по-детски шмыгнув носом, полушёпотом спросил:

— Вы за своими, товарищ майор?

При взгляде на этого мальчишку у Деева перехватило в горле, он только кивнул головой; хотя до этого хотел спросить о своём сыне, но не спросил, заторопился вверх по лестнице.

Вот так Генка и оказался в военном городке гаубичного полка летом 1948 года. Буквально через

Фото М. В. Филипповой

несколько дней он уже верховодил стайкой своих сверстников. Надо заметить, что кроме русских мальчишек и девочек проживали в городке со своими родителями и немецкие Junge und Mädchen. Немецкие мужчины и женщины привлекались для хозяйственных работ: уборщицами, грузчиками, дворниками, прачками. Как складывались отношения русских и немецких девочек — отдельная история, а вот среди мальчишек благодаря тому же неугомонному Генке сразу сформировались две «армии» — Красная и Wehrmacht.

За солдатскими казармами стояло полуразрушенное здание, с лёгкой руки мальчишек — Reichstag. Немецкие пацаны его обороняли, а полк Красной Армии под командой Генки захватывал дом, разбомблённый авиацией союзников. С криками «ура!», «за Родину!» и «за Сталина!» отряд кидался на защитников «Рейхстага». Несмотря на ежедневные указания, просьбы Генки о более длительной обороне, немецкие пацаны моментально скидывали руки вверх и начинали орать: «Nicht schissen, russisch Soldaten! Hitler kaput!». Может быть, немецкие родители строго-настроено запретили своим чадам драться по-настоящему, боясь, что какому-нибудь русскому мальчишке в потасовке расквасят нос и это вызовет гнев оккупационного начальства. Так что бои стихали сами по себе, стрелковый полк превратился в 25-ю Чапаевскую дивизию и белоказаков. Потасовки между белыми и красными возобновились, благо те и другие были русскими.

Между боями местного значения среди мальчишек и бесконечной игрой в классики, резиночку у девочек наступал ежедневный объединяющий момент. По молчаливому разрешению командира части абсолютно вся детвора в двенадцать часов отправлялась в солдатскую столовую. Для рядового и сержантского состава обед начинался в тринадцать часов. Русские мальчишки и девчонки на правах хозяев без стеснения заходили и рассаживались за столами. Маленькие немцы всегда с робостью проникали в помещение столовой, здороваясь при входе обычным «Guten Tag, mein Herr!», а девочки делали и непривычный для русских книксен. Особист полка, частенько посещавший столовую, наклонял голову вниз и быстро уходил в подсобку, не замечая вопиющего безобразия.

Оставшийся нарезанный хлеб немцы заворачивали в бумажные салфетки и рассовывали по карманам. Работники столовой этого «не замечали». А выходя из-за стола, благодарили, обращаясь к дежурному офицеру: «Danke schon, Herr Ofizir!», — на что дежуривший лейтенант, вчерашний выпускник училища, краснея, отвечал с ярославским или нижегородским оканьем: «Да чего там, на здоровье!».

Через год майора Деева перевели служить в Союз. Ванушкин демобилизовался, ему не хотелось расставаться ни с Генкой, ни с майором Деевым, для которых он стал членом семьи. Все пацаны — русские, немцы — и даже девчонки пришли провожать

1968 год

Мать стояла над изголовьем сына, не решаясь будить его. Она пыталась растянуть эти минуты сна, может, самые счастливые для её единственного, самого любимого ею человека. Жалость и чувство необходимости боролись, лёгкой тенью скользили по её лицу. Во сне сын чему-то улыбался, губы его складывались в смешливую гримаску, сон, мягкий и властный, полностью овладел им. Но стрелка будильника неумолимо приближалась к шести.

— Сынок, — мать осторожно коснулась худой, загорелой до черноты руки, безмятежно и расслабленно лежащей на одеяле. — Пора, уже утро!

Остатки сна моментально слетели с лица, сын открыл глаза, резко поднялся. От отца ему достался удивительно лёгкий переход от яви к ночному забытию и наоборот.

На завтрак была яичница с кусочками ливерной колбасы, посыпанная мелко нарезанным луком, петрушкой. Аппетитная глазунья шкварчала, недавно снятая с керегаза. Ломти серого хлеба лежали в белой фарфоровой чашке.

— Мам, я чай не буду. Уже некогда!

— Хоть кваску выпей на дорожку, — мать заворачивала в газету обед: два круто сваренных яйца, пучочек зелёного лука, два свежих огурца, сорванных накануне с грядки, несколько ломтей хлеба. В бутылку из-под кефира налила подслащённый чай.

— Нет, мам, некогда! Сейчас Серёга с Вовкой подъедут!

На ходу прожёвывая последний кусок, Петька выскочил на крыльцо. Весь их маленький дворик заливало лучами давно вышедшего июльского солнца. Из-за забора раздался призывный свист. Торопясь, прилаживая к рулю авоську с обедом, Петька внимательно оглядывал велосипед: наточенная вечером мотыга прочно была привязана к раме.

— Привет, пацаны, — Петька за руку, подражая взрослым мужикам, поздоровался с приятелями Серёгой и Вовкой. Серёга с Вовкой — братья, Серёга к тому же Петькин одноклассник, этой весной они перешли в четвёртый класс. Вовка старше на два года, но разница в возрасте ни капельки не мешала их дружбе.

— Поехали, а то уже опаздываем! — Вовка от нетерпения педалил, то есть раскручивал педаль велосипеда ударом ноги. Педаль с приятным шумом

их. За день до отъезда майор простился с батареей и офицерами полка. ГАЗ-63 тронулся, Ванушкин и Генка долго ещё махали из кузова провожающим, наконец, квартал окончился, машина вильнула влево, военный городок скрылся. Для них — навсегда.

весело вращалась, пуская солнечные зайчики своей хромированной поверхностью. В начале этого года Вовке купили велосипед ЗИФ — это была мечта любого пацана в их квартале, и Петькина тоже. Он вырос из своего «Школьника», и, как ни поднимай седло с рулём, колени всё равно задевали об изгиб руля.

В начале лета друзья нашли работу. Решено было, что все каникулы они будут ездить в пригородный совхоз на прополку овощей. Одна сотка прополотой грядки стоила 50 копеек. Несмотря на явный и ежедневный обмер бригадира совхоза, друзьям с семи утра и до обеда удавалось заработать от полутора до двух рублей. Простая арифметика доказывала, что достаточно отработать всего-то сорок пять дней, и бесценная вещь — велосипед ЗИФ — будет твоим. А ПВЗ можно было купить запросто и через сорок дней работы! Куда собирались потратить свой заработок Серёга с Вовкой, Петька не знал, братья скрывают и за месяц их совместной работы на грядках ни разу не проговорились. Да и на что им деньги? Отец у них на машиностроительном заводе работает главным технологом, мать — в заводской бухгалтерии!

Это у Петьки одна мать вкалывает медсестрой в городской больнице. Бабушке, которая живёт с ними, пенсию почему-то не платили, мать говорила, что не хватает какого-то стажа. Летом бабушка уезжает гостить к своим дочерям, да и то только на месяц. Отца своего Петька помнит смутно, маленький был, когда тот пьяный попал под поезд. Возвращался ночью домой от очередного друга, да и угодил под колёса товарняка!

Солнце приближалось к зениту, жара становилась почти нестерпимой. Разогнув привычно ноющую спину, Петька в который раз оглянулся на прополотую морковку: «Сотки три, не больше. Бригадир намерит две, надо, значит, ещё поднажать. А хорошо сейчас на берегу речки!».

— Петька, хоре на сегодня! Мы с Вовкой завязываем, жарко очень. Поехали к бригадиру сдавать работу!

Петька оглянулся и только махнул рукой.

— Ну, как хочешь, а мы — домой и на речку! Вечером приходи, покажем одну штуку. Пока!

И они, сев на велосипеды, уехали. «Надо попить, может, не так жарко будет, на травке растянуться

минут на пять», — Петька пошёл к зарослям ивняка, где они с друзьями оставляли велосипеды и еду. Привалившись к стволу огромной ивы, Петька неторопливо сделал несколько глотков тепловатого чая из кефирной бутылки, закрыл глаза. Вместе с освежающей прохладой подкрался сон. Он опустил веки, ласково потрепал по щеке, пробежался холодноватыми пальцами по разгорячённым плечам.

Петька спал. Он ехал на новом велосипеде по своей улице. Встречный ветерок пузырил рубашку

на спине, трепал белую, выгоревшую на солнце чёлку. Рядом бежал соседский мальчишка — семилетний Павлик:

— Петька, ну прокати, что тебе, жалко, что ли?

— Подожди, сейчас доеду только вон до того столба...

Петька открыл глаза, сон исчез, испарился, умчался куда-то далеко-далеко. Вздохнув, он взял мотыгу и отправился к своей грядке. До мечты осталось шестнадцать дней...

В первый раз

Тряский ГАЗ-69 бодро бежал по асфальтовой дороге. Давно миновал пост ГАИ Похвистнево — небольшого городка нефтяников и газовиков на юге Куйбышевской области. Воскресный сентябрьский день клонился к вечеру, а до дома оставалось добрых двести километров. Настроение было хуже некуда. День газовой промышленности приходилось встречать на заднем сиденье армей-

ского «козла», поглядывая через запylённые стёкла на пробежавшие мимо, уже порядком надоевшие, чахлые кусты придорожных посадок.

Начальник нашего линейного производственного управления, ЛПУ, Чудочкин сидел на переднем сиденье, молчал и только смотрел прямо перед собой. «Дёрнула его нелёгкая в эту Дирекцию строящихся газопроводов! Я-то зачем понадобился?

Фото В. Н. Юданова

График поставок КИПовского оборудования соблюдается, а до всей остальной «механики» какое мне дело?» — всё более раздражаясь и заводя себя, проклинал я ту минуту, когда утром в выходной (такой редкий при пусконаладочных работах!) не смог найти благовидного предлога для отказа от этой дурацкой, по всему видно, поездки.

— Тормози! — молодой, недавно демобилизованный водитель, вздрогнув от неожиданного в затянувшемся молчании окрика, послушно нажал педаль тормоза, выключил передачу. Машина плавно остановилась на обочине. Не понимая причину остановки, мы только переглянулись с шофёром. Начальник продолжал также неподвижно сидеть, сжимая руками с побелевшими костяшками переднюю стойку. Наконец, он открыл дверцу, вышагнул на дорогу:

— Точно, здесь!

Я полез со своего заднего сиденья, стал глядеть туда же, куда смотрел Чудочкин. Чуть заметная просека, уже порядком заросшая тем дрянным редколесьем, который обычно вырастает на вырубках, уходила на север, пересекая ещё одну зелёную рощицу.

— Почти сорок лет прошло, а ведь вспомнил, не подвела память. Славка, — обратился он к водителю, — достань-ка чемодан.

Славик, обернувшись, взял с сиденья докторский саквояж, подошёл к нам. Чудочкин также молча щёлкнул хромированными застёжками, достал свёрнутую газету, расстелил на капоте. Извлёк бутылку «Столичной», два маленьких пластмассовых стаканчика, кусок домашнего сала, несколько пельменей зелёного лука:

— Нарезь, — коротко бросил он мне, указывая на хлеб и сало. Откупорил бутылку, наполнил расставленные стопки до краёв:

— С праздником! Первый агрегат уже работает, так что и наш цех, можно сказать, запущен.

Влил в себя водку, пожевал кусочек хлеба с ломтиком сала:

— Вот здесь в начале сентября сорок четвёртого года встречал я свой первый профессиональный праздник. Пацаном я ещё был, даже в школу не ходил. Да ты выпей! Нечего стакан в руке мять. У моего отца бронь была, работал мастером на Похвистневском участке «Куйбышевнефти». Так вот для Куйбышева в том году было решено положить газопровод высокого давления от местного газового месторождения. Отцов участок строительства начинался именно здесь. В бригаде — одни женщины да пацаны из ФЗУ. Вместо экскаваторов — лопаты, вместо трубоукладчиков — верёвки через блоки на деревянных козлах, вместо труб газовых — орудийные стволы с немецких «Тигров», «Пантер» и пушек. Сюда я носил еду из дома, пока недалеко работали. И ведь построили, и газ подали поздней осенью! Так что газовик я уже почти сорок лет... Поехали, дома заждались. Ведь я тебе хотел просто свой первый газопровод показать, коль случай подвернулся. Ты уж не таи на меня обиду за испорченный выходной и праздник...

Здесь пролегал газопровод уже пожилого начальника линейно-производственного управления, а за двести километров отрабатывал свои первые часы газотурбинный агрегат, впервые запущенный и при моём участии.

Может, из таких моментов и возникает связь: связь времён, людей и судеб?

Медаль

Посвящается памяти моего отца-солдата

Отец пришёл с работы в тот день раньше обычного. Мать и я (а мне было лет пять) встречали его в нашей крохотной квартире в районном центре юга Оренбуржья. Он снял свой военный без погон китель, на котором были прикручены орденские планки, скинул хромовые, начищенные, как обычно, до блеска сапоги и извлёк из кармана галифе небольшую коробочку, протянул её матери. Внутри лежала медаль. Она была свёрнута пополам: сверху желтел кругляшок самой медали, на котором был выбит самоходный комбайн, а внизу виднелась орденская колодка, обтянутая зелёной лентой с жёлтыми полосами по краям. Медаль была «За освоение целинных земель».

— Это кому? — спросил я.

— Тебе, — ответил отец. — Помнишь, на Новый год в райкоме на ёлке ты стихотворение читал? Вот первый секретарь решил наградить тебя этой медалью.

Отец приколол её к моей защитного цвета рубашке, рядом с медалью «За победу над Германией».

— А где документ?

— Имеется, но его надо положить со всеми документами вместе, их с собой не носят. Верно, мать? — обратился он к улыбающейся, всё понявшей матери.

— Верно, верно. Идёмте ужинать, герои мои, — и она за руку повела меня к столу.

А медаль эту я позже где-то потерял, как потерял почти все награды моего отца. Солдата.

Газировка

Зенитная батарея отца, где он к концу лета сорок четвёртого был уже сержантом и комсоргом дивизиона, стояла недалеко от Серпухова, охраняла железнодорожный мост через Оку.

Из штаба московского ПВО пришёл приказ — срочно доставить по назначению пакет с документами. Вызвали отца, вручили командировочное предписание, пакет, засургученный несколькими печатями, и приказали отвезти его в Москву. Из Серпухова уже ходили пригородные поезда, и спустя часа четыре он шёл по привокзальной площади в Москве.

День стоял жаркий, послеобеденный, фляжка осталась забытой в землянке на батарее, и очень хотелось пить. На краюшке привокзальной площади приютилось несколько киосков, голубела тележка с белой

надписью «Мосводы». Выгрёб отец из кармана сержантское жалование, как раз хватило на три стакана газировки. Никогда до этого не доводилось ему провонять шипучую сладкую воду, да и откуда ей было взяться в селе, далёком и от райцентра, и тем более от Ярославля. Встал в очередь в предвкушении, что минут через десять удастся напиться. А в очереди — одни женщины. Обернулись, молча разглядывали молоденького солдата с вещевым мешком за плечами, в рыжей гимнастёрке, полинялой пилотке на стриженной голове. Одна из них, побойчее, возмутилась:

— Солдат, защитник наш, и в очереди! А ну, бабы, расступитесь! А ты пей, пей, солдатик, тебе воевать...

Год-то был ещё только сорок четвёртый.

Труба

Я уже взрослым был, когда мой отец рассказал эту историю, случившуюся с ним во времена освоения целины:

— Когда я служил райкомовским работником, в мои обязанности входила организация различного рода лекций. Очень уж они были популярны в те времена. Доклады проводили обычно в «красных уголках» отделений совхозов, центральных усадьбах, домах культуры района. Даже съёмочную группу пришлось встречать и провожать в Адамовский район. В тамошнем совхозе «Комсомольский» снимали фильм (популярнейший среди целинников!) «Иван Бровкин на целине». Принять участие в массовке не довелось, а вот актёров видел всех!

Осенью, где-то в конце октября, приехал к нам в район из Оренбурга (тогда Чкалова) лектор из общества «Знание». Лекция была на темы агрессивной,

милитаристской политики Запада, ядерного оружия, способов защиты. Вышли из районного клуба, когда стемнело. Мне надо было проводить областного лектора в гостиницу. Осенняя слякоть, грязь прилипала к сапогам — не отчистить! Домушки, построенные ещё в сороковые годы из самана, серые от осенней водяной пыли — всё это не располагало к хорошему настроению.

Идём, значит, разговариваем, и замечаю его удивлённый взгляд. Лектор даже остановился. Глядит на крышу одной из мазанок — а там ведро. «Николай Борисович, а зачем ведро на крыше?» — обратился он ко мне. «Так ведь это труба, обычная печная труба», — поясняю ему. Гость постоял задумчиво какое-то время и категорично заявил: «Американцы сюда свою атомную бомбу бросать не будут!». «Почему?» — удивился я. «Она очень дорого стоит», — был ответ.

Пистолет

На дворе наступила весна, а я заболел. Мать, медик по профессии, сразу определила — скарлатина. Про детский сад надо было временно забыть, отчего меня на целый день оставляли одного в нашей квартирке на окраине центральной усадьбы совхоза. Родители спозаранку уходили на работу, когда я ещё спал. Мать собирала для меня на столе нехитрый завтрак с обедом, который и съедался мною скорее от безделья, чем от чувства голода, в течение дня. Время останавливалось. Это было видно по всему: стрелки настенных ходиков прилипали к цифрам «девять» и «двенадцать», не трогались с места, становились совершенно неза-

висимыми от качающегося вправо и влево маятника; солнце замирало в том же промежутке оконного стекла, не поднимаясь к своей высоте, откуда бы оно скатилось к вечерней заре.

Послonyaлся я в очередной раз по всем комнатам, и мне в голову пришла неплохая идея — написать реферат. Это слово я знал. Отец повторял его, когда что-то быстро писал остро отточенным карандашом на листах бумаги. Он работал партгором в нашем совхозе, мать заведовала местной амбулаторией. Они у меня были, как мне казалось, совсем не похожими друг на друга. Во-первых, мать была чуть выше отца, когда они шли под руку по нашей

совхозной улице (каблуки матери я почему-то в расчёт не брал). Во-вторых, мать всегда чему-то улыбалась, даже когда мыла меня в большущей оцинкованной ванне. Отец оставался серьёзным при всех обстоятельствах. Мать, кроме своих медицинских книг и журналов, почти ничего не читала, но по радиоприёмнику любила слушать оперы и особенно оперетты. Отец же мог просидеть, читая книгу, всю ночь, завесив электролампочку газетой.

Забравшись на письменный стол, я вытащил с книжной полки тоненькую тетрадь. На полке стояли отцовы книги, брать которые мне было строжайше запрещено. «Советский энциклопедический словарь», — с уважением прочитал я на корочке одной из них и сполз на стул. Кроме этих трёх томов, стояли ещё философские, политические, географические — целая уйма, как мне представлялось, абсолютно не нужных в жизни книг.

Щёлкнул замок на входной двери, и мои родители, наконец-то, пришли домой. Я бросился к матери, уткнулся ей в колени, от неё пахло больницей. Она, как всегда, улыбаясь, наклонилась и поцеловала в щёку, спросила, не баловался ли я во время их отсутствия, скинула пальто и тут же принялась хлопотать у обеденного стола. Отец, сняв и аккуратно повесив на вешалку «москвичку», провёл своей ладонью по моей стриженной «под ноль» голове и внимательно посмотрел мне в глаза. От его пронизывающего взгляда я всегда приходил в замешательство.

За ужином мать с отцом делились новостями прошедшего дня. А я был самым внимательным слушателем. В тот день отца вызывали в райком, и он на директорской «Победе» ездил в райцентр. Мне много раз приходилось бывать в этом посёлке. Летом он покрывался жаркой серой пылью, а по улицам ветер кружил «перекати-поле». Зимой он утопал в снегах по самые трубы мазанок с промёрзшими насквозь окнами.

— Да, чуть не забыл, — отец встал из-за стола и направился к вешалке. Пошарив в одном из многочисленных карманов своего пальто, он извлёк коробочку и протянул мне:

— Держи.

На лицевой стороне был нарисован пистолет. Я открыл коробку трясушимися от радости руками и обомлел: там оказалось нечто такое, чего я ещё не видел.

— Как оно называется? — голос у меня дрожал.

— Не знаю, — ответил отец, — но можно узнать.

Он достал один из трёх томов словаря, быстро отыскал нужную страницу, ткнул в статью пальцем:

— Читай!

— Револьвер, индивидуальное многозарядное нарезное стрелковое оружие. Состоял на вооружении в России, системы Наган, — по складам прочитал я.

Только по прошествии многих лет я понял: отец приучал меня пользоваться справочной литературой, порой так необходимой в нашей повседневной жизни.

Фото А. В. Кучерова

«РУССКИЙ СИНДРОМ»

Длинноногая стюардесса в форме «Аэрофлота» катила по проходу салона самолёта тележку, предлагая пассажирам ТУ-154 рейса «Москва — Берлин» прохладительные напитки. За иллюминатором в огромной низине, в разрывах облаков, проплывали зелёные леса, поля. Изумрудная зелень пересекалась голубыми лентами рек, синеватые осколки озёр и прудов отражали солнечный свет слепящими глазами «зайчиками».

Уставившись в немного сферическую от высоты землю, он пытался угадать момент пересечения границы с другим государством. Слева мирно спал, удобно расположившись в кресле, старинный приятель ещё по Тольяттинскому ЛПУ (линейному производственному управлению. — Ред.), Валька Зорин. Взглянул на часы и, вспомнив объяснение бортпроводницы о скорости лайнера, сделал в уме несложные арифметические расчёты и опять стал смотреть вниз. Земля ничем не отличалась ни до, ни после границы, и, разочарованный увиденным, он отвернулся от иллюминатора...

— Александр Николаевич! — к нему бежал линейный трубопроводчик. — Вас к телефону — главный инженер объединения!

«Чёрт! Надо было раньше приехать на эту ГРСку (газораспределительную станцию. — Ред.) и взять руководство работами на себя. Объясняйся теперь, почему замена крана задерживается на час!» — ноги сами несли его к телефонному аппарату.

— Ты что там делаешь? — услышал он знакомый голос в телефонной трубке.

— У тебя, по-моему, ответственный на этих работах начальник ЛЭС (линейно-эксплуатационной службы. — Ред.)? Или я что-то путаю?

— Все правильно, Валерий Иванович, я просто заехал проконтролировать процесс до завершения всех работ!

— Это дело твоё, мне не пристало влезать в твою епархию, да и время не рабочее уже. Я вот по какому поводу звоню. Из главка пришла разрядка на одного человека — послать делегата на XVIII Международный газовый конгресс. Мы подумали и решили отправить тебя в Берлин, вас там ещё какое-то время и поучат. Подробности узнаешь в главке.

— За что, Валерий Иванович? — вырвалось первое, что пришло ему голову от этого ошеломляющего известия.

— За работу! Завтра в обед тебе надо быть в Саратове. Вертолёт на утро я тебе забронировал, необходимые сопроводительные документы заберёшь

в аэропорту у диспетчера. Всё. Заканчивай работу и не опаздывай к вылету вертолёта...

Шасси самолёта коснулось бетонной полосы, пристёгнутое к креслу тело по инерции дёрнулось вперёд. Сели в Берлинском аэропорту Темпельхоф. После пограничного контроля и таможенного досмотра группу из советского «Газпрома» встречал пожилой представительный немец с бейджилом на лацкане пиджака. «Др. Клаус Штандке. Дер Вербунд-нетц Газ АГ» — гласила надпись.

— Гутен таг, майн херр! Здравствуйте, господа! — обратился встречающий к прибывшим. — Доктор Клаус Штандке, пресс-секретарь по общественным связям, буду сопровождать вас и буду вашим гидом, — продолжил он на приличном русском. — Сейчас мы с вами отправимся к автобусу и далее в отель. Там вы отдохнёте, вечером — ужин. В ресторане я расскажу дальнейшую программу. Прошу за мной, — он сделал приглашающий жест и направился к выходу.

В ресторане группа присоединилась к основной делегации. После роскошного ужина, устроенного хозяевами конгресса «в честь Мингазпрома СССР», и нескольких рюмок водки, выпитых за дружбу, взаимопонимание, гласность и перестройку, Валька Зорин, набравшись храбрости и наглости, пригласил в гостиничный номер нашего знакомого по аэропорту — под предлогом уточнения плана пребывания газпромцев в уже объединённой Германии. Доктор охотно согласился. Сказалась ли выпитая водка или он действительно хотел общения с людьми из Союза, осталось загадкой, но это уже не имело значения. Вскоре в номере на двоих был организован «шведский стол». Водка была, а несколько тарелок с различными закусками просто «умыкнули» из банкетного зала ресторана.

— Давайте за дружбу, вроде как фройндшафт! — Валька поднял свой стакан.

— Тринкспрух! — последовал встречный тост Клауса, и стаканы стукнулись друг о друга. Гость одним глотком расправился со спиртным, отломил кусочек ржаного хлеба (водка и хлеб были куплены в Москве), по-русски занюхал и под удивлёнными взглядами стал неторопливо жевать чёрную корочку.

— У нас обычай такой, что между первой и второй — промежуток небольшой, — Валька наполнил пустые стаканы.

— Да, да, я это знаю, — Клаус потянулся за своей порцией.

— Друзья! Приятно выпить здесь, в центре Берлина, в воссоединившейся Германии...

Александр Торнов

Работал главным инженером Урдомского ЛПУМГ

ТЕ САМЫЕ ПУШКИ

Каждый раз, проходя или проезжая по улице Железнодорожная в Урдоме, я смотрю на небольшой памятник участникам Великой Отечественной войны и на два артиллерийских орудия, стоящие рядом. Они — словно два бойца, прикорнувшие под берёзами, готовые в любую минуту по приказу командира встать в боевую позицию и начать вести огонь. Всё-таки есть какая-то притягательная сила у любого оружия, которая заставляет любоваться им, гладить его. А ещё в душе любой мужчина остаётся мальчишкой. Многие это подтвердят...

Шедевр Грабина

О пушках Голоушкина доводилось слышать и раньше. А всё потому, что доставил их в Урдому очень спокойный и энергичный человек, занимавший в ту пору пост главы поссовета муниципального образования «Урдомское», Голоушкин Александр Николаевич.

Доставил аккуратно к Празднику Победы 2006 года. Из тех мест, где проходила его офицерская служба. Он сумел там договориться о выделении в качестве фрагмента для мемориала памяти двух орудий. И документ имеется, подписанный Председателем Правительства РФ М. Фрадковым, от 09.09.2005, № 1173-р.

Ну ладно, доставил и установил. Это тоже отдельная история. Поглядели — разошлись. Говорили, может, какие-нибудь учебные, «ненастоящие». А разбираться некогда, суета праздников затянула. В общем, разговоры среди населения про эти пушки скоро утихли. Однако стало в Урдоме одной достопримечательностью больше. Их фотографировали. Делали школьные альбомы. Иногда к ним подъезжали молодожёны с цветами.

Как-то накануне 65-летия Победы, приводя в порядок семейный архив, я просматривал старые фо-

тографии, оставшиеся мне от деда. И на одной из них прочитал: «Гвардейский отдельный артдивизион 3-го Украинского фронта, гаубичники М-30. Апрель 1945 г. Австрия». Не поленился и полез в Интернет. Нашёл М-30 образца 1938 года, так и есть — она, одна из установленных у нас в Урдоме. А другая... Самая настоящая ЗИС-3 образца 1942 года! Легенда, лучшая дивизионная пушка времён Великой Отечественной войны. Шедевр Василия Гавриловича Грабина, генерал-полковника, Героя Социалистического Труда, четырёхжды лауреата Сталинской премии.

А выросла эта пушечка из другой, тоже очень интересной, того же Грабина, — Ф-22. Интересна она вот чем. Пушка Ф-22 калибра 76 мм — сильная, но у неё имелся один недостаток — размещение рукояток наводки по разные стороны ствола, горизонт и вертикаль. Это обстоятельство требовало, чтобы расчёт из четырёх человек был всегда в строю. Живым. Поясню: если вдруг убьют или ранят кого-то из расчёта, всё — «ослепла» пушечка, невозможно быстро прицелиться. Знал Грабин про этот недостаток и хотел модернизировать орудие перед войной. Тухачевский ему не позволил. Не время, дескать...

На вражеской службе

Немцы захватили в первые дни войны тысячи этих Ф-22. Но сдали в металлолом. А поначалу использовали в первоизданном виде. Потом модернизировали, и именно так, как хотел

«папа» этого орудия — Грабин, потому что имела эта пушка неисчерпаемый потенциал модернизации. Колёса резиновые сняли (Ярославского шинного; у нашей, урдомской, между прочим, стоит то довоен-

Вальку понесло. После горячительных напитков его всегда тянуло на длительные застольные речи. Доктор усмехнулся и приготовился слушать, набравшись терпения.

— А в заключение, — горячился Зорин, — мне бы хотелось, чтобы наше знакомство продолжалось в Москве, в уютном ресторане, где-нибудь на улице Горького...

При этих словах Клаус быстро глянул на говорившего, его рука, удерживающая стакан, задрожала.

— Тринкспруж! — он одним махом, не дожидаясь окончания монолога Зорина, выпил водку. Наступило неловкое молчание. Было непонятно, что так взволновало или огорчило гостя. Клаус рассеянноковырял вилкой салат.

— А знаете что, — неожиданно прервал он тишину, — Зорин, налейте! Я хочу выпить за вас, нет, не лично за вас, а за весь русский народ. Великий, умный, а главное, милосердный и великодушный! Родом я из Дюссельдорфа, с двадцать третьего года. Воевать начал 22 июня сорок первого с границы в Польше. Воевал рядовым в пехотной части вермахта. Был ранен зимой сорок первого. Но нетяжело — вновь отправили на Восточный фронт. В июле сорок четвёртого под Могилёвом попал в плен. Наш полк прекратил своё существование буквально за три дня после начала наступления Красной Армии. Под Могилёвом был ад. Москву и улицу Горького я увидел в колонне военнопленных в том же сорок четвёртом.

Затем — лагерь под Юргой Кемеровской области, угольная шахта, работа по двенадцать часов, — продолжил Клаус. — Шахты, где работали мои пленные соотечественники и я, считались самыми опасными в угольном управлении из-за большой глубины и неожиданных выбросов метана. Аварии случались часто. Гибли люди — немцы, с которыми я жил в своей стране, воевал и работал в плену. В лагере сносно научился русскому языку. В разрезе с нами работали и ваши шахтёры. За опасность администрация платила им, по тамошним меркам, неплохо. Так прошло два года.

А летом сорок шестого мы с земляком устроили побег. Шансов добраться до дома почти не было, но и оставаться, испытывая судьбу на этих работах, желания тоже не было. Днём скрывались в лесных зарослях, по ночам шли — по звёздам, звериными тропами. Шли, пока были продукты. Иногда по ночам на огородах цапцарапахен картофель у местных крестьян. Но еда, тайно накопленная нами в лагере за четыре месяца, закончилась. Наступил голод. Лесная ягода и корешки, которые мы выкапывали в лесу, насытить уже не могли. Курт быстро слабел. Он просто в одно утро не проснулся. Хунгершнот. Я пошёл один. С неделю в полуобморочном состоянии брёл, не разбирая дороги. Затем наступила темнота.

Очнулся я на деревянной лавке в доме. Было, как помню, тихо и тепло. Одежда моя, изодранная ветвями и камнями, сушилась на верёвке подле протопленной печи. В комнату вошла старая женщина. Сколько ей было лет на самом деле, я не знаю. Ваши послевоенные женщины все выглядели старыми. Она взглянула в мою сторону: «Очнулся, фриц?». Я кивнул, а в голове пронёсся рой мыслей: «Вот и всё, сейчас приедет их НКВД, потом — суд и немедленный расстрел за побег...». Но женщина открыла заслонку в печи, достала рогатой палкой чугунную кастрюлю, поставила на стол. Из-под крышки тянулся ароматный дух съестного. От этого запаха я на минуту потерял сознание. Хозяйка тихонечко тормошила меня, приговаривая: «Вставай, это у тебя от голода. Поешь немного — полегчает». С трудом, преодолевая головокружение, я добрёл до стола. В глиняную чашку налила половник бульона. «Нельзя тебе пока много есть. Еда будет ядом», — объясняла она.

Неделю прожил в доме у этой женщины в глухой деревне Челябинской области. Здесь, в двух десятках домов, жили одни женщины да старики со старухами. Моя хозяйка была одинока. С войны не вернулись её муж и двое неженатых сыновей. Только в конце лета сорок восьмого, через два года, я оказался под Львовом. Почти случайно в лесу встретился с украинскими партизанами, просидел у них в бункере две недели — мне поверили. Переправили в Австрию, а там через английское консульство добрался до запада Германии.

Клаус умолк. Хранили молчание и его слушатели, поражённые почти фантастическим рассказом.

— Два года я шёл по разорённой войной русской земле. Два года меня кормили и давали приют в своих убогих жилищах русские люди. Не выдали властям. В лагерь и под расстрел я не попал...

— Обратите внимание, господа, на берёзки, которыми обсажена братская могила погибших советских воинов, — гид жестом руки указала на ряд белоствольных русских красавиц, ровными рядами стоявших за гранитной чертой. — В Трептовпарк они привезены из Московского ботанического сада. Там их, начиная с маленьких саженцев, в течение двенадцати лет выращивали кроной вниз. Теперь эти берёзки растут здесь, и сам их вид напоминает о безмерной скорби страны и народа по своим павшим сыновьям и дочерям.

Берёзки склонялись ветвями к самой земле, к огромной могиле. Их листья тихо-тихо зашелестели от налетевшего откуда-то ветерка. И ему показалось, что берёзки передают бесчисленные поклоны и приветы из далёкой Родины тем, кто отдал свои жизни за мир и счастье на этой огромной и прекрасной земле...

ное клеймо на шине — буква «Я» в оправе), заменили колёсики на железные, а те к грузовикам своим приспособили — война, резина дорогая.

А ещё расточили немцы камору у орудия (это казённая часть), что дало возможность увеличить заряд в два с половиной раза. И лупили эти пушки по нам до конца войны. Сколько их тогда немцы захватили, точных цифр нет, а вот сколько модернизировали — есть. 560 штук! Это девяносто три батареи, или пятнадцать истребительных танковых полков, или три полнокровные противотанковые дивизии!

Ненавидели её наши танкисты страшно, «гадюкой» прозвали. А британские танкисты и вообще «коброй». И там она воевала!

Так вот Грабин «наверстал» в 1941-м своё упущение.

Судьба изобретения

При создании новой пушки были учтены все особенности постановки новинки в серийное производство. Вместо двух пушек ЗИС-2 и Ф-22 можно было выпускать только одну ЗИС-3, производство которой обходилось бы заводу в три раза дешевле, к тому же новая пушка была надёжнее и удобнее в обслуживании.

Все эти доводы создатель пушки В. Г. Грабин привёл маршалу Г. И. Кулику, но тем не менее получил категоричное «нет». «Вы хотите заводу лёгкой жизни, в то время как на фронте льётся кровь, — сказал маршал. — Ваши пушки не нужны. Возвращайтесь на завод и делайте больше пушек, которые стоят на производстве».

Но Грабин, не желая своему детищу такой бесславной судьбы, пошёл на рискованный шаг и, несмотря на злой ответ Кулика, запустил ЗИС-3 в полуподпольное серийное производство.

В сборочном цехе собирали ЗИС-2, не устанавливая на них трубы ствола. Единственная существенно отличавшаяся деталь — дульный тормоз — в целях конспирации изготавливался в опытном цехе. Ночью осуществлялась общая сборка, и утром готовые пушки предъявлялись военной приёмке.

Официально ЗИС-3 была принята на вооружение 12 февраля 1942 года. К тому времени на фронте успешно воевали около тысячи орудий. Всего было выпущено рекордное количество экземпляров ЗИС-3 — 48 016 штук, больше, чем любых других пушек за всю историю человечества.

А вот у немцев не было аналога ЗИС-3, так как они использовали придуманную французами док-

трину «триединства», нацеленную на скоротечную маневренную войну, поэтому дивизионных пушек у них не было вовсе. Стрельбой из ЗИС-3 решались следующие задачи: разрушение дотов (долговременных огневых точек) и заграждений противника, уничтожение живой силы, артиллерии, танков и других механизированных средств врага.

При стрельбе из ЗИС-3 можно было использовать различные типы снарядов: кумулятивные, осколочно-фугасные, подкалиберные, бронебойные, дымовые, шрапнели, зажигательные, что позволяло обеспечить большую гибкость огня. Дальность стрельбы осколочно-фугасной гранатой составляла 13 290 метров. Дальность прямого выстрела гранаты и бронебойного снаряда — 820 метров. При разрыве ОФ-350 образовывалось 870 убойных осколков с радиусом поражения 15 метров. Если при дальности 500 метров угол встречи составлял 90°, бронебойный снаряд пробивал 70-миллиметровую броню.

ЗИС-3 успешно боролась со всеми немецкими средними и лёгкими танками и самоходными артиллерийскими установками (САУ), легко справлялась с «Пантерами», а с дистанции 300 метров она могла завалить даже «Тигра».

ЗИС-3, любимая артиллеристами, выполнила свою задачу и внесла существенный вклад в дело Великой Победы, принесла заслуженную славу своему создателю, талантливому конструктору Василию Гавриловичу Грабину.

Про этот шедевр товарищ Сталин сказал Василию Гавриловичу: «Ваша пушка спасла Россию». И первым слово «шедевр» сказал именно Сталин.

За Вену...

Мой дед, Александр Иванович Бузин, закончил войну гвардии капитаном, командиром Гвардейского артиллерийского дивизиона 3-го Украинского фронта в Австрии 15 апреля 1945 года. Ещё два года он оставался в составе группы советских войск в Европе. Домой вернулся в звании майора, имея шесть орденов и десять медалей.

Я помню, как у моей бабушки за столом собирались соседи — фронтовики и сельчане-однопольчане. Тогда много призывали прямо сёлами, так потом вместе и воевали. Деда к тому времени в живых уже не было. А разговаривали о красивых домах и селениях, о прямой наводке, о реке Дунай, о городе Вене (маленький, я смеялся над таким названием).

Кинулся к телефону, звоню маме, другим родственникам — вспомните, что дед рассказывал о своих боях. Да всякое говорил. А конкретно не помнят. И только один сосед, совсем уже старик, помнил из рассказов деда, как вели бои в Австрии. За взятие Вены.

Тогда уже чувствовался конец войны, и всем очень хотелось до него дожить. Двухтонные орудия (гаубицы М-30) катили вместе с пехотой по городу и били прямой наводкой по зданиям, по засевшим в них гитлеровцам, по «фаустникам» и пулемётам. Сосед был тогда молодым призывником и очень любил слушать истории бывалых солдат про войну — вот и запомнил. Про то, как шли впереди танков, так как танки на улицах сразу подбивали немцы, и они мешали нашему же продвижению. (Нашему «лучшему министру обороны» Павлу Грачёву надо было бы послушать таких, как мой дед, прежде чем отправлять танки на улицы Грозного.) И как мост через Дунай захватить не успели — его немцы взорвали. Как орудия на воротах переправляли. Все в

округе снимали — и ворота, и двери, красивые такие, с гербами, в наших сёлах таких отродясь не было. Итого три тонны с боекомплектом — по воде, на плотках. Ниже и выше по течению в районе Вены переправлялись, и через Дунай, и через обводной канал, и три дня потом удерживали.

А теперь давайте вернёмся к М-30. До сих пор в двадцати девяти странах мира около семи тысяч таких орудий находятся на вооружении. Восемнадцать гаубиц М-30 состоят на вооружении Российской армии для защиты Курильских островов. Снаряды ОФ-462, изначально разработанные под М-30, до сих пор состоят на вооружении Российской армии и годны к стрельбе из современных орудий.

Для транспортировки М-30 использовались самые разнообразные средства: конная тяга, советские и поставлявшиеся по ленд-лизу грузовики, тяжёлые джипы Dodge («Додж» 3/4), лёгкие гусеничные артиллерийские тягачи «Сталинец» СТЗ-5 и Я-12. Из мемуарной литературы известны даже факты переката гаубиц М-30 только силами их расчётов.

Дмитрий Торнович

Заместитель начальника компрессорной станции
«Байдарацкая» Воркутинского ЛПУМГ

СЛУЧАЙ НА ГАГАРАЦКОЙ

Интересный случай произошёл в районе строительства компрессорной станции «Гагарацкая», вблизи разработки карьера. Время шло к обеду, мы сидели в прорабской и занимались бумажными делами, как вдруг, почти плача, к нам вбежал оленевод-пастух и стал просить о помощи, постоянно повторяя: «Утонут, утонут...». Расспросив его, мы узнали, что он недосмотрел за оленями и четырнадцать оленей увязли в грязи на месте разработки карьера.

Прораб стал собирать свободных рабочих на помощь оленеводу. Люди взяли с собой верёвки, лопаты и другие подручные материалы. До карьера — около двух километров, а вся техника занята на строительстве, пришлось идти пешком. Пока мы дошли по болотистой тундре до места происшествия, изрядно измотались. Наконец, нашему взору открылась следующая картина: из грязи торчат рогатые олени головы, а тела почти скрыты жидкой грязью.

У сотрудников технадзора всегда должен быть с собой фотоаппарат, оказался он у меня и в этот раз. Сначала мы попробовали подобраться к оленям самостоятельно, но болотная жижа моментально затягивала на дно, стоило только ступить в неё. Тогда пришлось оторвать от работы экскаватор и попросить экскаваторщика отсыпать нам путь к оленям сухим грунтом. Оленевод же все это время очень волновался, причитал и размахивал руками.

Когда стало возможным подступиться к первому оленю, вокруг него постелили плиты пеноплекса, и мы начали подкапывать под брюхо, чтобы просунуть кусок дорнита и вытянуть оленя. Но бедное животное было в страшном шоке и просто выбилось из сил. Тогда экскаваторщик как можно ближе поднёс ковш, и оленя волоком погрузили в него. Так с помощью экскаватора животное переместили на сухой грунт. Как только олень почувствовал твёрдую землю под ногами, то сразу же оживился и стремглав ускакал в тундру. Оленевод попытался его догнать, но не тут-то было. И тогда он позвал на помощь членов своей семьи.

Дальше дело пошло проще. Остальные олени, почувствовав, что мы пытаемся им помочь, перестали так сильно бояться, оставалось только выдернуть их на плиты пеноплекса — и они сразу по плитам выбегали на сушу. Оленеводы помогали всей семьёй. Один из них помогал рабочим вытягивать оленей, второй увязывал верёвкой, а женщины держали спасённых животных на привязи. Прошло около двух часов. Все животные были спасены. А рабочие занялись сбором и очисткой пеноплекса. В глазах оленеводов было столько благодарности и счастья, что уже не требовалось никаких слов. Но всё же в знак благодарности нас пригласили в гости в чум.

На следующий день, вместо того чтобы обедать в столовой, пошли к оленеводам. Нас принимали как дорогих гостей. В чуме уже кипел чайник, а стол был сервирован чайным сервизом. Нас усадили к столу, вокруг которого лежали олени шкуры, сидеть на них было мягко и тепло. Посреди чума стояла железная печка-буржуйка. За столом были только мужчины, а женщины подавали угощения, ухаживали за гостями и следили за огнём в печи. Из угощений была солёная рыба и сладости. Кстати, сладости у оленеводов можно считать роскошью. Я принёс с собой шоколад, чтобы угостить детишек. Мальчонка лет пяти даже забыл сказать «спасибо» от волнения, сразу же побежал делиться шоколадкой со своими братиками и сестричками.

Мы пили чай и расспрашивали оленеводов об их непростой жизни, о быте. А их очень интересовало, что же мы тут строим. Они слушали про стройку, затаив дыхание, и с трудом верили, что в скором времени тут пройдёт газовая магистраль с компрессорными станциями и дорогами. С любопытством листали и принесённый мной номер газеты «Севергазпром», взяли его себе на память. После нехитрого угощения мы покинули чум и пошли поглядеть, как строгают нарты без единого гвоздя. Затем попрощались с семьёй оленеводов и вернулись в строительный городок. А на следующий день оленеводы со стадом двинулись дальше на север.

Фото А. А. Сухoleyстера

СПАСИБО! МЫ ПОМНИМ ВАС!

Меня назвали в честь дедушки Сергея Николаевича Перовского, уроженца старинного дворянского рода.

Война началась для него задолго до Второй мировой. Его призвали на срочную службу ещё перед финской, той самой незначительной войной 1939 года. Прошёл он её от начала до конца танкистом, поэтому Великую Отечественную встретил уже понюхавшим пороха лейтенантом. Сразу же пошёл в военкомат и уже в конце июня был под Павловском, потом на Лужском рубеже. По рассказам деда, в первые дни войны неразбериха царил ужасная, людей без надобности перебрасывали с места на место. Вскоре дед оказался в составе Шлиссельбургского гарнизона, защищавшего Ленинград со стороны Ладожского озера.

В блокаду он три-четыре раза вырывался в город к своей семье, привозил то несколько сухарей, то банку простой варёной каши. Фронтовики Ленинграда тоже кормили очень скудно. Случались у них и голодные обмороки, и в госпиталь с дистрофией они попадали. В октябре 1941-го, когда блокада уже началась, паёк нашего бойца на передовой был 500 граммов хлеба в сутки, а у пленного немца — 600 граммов. В приказе говорилось, что мы во-

Фото Г. Г. Батищевой

юем не с немецким народом, а с фашистской вер-хушкой. Зимой с продуктами стало совсем плохо, паёк фронтовикам уменьшили вдвое. Но дедушка отказывал себе во всём, чтобы поддержать семью. И он спас от голодной смерти свою жену и двух дочерей, тринадцати и шести лет. Старшая — это моя мама, а младшей, тётё Наташе, недавно исполнилось восемьдесят.

В 1942 году на 23 Февраля в гарнизон прислали с Большой земли посылки. Дед свою целиком привёз домой. В ней были пачка табака, три чёрных сухаря, четыре мармеладки и засохшая курица. Тётё Наташа рассказывает, что при виде мармелада она от радости каталась по полу. Полкурицы съели сразу, какой была, даже не варили. Ночью бабушка спросила: «Девочки, вы спите?» — «Нет». — «Давайте до-едим курицу!» Встали и доели. Вообще о том, как и что ели в блокаду, надо рассказывать отдельно. Со слов тётё Наташи я постараюсь это сделать, но в другой раз.

Закончил войну дедушка в Эстонии майором. Тяжёлые бои шли до последнего дня, что нелишне вспомнить тем, кто кричит о «советской оккупации». Из всех своих наград он больше всего ценил медаль «За боевые заслуги» № 3546, полученную ещё в финскую. Тогда такая награда была редкостью, и ею гордились и рядовые, и офицеры. К концу Великой Отечественной этой медалью было награждено больше трёх миллионов. За что ему дали ордена Отечественной войны и Красной Звезды, не знаю. Надо думать, заслужил. Срок жизни на передовой исчислялся днями, редко неделями. Бывало, награждали всех, кто уцелел после атаки в лоб или переправы. Выжил — твоё счастье, можешь рассчитывать на награду.

Деду повезло: его даже не ранило ни разу. Была сильная контузия, долго не мог разогнуться. Бабушке приснился сон, что он ходит согнутый и не может распрямиться, и только потом пришло письмо про контузию. Ещё остались медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». Остальные многочисленные медали и ордена — послевоенные,

к юбилеям. Все они хранились в запёртом ящике старинного письменного стола вместе с разнокалиберными патронами россыпью и в лентах. Изредка мне разрешали потрогать это богатство, и чувство счастья тех минут я помню до сих пор.

Когда дед Сергей Николаевич был жив, я им, конечно, гордился. Но мне и в голову не приходило

благодарить его: дед бывал порой суров и воспитывал строго. Да и правильные слова подобрать по молодости я бы тогда не сумел. Сейчас хочу хоть немного это исправить. Я говорю ему и всем тем, кто подарил нам, как самую большую драгоценность, эту великую Победу: «Спасибо! Мы помним вас!».

БЛОКАДА

Про войну и блокаду написано много, но, когда узнаёшь, каким образом она коснулась близких, начинаешь воспринимать её совсем по-другому. Моей маме Ирине Сергеевне Перовской к началу войны исполнилось тринадцать лет. Она жила в Ленинграде, на Васильевском острове, в Тучковом переулке, возле самой Невы. Семья была большая. Вместе с мамой жили её родители, мои дедушка Сергей Николаевич и бабушка Надежда Петровна, её бабушка и дедушка и даже прадедушка. И ещё младшая шестилетняя сестра Наташа, которой недавно исполнилось восемьдесят и со слов которой написан этот рассказ.

Когда война началась, все ожидали, что главную угрозу Ленинграду будут представлять финны, отыгрываясь за потерю своей территории в 1939 году. Поэтому в июле детей вывозили из города в южном направлении. Мою маму отправили в пионерский лагерь под Боровичи, а Наташу (дальше я буду её называть тётё Наташа, ведь она моя тётя) с детсадом — в Валдай. Но финны дошли с севера до довоенной границы и остановились, а вот немцы с запада и юга рвались к городу очень настойчиво. Поэтому пришлось детей возвращать родителям. Тётю Наташу везла в город вместе со своей дочерью знакомая. Дорога домой под бомбёжками заняла десять дней. Их несколько раз останавливали и хотели отправить обратно, но у них не было с собой никаких вещей, поэтому в Ленинград их всё-таки пропустили.

Город уже сильно бомбили. Ночами горожане дежурили на крышах, потому что немцы бросали не только фугасные бомбы, но ещё и зажигательные, которые не тушились водой, только песком. Мой прадед Николай Васильевич и его жена Елена Георгиевна, моя прабабушка, хотя им было тогда за шестьдесят, тоже выходили на дежурство: молодые были или на фронте, или сутками на производстве.

В один из августовских ночных налётов, когда уже ввели затемнение, они увидели, что из окна соседнего дома кто-то подаёт зелёным фонариком сигналы немецким бомбардировщикам. Связь тогда ещё работала, и они позвонили «куда следует». Их отругали и сказали, что по телефону такие вещи

не говорят, но несколько дней спустя позвонили и поблагодарили за их поступок.

В начале сентября 1941 года немцы замкнули блокаду вокруг Ленинграда. Норма хлеба всё время уменьшалась, и к зиме для неработающих (их называли иждивенцами) стала 125 граммов в день. Муки в этом хлебе было не больше половины, он был сырой и липкий. Тётё Наташе, как самой младшей, всегда давали облизать нож с прилипшими крошками. От голода она очень ослабла. Её заворачивали в шубу и клали в комнате, где горела одна на всю квартиру печка-буржуйка. Топили её мебелью, других дров не было. Взрослые спали в одежде в других, холодных комнатах. В январе 1942-го умерли мой прапрадед Василий Львович, родной брат революционерки Софьи Перовской, и его дочка, тётя Ксения. Ему было девяносто три года, а дочка была совсем не старой, ей было всего сорок шесть лет. В марте с разницей в два дня умерли прабабушка и прадедушка: они просто перестали дышать.

Огромную роль в том, что тётя Наташа выжила, сыграл доктор по фамилии Барнель или Борнель, точно сейчас уже не вспомнить. Это был совершенно чеховский образ: он носил пенсне, бородку клинышком и саквояж. После войны люди такого типа исчезли навсегда, прервалась преемственность поколений.

Из последних сил он обходил квартиры, где были дети, и приносил кому витаминку-драже, кому кусочек гематогена. Тётё Наташе он принёс пузырек анисовых капель, их ещё называли каплями датского короля. Они были сладкие, и она пила с ними чай,

Наталия Ерошенко

Работала оператором
магистральных газопроводов Мышкинского ЛПУМГ

добавляя по чуть-чуть. А ещё он убедил бабушку, что ребёнку необходимо двигаться, и тётя Наташа стала сперва просто выходить во двор, а потом даже носила воду с Невы и занимала очередь, чтобы отovarить карточки. Доктор был немолод, и к весне он умер, хотя мог бы ещё и пожить, если бы съедал сам то, что раздавал другим.

В пищу шло всё: отдирали от стен и размачивали обои, которые до войны клеили на крахмальный или мучной клейстер. Варили плиточный столярный клей. Вонял он ужасно, но после долгой варки светлел и превращался во вполне съедобный студень. Кошек и собак особо и не ели: в большинстве своём они сами умерли в начале блокады, когда их перестали кормить. Весной и летом собирали лебеду, крапиву. Все скверы и даже газоны были вскопаны под лук, морковь и капусту. Я знал об этом раньше (фотография капустных грядок на фоне Финляндского вокзала широко известна), и меня все время мучил вопрос, как удавалось сохранить овощи до уборки, ведь голод же. Так вот: чужого не брали! Это было старое поколение, почти полностью вымершее в блокаду. Они гордились словом «ленинградец» и во всём противопоставляли себя москвичам.

В таких суровых испытаниях у каждого намного заметнее, чем в обычной жизни, проявлялись как сильные, так и слабые стороны личности. Не всем удавалось удержаться и не переступить через незримые границы, которые и делают человека человеком. Вспоминая о тех страшных днях, тётя Наташа рассказала о женщине, жившей по соседству, которая постоянно зазывала её, семилетнюю тогда девочку, к себе в гости посмотреть какую-то чудесную куклу. Наташа тогда не пошла — наверное, удержала странная настойчивость приглашения. А позже пропала другая девочка, и её одежду нашли в квартире той самой женщины. Провели следствие, женщину обвинили в людоедстве и расстреляли.

Тётя Наташа категорически не хотела, чтобы я включал это в свой рассказ. Она опасалась, что та-

кой единичный случай бросит тень на подвиг ленинградцев, вызовет нездоровый интерес. Но я надеюсь, что читатель поймёт всё правильно и произойдёт, скорее, обратное. Именно на фоне таких отклонений мы понимаем, с каким достоинством и мужеством вело себя подавляющее большинство блокадников. Кроме того, уже почти не осталось людей, видевших всё это своими глазами. Пусть простит меня тётя Наташа, но мне кажется, что сохранять картину прошлого надо именно в тех красках, какие были в действительности.

Спасли нашу семью от голодной смерти не только дедушкины скупые передачи с фронта, о которых я уже писал. Ещё перед войной Русскому музею продали хранившуюся дома картину Брюллова. Музей расплатился за неё бонами Торгсина («торговля с иностранцами», аналог советской «Берёзки»). На их остаток уже после начала войны удалось купить кое-какие продукты, но к ноябрю их всё равно уже съели. Ещё продали семейную реликвию — золотые карманные часы знаменитой фирмы Павла Буре с двойной крышечкой и музыкальным звоном. Их обменяли на пять килограммов тухлого овса. Несколько тонн такого зерна наши водолазы под обстрелом, рискуя своей жизнью, подняли со дна Ладожского озера с затонувшей баржи.

Мама в четырнадцать лет пошла работать курьером: у работающих паёк был больше. В апреле 1942 года, чтобы не было эпидемии, надо было убирать улицы, дворы и лестницы от мусора и нечистот (водопровод, канализация и электричество не работали с начала зимы). Вышли все, кто мог передвигаться. Моя бабушка Надежда Петровна вышла на костылях: у неё не было ноги до колена. Весила она тогда в свои тридцать четыре года тридцать восемь килограммов.

Я слушал эти рассказы и всегда поражался, как смогли люди, пережившие такое, не сломаться и не опуститься. Они выучились, стали специалистами, воспитали детей, прожили большую и деятельную жизнь и отстроили разорённую войной страну. Мы русские, нам есть что помнить и чем гордиться!

ОСТАЛСЯ С ИРИДОЙ

Рассказы

Тёмное осеннее небо роняло на землю редкие капли. Он медленно шёл по разбитому тротуару, уклоняясь от встречных прохожих. Вечерело. По асфальту проносились одинокие машины: свиш-ш-ш-ш... И тогда на него летели холодные грязные брызги.

Воздух был свеж и прохладен. У дождя был привкус меди.

Он шёл, глядя себе под ноги, высокий, хорошо одетый (может быть, даже слишком хорошо для этого бедного квартала) мужчина средних лет. Первоклассная стрижка, дорогое пальто, кейс из натуральной кожи... Его лицо было совершенно спокойным, задумчивым. Но внутри него все дрожало от волнения, нетерпения и, может быть, страха.

Некоторые прохожие оглядывались на него. Мужчина выглядел очень уверенным в себе, крепко стоящим на ногах, но пристальный взгляд мог отметить и избородившие лицо горькие морщины, и слишком много седины в волосах.

Иногда он поднимал глаза и оглядывался по сторонам. С интересом, иногда с отвращением (при виде помойки или валяющегося у дороги трупа собаки). Надвигавшаяся темнота маскировала убо-

жество бедности, но и затрудняла поиски нужного дома. Нужного подвала. Нужной фирмы.

«Да, они называют себя фирмой. Название?.. Что-то вроде «Путешествие в прошлое»... Как-то так... Ну, естественно, нелегально. Поэтому и ютятся бог знает где в трущобах... Цена? Вполне приемлемая, для тебя тем более... Что? Нет, сам я не пробоval, дружище, к чему мне это?.. Ладно, всё нормально... Я могу спросить у того парня, где их найти...»

Тогда Уинстон отказался. Отшутился, пытаясь скрыть, как его заинтересовало это, сама возможность этого... Но спустя неделю он сам позвонил своему лучшему другу Стиву и попросил познакомиться его с «тем парнем».

...Они встретились в парке. Было солнечно и ветрено, сухая листва шуршала по земле, и слышалось Уинстону в этом шуршании что-то тоскливое...

«Тот парень» оказался хмурым и нервным, он отвечал нехотя и не назвал своего имени. Но Уинстон узнал всё, что нужно. Да, это совершенно реально. Да, действительно полное погружение... Как их найти? Большой облупившийся красный дом, вход в подвал со двора. Нет, там грязновато, но не особо опасно, просто не ведите себя вызывающе...

Напоследок парень добавил: «Вы лучше хорошенько подумайте, стоит ли вам туда идти. Это... затягивает. Как наркотик».

Он ушёл, засунув руки в карманы, а Уинстон молча смотрел ему вслед.

Он просидел в парке до темноты, не замечая осенней роскоши красок и людей, приходивших полюбоваться на эту недолговечную красоту.

Он думал, и он принял решение.

Он с трудом дождался конца рабочей недели.

Это обещало быть таким прекрасным, таким восхитительным...

И в то же время пугало.

И сейчас он шёл, немного уставший после работы и высматривал большой красный дом.

В сумерках его оказалось найти довольно сложно, но это, несомненно, был тот самый дом. Осколь-

Фото А. В. Кучерова

зываясь в грязи, Уинстон вошел во двор, спугнув ковыряющуюся в отбросах крысу. Она шустро отбежала на пару метров и уселась на задние лапы, наблюдая за Уинстоном блестящими злобными глазами.

Над обшарпанной дверью подвала, исписанной похабщиной, светила тусклая лампочка. Ничто не указывало на то, что за этой неприглядной дверью скрывается фирма, воплощающая в реальность самые сокровенные человеческие мечты.

Поколебавшись (грязная ручка вызывала отвращение), Уинстон открыл дверь. За нею оказалась небольшая лестница, и здесь освещение было ярче.

Он осторожно спустился по лестнице — каменные ступени были скользкими. Подошёл к тусклой металлической двери. Вывески не было. Лишь ручка, щель для замка и глазок.

Он постучал. Глухие удары прокатились по подвалу.

К двери подошли. Некоторое время его рассматривали в глазок, затем хриплый голос спросил:

— Что вам нужно?

— Это... фирма «Путешествие в прошлое»?

— Это фирма «Путешествие назад».

— Да. — Уинстон смутился, он же уточнил название у «того парня»...

— Если вы готовы заплатить, то можете войти.

— Да, — ответил Уинстон, — да, я готов...

Щёлкнул замок, дверь открылась, и Уинстон вошёл в тёмное прокуренное помещение.

Невысокий, небрежно одетый парень в очках закрыл за ним дверь.

— Я — Кливенс, а это — Майкл. — Он указал на сидящего за компьютером в дальнем углу комнаты худого мужчину. Мужчина сидел к Уинстону спиной и не обратил на него никакого внимания.

— Уинстон.

Комната оказалась больше, чем сначала показалось Уинстону. Плохое освещение не давало разглядеть всех подробностей, но он успел заметить нечто вроде коек за ширмами, выстроенных в ряд у дальней стены, кучу аппаратуры и проводов. Коек было четыре, и под каждую ширму уходили потоки разноцветных проводов. Синих было больше. Две койки были скрыты занавесками, в изголовье двух остальных лежало что-то вроде рыцарских шлемов. Комнату наполняло тихое низкое гудение.

Кливенс достал из кармана пачку сигарет, предложил Уинстону, кивнул после отказа, закурил сигарету и закашлялся.

— Присядем, — прохрипел он сквозь кашель, и они прошли к дальнему углу комнаты, где созерцал монитор Майкл.

Канторский стол, пара стульев. Большая железная банка из-под кофе, до отказа забитая окурками. Куча разного хлама на столе.

Кливенс сел за стол, включил настольную лампу, немного разогнавшую сумрак, и достал из ящика бумаги.

— Подпишите, — произнес он, освобождая на столе место для бумаг. Часть хлама полетела на пол, где его и так было предостаточно. — Это обычное соглашение о том, что мы не несём никакой ответственности за возможный вред, причинённый вашему здоровью.

Уинстон внимательно прочитал документ, достал из кармана ручку и подписал. Кливенс сунул бумаги обратно в ящик стола и выжидающе замолчал.

Уинстон достал из кейса конверт с деньгами и отдал Кливенсу, тот пересчитал деньги и кивнул. Конверт отправился в тот же ящик.

Кливенс опять закурил сигарету, прищурился, глядя на Уинстона сквозь стёкла очков, и спросил:

— Куда бы вы хотели отправиться?

— Куда?

— Да. Куда или когда. В какие дни или месяцы вашей жизни? Не раздумывая, Уинстон ответил:

— Июль прошлого года.

— Числа?

— Эээ... С пятого по двадцатое июля. Но максимум по двадцатое, не позже, понимаете? Это возможно?! — Он не мог скрыть своего волнения.

— Понимаю. Возможно. — Кливенс невозмутимо затушил сигарету в пепельнице. Они направились к одной из ширм.

— Снимите пальто и ботинки. Ложитесь и устраивайтесь поудобнее. Я надену вам на голову шлем и укрою одеялом. — Кливенс включил небольшую лампочку над койкой.

Справа за ширмой раздался лёгкий женский вздох.

— Клиентка, — пояснил Кливенс. — Не одному вам это нужно.

Уинстон повиновался. Он лёг на койке вытянувшись, а Кливенс обработал ему голову неприятно пахнущим раствором.

— Чтобы контакт был лучше, — пояснил он. — Я не совсем понимаю, как работает эта штука, это вам надо спросить у Майкла. Но она каким-то образом с помощью электрических импульсов активирует определённые участки вашего мозга, и вы заново переживаете то, что было с вами раньше. Не просто вспоминаете, а именно переживаете заново. Полное погружение. Ваша собственная машина времени.

Кливенс надел на голову Уинстона тяжёлый металлический шлем с прикрепленными к нему проводами и опустил «забрало». Накрыл извлечённым из-под койки шерстяным одеялом.

— Я включил аппарат. Лежите и думайте о приятном. Через некоторое время вы просто уснёте, а через час или два вы проснётесь, тут индивидуаль-

но. Ни о чём не беспокойтесь. Приятного путешествия!

Кливенс выключил лампочку над койкой, задернул занавеску и ушёл. Уинстон лежал, закрыв глаза и вслушиваясь в заглушаемый шлемом низкий гул. Справа больше не раздавалось никаких звуков, женщина молчала. Он думал о приятном. Он думал об Ириде. А потом он уснул.

— Вставай, вставай, ну вставай же, посмотри, какой сказочный рассвет! — Ирида тормозила его и смеялась.

Он сонно приоткрыл глаза и только хотел буркнуть что-то недовольное, как вдруг внезапно вспомнил, что сегодня — первый день их совместного отпуска, и что сейчас они находятся в небольшом бунгало практически на берегу моря. Не на самом пляже, конечно, но море было видно из окна. Усталость от пути, огромной кучи чемоданов, поисков сторожа — всё это было вчера. А сегодня было пятое июля, и впереди у них почти три недели отдыха и удовольствия.

Поэтому он сделал над собой усилие и проснулся.

Ирида взобралась на него сверху, несколько раз быстро поцеловала, соскочила и потащила на веранду. Дующий с моря ветерок был довольно свежим. Но рассвет был действительно сказочным.

Она была «жаворонком», его Ирида. Немного моложе и намного активнее. Маленькая, весёлая, порою легкомысленная. Ему не очень нравилось, что она так рано будит его по утрам, но он не мог на неё долго сердиться. На неё невозможно было долго сердиться.

Её смех звенел, как серебряные колокольчики, её волосы горели на солнце жарким пламенем, её раскосые синие глаза искрились... Стоило ему нахмуриться, как тут же улыбка появлялась на его губах, и он ничего не мог с собой поделать...

Несмотря на то, что каждый их день у моря был переполнен впечатлениями и казался бесконечным, две недели пролетели совершенно незаметно.

Они купались (Ирида вставала на рассвете и убежала к морю, пока он спал, а потом радостная и с мокрыми волосами возвращалась его будить), гуляли, собирали ракушки и камни и опять купались... Они строили замки из песка и ловили медуз. Они познакомились с соседями и устраивали вечеринки... Они старались как можно полнее насладиться и солнцем, и морем, и летом, и друг другом... Они засыпали, обнявшись, страшно усталые, но утром снова были полны сил и готовы к приключениям...

Лёжа в постели перед сном, чувствуя, как под его ладонью бьётся маленькое сердечко Ириды, Уинстон думал, что никогда он ещё не был так счастлив и что это лучшее лето в его жизни. Время проходит быстро, но сегодня еще только двадцатое июля, а значит, у них есть ещё несколько дней для того, что-

бы исследовать коралловый риф, ещё раз сходить в пальмовую рощу и заняться там любовью и...

...И что-то тяжёлое вдруг охватило его голову. Он закричал от неожиданности и попытался стянуть с себя это. Он отбросил от себя тяжёлый металлический предмет, похожий на рыцарский шлем, и сел на койке, озираясь, не понимая...

Ириды рядом не было. И не было бунгало.

Он сидел на отгороженной ширмами койке, в тёмном помещении, наполненном гулом и запахом сигарет. Занавеска отодвинулась, и показался смутно знакомый парень в очках.

— Сейчас вы придёте в себя и всё вспомните, — сказал парень. — Через несколько минут всё станет ОК.

Но через несколько минут всё не стало ОК.

Он действительно всё вспомнил.

И то, что его жена мертва больше года, тоже.

Двадцать первого июля прошлого года она, как обычно, встала на рассвете и пошла к морю купаться. А через два дня рыбаки нашли её тело.

Уинстон уставился на Кливенса безумными глазами и разрыдался.

...Он поклялся себе, что больше никогда этого не сделает. Через неделю он снова стучал в тусклую железную дверь.

Дверь открылась, и он молча отдал Кливенсу конверт с деньгами. Кливенс молча взял их и отвёл Уинстона на свободную койку. Больше ни о чём не нужно было спрашивать. С тех пор он стал приходить в «Путешествие назад» всё чаще и чаще. Каждый раз он испытывал невыносимую боль, когда «просыпался». Но скоро стал приходить ежедневно, после работы.

Он очень осунулся, его глаза стали безжизненными и запали. А волосы совсем побелели.

Он устроил отвратительный скандал Кливенсу, но тот так и не согласился «погружать» его чаще, чем раз в сутки, и пригрозил больше не иметь с ним дела. Уинстон пригрозил рассказать всё властям. Кливенс лишь презрительно усмехнулся. Уинстон предложил увеличить оплату. Кливенс был непреклонен. Уинстон сдался...

Но работать он больше не мог.

Он уволился из компании и заперся в своей квартире.

Целыми днями он сидел дома в ожидании вечера, в ожидании того часа, когда можно будет пойти на свидание с любимой. «Свидание с Иридой» — вот как он это называл. Он заказывал по телефону еду и проводил дни, бессмысленно уставившись в телевизор. Он не следил за собой и ходил в рваной грязной одежде. Он не видел и не слышал ничего. Потому что он разговаривал с Иридой, и она отвечала ему. Она говорила ему, что ждёт его и очень скучает по нему.

Иногда все койки были заняты, и тогда у него начиналась истерика.

После того, как Кливенс однажды вышвырнул его за дверь, и тот вечер был вечером без Ириды, ужаснейшим, кошмарнейшим вечером в его жизни, он больше никогда не пытался вести себя агрессивно. Он просто сидел под железной дверью и тихо плакал, ожидая, когда освободится койка. И молился о том, чтобы ничего не сломалось, и, пожалуйста, Господи, только не электричество, нет, пусть они никогда не отключают электричество, он не переживёт этого, нет...

Денег у Уинстона было достаточно. Хватило бы на несколько лет.

...Кливенс докурил сигарету, похоронил окурок среди множества других и зевнул.

Надо проверить этого мерзкого старика, что-то долго он сегодня не просыпается... Хоть не кричит в последнее время и шлем не швыряет, и то ладно. Хотя шлемы специально с запасом прочности и делаются, для таких вот случаев...

Он неторопливо подошёл к ширмам, отдернул занавеску и включил лампочку над койкой.

Пошевелил старика.

Тот не отреагировал.

Кливенс взял в руки кисть старика и попробовал нащупать пульс. Пульса не было.

— Майкл? — мрачно позвал он.

— Что?

— У нас опять проблемы.

— Остался?

— Похоже... сейчас сниму шлем.

Голова старика безжизненно откинулась, когда Кливенс бесцеремонно стащил с него шлем. Глаза старика были закрыты, на губах — следы улыбки, и лицо его казалось таким светлым, таким счастливым...

— Точно, Майкл! Холодеет уже...

— Позвони Френку и ребятам, пусть унесут тело и бросят подальше отсюда. Все решат, что это очередной бомж...

— Они выглядят такими счастливыми, когда остаются... Не все, но большинство...

— Клив, не лезь ко мне, а позвони Френку. Давай быстрее.

...— Ну, чем мы займемся сегодня?

Он посмотрел на неё, всё ещё очень сонный, но уже предвкушающий радость нового великолепного дня.

— Можно пойти туда, к скалам, я там такую рыбку интересную видела, помнишь? А вечером можно к Николсонам зайти на коктейль. Андреа мне нравится, но Джо-о-о-рдж... — Она закатила глаза. — Когда он напьётся, совершенно невменяемым становится, несёт просто чушь! И как Андреа это выносит?

Она рассмеялась, громко и заливисто, и он не мог не улыбнуться. Яркое солнце поднималось над морем, заливая его золотом, всё новые птицы вливали свои голоса в общий хор. Начинаясь новый день. А впереди у них почти целый отпуск! И это обязательно будет лучшее лето в его жизни!

СТАРАЯ-МОЛОДАЯ ЖАЛЕЙКИНА

Старость давно уже преследовала Дарью Ивановну Жалейкину. То мелькнёт серебряной паутинкой в волосах, то ляжет тонкой тенью около губ, тронет глаза «гусиными лапками». Дарья Ивановна не поддавалась старости. Посещала салоны красоты, фитнес-клубы, парикмахерские, модных косметологов. Ну, не совсем самых модных, конечно. На самых модных у неё не было денег. Жила одна, зарабатывала немного. И в основном деньги уходили на борьбу со старостью.

Внушил ли кто Дарье Ивановне или сама она пришла к такому выводу, но считала, что со зрелостью жизнь человека заканчивается и надо быть вечно юной, вечно весёлой, тогда и будешь живой.

Со временем старость подбиралась к Дарье Ивановне всё ближе, и бежала она в страхе делать маски и укладки, чтобы ещё день выиграть для жизни... Хотя что за жизнь у неё была такая особенная? Скуч-

ная работа в душном кабинете, кошка да телевизор. Иногда, правда, Дарья Ивановна ходила в музеи, на выставки. Могла пойти в кино с подружкой, если удавалось эту подружку уговорить. Подруги у неё были уже в летах, воспитывали внуков, и в кино им было ходить недосуг.

Но недавно вышел хороший фильм. Про захватывающие приключения и красивые человеческие отношения. И Дарья Ивановна решила пойти одна, потому что рекламировали фильм много, и ей было любопытно. Она купила в кассе билет и пошла в зал. Отказалась от конфет, попкорна и мороженого, потому что соблюдала диету. Устроилась в мягком кресле.

Потушили свет. Сначала, как обычно, пошла реклама... Потом стали показывать сам фильм, прерывая его то и дело на рекламные паузы. И вот, когда очередная юная фея рекламировала очередной

крем от морщин (Дарья Ивановна взяла его на заметку), сидящий справа от неё мужчина наклонился и прошептал:

— Мы вам поможем.

Дарья Ивановна от неожиданности вздрогнула:

— Что?!

— Мы поможем вам. Мы поможем вам остаться юной. Вы хотите этого?

Она испуганно вжалась в кресло: мошенник, маньяк! Огляделась в полутьме в поисках помощи, но мужчина вёл себя смирно, и ей стало интересно. Мужчина тем временем нашёптывал:

— Мы заключим с вами сделку. Это будет вам выгодно. Наши условия мы скажем позже. А пока мы дадим вам аванс.

С этими словами он поднялся и, не обращая внимания на недовольство остальных зрителей, вышел из зала. Дарья Ивановна молча смотрела ему вслед.

Реклама закончилась, на экране вновь забегали-закричали-заплакали, и было Дарье Ивановне почему-то очень тревожно...

...По дороге домой она вертела в голове ситуацию и так и этак. И что это было? Очередной сумасшедший, которых много в наше трудное время? Мошенник? Распространитель пресловутого крема от морщин? Иногда распространителей бывает трудно отличить от сумасшедших.

Она вернулась в свою квартиру, переделась, включила телевизор, погладила кошку. Телевизор забубнил, кошка замыкала, всё шло как обычно.

Дарья Ивановна направилась в ванную, чтобы смыть макияж. Удаляя густой слой тонального крема, она сначала не обратила на это внимания... Да, на это она обратила внимание только на следующий день, когда наносила свежий макияж. У неё исчезли все морщины с правой стороны лица.

— Что вы со мной сделали! — Дарья Ивановна готова была наброситься на незнакомца с кулаками.

Незнакомец (тот самый мужчина из кинотеатра) был импозантен и спокоен, как-то и неловко на него с кулаками...

Дарья Ивановна огляделась и заплакала.

Парк был практически пуст, ей стало тревожно, и она корила себя за неосторожность. Она не сразу согласилась на эту встречу, но не терпеть же эти издевательства! Они что, проводят над ней эксперимент? Мужчина сказал:

— Присядьте.

Дарья Ивановна тяжело опустилась на сырую скамейку. Мужчина присел рядом:

— Мы можем вернуть вам ваши морщины. А можем и убрать их все. И не только это. Мы можем убрать седые волосы. Вернуть крепкие зубы. Решать вам.

Дарья Ивановна всхлипывала. Мужчина ждал.

— Что я должна буду сделать?

— Вы должны будете отдать нам вашу память.

Мы забираем у вас память об одном годе жизни, и вы становитесь на год моложе. О двух годах — на два. И так далее. Больше ничего.

— Больше ничего?..

— Да. Нам достаточно вашей памяти. Вы можете некоторое время подумать.

На что Дарья Ивановна решительно сказала:

— Я согласна.

Сначала она забыла первые десять лет своей жизни из детства. Что в нём хорошего, в этом детстве? Глупости одни.

— Отдаю... — прошептала она в условленное время, и миг исчезли несущиеся на дерево санки, и сломанная рука (ох, как больно!), и страшный пьяный Дед Мороз, и маленькая черепашка, и бабушка, такая тёплая и вкусно пахнущая пирогами... По телу Дарьи Ивановны пробежала дрожь, она громко чихнула. Дышать сразу стало легче, стоять легче, всё стало легче!

В тот день она нанесла косметики намного меньше обычного.

...По-новому, по-особенному чувствовала она себя после этого отказа от памяти. Вымыла всю квартиру, кошку, выстирала шторы, выкинула подаренный коллегами на юбилей букет (сначала она хотела засушить эти розы на память), накупила кучу обновок. Коллеги стали шептаться за её спиной, предполагая знакомство с мужчиной. Дарье Ивановне нравились эти слухи, хотя некоторые из них (о пластической хирургии) были не очень приятными.

Она ходила по фирме с торжествующей улыбкой королевы, была довольна собой и миром до тех пор, пока не столкнулась в коридоре с новой секретаршей. Проводив мрачным взглядом совсем юную красивую девушку, она в тот же день отказалась ещё от десяти лет своей жизни.

...Исчезли в никуда первая любовь и первая пьянка, школьный выпускной бал и неудачное замужество. Исчезли, растворились без следа.

После этого Дарья обнаружила, что в её профиле в социальной интернет-сети полно каких-то незнакомых ей людей, значащихся как бывшие одноклассники. Все они были люди в годах, разговаривать с ними было неинтересно, и она удалила их всех из друзей. Наверное, произошла какая-то ошибка. Потому что Дарья не была уверена, что вообще когда-то училась в школе.

...Следующие несколько лет Дарья, сменив работу на более лёгкую, вела спокойную размеренную жизнь, иногда ходила с новыми подружками в кино или кафе, по вечерам смотрела сериалы по телевизору и была всем довольна. Медленно проходили дни, похожий один на другой, из зеркала на Дарью смотрело молодое улыбающееся лицо, и Дарья чувствовала, что она живая. Она сделала ремонт в квар-

Фото О. А. Филипповой

тире, выкинула всякий ненужный хлам вроде старых цветочных горшков и томов классики.

Кто сейчас читает классику, если современные женские журналы настолько толсты, что один журнал можно читать целый месяц, до выхода нового номера! Статей там немного, и все они короткие, чтобы читательница не устала, но зато в полном объёме представлены модные именно в этом месяце товары. И можно до бесконечности разглядывать картинки, мысленно примеряя на себя новое платье и представляя вкус нового мороженого. Дарье с трудом верилось, что когда-то она читала такую скукоптицу, как классику без картинок.

Потом она отказалась ещё от нескольких лет своей памяти.

...Даша вертелась перед зеркалом, собираясь в ночной клуб. Надо было исхитриться и изобразить из себя совершеннолетнюю, иначе не пропустит охранник на входе. Ну, не ждать же ещё пару лет, чтобы повеселиться! Даша наложила на лицо толстый слой тонального крема, густо покрасила глаза и губы. Ну вот, готово, теперь она может сойти и за двадцатилетнюю, если особо не приглядываться.

Даше захотелось есть, и она заказала по телефону пиццу. Наличных денег оставалось мало, но всегда можно было снять с карточки — там денег было ещё достаточно. Даша старалась экономить, пока

не найдёт работу. Официанткой или курьером. Такую работу, чтобы не сильно загружаться. Даша не помнила, сколько ей лет и где её паспорт, и что было неделю назад. Но это её нисколько не смущало. Потому что на работу могут взять и без документов, а за квартиру просто надо вовремя платить. Фамилия Даши была Жалейкина, кошку звали Маруська, а с остальным она не парилась.

Привезли пиццу. Даша поужинала, угостив кошку колбасой, подкрасила губы и переделалась, чтобы идти в клуб.

Когда она уже собиралась выходить из квартиры, на столике в прихожей зазвонил телефон. Даша сняла трубку, хотя не представляла, кто бы мог ей звонить.

— Алло! Алло! Даша, Дашенька, это ты?

— Я, — удивлённо сказала Даша.

— Это я, твоя мама. Доченька, у тебя всё хорошо? Ты так давно не звонила. Что у тебя с голосом? Ты не заболела?

— Нет. Я не заболела. Но вы ошиблись номером, потому что у меня нет никакой мамы. До свидания.

Даша положила трубку и вышла из квартиры. Телефон снова начал звонить — и продолжал звонить несколько часов.

Но Даша этого не слышала. Она была в клубе, вокруг грохотала музыка, ей было очень весело, и она чувствовала себя живой.

ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ

Жизнь Владимира немногим отличалась от существования неудачника большого города. Продрав с утра глаза, он спешно выпивал чашку кофе с сигаретой и, наскоро побрившись, вливался в пёстрый поток, низвергавшийся в метро. Там он печально дремал в душном поезде и просыпался с точностью до секунды перед нужной остановкой. Пройдя с небольшим опозданием проходную своей фирмы, он погружался в холодный, затхлый, пережёванный кондиционерами воздух и ждал от жизни чего-то лучшего.

Владимир работал настройщиком телефонных станций, и лучшим на работе были многочисленные вызовы от клиентов. Вызовы позволяли ему путешествовать по городу и упражнять свой ум в поисках решения проблем, иногда совсем нетривиальных.

Всё остальное время он лениво почитывал техническую литературу, иногда собирал телефонные станции и сидел в Интернете.

Страстью Владимира были виртуальные дневники. Дневники людей, живших активной, интересной жизнью. Владимир подолгу разглядывал

яркие сочные фотографии с комментариями вроде «Ура! Покорение вершины!», «Урок дайвинга» или «Вечерний Париж». За всю свою жизнь он никогда не был дальше соседнего города, куда его однажды послали в командировку. Ну, может, дачу в пригороде можно вспомнить. Но какое же это путешествие.

Душа Владимира грезилась дальними поездками и опасными приключениями. Впрочем, не совсем опасными. Хоть бы что-нибудь произошло, что разбавит серую обыденность похожих, как клоны, дней...

Очередным утром, когда Владимир пил кофе, просматривая знакомые дневники — этот автор был на концерте рок-группы, тот собирается через неделю в Грецию, — поступил вызов из печально известной своим самодуром-менеджером организации.

Владимир не спеша допил кофе, выключил компьютер и отправился в недолгий путь в центр города.

— Здравствуйте, — поприветствовал его менеджер.

— Здравствуйте. В чём проблема?

Фото Н. В. Матюшевой

— Ваша станция не работает.
— А что происходит?
— Происходит то, что станция не работает. Почините.

— В телефонах есть гудки?
— В остальных есть, в моём нет...

В кабинете менеджера, в узком зазоре между столом и стеной, взору Владимира открылся наполовину вырванный из телефонной розетки провод.

— Вы дергали телефонный провод? — спросил он менеджера. — Когда телефон перестал работать?

— Мне позвонили из бухгалтерии и сказали, чтобы я убрал машину, она якобы мешает им выехать, я подошёл к окну... и телефон замолчал. Ну да, я потянул слегка за провод, он слишком короткий.

— Понятно.

Владимир достал из кейса с инструментами отвёртку, осторожно отодвинул заваленный бумагами стол и начал прикручивать оторванные проводки. На этот раз проблема была слишком лёгкой.

Вернувшись в фирму, он до вечера читал сайты туристических бюро.

На обратном пути купил в супермаркете макароны, и пока они варились, быстро протёр полы в своей маленькой холостяцкой квартире. Он взял кредит под бешеные проценты и влез в долги, но зато теперь у него отдельное от родителей жильё. И с долгами в течение года рассчитался. Осталось ещё лет пятнадцать выплачивать кредит, если не произойдет чуда.

На выплату кредита уходила почти вся зарплата Владимира. Остатка ему хватало на скромную жизнь, в которой главными были работа и Интернет. Может, когда-нибудь встретится симпатичная некорыстная девушка. Пока не встретилась. Но Владимир особо не переживал по этому поводу.

На следующий день опять поступил вызов из той же организации.

Владимир успел просмотреть восемь дневников, и авторы трёх уже вернулись из путешествий. Фотографий Владимиру хватило на час. Он неспешно смаковал подробности картинок, сосредотачиваясь не на довольных физиономиях владельцев, а на пейзажах вокруг. Когда-то он хотел стать художником... Впрочем, это так, обычная детская мечта.

Всю дорогу он вспоминал безоблачное лазурное небо, волны, изящную девушку в купальнике на заднем плане... Он улыбался едва заметно, и отблеск улыбки остался на лице, когда он подошёл к менеджеру.

— Здравствуйте, — широко оскалился менеджер.
— Здравствуйте. В чём проблема сегодня?

— Сегодня нет никакой проблемы. Просто нам хотелось бы музыку.

— Музыку?

— Да, музыку. Знаете, в некоторых телефонах при вызове абонентов играет музыка. В других организациях. Я подумал, что было бы замечательно, если бы клиенты звонили нам и слушали вместо гудков музыку.

— Какую музыку?

— Ну, например, такую: та-ра-ра-ра-рам, та-ра-ра-ра-рам... — Пел менеджер неплохо.

— «Турецкий марш» Моцарта, — уточнил Владимир.

— Вы так думаете? Впрочем, неважно. Нам хотелось бы что-нибудь такое лёгкое, позитивное, какую-нибудь классику....

— Хорошо. Могу я воспользоваться вашим Интернетом?

Телефонная станция неожиданно заупрямилась, не желая служить высокому искусству в виде классики в midi-формате. Настройка заняла много времени. Файл пришлось упрощать, настраивать громкость, удовлетворяющую клиента, проверять, срабатывает ли мелодия при звонках из города, внутренних... Владимир много раз прослушал трек. И по дороге домой в такт колёсам в его голове звучало: «та-ра-ра-ра-рам, та-ра-ра-ра-рам»...

Следующий день ознаменовался бесконечным унылым дождём. С утра Владимир, даже не успев выпить кофе, был вызван ремонтировать станцию, отказавшую после грозы. Дело оказалось утомительным и нудным. К обеду он закончил и, купив на обед батон белого хлеба, вернулся на работу. Обедал он на своём рабочем месте, закрыв клавиатуру листом газеты и неспешно перелистывая веб-страницы.

На этот раз его любимый автор описывал поездку в Таиланд. Его ставшее почти родным лицо бледно сияло на фоне потрясающих гор, огромного Будды, стада ленивых слонов и тонких тайландских девушек в традиционной одежде, которые могли оказаться и тайландскими юношами. «Остальные фотки позже» — заявлял автор, и Владимир был готов немного подождать. Таиланд был страной его золотой мечты, его волшебных грёз о несбыточном...

Он начал пересматривать фотографии с начала, и в душе его постепенно поднимался ропот. Его однообразная скучная жизнь показалась невыносимой. И через год, через два, через десять лет он так и будет сидеть и рассматривать красочные фото счастливых, у которых есть возможность ездить по миру, вдыхать ветер странствий... жить...

А у него есть только невыплаченный кредит на квартиру.

И тут его изобретательный ум подсказал выход из положения. Маленькое утешение. Компенсацию невозможности. Иллюзию свободы.

Он свернул браузер и стал пересматривать свои фото с недавнего корпоратива.

На следующий день Владимир скачал бесплатную программу для редактирования изображений и установил на домашний компьютер. По дороге на очередной вызов заглянул в фотоателье и сфотографировался.

Остаток рабочего дня он прочёсывал фотогалереи туристических сайтов, выбирая понравившееся фото. Скопировав его на флешку, отнёс её домой и работал над фото целый вечер. Уже глубоко за полночь вышел с домашнего компьютера в Интернет, создал на популярном сайте виртуальный дневник и сделал первую запись.

О недавней поездке в Таиланд.

С тех пор жизнь Владимира наполнилась новым смыслом. На дневнике у него появились друзья-читатели, которые тоже любили путешествовать. Владимир обсуждал изученные им на сайтах тургентств страны, их климат, гостиницы, известные места, приключения.

Владимир щедро обогатился различными географическими знаниями. Он легко мог рассуждать о тайландском озере Сонгкхла и национальных парках Эраван (там находится семьярусный водопад) и Кхао Яй (там можно увидеть тигра!). Впрочем, он

мог непринуждённо вести беседу и о Египте, Турции, Греции и немного о Франции.

Его мастерство обработки изображений тоже росло. Сказался скрытый художественный талант. Владимиру удавалось безупречно подкорректировать и тон своей кожи, и освещённость лица. На фото «Я у пирамид» он даже нарисовал свою неотличимую от настоящей тень.

Он регулярно навещал фотоателье, чем немало заинтриговал девушку на кассе. Девушку звали Маша, она была симпатичной, спокойной и любила исторические романы — всё это подсказала Владимиру наблюдательность. Девушка уже приветствовала его как старого знакомого, и Владимир полагал, что в следующий раз он пригласит её на новый исторический фильм. Нет, так нет. Но попробовать стоило.

С автором своего любимого дневника Владимир давно познакомился, и они много общались. Владимир объяснял свои многочисленные путешествия частыми заграничными командировками, как и его собеседник.

Его любимый автор с опозданием всё-таки выложил последнюю порцию своих фото из Таиланда. Три из них были теми, на основе которых Владимир сделал свои.

ОДИНОЧЕСТВО

Старик был очень одинок. Он давно уже смирился, сжился со своим одиночеством, оно заменило ему жену, умершую восемь лет назад.

Он стоял, опершись узловатыми пальцами на подоконник, и смотрел на улицу. Предзакатные тени смягчали шум, люди спешили домой. Там, по другую сторону стекла, был целый удивительный мир, ежедневный спектакль, в котором старик иногда участвовал в роли статиста. Но сейчас темнело, скоро опустится занавес ночи, а все действующие лица вновь обретут свое исконное «Я», слившись со сном...

Что-то мягко толкнуло старика в ногу. Он опустил глаза и улыбнулся, растянув сухие губы — это был Максим, его киберкот.

Он наклонился погладить пушистую спинку, и в груди глухо заворчала, заворчалась боль, такая же обычная и близкая, как и одиночество.

— Надо бы сходить к врачу, — привычно подумал старик, направляясь на кухню к холодильнику и доставая пахучие капли.

— Мяср? — спросил Максим, как показалось старику, обеспокоенно.

— Сейчас, сейчас, — капли плясали в холодной воде, как живые, — сейчас, малыш, получишь свой ужин.

Старик медленно выпил лекарство, не чувствуя вкуса, подождал... Боль отдалаялась, уходила в неведомые глубины его тела, грозя, дескать, подожди, старик...

Он достал из холодильника банку кошачьего корма и выскреб остатки в миску Максима. Киберкот, урча, подошёл и принялся за еду. Старик наблюдал. Иллюзия была полной.

Старик вспомнил: они приехали, приехали в тот же день, когда он позвонил им. Его сын и дочь, уже сами родители. Стоял чудесный летний день, в кронах кладбищенских деревьев пели птицы, а старик смотрел заплаканными опухшими глазами, как уходит в землю, едва покачиваясь на тросах, гроб с телом его жены. Его дети не плакали, даже дочь.

Старик немного удивлённо отметил, как они изменились: сын совсем поседел, на суровом лице дочери — старательно запудренная сеточка морщин. Он не видел их больше двадцати лет.

Фото Н. В. Матюшевой

Они задержались ещё на день, рассказывали о своих детях, вспоминали те забытые, но не окончательно, минуты, когда сами были детьми, говорили о матери... Старик смотрел на них, молчал, ему было хорошо. Он внимал им, каждой порой своей впитывал их присутствие, ему было так спокойно, что он почти позабыл о причине, побудившей их приехать...

На следующий день они уехали. Каждый в свой город, в свою семью. Старик не винил их, времена сейчас не те, что прежде, сумбур, прогресс. Значит, так надо, чтобы дети уходили из дома и никогда больше не возвращались, но где-то в глубине души старик понимал, что это неправильно. Но что он мог поделаться с прогрессом?

Однако через месяц, когда старик ещё не привык к своей одинокой жизни и ему казалось, что он сам уже умер и находится в гробу, глубоко под тяжёлой холодной землёй, его дочь приехала снова.

— Это тебе, отец, — сказала она, протягивая ему небольшую коробку, — с ним тебе будет не так скучно.

— Что это? — спросил старик, шурясь и радуясь, что дочь — вот она, рядом, живая, а не бестелесный голос в телефонной трубке.

— Это киберкот. Он совсем как настоящий, только ест в десять раз меньше обыкновенной кошки, и тебе не придётся убирать за ним. Не орёт по ночам и не просится на улицу. Смотри!

Она сама распаковала коробку. Старик настрожился: он не доверял прогрессу и роботам. Кот был абсолютно неотличим от настоящего. Освободившись от коробки, он огляделся, выгнув спинку и зевнул.

Старик недоверчиво и осторожно потрогал кота.

— Он тёплый!

— Конечно! Иллюзия должна быть полной, иначе кто бы стал их покупать?

Кошачий бок был мягким и приятным на ощупь.

— Я назову его Максимом, — задумчиво сказал старик.

Дочь вскоре уехала. Её ждали дела. А старик гладил кота, разговаривал с ним и быстро привык к нему.

Но старик всё равно очень скучал по своим детям. Особенно сейчас, когда рядом не было его большой, ворчливой, но такой милой жены. Киберкот не мог заменить её старику.

Иногда он звонил детям, иногда они звонили старику, но за восемь лет многое изменилось, в том числе и их телефонные номера.

Его дети забыли сообщить ему новые, и вот уже три года старый телефонный аппарат медленно покрывался пылью, как лаком, на столике в прихожей. Иногда старик подходил к нему, снимал труб-

ку и долго вслушивался в басовитое гудение летней пчелы, порой ловил отрывки чьих-то разговоров, и отрадно было думать ему, что там, за стенами его дома, есть другие люди. А чаще всего он подходил к окну и смотрел свой бесконечный спектакль.

Максим дочиста вылизал свою миску, встряхнулся и подошёл к старику. Тот нагнулся и взял кота на руки, прижав к груди. «Я здесь», — напомнила боль.

Старик охнул, отпустил кота и сел в кресло перед телевизором. Он продремал два фильма, программу новостей, рекламу и проснулся под надсадное шипение телевизора, едва освещавшего тёмную комнату голубоватым светом. Колени онемели — на них всё это время «спал» Максим, и сильно ныла спина.

Старик согнал киберкота, неловко, охая, встал и выключил телевизор, собираясь лечь спать.

В прихожей зазвонил телефон. Старик подождал немного, проверяя, не почудилось ли ему это со сна.

Телефон продолжал звонить, громко, настойчиво. Радость всколыхнулась в сердце старика, и оно забилося, сильно, быстро. Звонят, ему звонят! Его сын или его дочь, неважно, они вспомнили, вспомнили о нём!

И они вновь будут звонить ему, а он — им, ведь он же их отец. Может быть, они даже приедут к нему, привезут внуков и...

Старик, пошатываясь, спотыкаясь в темноте, подбежал к телефону, схватил трубку и хрипло крикнул в неё:

— Да!

В трубке в ответ хмыкнули, и связь оборвалась. И вновь гудела летняя пчела, такая же бесконечно одинокая, как и сам старик.

Похолодев, старик аккуратно положил трубку на рычаг, дрожа, вернулся в комнату и сел в кресло, уставившись во тьму.

А его сердце стучало всё так же радостно, всё громче и быстрее, быстрее и громче... И боль, наконец, вырвалась из объятий сердца ослепительной вспышкой и покинула старика.

Он обмяк в своём стареньком кресле, и его рука бессильно свесилась с подлокотника.

Максим, который незаметно последовал за стариком в прихожую, вернулся обратно, подошёл к остывающей руке и принялся, урча, тереться об неё головой.

А потом в нём, видимо, что-то сломалось, как незадолго перед этим что-то сломалось в старике. И киберкот уже не мог остановиться. Он тёрся и урчал, тёрся и урчал, тёрся и урчал...

И ещё долго в тишине пустой квартиры слышалось его электронное урчание.

Алексей Ковалев

Ведущий инженер группы по поставке газа, работе с потребителями и прогнозированию газопотребления Производственно-диспетчерской службы

ВЕЩИЙ СОН

В армию Михаила призвали в сорок третьем. Жил он в Белоруссии — партизанил ночами, а с утра отец Михаила, деревенский кузнец, поднимал младшего сына, молотобойца, и заставлял работать в кузне. А там жарко, монотонный перезвон молотков, поспать удавалось хорошо если чашок-другой. Бывало, начинает наш народный мститель засыпать — и тюк себя молотком по пальцу... Больно, конечно, зато проснулся.

Чтобы немцы не забрали любимого сына в Германию, а молодёжь туда отправляли на работы эшелонами, отец Алексей решил женить Михаила. Приписали два года в метрике (исправили шестнадцать

на восемнадцать) и женили на красивой фельдшерице из соседнего района. Молодуха — кровь с молоком. На пять лет старше, но в любви это не помеха. Вскоре родилась дочурка.

После освобождения Белоруссии Мишу призвали в армию. И оказался он в самом пекле — на Курской дуге. Вместе с ним в одну часть попало немало земляков из их района. По рассказам фронтовиков, пехотинец был рассчитан на две-три атаки. А там — либо ранят, либо убьют...

Однажды под утро, перед первой в его жизни атакой, Михаилу приснился сон, будто он со своим дядькой Степаном пилит двуручной пилой дрова.

Фото С. А. Вишневецкой

Вдруг дядька вырывает пилу и бьёт племянника в грудь. У него аж слёзы из глаз — и больно, и обидно. «За что, дядька Степан?!»

Подняли батальон в атаку, побежали вперёд — и тут удар в грудь. Сквозное ранение, лёгкие пробило, входное отверстие маленькое, а выходное под правой лопаткой — больше кулака. Михаил упал, потерял сознание. Очнулся, задыхается, во рту сгусток крови. Рукой вынул его — можно дышать. А подняться — сил нет. Смотрит — идёт к своим раненный в руку солдат, да не просто солдат, а родственник, троюродный брат Иван из соседней деревни. Взмолился Михаил: «Ваня, брат, спаси, дотащи до своих!».

Взял его Ваня целой рукой, поковыляли они по лесу к нашим позициям. А бой продолжался, немцы пошли в контратаку. Пришлось Михаилу отстреливаться: Иван его держал, а он вёл огонь. Выбрались.

КАК СОЛДАТЫ ГЕНЕРАЛА СПАСЛИ

Висло-Одерская операция была для наших очень необычной. Они прорвали все оборонительные рубежи фашистов и проходили в день с боями по 70–80 километров. Попробуйте как-нибудь налегке однажды совершить такую прогулку. А с оружием, плащ-палаткой, да несколько дней подряд, слабо? Солдаты в строю засыпали прямо на ходу, падали в придорожную канаву. Но, оказавшись в ледяной воде, бойцы моментально просыпались.

А ещё вместе с Красной Армией до Германии дошли верблюды. Там, однако, передохли, но до Берлина «корабли пустыни» всё-таки добрались.

Солдатские шутки часто грубоваты. И додумались какие-то «светлые головы» до такого «прикола». Смотрят — народ засыпает. Плюнут в морду верблюду, а гордое животное моментально ответит тем же. Тут главное было — быстро пригнуться. Тогда «особый заряд» летел в того, кто задремал. Те, кто не спали, смеялись, а оплётанный бедолага, не разобравшись со сна, заезжал в ухо соседу. Тот, обидевшись, давал сдачи — и пошло-поехало, вроде все проснулись.

Переправились через Одер, силами двух полков заняли плацдарм. Михаил — уже разведчик, а не пе-

Попал в госпиталь, а домой тем временем пришла похоронка. Заплакал отец. Вскоре приходит армейское письмо-треугольник: «Ваш сын жив, находится на излечении недалеко от Вас, можете навестить...». Собрали немудрёный гостинец, и отец поехал к сыну.

Потом были ещё атаки. В одной из них Михаилу опять «повезло» — подорвался на mine. То ли минное поле, то ли миномёт стрелял, только получил солдат тяжёлую контузию (осколки из ноги выходили до 1969 года). Во второй раз пришла в деревню Зелёный Сад похоронка, но отец сказал: «Я не верю. Чувствую, он живой»...

Михаил прошёл войну до конца. День Победы встретил в Берлине кавалером ордена Славы двух степеней, ордена Красной Звезды и многих медалей. Но сон, приснившийся ему перед первой атакой, запомнился навсегда.

хотинец — зашёл в богатый дом. Осмотрелся. Вроде, все спокойно, хозяева убежали. Прошло с полчаса. Выглянул в окно, а там — мама дорогая! Немцы ходят в полный рост, да не пехота, а отборные части СС! Это фюрер бросил в контратаку элитные танковые дивизии...

Тихонечко пробрались к своим. Бой кипел уже не на шутку. Хорошо ещё, что у немцев было мало пехоты, иначе никто бы обратно не ушёл.

Комдива, Героя Советского Союза, двухметрового красавца, немцы ранили в ногу. Идти он не мог, а надо было уходить обратно по льду через Одер. Взмолился комдив: «Братцы, спасите, вынесите к своим, всем Героев дам!».

Командира и знамя бросать нельзя. Михаил с ребятами подхватил носилки, под огнём вынесли тяжеленного генерала. Но вот Героя так и не получил. Представили к третьей Славе, но тоже не дали. Да ведь не в этом оно, солдатское счастье. Главное, уцелели и генерала спасли! Из двух полков, а это тысяча шесть, в живых осталось всего двести пятьдесят шесть солдат.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Война для Михаила закончилась 2 мая. И это был его главный праздник — второй день рождения. Две похоронки приходили на него за войну, но ближе всего смерть была в этот весенний день сорок пятого года.

Разведrote был дан приказ: взорвать монастырь, в котором засели фашисты. А там стены такие, что самоходка была прямой наводкой самым крепким снарядом, болванкой — ни один снаряд стену не брал. Разведчикам со взрывчаткой до сте-

ны дойти просто никто бы не дал, там бы все легли.

И вот осталось меньше часа до назначенного срока. Ребята мысленно попрощались с белым светом. Но как раз в этот момент объявили капитуля-

цию Берлина. Из монастыря с поднятыми руками повалили немцы: почти сплошь офицеры, чёрные мундиры СС — сотни элитных бойцов. Разведчики убедились: до стен в случае заварухи не дошёл бы никто.

С МАРИЕЙ В ПОСТЕЛИ

Берлин капитулировал. Солдаты ликовали. Трофеев — без счёту. И был приказ Жукова — население города не обижать, за мародёрство расстреливать на месте.

Михаил шёл по улице. Вдруг он услышал шум на первом этаже жилого дома. Ворвавшись в квартиру, боец увидел, что двое солдат собрались насиловать молодую немку. Родители девчонки кричали... Михаил прикладом автомата сбил с ног насильников, и тем пришлось убраться на четвереньках. Стрельбу в квартире он не начинал — могли пострадать посторонние. Нетрудно представить, как обрадовались родители.

Оказалось, что у этой семьи русские корни, поэтому все трое хорошо говорили по-русски. Дочь Мария потом работала переводчицей в военной комендатуре. Тут же накрыли стол. Отказаться было невозможно. Вдруг кто-то забарабанил в заднюю дверь. И тут выяснилось, что эта дверь одновремен-

но являлась тайным выходом из метро, не сдавшиеся фашисты решили этим путём покинуть подземелье.

Хозяева сообразили мгновенно, скомандовав Михаилу: «Раздевайся, ложись с Марией в кровать! Мы скажем, что ты контужен, говорить не можешь...».

Кальсоны наши от немецких не отличить. Михаил моментально разделся, автомат и обмундирование закинул под кровать, пистолет «ТТ» засунул под подушку, рядом в ночной рубашке прилегла Мария, и тут через квартиру пошли враги.

Офицеры, сразу видно, были матёрые. Один подошел к кровати. Михаил лежит — ни жив ни мёртв. Что-то сказав, фриц рассмеялся и двинулся дальше. Страху Миша, конечно, натерпелся. Потом несколько раз он заходил туда в гости. Хозяева всегда были искренне рады.

*Алиция
Краснова*

Работала телефонистом 4-го разряда
Ухтинского цеха технологической связи

ВОВКИНА РЫБАЛКА

Середина августа шестьдесят седьмого выдалась сухой и тёплой. На полях колхоза гудела уборочная страда. Два закадычных друга, Вовка и Колька, катили на стареньких, выдавших виды велосипедах к ближайшему пруду на рыбалку. Вовке исполнилось тринадцать, а Кольке — на два года меньше, но эта разница была незаметной: Вовка был небольшого роста, поэтому выглядели друзья как ровесники. Но Вовка хоть и не вышел ростом, руки у него были не по годам сильные и большие. Когда кто-то задирался или, не дай бог, дразнил, Вовка раздавал тумаки, не скупясь. А вообще оба росли в больших семьях, и времени на всякого рода озорство особенно не было.

Вот и рыбалка являлась не просто занятием для души, а имела назначение семейного прокорма. Холодильники считались в деревне невиданной роскошью. Зимой мяса было завались, резали свиней и другую живность, развешивали тушки в холодных кладовках, и хватало до самой весны. А летом рыбалка считалась основным промыслом для всей деревни, вот и в этот раз надо было подумать об ужине для семьи.

Отец и два старших Вовкиных брата работали в поле, а он с младшими сестрой и братишкой были на подхвате по хозяйству, помогали матери. Колькина же семья состояла почти из одних женщин, из

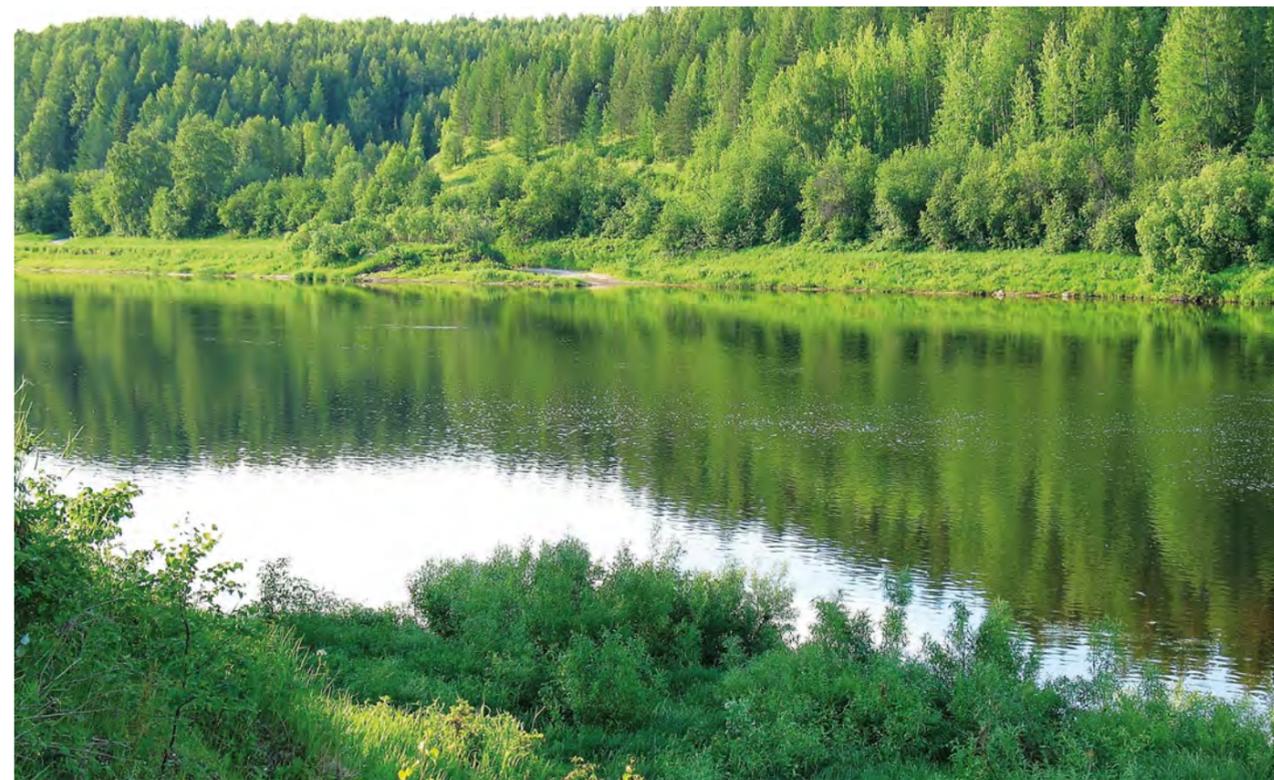

Фото Г. Г. Батищевой

мужиков — только отец да он, единственный отцу помощник и добытчик.

Время перевалило за полдень, но друзья собирались вернуться к закату. Весело переговариваясь и перегоня друг друга, подростки держали путь к водоёму, который был искусственно запружен колхозом и кормил всю округу. По короткой дороге, пролегающей через поле, до него было рукой подать — километра два. Привязанные к рамам велосипедов самодельные удочки болтались при тряске, в банках из-под консервов копошились живые дождевые черви.

Дорога, петляя, разделяла пшеничное поле, а после пролегла вдоль бора, где в тени от сосен и располагался заветный пруд.

— Вов, слышь, вчера, говорят, дядь Коля Кукушка поймал карпа зеркального на шесть или семь килограммов! — поведал другу Колька.

— Да запросто, — ответил Вовка, подпрыгивая в очередной раз на кочке. — Мой батя с братом года два назад тоже гиганта приволокли. Голову пришлось топором, как поросёнку, рубить. Зато еды было море... И уха тебе, и жареная рыба. Жирню-ющий был карп... — добавил Вовка.

— Эх, если бы сети у нас были, вот зажили б, а то удочкой много ли натаскаешь! — сокрушённо вздыхал Колька.

Дорога запетляла. Выезжая из-за поворота к пруду, ребята заметили стоявший на берегу «уазик».

Глянь, военные, что ль, понаехали? — махнул рукой Колька.

— Да, костёр развели даже...

— Чё, ближе подойдем, глянем? — предложил Вовка. — Всё равно к нашему месту мимо них проходить.

— Давай! — согласился Колька.

Спешившись, ребята подошли ближе к машине.

Двое солдат в надувной лодке расставляли сети, и, кажется, дело шло к завершению. Возле разведённого костра суетился офицер. В подвешенном котле булькало и вкусно пахло кашей с тушёной. Завидев ребят, офицер поднял голову:

— Эй, молодцы-удальцы, на рыбалку собрались? Местные?

— Местные. У нас место своё рядом... Вон там... — кивнул на прибрежные кусты Колька.

— Понятно. А мы о вашем озере наслышаны. Вот тоже порыбачить приехали, сети поставим, заночуем и поутру станем снимать, надеемся, улов будет что надо! — продолжал офицер, помешивая варево.

— Да, наш пруд все ближние деревни кормит, а вам чё, доехать на такой машине двадцать километров не расстояние, — поглядывая на сети, пробасил Вовка.

А сети и впрямь у служивых были отменные: новенькие, сплетённые из добротного капрона, в ка-

плях воды, блестели на солнце изумрудным цветом. Солдаты расставляли их недалеко от берега, поэтому ребята могли оценить их в полной мере. Вся эта картина вызывала у них неподдельную зависть.

— Слышь, пацаны, а давайте-ка отобедайте с нами, каши на всех хватит, — добродушно предложил офицер, видя, что ребята замешкались.

Друзьям дважды повторять не нужно было. Отведав на дармовщинку каши с дымком да наваристого сладкого чая, они поблагодарили служивых и с полными желудками подались к своему насиженному месту.

...В этот день рыбалка так и не задалась. Вовка с Колькой все поглядывали на отметки — поплавки от сетей. А рыба клевала мелкая да редкая. Просидев битых три часа и вытянув несколько краснощёк, Колька засобирался домой.

— Слышь, Вовка, я, пожалуй, домой поеду, а то мамке обещал скотину встретить, а ты? — вопросительно взглянул он на друга.

— Ты езжай, — отмахивался от назойливых комаров Вовка, — я ещё малость посижу. Смеркалось. Шальные мысли зародились в Вовкиной голове ещё до отъезда друга и теперь складывались в определённый и рискованный план. Азарт охватил подростка: «У военных этих сетей навалом. А нам они так нужны. Да, с ними жить не тужить, рыбы будет завались... Только бы получилось...». Вовка уговаривал себя, поглядывая на соседей. Ничего не подозревавшие бойцы сидели у костра и о чём-то беседовали, переговаривались, смеялись. «Я бутылку у них видел... Щас допьют и спать пойдут, а я сделаю вид, что домой уезжаю», — мыслил Вовка.

Комары зудели над ухом, становясь все активнее. Вовка собрал свои нехитрые снасти, прикрепил всё той же изолентой к раме и направился к дороге, ведущей в деревню.

Завернув за поворот, оглянулся и убедился, что теперь его не увидят. Велосипед спрятал за куст ивняка и завалил ветками. Пока проделывал все эти приготовления, потихоньку стемнело.

Чтобы наверняка не заметили, прятаясь за кусты и деревья, Вовка пробирался к камышовым зарослям обратно к пруду. Где-то там ещё днем он приметил колышек, к которому были привязаны сети. Он, конечно, понимал, что его план не только рискованный, но и разбойный, однако жажда обладания таким богатством, как настоящие рыболовные сети, затмила всё это понимание. Да ещё мальчишеский азарт делал своё дело.

«Только бы они там были привязаны послабее... — лихорадочно крутились в голове мысли. — Сейчас одну сетку вытяну — и всё...».

В кустах, раздевшись почти догола, Вовка сложил вещи на траву. Было уже прохладно, и комары

нападали со всех сторон на оголённое тело подростка, но он уже ничего не замечал и шёл к намеченной цели.

У костра в это время стало тише: «Видно, пошли отдыхать в палатку. Теперь будут спать». Вовка осторожно раздвинул камыши. На пруду завели свои ночные песни лягушки, были слышны всплески воды — это крупная рыба резвилась в своей стихии.

Вовка осторожно ступил босыми ногами в воду и двинулся в сторону расставленных сетей. Сначала обдало холодом, потом стало теплее. Проплыв метров десять, он достиг цели. Нашупал узлы на кольшке и стал осторожно их распутывать. В воде проделать эти, казалось, простые манипуляции было сложнее. Руки не слушались, узлы соскальзывали. Но вот сеть поддалась и пошла, пошла! Мальчишка ликовав.

Оттолкнувшись от кола, схватившись одной рукой за прибрежные кусты, а в другой держа своё сокровище, Вовка с большим трудом пробирался к берегу. Сеть была неимоверно тяжелой, но он, стиснув зубы, всё тянул и тянул её за собой, ногами пытаюсь нащупать дно, но, к сожалению, было ещё глубоко. Вовка плыл, одной рукой загребая воду, в другой сжимая добычу, стараясь ничем себя не выдать, ни плеском воды, ни звуками и вздохами. Из глаз от натуги брызнули слёзы, но Вовка не сдавался, он был не из слабаков, которые всё бросают на полпути.

Но вот, наконец, ноги нащупали твёрдое дно... Берег! Вовка облегчённо вздохнул. Теперь оставалось совсем простое дело — вытянуть сеть. Выбравшись из воды, Вовка принялся обеими руками за работу, но сетка оказалась на удивление длинной: «Блин, да сколько их тут?!» Он вдруг понял, что сети скреплены между собой и составляют единую связку! К такому повороту событий подросток был явно не готов. Но что ему оставалось делать, теперь уже отступать было поздно. Да и добыча, вот она, в руках! И он снова принялся за работу, вытирая тыльной стороной ладони взмокший от натуги лоб.

«Только бы никто не заметил!» — билось в висках. Но, видимо, бойцы были спокойны за своё имущество, да и кто посмеет посягнуть на него? Поэтому мирно отдыхали, кто в палатке, загодя расставленной на берегу, а кто в машине. Костерок потрескивал, освещая небольшой участок земли.

Сколько времени прошло с того момента, когда он начал свой разбойный промысел, Вовка не знал: два, три часа, но вот наконец ему удалось справиться и вытянуть последнюю сеть. Облегчённо вздохнув, он посмотрел на целый ворох, лежавший на траве. Перед ним теперь стояла ещё одна непростая задача — транспортировка. «Пока я схожу за великом, — размышлял, одеваясь, Вовка, — с сетей стечёт вода, и я что-нибудь придумаю».

Крадучись, Вовка сходил за спрятанным велосипедом и начал обматывать сетями раму, багажник и даже руль: «Да сколько же их тут? Семь? Восемь?» Когда дело было сделано, велосипед имел вид копны на колёсах.

Вовка попробовал стронуть его с места. Ценой невероятных усилий это ему удалось. Теперь нужно было добраться до деревни. Мимо военных не пройти, поэтому Вовке ничего не оставалось, как катить велосипед в гору к грейдеру. Этот путь был длиннее и опаснее: часто ездили машины, вывозившие с полей зерно, даже ночью шла битва за урожай, но выбора не было. И Вовка, собрав всю свою мальчишескую волю в кулак, поволок свой груз в гору.

Добравшись до грейдера, он осмотрелся: где-то рядом с деревней заметил свет от фар. Нужно было срочно схорониться. Ладони рук были стёрты в кровь, но Вовка боли не чувствовал. Сопя и кряхтя, спотыкаясь и рискуя каждую минуту свалиться кубарем, он залез с ношей под грейдер. Мимо проехал грузовик ГАЗ-52.

Машины сновали туда-сюда, да ещё злополучный ГАЗ-52 уезжал и быстро возвращался обратно. «Кто же гоняет на самосвале? — разжимая затёкшие пальцы рук, думал Вовка. — Кажется, это дяди Ванина машина, из папкиной бригады...».

Так с горем пополам дотянул до деревни. На дворе стояла поздняя ночь. Вовка не стал тащить добычу домой: никто его по головке не погладит за украденное имущество. У деревенской околицы находился глубокий овраг, поросший высокими лопухами. Там он всё и спрятал до поры.

Озираясь по сторонам, как будто за ним гнались по пятам, Вовка побрёл к дому.

Стоя у ворот, отец поджидал пропавшего сына.

— Ты где шастал до сих пор? — он сурово сжал губы. — Мы с дядей Ваней всю округу объехали, даже на пруду были и у военных спрашивали... Они сказали, что ты засветло уехал в деревню...

— Пап, да я... — начал лепетать Вовка. — У меня велик сломался... Я его ремонтировал, ремонтировал... а потом спрятал в лесу... Пока дошёл... — сочинял он на ходу.

— Ладно, марш домой... Утром с тобой разберусь.

Вовка не стал испытывать отцовское терпение и быстренько шмыгнул в сени.

За всю ночь он не сомкнул глаз: нестерпимо ныло все тело, да и мысли кружились в голове хороводом. Вовка-то радовался, что так ловко удалось все задуманное, и мальчишеская душа переполнялась ликованием и гордостью за себя... То вдруг накатывала тревога, ведь это не шутка: украсть из-под носа у военных принадлежащее им имущество. В общем, было не до сна.

Так, ворочаясь с боку на бок, Вовка встретил утро. Он сделал вид, будто спит, когда братья и отец собирались в поле. После их ухода вскочил, наспех перехватил кусок хлеба с молоком и побежал к Кольке.

— Ты чего в такую рань? — протирая сонные глаза, удивился Колька.

— Давай быстрее одевайся — и за мной, я тебе по дороге всё расскажу! — Вовка протягивал ему одежду.

Видя озабоченное лицо друга, Колька не задавал больше лишних вопросов. Так уж повелось между ними: надо, значит, надо. Колька был самым надёжным другом, и кому как не ему мог доверить Вовка самую большую тайну. Он знал, что Колька никогда его не подведёт, не подставит и что он умеет держать язык за зубами.

Друзья огородами да тайными тропами притащили велосипед с сетями в Колькин амбар.

— Ну, ты даёшь!.. Их же искать начнут, — всё ещё не оправившись от удивления, повторял Колька.

— А что теперь делать? Надо молчать. Чтобы ни одна душа не узнала... — сопел, озираясь, Вовка.

Целый день два друга распутывали сети на чердаке Колькиного амбара. Их оказалось восемь штук по двадцать пять метров каждая. Такое богатство подросткам даже не снилось.

Развесив по крюкам и верёвкам все распутанные сети, Колька запер двери чердака на свой замок. Он точно знал, что туда никто не войдет: это была его личная территория. Друзья поклялись никому не рассказывать о своём тайнике...

Несколько дней в деревне только и говорили о том, что военные ищут украденные на пруду сети, опрашивая людей. Но им и в голову не приходило, что на такое способен маленький мальчишка!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЯТИТЕЛЯ

Быль

Эту по нынешним временам невероятную историю довелось услышать в детстве из уст нашей бабушки Анастасии Карповны. Бабушка была глубоко верующим человеком, и поэтому не возникает сомнений в подлинности её рассказа. Ещё одна свидетельница и очевидец — односельчанка Христя.

Бабушки Насти уже давно нет в живых. Но мы с мамой по памяти постарались восстановить то, что когда-то довелось услышать обеим. А случилось вот что...

Шёл ноябрь 1940-го, последнего мирного года перед Великой Отечественной войной. Люди не догадывались о том, что их ждёт. В то время моя бабушка,

Так и не найдя вора, служивые уехали ни с чем. Постепенно все забыли об этой истории, да мало ли в округе деревень, откуда мог быть тот воришка. Это всё равно что искать иголку в стогу сена.

Только спустя год мальчишки рискнули воспользоваться одной сетью. Дядя Коля Кукушка, заядлый деревенский рыбовод, случайно наткнулся на друзей, когда те расставляли сеть на пруду.

— Где вы её взяли? — протянул он удивлённо.

— Ты, дядь Коль, молчи, а мы тебе за это рыбу давать будем, — тут же нашлись мальчишки. Так, заключив сделку с самым главным рыбаком в деревне, теперь уже втроем, заговорщики неплохо снабжали свои семьи свежим уловом.

Спустя три года сетями пользовались все их друзья, что составляло половину деревни.

Вовка рассказал отцу о своём дерзком поступке только перед уходом в армию. Однако за давностью лет он так и не получил заслуженное наказание.

— А что было бы, если б тебя нашли? — только и смог сказать ошарашенный таким известием отец.

...Минули десятилетия. Повзрослевший и поседевший Вовка не раз вспоминал свою проделку.

— Конечно, — говорил он, вздыхая, — теперь я понимаю, как рисковал сам, как мог поставить под удар своего отца, ветерана войны и орденосца... Да и служивым досталось, видимо, за потерю имущества... Тогда с этим строго было... Но ведь мои сети много лет кормили почти всю деревню, а один наш друг с их помощью даже в гору пошёл: возил-возил рыбу нефтяникам, пристроился к ним на работу и большие деньги начал зарабатывать, — оправдывался Вовка. — Может, спишется мне этот старый мальчишеский грех?

молодая тридцатилетняя женщина, носила глубокий траур по своим погибшим детям. Двумя месяцами раньше, в начале сентября, двенадцатилетний Пётр и четырнадцатилетняя Степанида вместе с соседской девочкой Ниной подорвались на снаряде.

Дети нашли его где-то рядом с деревней. Такого смертоносного добра, к сожалению, хватало в окрестностях. Действующий военный гарнизон находился в нескольких километрах. Там на полигоне регулярно проходили учения, и снаряды разлетались далеко. Один из них и нашли дети, кому-то пришлось в голову ударить по нему камнем. Последствия были страшными...

Почерневшая от горя мать раненой птицей металась между двух гробов, тщетно пытаясь обнять их разом. Не сошла с ума только потому, что была нужна ещё двоим маленьким сыновьям, Саше и Коле.

...Прошло около двух месяцев, а боль не уходила. Не отступала. Жгла калёным железом в самое сердце.

К Насте и Григорию заходили односельчане. Проведать. В деревне не принято было оставлять людей одних со своим горем. Помогали кто словом, кто делом...

В то ноябрьское утро бабушка была не одна. К ним с Григорием на ночлег попросилась односельчанка Христя с грудным ребёнком. Дед Григорий выстроил просторный и добротный деревянный дом с расчётом на большую семью. Христя по каким-то причинам не имела своего жилья, просилась на постой к добрым людям, и ей не отказывали. Так поступили и дед с бабушкой. Как оставишь человека на улице в ноябрьские морозы? Да и бабушка была человеком отзывчивым. С ней можно было побабьи выплакаться, она, хоть и молча, а сочувствовала. На слова-то после своего горя стала скупа. Что слова — пустое, на первом месте была работа. Она от горя первый лекарь.

Григорий ещё до рассвета ушёл на колхозные работы. Дети, разбросавшись поверх одеял, дремали в передней. Женщины хлопотали, собирали еду. Что Бог послал.

Постреливала горячими искорками разгоравшаяся печь. Настя привычным ловким движением подцепила ухватом чугунок с водой и поставила его на край печи. Затем подошла к деревянному столу и задула керосиновую лампу. Откинула за веревочку простенькие ситцевые занавески на окнах.

— Светает на дворе-то. Христя, глянь, какой снежок сегодня выпал! — обернулась Настя к подруге.

Христя, сидя на табурете, чистила картошку. Картофельные очистки тонким серпантинном падали в ведро. В руках у женщины оставалась гладенькая, как куриное яйцо, картофелина.

— Да ведь как чисто и светло стало на улице! — подняла голову Христя.

За окном сияла белизной обновлённая земля. Деревья покрылись серебристым инеем.

— Вот и зимушка подошла, — со вздохом произнесла Настя. — А Петя наш так любил на саночках с горки кататься. Григорий-то ему ведь добрые санки сладил. Теперь для Саши и Коли остались.

По её щекам покатались слёзы.

— Ты уж, Настенька, стерпи горе. Детки твои у престола Божия светлыми ангелами. А у тебя ещё двое пострелят. Их растить надо, — как могла, успокаивала подругу Христя — Вы с Григорием такая ладная семья. Он тебе надежда и опора. Даст Бог, всё поправится.

— Да-да, конечно, — вытерла слёзы цветным передником Настя. — Я хоть поплакать могу, а Григорий

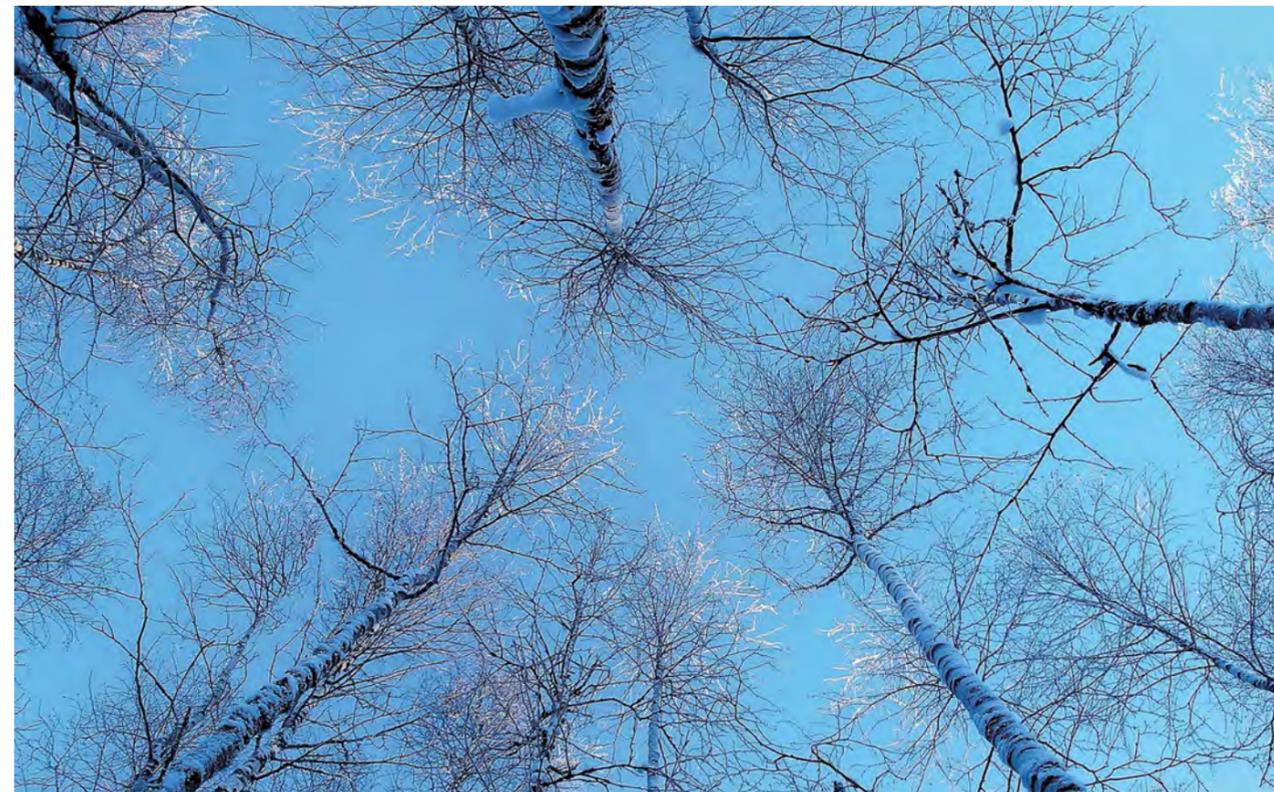

Фото Г. Г. Батищевой

чуть свет из дома бежит. Всё заботу себе ищет. Тяжко ему, как тяжело. Дай Бог сил пережить как-нибудь.

Так, тихо переговариваясь, чтобы не разбудить детей, хлопотали бабы по кухне.

Вдруг в холодных сенях стукнул дверной засов, и женщины услышали шум шагов и чьё-то покашливание. За дверью обметали веничком снег с обуви.

Григорий, наверное, вернулся. Что так рано? — обернулась к двери Настя.

Тут дверь отворилась, и на пороге, отряхивая снежок с одежды, появился незнакомец.

— Мир вашему дому, хозяева! — поклонился гость.

Бабушка как можно точнее пыталась описать его образ. С её слов, это был седовласый старик с бородой. Роста среднего, в старинном зипуне. За плечами — котомка, в руках — посох. Валенки старые, латаные. Выдавшую виды овчинную шапку гость держал в руках. Глаза светлые, будто лучистые, и глядят в самую душу.

— И тебе добра, мил человек! — ответила Настя. — Ты кто будешь и откуда?

Женщины удивлённо переглянулись. Они не видели, чтобы мимо окон кто-то проходил.

— Странник я, — всё ещё стоя у порога, ответил старец. — Странствую по белу свету. За людьми присматриваю. Не откажете в краюхе хлеба и воде? — спросил он, прищурившись.

— Как же! На вот, присядь, — подвинула табурет Настя.

Христя отломала кусок ржаного хлеба и подала старцу. Настя налила в кружку кипятка.

— Ты какой дорогой к нам пришёл, через лес или через поле? — не унималась Настя.

— Пришёл с восточной стороны. Заночевал у вас в бане. Надеюсь, не обидел добрых людей? — прихлёбывал кипяток незнакомец.

— Да что же в дом не постучался? Нашли бы место для ночлега.

— Пришёл за полночь, тревожить не стал. А у вас баня с вечера протоплена, вот я и попользовался.

Старик поставил пустую кружку на стол. Ломоть хлеба положил в котомку, встал, поклонился.

— Спасибо, хозяйюшка, за хлеб и за соль. Пойду дальше. Путь неблизкий предстоит. Благословлю людей перед великим испытанием... Эх, поубавится-то народу скоро, поубавится! — вздохнул старец.

Посмотрел на женщин так, будто знал про них всё. Потом перекрестил, натянул на голову шапку и вышел вон.

Спустя несколько минут к оторопевшим женщинам вернулся дар речи. Бабушка с Христей по какому-то чутью, не сговариваясь и наспех накинув одежду, выбежали вслед за старцем.

На улице уже рассвело. Женщины осмотрели всё подворье. Но нигде: ни у дома, ни во дворе, ни

у бани — следов незнакомца не обнаружили. Они обошли все пристройки и сараи, даже в баню заглянули — старца след простыл. Как говорила бабушка, будто с неба спустился и поднялся туда же. На только что выпавшем снегу оставались отпечатки только их следов. Других не было.

После бабы опросили односельчан: видел ли кто чужака в деревне? В то время народу в сёлах было много и нельзя было не заметить пришлого человека. Но все, у кого они спрашивали, только недоуменно качали головами. Вскоре женщины оставили эту затею. Бабушка потом говорила, что, если бы она была одна в тот момент, ей бы никто не поверил. Настя с Христей всё же догадались, кто навестил их в то ноябрьское утро. Икона с ликом старца стояла почти в каждом доме.

Бабушка крестилась, рассказывая об этом. Переходила на благоговейный шёпот и произносила:

— Никола Угодник это был. С предупреждением он к людям приходил. Благословлял, чтобы выдержали беду большую!

И снова часто крестилась.

...Бабушка Настя прожила нелёгкую жизнь. Как говорят в народе, Николай Угодник приходит к людям с тяжёлой вестью.

В июне 1941 года, сразу после объявления войны, деда Григория забрали на фронт. Бабушка в феврале 1942-го родила мою маму, дед успел узнать о рождении дочери. А с августа 1942 года он уже был в списках пропавших без вести.

Бабушка так и не смирилась с тем, что её Григория нет в живых. Она больше никогда не вышла замуж. Все свои силы отдавала работе и воспитанию троих детей, а потом и внуков. Непутёвую Сашину жену лишили материнства, и все заботы о трёх внуках легли на бабушкины плечи.

Скромная и работящая, она никогда не жаловалась и не кляла судьбу. Просто жила, просто работала, не поднимая головы. Запомнились её руки. Сухие и натруженные. Кожа рук была похожа на кору калины, что росла в дальнем углу огорода, а лозы синих вен перевивали их.

В минуты редкого отдыха бабушка Настя садилась и клала руки на колени. Её синие глаза выцвели и смотрели куда-то вглубь себя. Что вспоминала и о чём думала? Об этом никто теперь не узнает.

Смирненно несла она свой крест до конца жизни. Лишь часто молилась за своих и чужих. И до сих пор остаётся на душе горький осадок и чувство вины перед ней. Будто что недодали, не помогли, что-то не успели. Шевельнётся невысказанное и безвозвратно утраченное.

Но мы точно знаем, что она всех простила и прощает. Бабушка жила с благословением самого Николая Чудотворца и теперь находится под его святым покровительством. И ей сейчас светло. И легко...

Дмитрий Кривцов

Работал ведущим инженером
Управления капитального строительства

ДРЕДНОУТ

Две недели в прошлом году искал Арсентий Иванович в тайге подходящее дерево. Правильную ель. Близко от деревни такой не было. С каждым днём он уходил всё дальше и дальше, пока, наконец, километрах в семи от дома не нашёл то, что нужно. Ель была великолепна. Нет, она не отличалась высотой и плотным конусом разлапистых ветвей, но корни, самое главное, корни оказались лучше некуда. Особенно один большой отросток, ради которого, по сути дела, Арсентий и вёл свой поиск. Толщиной никак не менее двадцати сантиметров, этот корень плавным изгибом вливался в основной ствол ели, составляя с ним необходимый для носа лодки угол. Да, именно для киля новой лодки и искал он правильную ель.

Арсентий обрубил у ёлки все корни по кругу, чтобы дерево перестало расти и хорошенько просо-

хло на корню. За два лета ель высохла. Можно было валить. Вот почему этим тёплым сентябрьским деньком он взял в колхозной конюшне жеребчика по кличке Вэрэнко, снарядился на несколько дней и поехал в тайгу к своему дереву.

Арсентию Ивановичу Погуляеву этим летом исполнилось пятьдесят четыре года. Это был крепкий мужик ростом под метр девяносто, силищи неимоверной. Бывало, особенно после выпитого, он любил показывать свой коронный номер. Возьмёт гвоздь-двухсотку, обернёт шляпку рукавицей и, коротко махнув рукой, вгоняет его в пятидесятую доску. Естественно, насквозь. Потом пальцами загибает конец гвоздя со шляпкой и, одной рукой держа доску, другой без видимых усилий вытаскивает его. У зрителей, особенно видящих такое первый раз, это вызывало восторг.

Фото Р. Р. Юсупова

Характером Иваныч, как, наверно, все физически сильные люди, обладал спокойным, рассудительным. За ум и силу, за то, что он такой большой и надёжный, в деревне Дёма Усть-Куломского района его шибко уважали, потому и избирали регулярно председателем колхоза. И здесь Погуляев был на своём месте, потому как хозяйственником был отличным. У него и сена косили больше, и коровы лучше доились, и картошки почему-то урождалось больше. И мужики пили меньше. А как с таким председателем попьёшь, если боролся он с пьянством очень просто: не вышел кто-то на работу по известной причине — он к тому домой. Сгрёбёт мужика в охапку, протащит по всей деревне и давай его в реке полоскать, пока не протрезвеет.

—Вон, Арсентий Кольку в вытрезвитель ведёт, — смеясь, кричали женщины и толпой собирались на берегу полюбоваться бесплатным представлением.

Некоторые жаловались участковому. Молодой лейтенант обращался к председателю:

— Ну, вы бы с ними полечче, Арсентий Иванович, жалуются!

Погуляев также уважительно отвечал:

— А мне их, что же, за полста километров к вам в район везти? Ближе вытрезвителя нет! А план кто будет делать?

Семья у председателя — большая, крепкая. Жена Галя родила шестерых сыновей и двух дочерей, которые все уже выросли, завели свои семьи, нарожали внуков, а потому Погуляевых в деревне проживало уже больше двадцати человек. На праздники все собирались в огромном родительском доме. Деревенские радовались за председателя.

— Погуляй сегодня гуляет, внучку крестит.

Всё шло хорошо, пока не началась перестройка, пока рынок со своими дикими законами не влез в их спокойную, размеренную жизнь. Колхозников оставили без государственной поддержки, один на один с ценами, упавшими на их продукцию и взлетевшими на бензин и сольерку. Хозяйства начали рушиться один за другим. Люди, кто ещё мог работать и верил в свои силы, бросали дома, продавали скотину и уезжали в города. Кто не мог, спивались и пропадали.

Погуляевский колхоз держался дольше других, но и он не мог выстоять в таких условиях. Арсентий Иванович ещё на заре зарождения рынка понял, к чему это приведёт. Он днями и ночами ломал голову над тем, как выжить, просчитывал различные схемы и комбинации, но все его расчёты объективно сводились к одному выводу: колхозу не жить. И тогда он принял решение: из деревни надо уезжать. Это была не слабость. Нет. Просто он, активный, сильный человек, не видел себя в умирающем хозяйстве и не собирался впустую тратить силы на заранее проигранное дело.

Он собрал своих сыновей на тайный совет и приказал подаваться в город. За год четыре старших сына перебрались в Сыктывкар и неплохо даже устроились, открыв в разных концах города продовольственные магазины. Дочери и так жили в Усть-Куломе. В Дёме остались только двое младших да сам Арсентий с Галей. Вот теперь, когда семья была пристроена, и решил Погуляев, что тонущий корабль можно покидать и капитану. А для этого, естественно, нужна шлюпка. Но нет, конечно же, не шлюпка, а лодка-комачка, на каких плавало по рекам большинство местных жителей.

За свою жизнь Арсентий построил больше десяти лодок. И, конечно же, лодка у него была. Но для большого исхода она была слишком мала. Ведь надо было увезти восемь человек народу да скарба домашнего на две-три тонны. Поэтому он решил построить лодку уникальную, доселе невиданную, очень большую. Метров в тринадцать-пятнадцать. Для неё даже название родилось: «Дредноут». Так в недалёкую старину называли огромные боевые корабли — броненосцы.

Что ж, задумано — сделано. У такого человека идеи никогда не расходились с делами.

Половину пути до ели Арсентий проделал верхом. Когда же рыбацкая тропа, шедшая вдоль реки Воль, на которой стояла их деревня, стала пропадать, пришлось спешиться. Добравшись до места, он быстро перекусил и принялся за работу.

Свалить дерево не сложно. Особенно бензопилой. Но свалить дерево, предназначенное для лодочного киля, — совсем другое дело. Надо обрубить по кругу все корни у самого основания ствола, толщина которых в этом месте вызовет сомнения у любого городского лесоруба, которому поручено привезти ёлку для дома культуры. Естественно, надо оставить только один, главный, который и будет носом лодки. Только на эту работу у Арсентия ушёл целый день. Потом надо выкопать яму под стволом напротив оставшегося корня. Лишённое опоры дерево стремиться упасть в сторону, противоположную от корня, только он и держит. Вот тогда рубится последний. И огромная ель, простоявшая, может, лет двести, с шумом валится на землю, подминая под собой всю мелкую растительность. После этого начинается основная работа: из ствола в полтора обхвата одним только топором надо выстругать заготовку киля — достаточно лёгкую, чтобы лошадь могла дотащить её до деревни.

Пять дней работал Арсентий не покладая рук. На рассвете начинал, вечером заканчивал в полных сумерках. Когда заготовка облегчилась настолько, что человек сам мог её немного протащить, он хорошенько обвязал здоровенную, но уже принявшую форму будущей лодки лесину, запряг Вэрэнку и двинулся домой.

Дома во дворе сыновья уже соорудили козлы, на которых и должна была собираться вся лодка. Ещё два дня мужчины втроем обтёсывали киль до нужной толщины. Чтобы облегчить судно, доски выстругивали до минимальной толщины. Рёбра, или шпангоуты, на которых крепится обшивка и которые обычно мастерили из изогнутых сучьев деревьев, в этот раз решили делать тоже из досок. Для быстроты. Ведь «Дредноут» предназначался всего для одного плавания.

Строительство велось до первого снега, и работа находилась всем. Внуки и женщины собирали в лесу сосновую и еловую смолу для просмаливания швов, сыновья строгали доски и шпангоуты, сам Арсентий соединял друг с другом многочисленные деревянные детали. В конце все вместе смолили днище. Когда работа была закончена, лодку перевернули днищем вверх, укрыли от дождей и снега старым брезентом и стали ждать весны, чтобы по большой воде (потому что лодка смогла бы проплыть только в половодье) спустить её на воду и уплыть из Дёмы.

За последний год деревня опустела на четверть. Люди, особенно после того как уехали старшие сыновья Погуляевых, тоже стали собираться.

— Раз Погуляй своих отправил, надо и нам двигаться, — говорили они. — Хоть в Кулом, хоть в Керчомью. В Дёме жизни не будет, это факт.

Уезжали кто по зимнику, кто тоже на лодках, в два-три приёма. Про Погуляевский «Дредноут» люди слышали, но никто не видел. Слухи ходили разные. Что лодка имеет длину семь, восемь и даже девять метров. «Комачки» обычно строили не более шестиметровой длины. И то это считалось большой лодкой. Потому что пройти по узким, извилистым таёжным речкам на длинной лодке сложно. Ходить же только по Вычегде не имело смысла.

Когда пришла весна, и надо было ставить «Дредноут» на воду, Арсентий пригнал ко двору последний оставшийся на ходу деревенский трактор. Люди уже прослышали новость и собрались вокруг.

Зацепив лодку, трактор стал медленно вытягивать её из ворот. Сначала показался задранный вверх нос выше человеческого роста. Смешки и разговорчики в толпе зевак сразу прекратились. Округлившимися глазами все смотрели на гигантский одиннадцатиметровый будто и в самом деле дредноут, медленно выползавший на улицу. В такие размеры невозможно было поверить, не видя всё наяву. Огромная, но изящная лодка проплыла по раскисшему снегу мимо толпы к реке. Арсентий завез её на обширную низинку, каждую весну затопляемую водой, но не затрагиваемую основным течением. Там он надёжно привязал своё детище к вбитым в землю ещё осенью железным трубам.

Река Воль должна была тронуться дня через три-четыре, а пока на лодке предстояло ещё кое-что сделать. Во-первых, Арсентий построил на корме будку, в которой в относительной тесноте укрылись бы от непогоды все члены семьи. Во-вторых, он смастерил дистанционную систему управления двумя двигателями, потому что один такое судно не потянул бы. Кроме того, управлять ею, сидя на корме и из-за размеров не видя, что там впереди по курсу, было бы невозможно. Потом загрузил две бочки с бензином, тяжёлые вещи. Осталось совсем ничего: взять самое необходимое, погрузиться самим — и в путь.

Разлив реки в Дёме встретили с нескрываемым воодушевлением. Весна сама по себе радостное событие, а вскрытие рек люди всегда приветствуют по-особенному. Арсентию не терпелось испытать «Дредноут» на воде. Но пришлось ждать, пока не пройдёт лёд. Когда же, наконец, река освободилась, он взял с собой сыновей, ещё пару напросившихся мужиков и отчалил от берега. Решили плыть вниз по течению, потому что боялись вверх не развернуться. Воль в их местах всего-то была метров десять-пятнадцать. Это летом. В половодье, конечно, значительно шире. Но про лето никто и не говорит. Летом такая махина на речке могла бы развернуться разве что в устье.

Два «Вихря» взревели один за другим. Лодка легко побежала по воде. Правда, в том, что она пойдёт вниз, никто и не сомневался. Вопрос, пойдёт ли такая громадина вверх по течению. Но опытный «мореход» Арсентий сразу оценил судходные качества «Дредноута» и понял: вверх пойдёт. До ближайшей деревни, которая так же, как и река, называлась Воль, по воде было километров двадцать пять. До летели меньше чем за час. Проплывая деревню, сбавили скорость и нарочно подошли ближе к берегу. Народ подивить. Потом чуть ниже деревни развернулись и поплыли назад. Преодолевая мощное весеннее течение, лодка, хоть и не так быстро, но уверенно пошла вверх. В этот раз из деревни на берег высыпала, наверно, половина жителей. Погуляева, естественно, узнали.

— Ты это на чём плывешь, Иваныч? — кричали поражённые мужики.

В Дёме их тоже ждали. Покидая родную деревню навсегда, Погуляев устроил отвальную. Гуляли хорошо и долго. Люди не осуждали председателя за то, что он уезжал. Всё было понятно, поэтому говорили только хорошие слова.

Через день было назначено отплытие. «Дредноут» ещё накануне загрузили оставшимся домашним барахлом, и сейчас он, изрядно осевший, покачивался в заливчике. Опять вся Дёма собралась на берегу. Погуляев лично простился с каждым и у каждого попросил прощения. А когда

управляемая сыном огромная лодка отчалила от берега, он стоял в ней лицом к деревне с таким душевным названием — Дёма. Стоял с поднятой в прощальном приветствии рукой, и люди впервые видели на его глазах слёзы. Трудно сказать, о чём думал тогда большой и сильный человек Ар-

сентий Иванович Погуляев. Может быть, о будущей жизни, которую он себе пока не представлял, может быть, засомневался в принятом решении. Люди его так и запомнили: каменно стоящим на корме своего «Дредноута», скрывающегося за поворотом.

Ухта. Январь 2007 г.

ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

В таёжной охотничьей избе сидели трое мужчин.

Старшему было лет сорок пять. Высокий, грузный, с низким лбом, залепленным чёрной чёлкой, с пухлыми, лоснящимися от пота щеками, с усами, лезущими в рот, с узкими, заплывшими жиром глазками. Очень красный и очень говорливый.

Среднему было тридцать семь. Среднего роста, худой, с тонким интеллигентным лицом в очках, с аккуратной, но взлохмаченной стрижкой на русых волосах, нарочитой позой бывалого, но молчаливого человека. В основном слушал.

Младшему было тринадцать. И звали его Алёшей. Тот, что в очках, был его отцом, а тот, что в этот момент выловил из консервной банки большой кусок лосося и отправил себе в рот, был каким-то непонятым знакомым отца и вроде бы опытным охотником дядей Мишей. Хотя на самом деле его звали дядя Монсур.

У Алёши сегодня был праздник. Отец наконец-то взял его с собой в тайгу. Три года назад он под влиянием своих знакомых приобрёл охотничье ружьё и увлёкся охотой, причём увлёкся сильно. Когда

Алёша узнал, что папа стал охотником, он возвёл его в ранг полубога, потому что сам, начитавшись книжек Фенимора Купера, Джека Лондона, Альфреда Шклярского, так проникся охотничьими приключениями, что буквально грезил ими.

Чуть ли не каждый вечер он просил отца достать ружьё из сейфа и дать ему с ним побыть. Ему нравилось просто держать ружьё в руках, гладить его красивый приклад и холодные стволы, разбирать и собирать его, прицеливаться в воображаемую дичь. Ему нравился запах ружья. Или запах свежей смазки, сгоревшего пороха, когда отец возвращался с охоты, и он помогал ему разбирать снаряжение. Алёша прочитал все книжки про охоту и про ружья, что приобрёл отец вместе с ружьём, и теоретически в этом плане был подкован даже лучше, потому что в детской голове всё новое, а тем более желанное новое, укладывается лучше и прочнее.

С самого первого дня он просил, умолял отца взять его с собой на охоту, но ни папа, а тем более мама, этого до сего дня не разрешали. И вот вчера произошло чудо. На ноябрьские праздники дядя Миша позвал отца в лес. Папа пришёл домой со свёртком и позвал Алёшу. Ни о чём не подозревавший мальчик подошёл. Отец медленно, демонстративно развернул свёрток и достал из него новенький рюкзак, бродовые сапоги и камуфлированный костюм.

— Примерь-ка. Завтра тебе это пригодится. Мы с тобой едем на охоту.

Алёша не верил своему счастью. То, о чём он мечтал, произошло вот так просто. Он бросился на шею к папе, а потом схватил подарки и тут же надел костюм и натянул сапоги. И то, и другое было как минимум на два размера больше. Но это не беда. Мама подшила брюки, а в сапоги можно было надеть пару лишних шерстяных носков. Больше времени заняли сборы рюкзака, в который надо было положить всё, что могло бы пригодиться в лесу, и Алёша забил его под завязку. Запасная смена белья и носков, свитер, миска, кружка, ложка, котелок, который он сделал

сам из старой алюминиевой кастрюли. Фонарик, топорик, ножик, сухое горючее, парафиновые свечи, специальные, не тухнущие на ветру лесные спички, компас, моток прочной капроновой верёвки и ещё много всяких полезных мелочей. Подумав немного, он выпросил у мамы ещё термос, чтобы утром приготовить чай. Рюкзак распух и был достаточно тяжёл, но мальчик твёрдо сказал себе, что никакие трудности его не испугают. А тут тяжёлый рюкзак, разве это трудность! Отец не стал ему ничего говорить, решив посмотреть, как сын справится.

Рано утром за ними заехал дядя Миша на УАЗике, и они тронулись. На дворе ещё стояла абсолютная ночь, но душа у мальчика пела. От предвкушения охотничьих приключений он был так возбуждён, что даже проснулся сам без будильника в четыре часа утра, чем очень удивил родителей. В машине на заднем сиденье всю дорогу он крутился и ёрзал, не в силах заставить себя сидеть без движения. И рот его не закрывался. Взрослые, прекрасно понимая состояние пацана, относились к этому снисходительно.

На место приехали в семь утра. Солнце взошло, осветив осенний, не богатый красками лес, потому как от листвы он уже освободился и теперь стоял прозрачный и тихий. Было весьма морозно. За ночь лужи покрылись молодым ледком, а высокая сухая трава — белым инеем. Но было ясно, что днём солнце растопит эти первые признаки приближающихся холодов и будет даже пригревать, потому что небо было абсолютно чистым, а ухудшения погоды не ожидалось.

Дядя Миша съехал с основной дороги и заглушил машину. Дальше предстояло идти пешком километров шесть до охотничьей заимки. Закинув за плечи рюкзаки, они тронулись. Алёша, не особенно надеясь на успех, попросил отца дать ему немного понести ружьё. Но, на его удивление, отец согласился. Ещё раз подумав, какой у него классный папа, счастливый мальчик повесил ружьё, и они тронулись.

Минут через десять хода рюкзака и ружья стали как-то неудобно давить на плечи. Мальчик постоянно перевешивал ружьё с одного плеча на другое. Ещё через десять минут он подумал, а не отдать ли ружьё обратно отцу, но решил потерпеть. Да ещё этот рюкзак. Наверно, всё-таки запасной свитер он взял зря, и так жарко. Да и котелок с миской тоже. Говорил же отец, что в избе посуда есть. К исходу получаса решение отдать ружьё утвердилось, только он не знал, как об этом сказать, чтобы папа не понял, что ему тяжело.

— Ладно, пап, возьми ружьё, а то вдруг глухарь вылетит.

Отец взял, ничего не говоря. Без ружья идти стало чуть легче, но всё равно рюкзак неимоверно давил на плечи и становился всё тяжелее. Да ещё этот

дядя Миша подгонял: быстрее, да быстрее. А куда быстрее? Что они, не придут, что ли, за целый день в избу? Первый привал сделали примерно через час. Лёша просто рухнул вместе с рюкзаком на землю. И только отлежавшись и отдышавшись несколько минут, вылез из лямок. Тело после рюкзака было почти невесомым. Он достал термос и кружку. Дядя Миша тоже достал кружку. Алёша с радостью разлил весь чай из полулитрового термоса по кружкам, хотя лично ему не особенно хотелось пить.

— Ну как, охотник? — спросил дядя Миша, отхлебнув горячего, — не устал?

— Не-а, не очень, — ответил мальчик, злясь на дядю Мишу за этот вопрос и за то, что ему пришлось соврать. «Вот папа меня об этом не спросил, хотя мог бы», — с благодарностью подумал он об отце.

Отдохнув минут десять, они пошли дальше. Пройдя немного, дядя Миша вдруг резко остановился и замер.

— Тихо, — шёпотом сказал он, — рябчики свистят.

Они сбросили рюкзаки, перезарядили ружья мелкой дробью и достали манки. Дядя Миша как-то очень витиевато свистнул в манок и прислушался. Справа из глубины леса раздался точно такой же свист. Дядя Миша свистнул еще раз. Справа, а через мгновение и слева ответили.

— Ты направо, я налево, — скомандовал дядя Миша и исчез в лесу.

Они с отцом тоже стали продвигаться на свист рябчика. Правда, отец не умел так красиво свистеть, но у рябчика, видно, было плохо со слухом, потому что он отзывался. Алёша шёл за отцом буквально вплитык, и сердце его бешено колотилось. Он присутствовал при этом волшебном действе, сам участвовал в нём. Сейчас он увидит живого рябчика. Тот свистел где-то совсем рядом, но они его никак не могли высмотреть. И вдруг Алёша увидел его, увидел первым. Птица крутанула головой, и это её выдало. Рябчик сидел метрах в пятнадцати от них на невысокой берёзке и был теперь (после обнаружения) прекрасно виден на фоне неба. Отец прицелился и выстрелил. Рябчик кубарем полетел вниз.

— Есть! Попал! Молодец, папа! — заорал Алёша на весь лес и бросился подбирать битую птицу.

— Молодой ещё, сеголеток, — авторитетно сказал отец, когда сын принёс теплую тушку птицы.

— Кто? — не понял Алёша.

— Сеголеток — значит сего лета. Родившийся и выросший этим летом, — объяснил отец. В это время недалеко прогремел выстрел дяди Миши. На тропе они встретились и поздравили друг друга с добычей.

До избы шли ещё два часа и два раза останавливались на отдых, потому что Алёшин рюкзак

Фото М. Б. Попова

становился всё тяжелее и тяжелее. Один раз отец предложил ему забрать часть вещей, но мальчик отказался.

Изба стояла на берегу небольшой лесной речки Войвож. В Коми треть малых речек называется Войвож, вторая треть — Луньвож, и только на последнюю треть приходится другие названия. Речку пришлось переходить вброд, и тут Алёша оценил свои новенькие бродни. Избушка была старенькой, но ещё довольно крепкой. Лежанка во всю ширину помещения покрыта матрацами и ватными одеялами, небольшая печка-буржуйка, маленький столик у единственного окошка, выходящего на реку, — вот и весь быт. Дойдя, наконец, до конечного пункта маршрута, мальчик упал на лежанку почти без сил. Радужные представления об охотничьих приключениях у него испарились. Он понял, что охота — это тяжёлое изнуряющее занятие. Они прошли всего шесть километров, а как люди ходят по двадцать, двадцать пять в день, да ещё не с такими рюкзачками, как у него?

Дядя Миша как главный сказал, что сейчас они позавтракают и сходят на какое-то недалекое болото проверить глухарей.

— А «недалеко» — это сколько? — робко спросил мальчик.

— Да тут рядом, километра три, — весело ответил толстяк.

«Три туда да три обратно, — грустно подумал Алёша. — Нет, это не для меня, лучше я останусь у избы».

Взрослые разожгли костёр и затопили в избе печку, чтобы прогреть холодный сруб. Хорошенько позавтракали. Мальчик и не думал, что так проголодался. Тяжёлый переход пробудил зверский аппетит, и он уплетал за обе щёки.

— Вечерком кулешик сварганим из рябцов, — мечтательно сказал дядя Миша — а ты, Лёша, поспи пока, в лесной избе хорошо спится.

Мужики за завтраком выпили водки, и настроение у них было прекрасное. Этому способствовала и яркая солнечная погода. Только у мальчика особого настроения не было: он слишком устал.

Уходя, отец строго наказал куда далеко от избы не отходить, но Лёша и не собирался. Как только взрослые ушли, он завалился на лежанку в уже тёплой избе и сразу же уснул.

Проснулся он, когда солнце уже клонилось к закату. Снаружи трещал костёр, и слышались разговоры мужчин. Он надел сапоги и вышел.

— О, вот и наш охотник проснулся, — весело приветствовал его отец, — как спалось?

Спалось ему отлично. Он полностью восстановился, и от усталости не осталось и следа. На костре бурлил котелок, от содержимого которого шёл очень

вкусный запах. Снова захотелось есть. Мужики не добыли глухаря, хотя видели и пытались подойти, но не удалось. Без собаки сделать это очень сложно. Они взяли ещё трех рябчиков: двух дядя Миша и одного отец. И сейчас три рябчика варились в котелке. Мужчины пили водку, закусывали.

— Ну, что, Лёш, стрельнуть-то хочешь? — вдруг спросил отец.

Мальчик чуть не подавился от неожиданности. Такого он не ожидал. Нет, конечно, в глубине души он надеялся, что отец даст ему когда-нибудь выстрелить, но думал, что ему долго придётся его упрашивать. А тут вдруг сам предложил.

— Конечно, пап.

Отец взял две консервные банки, отошёл метров на двадцать в сторону и повесил их на ветках берёз.

— Да куда ты так далеко вешаешь, он же не упадёт, — сказал дядя Миша. — Он же ещё ни разу не стрелял. Пусть начнёт метров с десяти, потом с пятнадцати.

Алёша прикинул расстояние, и ему действительно показалось, что банки висят слишком далеко.

— Ничего, — сказал отец, — это нормальное расстояние. Если не будет попадать с двадцати метров, то нечего ему вообще становиться охотником. Я тоже начинал с двадцати.

Мальчик понял, что от того, как он сейчас отстреляется, будет зависеть вся его дальнейшая жизнь. И он не мог, не имел права промахнуться. Он не мог подвести отца перед этим дядей Мишей и не мог сам упасть в глазах отца.

Папа объяснил сыну, как надо целиться, потом подвёл к большому и довольно высокому пеньку, вручил ружьё и сказал:

— Вот, стреляй с упора.

Алёша положил ружьё на пенёк и навёл ствол на банку так, чтобы мушка оказалась посередине банки, как и объяснил отец. Крепче прижал приклад к плечу, успокоился и медленно нажал на спусковой крючок. Грянул оглушительный выстрел. Ружьё сильно толкнуло его в плечо, и он даже не сумел разглядеть результата своего выстрела. Но, взглянув на отца, увидел, что тот ему аплодирует. Потом посмотрел на берёзу: одной банки не было.

— Отлично, сын, давай вторую, — смеясь, скормандовал отец. — Только теперь стреляй быстрее, а то ты так долго целишься, что рябчик уже два раза улетел бы.

Второй раз Алёша уже не так волновался, и уверенности было больше. Поэтому, как только мушка нашла банку, он выстрелил и увидел, как банка отлетела в сторону.

— Ну, молодец, настоящий снайпер — весело воскликнул дядя Миша. — За снайпера надо выпить.

Мужики пошли выпивать, а мальчик бросился проверять свои банки. В первой он насчитал девять пробоин, во второй — пять.

Быстро темнело и заметно похолодало. Поэтому они перебрались в избу, тем более что кулеш из рябчиков был уже готов. Зажгли свечи и принялись ужинать. Ничего вкуснее Алёша в жизни своей не ел. Он умял две миски супа и полностью обглодал целого рябчика. Потом пил чай с печеньем. А мужики налегали на водочку.

Дядя Миша без умолку рассказывал различные случаи из своей богатой охотничьей практики. И сколько он глухарей убил, и сколько он лосей убил, и как на медведя ходил — и всё в таком же духе. Отец в основном слушал, да ему и рассказывать-то было особенно нечего. За три года дичи крупнее косача он домой не приносил, да и косача-то он добыл всего одного, а так в основном всё рябчики да утки. Лёша тоже слушал, открыв рот, но вскоре дядя Миша ему наскучил. Он догадывался, что мужик откровенно привирает.

Часам к десяти вечера взрослые, наконец, устали и решили лечь спать. Дядя Миша заплетающимся языком сказал, что завтра они встанут в семь утра и идут на другое болото, где в прошлом году он видел много глухарей. Потушили свечи и улеглись.

Мужики отрубались сразу, а Лёша ещё некоторое время лежал без сна. Стоило ему закрыть глаза, как память восстанавливала картину падающего после отцовского выстрела рябчика или отлетающей в сторону банки после его выстрела. Как бывало раньше после рыбалки: вечером закрываешь глаза — и видишь поплавок на воде.

Утром, когда солнце уже заглядывало в крохотное окошко, Алёша посмотрел на отцовские часы: семь часов. «Мужики в семь собирались вставать», — подумал он про себя, но будить никого не стал. Надел обрезанные под калоши сапоги, что были в избе, накинул куртку и вышел в лес. И тут он увидел его. Да, он увидел сидящего на голой лиственнице здорового чёрного глухаря. Лиственница росла на другом берегу Войвожки в двухстах метрах от избы. Это было невероятно, но это было наяву.

Алёша бросился назад в избу и принялся расталкивать отца. Бесполезно. Дядю Мишу — тот же результат. А глухарь ждать не будет. Он сделал ещё одну отчаянную попытку разбудить отца, но добился только невнятного бормотания. Тогда он принял решение. Мальчик взял отцовское ружьё и патронташ, вытащил четыре патрона: два с «единицей» и два с «двумя нолями». Быстро оделся и вышел. Глухарь всё так же спокойно сидел на боковом суку той же лиственницы.

Надо было, прежде всего, перебраться на другой берег. Алёша пулей помчался по тропинке к броду,

который располагался выше по течению. Там он перешёл речку и уже по тому берегу вернулся к избе. С этого места лиственница с глухарём не просматривалась, но Алёша взял по компасу направление и стал потихоньку двигаться в ту сторону. Он знал, что до глухаря ещё довольно далеко, но всё равно шёл очень осторожно, проверяя каждый шаг, стараясь не наступать на сухие ветки. Он шёл строго по компасу, чтобы не сбиться и не уйти в сторону от лиственницы. Но вот верхушка её показалась над лесом, и Лёша прикинул, что примерно половина расстояния пройдена.

Теперь надо было двигаться с ещё большей осторожностью. Нет! Надо сначала зарядить ружьё. Чем? Ладно, в один ствол «единицу», в другой — «два ноля». Теперь дальше. Хорошо, что лес в этом месте густой и нет мелкого подлеска, который обязательно хрустел и шелестел бы и выдал приближение человека. И хорошо, что деревья все такие толстые, за которыми можно прятаться. Вот в просвете между деревьями он, наконец, увидел сук, на котором сидел здоровенный петух. Глухарь не проявлял ни малейшего беспокойства. Отсюда до него было ещё довольно далеко. Стрелять явно рано. Мальчик посмотрел вперед, наметил себе несколько деревьев, за которыми он будет прятаться, и продолжил движение.

Странно, но он не чувствовал какого-то особого волнения. Во всяком случае, вчера перед первым выстрелом по банке он волновался гораздо больше. А сейчас он просто знал, что должен сделать это. Очередной участок был пройден, и Алёша ещё раз оценил расстояние до глухаря. С этой точки птица была практически над ним и чуть впереди. Он сообразил, что если приблизиться к лиственнице ещё больше, то толстый сук, на котором сидел глухарь, просто закроет его. Значит, стрелять надо отсюда. Прижавшись спиной к сосне, за которой прятался, Алёша медленно встал. Он спустил курки с предохранителя, осторожно поднял стволы, прислонив к дереву, чтобы «не играли», и прицелился. За мгновение до выстрела подумал, что с этого места глухарь под мушкой смотрится яснее, чем вчера смотрелись консервные банки.

Красавец петух был буквально сметён с лиственницы снопом дробы и камнем упал вниз. Алёша смотрел на лежащего под деревом глухаря, не в силах двинуться с места. Он не верил, что всё это происходит с ним: ему казалось, что продолжается сон, который начался позавчера с приходом папы, когда тот развернул свёрток с подарками. Ему почему-то захотелось заплакать, хотя он давно уже не плакал. Тёплый комок подкатил к горлу. Опустившись на колени, он не стал сопротивляться, потому что всё равно никто не видел. Переполнившие душу маль-

чика чувства вырвались наружу, и он ничего не мог с собой поделаться. И ещё. Вместе со слезами из него выходило что-то неуловимое лишнее. Робость, неуверенность, чрезмерная зависимость от взрослых. Может быть, кусочек детства. Наверное, это были слёзы счастья.

Он уже начал успокаиваться, когда услышал голоса отца и дяди Миши. Они кричали на весь лес со

стороны избы. Алёша ещё немного подождал. Когда же почувствовал, что голос не дрожит, встал и громко крикнул:

— Я глухаря убил! Сейчас приду!

Плакать он теперь не будет никогда. Мальчик вытер глаза, подобрал птицу, обстоятельно её рассмотрел, закинул на плечо ружьё и пошел к избе. Уже другим человеком.

Ухта. 7.08.2006 г.

ПОСЛЕДНИЙ ЛОСЬ

Огромный лось из последних сил шёл по снежной целине старой вырубке, уже заросшей невысокими сосенками, осинкой и вездесущей берёзой. Он с трудом вытаскивал из глубокого снега свои длинные сильные ноги, передние высоко задирали, опирались на толстую корку наста, ломал её, проваливаясь так, что брюхом приминал разрыхлённый снег. И так шаг за шагом. До спасительного леса оставалось совсем немного, а за ним — река и свобода. Но, сделав очередной шаг, он провалился в сугроб ещё глубже. Идти дальше он уже не мог.

Впервые почувствовав за собой погоню, сначала он мог бежать. Силы были свежие. И бежал, но не постоянно. Стоило ему остановиться для отдыха или перейти на шаг, как погоня приближалась. И страх заставлял бежать снова. Вчера погоня была ещё далеко, но лось чувствовал её, слышал этот ненавистный запах врага, когда ветер дул с той стороны.

Ночью погоня отстала, и лось, успокоившись, пасся на краю вырубке, не выходя на неё, потому что на открытом месте снег был глубже. На рассвете он уже хотел было залечь на дневную лежку, но

что-то его вдруг остановило. Нет, слабый утренний ветерок ничего, кроме запаха дыма, который лось учуял ещё вечером, не приносил. Дым не всегда был связан с его врагом. Лесные пожары случались почти каждый год. Его насторожило то, что запах был слишком слабым, и то, что он пропал так же внезапно, как и возник.

Он долго стоял, жадно вдыхая слегка морозный воздух и поводя в разные стороны ушами. Потом не спеша двинулся лесом вдоль вырубке. Идти было очень тяжело. Наст ещё не окреп настолько, чтобы держать его тяжёлое тело. А под ним лежал метровый слой спрессованного за зиму снега. Лось, как ледокол, ломал передними ногами толстый наст, грудью раздвигал твёрдые обломки, медленно продвигаясь вперед.

Неожиданно из глубины леса до его напряжённого слуха долетел чужой звук. Лось замер на месте. Звук напоминал прерывистое шуршание, но как оно ему было знакомо! И как было опасно, потому что издавать такое шуршание мог только его враг. Так, значит, ещё ничего не кончилось. Он не ушёл от по-

гони. Лось могучим прыжком рванулся в противоположную от страшного звука сторону: на вырубку.

Человек был стар. А для дела, которым он занимался, очень стар. Охотиться на лося зимой и молодым тяжело, а когда тебе за семьдесят, вовсе не возможно. Но это смотря кому. Какие-никакие силёнки ещё оставались, и он в них верил. Всю жизнь проведя в лесу, человек никогда серьёзно не болел, лекарств, кроме трав, никаких не знал, не курил и не пил. Мужских сил на женщин не тратил по той простой причине, что женщины у него не было. Кроме того, снега за зиму навалило намного больше обычного, что увеличивало шансы добыть сохатого.

Он очень ждал этой охоты. Наверное, потому, что смутно чувствовал: это последняя в его жизни большая охота. Люди, живущие наедине с природой, с тайгой, обладают обострённым чутьём и интуицией и знают, когда придёт их время. И он готовился к охоте особенно тщательно. Долго выделывал новый камус (ка́мус — специальная подкладка на скользящую поверхность охотничьей лыжи для того, чтобы лыжа не проскальзывала при подъёме; жестко-волосная часть кожи нижней части ног животных, принадлежащих в основном семействам оленевых, например северного оленя, лося, из которой эта подкладка и изготавливалась. — Ред.) на лыжи, да и сами лыжи облегчил максимально. Отливал из свинца пули собственной конструкции, отстреливал их, доводя до совершенства. Убедившись, что пули бьют как надо, снарядил ими десяток патронов.

В марте, когда солнце начало пригревать, создавая достаточно прочный для ходьбы наст, человек стал ездить по лесным дорогам, напрашиваясь в пассажиры к водителям лесовозов. Он искал свежий лосиный переход. Искал долго. В такие снежные зимы лоси обычно уходят на юг. Две недели каждый день он подсаживался то в одну машину, то в другую и, наконец, нашёл. Сохатый перешёл дорогу этой ночью. А назавтра человек приехал к этому месту уже полностью готовым. Всё его снаряжение размещалось на небольших деревянных санках, лёгких, но прочных. Он прицепил саночные постромки к поясному ремню и встал на след.

Человек знал, что по такому снегу лось далеко уйти не мог, если его, конечно, не гнали. Но кто, кроме него, мог ещё здесь охотиться. Значит, nepотревоженный зверь ушёл километров за семь-восемь, не больше. Скорее всего, он направился в сторону старой вырубке, где разрослось много любимой лосями осины. Человек не спешил. Он догонит. Нет, не сегодня. Скорее всего, завтра, в крайнем случае, послезавтра.

Скоро он нашёл дневную лежку лося. Ещё дальше по характеру следа увидел: лось почувствовал за собой погоню. Куски наста были разбросаны далеко

от следа. «Значит, побежал. Правильно, так и должно было случиться. Он устанет. Ночью будет кормиться, а днём я ему залечь не дам, буду выматывать. Самому бы не вымотаться».

Всё-таки возраст давал себя знать. Несмотря на то, что лыжи прекрасно скользили по твёрдому насту, нисколько не проваливаясь, а по пути не было ни спусков, ни подъёмов, уже после первых двух километров человек надолго присел на увязанные на санках вещи, тяжело дыша, чувствуя, как бешено стучит сердце. Такая усталость естественна. Просто раньше она приходила гораздо позже, после семи или пяти километров. Отдохнув, он пошёл дальше.

Лось свернул. Он инстинктивно не хотел идти на открытую вырубку, где снега, естественно, намело больше, и где он был бы прекрасно виден и не защищён. Он то бежал, то шёл шагом. Хотя как можно бежать по целине. Весь бег состоял из десятиков, а то и меньше, отчаянных прыжков, когда задними ногами он отталкивался и тут же проваливался в снег, пробивая его ногами до твёрдой земли, брюхом доламывая наст. После такого рывка он метров тридцать-пятьдесят шёл шагом. Потом — опять рывок. Они становились всё реже и короче.

Человек тоже останавливался на отдых всё чаще. Усталость накапливалась. Переходы сокращались до пятисот, трёхсот, ста метров. Пока, наконец, он понял, что дальше не сможет пройти ни метра. Но уже наступал вечер. Оставшиеся силы следовало употребить на подготовку к ночёвке. Человек примерно знал, где сейчас лось: километрах в двух впереди на краю леса. Завтра он не пойдёт прямо по следу, а зайдёт поглубже в лес и постарается выгнать лося на вырубку. А пока — отдыхать.

Лёгкой деревянной лопаткой он расчистил маленькую круглую полянку, натянул над нею полог так, чтобы тот не задерживал дым, но отбрасывал вниз тепло, развёл костёр. Все, что он делал, было отточено долгими годами жизни в тайге. Ни одного лишнего напряжения сил, ни одной лишней ветки для костра, ни одного лишнего взмаха топором. После ужина человек забрался в спальный мешок, сшитый из волчьих шкур, и сразу уснул.

Лось всей своей звериной натурой чувствовал, что его враг приближается.

Он знал его давно. Впервые про него лось узнал на втором году жизни. Они с матерью лосихой шли по лесной просеке. Вдруг мать неестественно дёрнулась всем телом. Почти тут же его слух резанул звук, похожий на треск дерева в сильный мороз, но только очень громкий. Лосиха упала на передние колени, потом завалилась на бок. Он стоял рядом, ничего не понимая, смотря на мать, и ощущал какой-то новый сладковатый запах. А потом почувствовал другой. И это был запах врага. И лось его увидел, своего вра-

Фото Е. А. Травниковой

Скульптура В. И. Васяхина

га. Увидел первый раз. И это было страшно! Забыв про мать, он бросился в чашу и бежал, бежал, бежал, сколько хватало сил.

Второй раз лось встретился с ним, уже имея на голове огромные красивые рога, которыми очень гордился. Недавно этими рогами он прогнал другого лося и завладел его гаремом. Рядом с ним той осенью ходили две лосихи и лосёнок. Они паслись на вырубке, поедая сочные ветки осины и ольхи. Неожиданно на него выскочили два небольших зверя, издавая частые, отрывистые и очень громкие звуки. Лось раньше таких не встречал. Вид зверей напоминал других его врагов, серых, молчаливых и жестоких, но не таких опасных, как враг. Только эти были меньше и очень крикливые. Лось не стал убегать от настырной мелюзги. Он опустил рога, пытаясь поддеть одного из них, и в это время опять раздался этот жуткий треск. А вместе с ним по его правому боку от живота до груди стеганула жгучая боль. Лось бросился бежать. Два зверя, не умолкая, — за ним. Он бежал очень долго, пока перед ним не возникла река. Она была его спасением. Звери не пошли за ним через реку, а его рана оказалась неопасной, и лось выжил.

За прожитые годы ещё несколько раз лось слышал этих зверей, громкий, на всю тайгу треск, далёкий и не очень, чувствовал запах врага, и он тут же уходил как можно дальше. Но сегодня враг настигал его.

Человек проснулся утром при первых признаках рассвета. Он прислушался к своему телу и понял, что ночной отдых полностью не восстановил потраченных вчера сил. Вылезать из тёплого мешка не хотелось, и у него вдруг мелькнула мысль: а не бросить ли эту охоту, не вернуться ли домой. Конечно, тяжело, но он смог бы протянуть и без мяса, которое в основном всё уходило на продажу. Мизерной пенсии ему хватало разве что на хлеб, соль и сахар. «Рыба есть, картошка, птицы осенью с петель снял достаточно. А охотничьих припасов взять на что? Дроби совсем не осталось, и пороха мало. На гуся весной с чем пойду? Опять же дрова на исходе. Зима-то какая была. Ну, уж нет! Раз собрался, надо доводить дело до конца. И потом, когда это было, чтоб я возвращался из леса с пустыми руками. Пусть это будет последний лось. До следующей зимы, может, и не доживу».

Он встал, не спеша позавтракал, закидал снегом костёр. Полог снимать не стал, будучи уверенным, что сегодня обязательно возьмёт лося. Санки тоже оставил, пошёл налегке, прихватив с собой только ружьё и рюкзак, в который бросил лишь немного еды.

От стоянки человек направился в глубь леса, что-бы лось его не слышал со стороны следа и не уходил

бы вдоль вырубки. Отойдя метров четыреста, он повернул и двинулся параллельно линии кромки леса. Так надо было пройти не менее двух километров до примерной точки, откуда следовало поворачивать и уже выходить прямо на лося. По замыслу, лось, почувствовав, что погоня надвигается из глубины леса, должен был выйти на открытое пространство и тем самым обречь себя.

После первого же километра хода человек понял, как сильно устал вчера. Он сбавил темп до медленного шага. «Если выгоню на вырубку, догоню, если же нет — значит, не судьба». Он решил чаще отдыхать. Сто пятьдесят метров хода — отдых. Сто метров хода — отдых. При таком графике ему понадобилось два часа, чтобы дойти до края леса. Но вот и вырубка. «Где след? Я его не пересекал. Значит, промахнулся. Это плохо. Лось мог повернуть назад и уйти по своему же следу обратно, тогда его не догнать».

Человек должен был отдохнуть. Без длительной передышки он идти дальше не мог. Он вынул ноги из лямок лыжных креплений и ступил на наст. Наст провалился, и он очень удобно приземлился на лыжи. Потом лёг на них, но почему-то закружилась голова. Пришлось опять выпрямиться. Головокружение улеглось лишь через несколько минут. «Странное состояние, раньше такого со мной не было. Но надо идти, лось ждать не будет». Он снова встал на лыжи, двинувшись по самому краю леса, и метров через двести, наконец, нашёл след, который уходил на вырубку. «Всё! Лось мой».

Он с радостью отметил, с какой силой лось рванул от погони. «Ну, километра два, максимум три, больше он не выдержит, встанет. Выдержать бы самому». Человек попытался ускорить шаг, но сразу понял, что бежать, даже просто быстро идти он уже не в состоянии. Опять пошли короткие переходы и длительный отдых. Уверенность в успехе ему придавало сознание, что лось, скорее всего, уже встал или вот-вот встанет. Лишь бы он не дошёл до конца вырубки, потому что там за узкой, всего метров двести, полоской леса — река. А на реке снега всегда мало. По льду лось уйдёт.

И человек с упорством обречённого шёл и шёл. Через какое-то время местность пошла в гору. Перед ним возникло небольшое возвышение, что-то вроде холмика, но обходить который было слишком далеко. Человек собрал всю волю, какая только оставалась, и на грани потери сознания взобрался наверх. Но там силы его покинули. Он повалился на снег, видя перед собой только чёрные пульсирующие круги. В голове стучало так, что, казалось, будто кто-то бьёт его черенком лопаты. Его кружило, мутило до тошноты.

Он не знал, сколько так пролежал, может, четверть часа, может, полчаса. Зрение постепенно вос-

становилось, головокружение прошло, была только слабость во всём теле, особенно в ногах.

И тут человек его увидел. С этого возвышения вырубка просматривалась полностью, от края и до края. Лось стоял в каких-то пятистах метрах впереди, до леса он не дошёл метров триста. Хорошо было видно, насколько глубоко зверь увяз в снегу. Над поверхностью возвышалась только спина и голова с великолепными рогами. При всём желании он не мог двигаться вперёд, да и назад тоже. Развернуться в такой ситуации было невозможно. Но это пока. Если лось как следует отдохнёт, он сможет преодолеть оставшийся отрезок вырубки. А там и до реки рукой подать. Человек приподнялся на дрожащих руках. Несмотря на усталость, его охватило знакомое чувство азарта, как это всегда бывало на охоте. Слезящиеся глаза загорелись. Вот только сил не прибавилось. Он попытался встать на ноги. С большим трудом ему это удалось. И он стоял на полусогнутых ногах, опираясь на ружьё прикладом вниз, покачиваясь и пытаясь обрести равновесие. Он ждал, когда же слабость отпустит и вернутся силы. А лось совсем рядом, стоит в снегу, не двигается. Приди и возьми его. Такая удача бывает редко.

Если силы и возвращались, то совершенно незаметно. Простояв так минут пять, он очень осторожно, чтобы не потерять равновесие и не упасть, по-прежнему опираясь на ружьё, сделал первый шаг. Получилось. Потом второй, третий. Ничего страшного не произошло. Человек медленно стал приближаться к лосю, который пока не двигался и лишь иногда поворачивал назад голову.

Так человек прошёл метров сто. Неподвижность животного дала ему возможность немного отдохнуть, лёжа на спине. Он не думал о том, как будет возвращаться и сможет ли вообще вернуться, как будет выносить мясо. Сейчас им владел и гнал вперед только азарт. Он подумает об этом после, когда возьмёт лося. Потом восстановит силы и потихоньку вынесет мясо к дороге. Пусть это займет хоть неделю. Не проблема. Пища? Вон она, пища, стоит пока живая, да и с собой он взял достаточно. Сейчас главное подойти на выстрел. Этого лося надо взять. Это — последний. И всё! Хватит, набегался по тайге.

И он шёл и шёл. И вот когда до лося оставалось, наверное, уже меньше ста метров, а стрелять было ещё слишком рано, человек с ужасом увидел, как зверь начал вырываться из заноса. Поначалу в основном на месте, потому что со всех сторон он был зажат. Но в результате отчаянных телодвижений ему удалось немного раздвинуть вокруг себя снежные стены и получить пусть мизерный, но простор. На минуту он замер, видно, переводя дух, а потом

вдруг сделал несколько невероятных по напряжению и силе прыжков.

Продвинувшись вперёд сразу на несколько метров, оказался на высоком месте, где снега было значительно меньше, даже ниже брюха. По всей вероятности, лось, уходя от погони, угодил в небольшую заметённую низинку, где глубина снега доходила до середины туловища. Но отдых и приближающаяся опасность дали ему силы вырваться из неё. Обретя свободу движения, лось легко пробежал ещё немного, остановился, посмотрел в сторону близкого леса, за которым текла река, оценил расстояние. Потом величественно повернул голову в сторону своего врага и замер на месте, уже без страха, в упор глядя на него.

Ещё в тот самый первый момент, когда человек увидел, что лось начал двигаться, он решил стрелять. Пусть далеко, главное — попасть. Раненый зверь точно никуда не уйдёт. Он поднял ружьё, которое до этого служило ему костылём, тут же качнулся, так как лишился третьей опоры и чуть не упал. Прицелиться не было никакой возможности. Его качало, как пьяного, и ружьё в руках ходило из стороны в сторону. Тогда человек лёг, но лёжа он не видел лося: какой-то бугорок полностью закрыл животное. Надо было пройти ещё хотя бы метров тридцать. Но встать уже не было сил. Тогда он, сбросив лыжи, пополз. Ползти оказалось легче, чем идти, но и эти движения забирали силы, которых в принципе уже и не осталось. Десять метров, пятнадцать, семнадцать...

Человек посмотрел вперёд в надежде рассмотреть бок лося, но почему-то увидел мальчика лет семи-восьми. Мальчика за руку держала молодая женщина. Они и ещё много людей, в основном женщин, выходили на снег из товарного вагона. Было видно, что мальчику холодно в осеннем пальтишке и ботинках. Грязное личико выражало одновременно и испуг, и любопытство от очередного нового и, вероятно, страшного впечатления, а их за последний месяц на его голову свалилось множество. От первого, когда чужие мужчины в военной форме ночью увели его отца, до последнего, когда на прошлой остановке из их вагона вынесли умершую женщину.

Потом вокруг стало гораздо темнее, и человек увидел, как уже в длинном низком бараке, в котором топились три печки-буржуйки, давая хоть небольшое, но тепло, мальчик лежал на голых досках, а рядом сидела та красивая молодая женщина и гладила его по голове. При этом она тихонько пела, иногда приговаривала: «Спи, мой родной, всё будет хорошо».

И он уснул.

Ухта. Октябрь 2007 г.

ЯНВАРСКАЯ КУПЕЛЬ

Из деревни Кедва выехала подвода. В санях ехали все: глава семьи, Пётр, жена его Ольга и двое их сыновей: Ванька – одиннадцати лет и Сашка – девяти. Надо было проверить «морды» на реке. В этом году зима выдалась на редкость тёплая. Небольшие для Севера морозы стояли лишь в ноябре. А весь декабрь столбик термометра не «падал» ниже минус пяти. Река замёрзла не везде, что позволяло рыбачить «мордами» даже в это время. Теперь особенно хорошо шёл богатый икрой налим.

Река с тем же названием Кедва на рыбу была щедра. Прежде всего, она славилась хариусиной рыбалкой. И летом, и зимой. Деревенские, правда, зимой хариусом особенно не промышляли, потому что привыкли ловить десятками и сотнями килограммов. А зимой из лунок много не натакаешь. И в этом захолустье подлёдная рыбалка оставалась приоритетом городских рыбаков.

С нового года вообще началась натуральная оттепель. И хоть снега в лесу навалило не меньше, чем обычно, никто: ни люди, ни звери, ни птицы – не воспринимали эту зиму всерьёз.

От деревни отъехали уже далеко. Часам к двенадцати Пётр снял шесть «морд». Осталось проверить ещё две. Тёплая зима, тем не менее, не нарушила ход времени, а темнота в этих краях в начале января наступает в три часа пополудни. До избы, где они собирались переночевать, оставалось километров пять и две остановки на работу. Дорога, вернее, просто колея, по которой и УАЗик-то с трудом пройдёт, всё время шла вдоль реки, не особенно от неё удаляясь.

Затянутое тучами небо было готово выдать очередную порцию снега. Ехали молча. Пётр уже мечтал о рюмке самогона, Ольга думала о том, что в их лесной избе надо бы заменить матрасы, а пацаны забавлялись тем, что на ходу лепили снежки и упражнялись в меткости в бросках по стволам сосен. Лошадка бежала споро, давно зная этот маршрут. Тишина, покой и обыденность, нарушить которые мог бы разве лось или олень, выбежавший на дорогу, что случалось нередко.

В тот день, восьмого января, муж Любы Николай привёз её на берег Кедвы к месту, где хариус брал лучше всего. Они с компанией отдыхали в деревне с тридцатого декабря. Все новогодние каникулы. На следующий день предстояло уезжать, и Любе хотелось последний раз потягать из лунок хариуса. Зная характер и опытность жены, муж спокойно оставил её одну на реке, пообещав подъехать в начале первого.

В этом месте река делала плавный поворот с глубокими зимовальными ямами в начале и в конце по-

ворота, где с осени скапливалась рыба. Люба с самого начала ловила только здесь и ловила успешно. Мужики ходили где-то выше и ниже по течению, тоже приносили достаточно рыбы, но отменные хвосты, весом под килограмм, были только у Любы. Она уже проверила верхнюю яму, взяв два хороших экземпляра и два помельче, когда решила перейти на нижнюю.

Надо было только забрать вещи, которые она оставила на стоянке, на берегу. Стоянка располагалась чуть выше на самом крутом участке поворота. Она не стала надевать лыжи и идти по берегу. Туда без камуса забраться было довольно сложно, когда по льду можно ходить и так, без лыж. А рюкзак лежал – вот он, у самого края. Люба в предвкушении очередных успехов на нижней яме добежала до стоянки и уже подходила к берегу, когда твердь под её ногами разверзлась.

Она вдруг ощутила чувство полёта, похожее на невесомость. Это длилось нескончаемо долго. Наверное, как у космонавтов, которых перед тем, как запустить на орбиту, проверяют в специальных самолётах. Самолёты залетают на большую высоту, а потом очень быстро летят вниз. Так быстро, что внутри возникает невесомость. Она длится всего несколько секунд. И люди там летают в невесомости. Это показывали по телевизору.

Ей показалось, что, пока она уходила под лёд, прошло очень много времени. Как в кино. Как в замедленной съёмке. Она будто видела себя в этом страшном кино.

А потом вода сомкнулась над головой, и дна не было. Вот в этот момент все мысли про космонавтов кончились. Наверное, включился инстинкт, который заставил её сделать какие-то правильные движения и выплыть в лунку, которую она сама же и проделала своим телом, а не позволить течению затащить себя под лёд. Помогла, конечно, и одежда из синтепона, насыщенная воздухом, который и вытолкнул её наверх.

Она всплыла, и дневной свет вернул её к ужасающей реальности. До берега – метров пять. Сильнейшее течение, которое тащит её под лёд. Дна нет. Странно, но Люба не запаниковала.

Инстинктивное чувство самосохранения заставило её карабкаться наружу, и она, не чувствуя боли, об корень обломала ногти и разодрала шею об острый край льда. Она увидела перед собой пропитанный своей кровью снег. А избавления не наступало. Люба лезла и лезла на лёд, обламывая его мелкими кусками. Одежда набухла водой и отчаянно тянула вниз. Сапоги становились её убийцами.

Когда они полностью налились водой, с мыслью выбраться пришлось проститься.

Сил хватало на то, чтобы держаться за край льда и не дать себя затянуть течению под него.

Люба не знала, сколько времени это продолжалось. Наверное, целую вечность. И тогда она стала молиться. Она не думала о детях, о муже, о грехах, об их искуплении. Она неистово просила Бога о жизни. Только о жизни. Наверное, холод сковал грудную клетку, и она не могла кричать, но хрипела: «Боженька, спаси меня! Боженька, спаси меня! Матерь Божия, спаси меня!».

И Бог её услышал. Течение сорвало сначала один сапог, потом второй. Уже потом Люба сообразила, что она их просто не зашнуровала. Стало значительно легче, и Люба опять начала продираться к берегу. Она видела свои абсолютные белые пальцы. Крови на них не было. Вся кровь оставалась на снегу и льду, который она проламывала, пытаясь приблизиться к берегу.

Теперь страшной тяжестью тянула вниз куртка. Неимоверными усилиями ей удалось её расстегнуть, но так она оказалась ещё тяжелее: увеличилась парусность, и течение с радостью воспользовалось этим, пытаясь сожрать человека. Почувствовав это, Люба стала отчаянно, насколько позволяла сковывавшая движения куртка, ломать лёд, продвигаясь к берегу. Но лёд становился всё толще, а течение – всё сильнее.

В какой-то момент Любе показалось, что силы оставляют её. Не слушающимися уже руками она вцепилась в кромку льда, и вдруг ногами нащупала какую-то неверную опору. Это был сук притопленного дерева, и течение колыхало его вверх-вниз. Самыми носочками она оперлась на него, получив спасительную секундочку, чтобы освободиться от куртки, которую тотчас утащило под лёд.

И тут Люба поверила, что спасётся, хотя несколько мгновений назад уже прощалась с жизнью. Какие там у неё оставались силы? Но их всё-таки хватило добраться до берега. На несколько секунд или минут она потеряла сознание. Очнувшись, Люба обнаружила себя на снегу. И ощутила настоящее блаженство. Ей было тепло, хорошо, мягко, как в постели. Прижавшись щекой к снегу, она думала, что лежит на подушке. Вставать было лень. Хотелось просто уснуть, замёрзнуть.

Она молилась. Бог не дал ей заснуть, но внушил мысль, что надо вставать. Как это было тяжело! С огромным трудом она добралась до рюкзака. Остатки сознания подсказывали, что там есть смена белья и свитер. Но отнимающиеся от холода руки позволили ей только раздеться...

И уже потом, когда вернулась к жизни, рассказывая о случившемся, вспомнила, что, взяв рюкзак, голая, босая выбралась на дорогу и побежала в сторону деревни.

Пётр, не избалованный телевидением и другими средствами информации, долго соображал, рассматривая непонятное явление: навстречу им бежала голая женщина с рюкзаком в одной руке. Сознание человека, всю жизнь прожившего в оторванной от цивилизации деревне, в которой нет ничего, даже магазина, куда не ходит никакой транспорт и только изредка кто-то приезжает на высокопроходимой технике зимой или на лодке летом, никак не могло мириться с происходящим. Кроме Ольги и двух десятков деревенских баб в тулупах, он никаких других не видел и долго не мог справиться с «предложенной задачей». Допустим, увидел бы он глухаря на дороге или на дереве. Нет, лося. Он знал бы, что делать! Увидел бы он машину, что очень маловероятно. Но, допустим, машина здесь могла появиться из Керок или, в крайнем случае, из Ижмы. А как реку перебрала? Льда-то нет. Может, по причине такой тёплой зимы восстановили один из бродов? И это всё было бы понятно, логично, объяснимо. Но красивая, молодая, да ещё голая женщина! Здесь! Это поставило его в тупик.

Он толкнул жену и просто попросил о помощи: «Оль, глянь-ка». Ольга, сидевшая спиной к движению, обернулась и тоже не поверила своим глазам. Однако женский ум куда быстрее мужского. Ещё не разобравшись в ситуации, она сразу поняла, что случилась беда. А тут ещё женщина упала на колени и закричала: «Помогите!».

Муж Любы, Николай, никогда не переживал за жену. Сам страстный рыбак, он всегда брал её с собой в любые, даже самые дальние поездки. Сколько он её знал, рыбалку она не променяла бы ни на какой другой вид отдыха. Особенно жена пристрастилась к рыбной ловле после того, как закончила выступления на сцене. Да, Люба была певицей. А сейчас она руководила хором и занималась другой культурно-массовой работой.

Сколько раз бывало: большой мужской компанией они выезжали на рыбалку. И Люба с ними. Мужики, зная все рыбные места на реке, разбредались кто куда. Муж показывал, где примерно можно ловить (недалеко от лагеря), и сам тоже исчезал на целый день. Вечером все собирались и начинали хвалиться своим уловом. Кто больше всех наловил? Люба! Кто сёмгу поймал? Никто, хотя все мужики хотели и специально готовились, и снасти имели соответствующие, и приехали-то на это место в основном за сёмгой, а не за хариусом. Ни у кого она даже не клюнула.

А у Любы не только клюнула, но и крепко села на блесну. Да вот только спиннинг с катушкой были не для сёмги. Леска вообще стояла ноль три миллиметра, и было её на шпуле всего метров сорок. А для ловли хариуса зачем больше? Рыбина сразу смотала

с лёгкой, без надёжного тормоза, катушки всю леску, несколько раз рванула и сошла. Хорошо, что рядом оказался свидетель этой короткой схватки с сёмгой. А то никто бы не поверил рассказу женщины. Ещё бы! У них, настоящих рыбаков, не клюнула, а у этой певички почти поймалась.

Этот Новый год решили встречать в деревне Кедва, где у мужа жили знакомые и где были великолепные места для зимней рыбалки. На двух машинах приехали тридцатого декабря. Три дня веселились на славу. Со второго января начали выезжать на речку. Погода стояла тёплая, можно сказать, весенняя, но хариус ловился плохо. За четыре часа светового дня никому не удавалось вытащить больше десятка хвостов. Хорошо, помогали донки, оставляемые на ночь. Утром почти на всех крючках сидели или налим, или хариусы. Так ловили до восьмого числа. Девятого надо было уезжать. Новогодние каникулы заканчивались. Сегодня, восьмого, мужики на реку не поехали. Накануне, наотмечавшись Рождества Христова, все болели. Любе с трудом удалось подняться утром Николая, чтобы тот отвёз её на любимое место. И вот сейчас он ехал, чтобы её забрать.

Подъехав к реке, он продолжительно посигналил и, заглушив мотор, пошёл к берегу. Уже подходя к кострищу, где всегда оставляли вещи, почувствовал неладное. Он увидел на снегу капельки крови, на которые сначала не обратил внимания. Но у самого кострища крови было больше. Мало того, всюду была разбросана мокрая Любина одежда: тёплые зимние штаны, рейтузы, свитер, кофта, майка, шерстяные и простые носки. Присмотревшись, он увидел следы голых ног. И похолодел. Отвратительное чувство страха лавиной ворвалось в его не очень ясное сознание. С диким воплем «Люба-а!» он подбежал к краю берега.

Перед его округлившимися от ужаса глазами предстала страшная картина. Начинаясь от самого берега, в реку уходила узкая пятиметровая полынья с бурлящей в ней водой. Было хорошо видно, какое сильное подо льдом течение. Все края полыньи были красными от крови. От воды по берегу также тянулись кровавые следы. В одном месте он ясно разглядел на снегу отпечаток лежавшего человека. То есть его жены. Это он сразу понял. Тут его как молнией

пронзило: он ясно представил себе всю картину произошедшего. Он увидел свою Любу, продирающуюся по полынье к берегу, ломая и выворачивая о лёд ногти, он увидел её лежащую в изнеможении на снегу. Он это всё видел. Он не видел только её наяву.

Николай заорал на весь лес так, как никогда в жизни не орал. Лес ответил ему гнетущей тишиной. Тогда он стал изучать следы вокруг кострища и обнаружил, что Люба босиком пошла к дороге.

Николай бегом вернулся, продолжая изучать следы. Они шли в сторону деревни. Но почему он её не встретил? Из свежих на дороге были только следы запряжённых саней, ведущих в обратную сторону. Он бросился к машине и на бешеной скорости, насколько позволяла дорога, рискуя слететь с высокого берега, рванул к деревне. Через несколько километров сани свернули к реке. На УАЗике дальше было не проехать. Николай бросил машину и побежал. Он не помнил, сколько бежал. Может, час, может, четверть часа. Все его мысли были только о жене. Он молил Бога, чтобы она была жива. Только жива. Ему больше ничего не нужно. Он вспомнил все большие и маленькие обиды, которые доставил ей, и просил Бога сохранить ей жизнь, чтобы иметь возможность повиниться.

Лесная изба возникла неожиданно. Не обращая внимания на яростный лай собаки, Николай подбежал к двери и распахнул её. Его Люба, укрытая ватным одеялом, лежала на нарах. Из-под одеяла видны были обмотанные белыми тряпками руки. Она спала. Лицо её выражало одновременно и граничащую со страданием усталость, и блаженство.

...Я встретил Любу через три месяца после этого случая, в начале марта. Опять же на рыбалке. На соревнованиях по подлёдному лову на Белом озере, что под Ропчей. От неё и услышал полный рассказ про купание в Кедве. Доктор, который лечил её тогда, велел как можно больше рассказывать про это, чтобы избавиться от стресса. Люба сказала, что муж её с трудом отпустил, да и то только потому, что в феврале стояли крепкие морозы и лёд на озере образовался толстый. Там нет сильного течения, и народу много. Но ходила она по льду с незашнурованными сапогами и незастёгнутой курткой.

Ухта, март 2007 г.

КОЛЬКА, БРАЖКА И БОРМАН

В последних числах июля в тайге стояла несвойственная для этого времени жара. Красный столбик термометра уже к двенадцати часам подползал к отметке «двадцать восемь» и уверенно

держался на ней до пяти–шести часов вечера. Ночью, правда, опускался до двенадцати градусов, и тяжёлая влажная духота уходила туда, откуда и появлялась: в болото. Слепни и оводы озверели. Стоило на секунду

выйти из балка, как они гудящей тучей нападали на человека, и горе ему, если вышел без накомарника. Вечером их сменяли не менее кровожадные комары. Но от этих можно было хоть на час спастись антикомарином и более или менее спокойно походить по лесу.

Колька так и делал. Днём безвылазно сидел в балке, а чуть только жара спадала и оводы прятались, брал лёгкое ведёрко, пузырёк «Дэты» и бежал на соседнее болото за морошкой. Он сторожил буровую, которая не работала уже два года. Сторожил посменно: месяц — в тайге, месяц — дома. В эту смену произошло радостное событие. В один из сеансов радиосвязи ему сообщили, чтобы готовил балки к приезду бригады монтажников. В управлении приняли решение перебросить эту буровую на новое место и начать бурить.

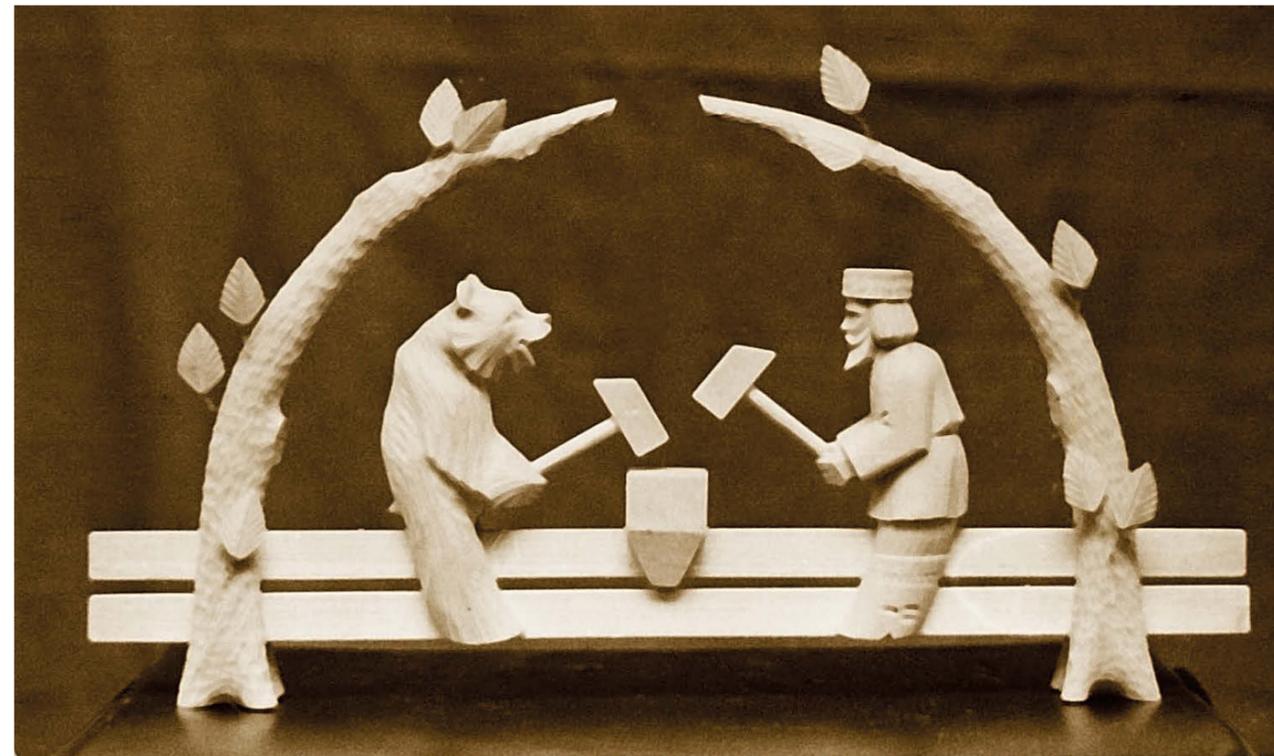
Бригада должна была разобрать всё оборудование и подготовить его к транспортировке к временному устройству зимников. Наконец-то! Так надоело сидеть без работы, без настоящей работы. Вообще-то Колька был помбуром, но когда на этой площади бурение закончилось, всех сократили.

Ему ещё повезло, что оставили работать сторожем. Какой-никакой, а всё же заработок. Пусть тоскливо сидеть в тайге месяцами без дела, но в городе ещё хуже. Чтобы максимально выгодно использовать ситуацию, Колька занялся эксплуатацией природных ресурсов по-своему. Охотился, рыбачил, солил, коптил, собирал ягоды, сушил грибы,

и делал это, можно сказать, в промышленном масштабе. К концу своей смены он затаривался так, что прилетающие за ним вертолётчики отказывались грузить все его запасы. Приходилось уговаривать, давать щедрые взятки рыбой или дичью.

Когда Колька узнал, что прилетает бригада, он решил встретить мужиков шикарным ужином из лесных даров. Событие-то не шуточное. Начинается новое бурение. Это после двухлетнего перерыва, когда ни у кого уже не осталось надежды на работу, когда их управление буровых работ почти полностью развалилось, вообще эта отрасль оказалась в полном забвении. Короче, настоящий праздник. И всё у него было кроме, понятное дело, выпивки. Ну, что же, не проблема. Морошки уродилось много, сахара на складе полно, дрожжи тоже были. Соорудить аппарат — пара пустяков.

Он модернизировал сорокалитровую молочную флягу, ввинтив в крышку штуцер, три раза сбегал на болото за морошкой и наполовину заполнил её спелой, дающей сок ягодой. Добавил еще килограммов пять сахара, долил до верха водой и бухнул туда стакан дрожжей. К штуцеру присоединил резиновый шланг, другой конец погрузив в ведро с водой. Поставил бидон на самом солнцепёке, и тот заработал, забурлил. Для ускорения процесса Колька каждый день хорошенько взбалтывал содержимое фляги. Две недели бродила морошка. Наконец, процесс стал затихать, а бражка — светлеть. Бригада должна

Скульптура В. И. Васяхина

была прилететь через два дня, и Колька принял решение гнать на следующий день.

А в этот день, как обычно, вышел из балка часам к семи вечера. Никуда идти надобности не было, балки вычищены, подремонтированы, оводы попрятались, а комары ещё не появились. Красота! Можно немного и расслабиться. Он подошёл к своей драгоценной фляге и вытащил шланг из ведра — все равно уже практически не булькало. Открыл крышку, зачерпнул пол-литровой кружкой почти прозрачную золотистую, благоухающую жидкость. Сначала попробовал. Бражка была великолепной. Даже жалко такую вкуснятину перегонять на самогон. Потом резко выдохнул и залпом осушил кружку. Сел на скамеечку перед балком, закурил, чувствуя, как по телу разливается приятная истома, а настроение поднимается. Повторил такой же дозой. После третьей кружки Колька понял, что перебрал. Он закрыл флягу и пошёл спать.

Утром следующего дня он проснулся с тяжёлой от похмелья головой. Всё-таки напиться предназначенной для самогона крепчайшей бражкой — последнее дело. Во всём виноваты образующиеся при брожении сивушные масла. Однако надо было вставать, немного полечиться и приступать к процессу перегонки. Прихватив со стола кружку, он неуверенно вышел из балка. На том месте, где всё время стояла фляга, остался лишь ровный кружок на земле, отпечаток днища. Минут пять Колька тупо смотрел на то место, на валяющееся рядом ведро и мокрое пятно от вылившейся из него воды, пытаясь вспомнить, когда он его опрокинул. Смотрел по сторонам, надеясь зацепить взглядом вожделенную флягу и, конечно, тут же вспомнить, что вчера он её туда перетащил. Но фляги нигде не было. Самое неприятное было то, что он не помнил, как вчера закончился вечер. Память обрывалась сразу за второй кружкой. Дальше — пустота. «Ладно, позже я обязательно вспомню, а сейчас надо прийти в себя и всё вокруг обыскать».

Колька умылся, заварил крепкого чая и, сидя на лавочке, стал напрягать мозги. И тут его внимание привлекли странные следы на хорошо утоптанной, высохшей земле, а потому не совсем чёткие. Они были похожи на следы голых ног. Но! С когтями! Он ещё более внимательно всмотрелся в следы, и тут до Кольки стало доходить, кто здесь хозяйничал.

— Сволочь! Гад! Борман, ну, ты дождался! Убью! — заорал он во всё горло в сторону леса.

Борманом буровики прозвали медведя, жившего где-то недалеко в тайге. Впервые он появился возле буровой, когда её только монтировали, четыре года назад. Был он тогда ещё не крупным, только-только вышедшим из пестуновского возраста. Однажды весной, может быть, после своей первой одиночной спячки, оголодавший мишка пришёл на

помойку, куда повар выбрасывал пищевые отходы. Его заметили, но ни у кого не поднялась на бедного рука, хотя ружья были. Он тоже не сильно испугался людей. Видно, голод был сильнее. На следующий день пришёл опять. Ему даже мясные обрезки приготовили.

С тех пор медведь появлялся возле буровой каждую весну, а иногда и летом. Особенно не докучал. Людей не пугал. Его тоже не трогали, считая местной достопримечательностью, и даже любили. Когда работы на буровой свернули и люди уехали, Борман не понял, почему его перестали кормить. В ту весну он, как всегда, пришёл к переставшей шуметь вышке, к своей любимой помойке — и ничего съестного не нашёл.

Тогда он полез в балок, служивший раньше столовой. Сумел открыть дверь и сильно внутри набезобразничал. Колька застал его за этим делом и вынужден был прогнать криками и выстрелами. Борман ушёл обиженным, но время от времени навещался, норовя что-нибудь утащить. Дважды ворвался из самодельной коптильни рыбу, чем окончательно настроил сторожа против себя. В эту весну тоже приходил, но Колька был начеку. Балок с продуктами оказался для медведя неприступен. Дверь и окна были обиты железом, и на нём остались отметины от когтей. Вероятно, Борман затаил злость на Кольку за то, что он не позволяет ему, здешнему хозяину, поесть после долгой зимы. И мишка решил отомстить.

Помимо следов медвежьих лап, Колька различил и следы от фляги. Наверно, какое-то время Борман катал её по земле.

— Убью гада! — ещё раз крикнул Колька и забежал в балок за ружьём.

Следы шли в сторону речки, протекавшей в километре от буровой. Колька почти бегом бросился догонять вора. На мху следы просматривались даже лучше, чем на земле. Он нисколько не сомневался, что догонит и застрелит Бормана. Он шёл и представлял, как медведь или начнёт убежать от него или, наоборот, пойдёт в атаку, и как он с удовольствием всадит в него две убийственные «турбинки». Злость на зверя, покусившегося на святое, лишившего его возможности опохмелиться, укравшего столь дорогой и столь долго приготавливавшийся продукт, переполняла Кольку.

Местность стала спускаться к реке. Зная характер и повадки медведя, который мог внезапно появиться откуда угодно, Колька взял ружьё на изготовку и спустил предохранитель. Впереди уже слышен был шум воды. А к этому шуму добавлялся какой-то странный звук. Пройдя ещё немного, Колька определил этот звук как обыкновенный храп, только очень громкий. Человек так храпеть не мог. Через несколько шагов открылась небольшая полянка на

самом берегу весело журчавшей речки. На полянке распластался огромный медведь, откровенно храпевший на весь лес. Рядом на боку лежала фляга. От Бормана разило перегаром.

Увидевший всё это Колька в растерянности опустил ружьё. Всё чего угодно ожидал он от медведя — трусливого бегства, нападения, любой пакости, но того, чтобы он нажрался, как последний алкаш, — никогда. В этом беспомощном состоянии Борман очеловечился, стал похожим на него самого, стал как бы роднее и ближе, и убить его, конечно же, было нельзя. Но злость на вора у Кольки не прошла. Он бросил ружьё, подбежал к зверю и со всего маху хватил его по заднице. Мишка громко по-своему охнул, почмокал, постонал и продолжал богатырски храпеть. От такой наглости Колька расвирепел.

— Ах ты, сволочь последняя, ворюга, пьянь, алкаш! — кричал он и пинал Бормана в зад и спину. Пинал и ругался, пока не выбился из сил. Медведь только стонал и охал, но не просыпался, потому что действительно был мертвецки пьян.

Наконец, Колька успокоился и обратил внимание на флягу. Он поднял её. Там оставалось ещё не вылившихся и не выпитых литров пять бражки. Колька посмотрел вокруг в поисках какого-нибудь пенька или кочки либо другого возвышения, на которое можно было бы положить флягу, чтобы попить через носик штуцера. Ничего похожего он не нашёл. Тогда он бесцеремонно водрузил флягу на толстую задницу Бормана и присосался к носику. Бражка живительной струей потекла в горящий организм. Утолив первую жажду и почувствовав себя

значительно лучше, Колька сел на медведя. Злость постепенно улетучивалась.

— Вот что ты наделал, гад, — сказал он Борману, будто человеку. — Завтра мужики приезжают, чем теперь я их встречу? И что я им расскажу? Что медведь всё выпил? Да они меня на смех поднимут. А потом в управлении расскажут. Надо мной всё управление смеяться будет.

От такой перспективы Кольке стало как-то не по себе, и он выпил ещё.

— Ворюга ты, Борман, самый последний ворюга. Мы к тебе как к человеку, кормили всегда, уважали, не трогали, а ты, сволочь, отплатил за нашу доброту чёрной неблагодарностью.

Он разговаривал с медведем и потихоньку попивал. А тот продолжал храпеть как ни в чём не бывало. Когда Кольке захорошело, он лёг рядом, привалившись спиной к теплой спине Бормана, ещё немного побубнил и заснул.

Борман очухался к вечеру. Со стонами и криканием он поднялся на лапы. Немного постоял, не двигаясь и не обращая внимания на лежащего рядом человека. Ему было плохо. Очень плохо. Он подошёл к речке, зашёл в неё по грудь, опустил морду в воду и долго пил. Поднял голову, пару раз тяжело вздохнул и опять опустил, и опять пил и пил. Наконец, напившись, вышел на берег, подошёл к Кольке, обнюхал всего, противно фыркнул и пошёл в лес, далеко обойдя флягу, с опаской на неё покосившись.

Колька проснулся часа через два после медведя, когда в лесу уже ступились сумерки. Встал, вылил остатки бражки на землю, взял бидон на плечо, подобрал ружьё и поплёлся к буровой.

Ухта, май 2007 г.

ИНФАРКТ, ИЛИ МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА НА ЧЕЛОВЕКА

Василий Петрович с сыном Сергеем пришли в свою избу второго сентября, как раз на следующий день как проводили Сашку в школу, в третий класс. Сашка приходился сыном одного и соответственно внуком другого. В этом году первое сентября пришлось на пятницу, и у Сергея впереди было два дня выходных, а Петрович и вовсе сидел на пенсии, потому как «стукнуло» ему уже шестьдесят семь. Сын жил в городе, а сам он с женой — в небольшом посёлке лесозаготовителей в шестидесяти километрах от города. Раньше все жили в посёлке, но Сергей окончил институт, устроился работать по

специальности, женился и окончательно обустроился в городе, а к старикам приезжал поохотиться да порыбачить, вот как теперь.

Чтобы добраться до избы, надо было сначала километров тридцать ехать на попутном лесовозе по лесной основной дороге, а потом двенадцать километров идти пешком. Петрович, хоть был уже не молод, но такие расстояния ещё преодолевал довольно легко, потому что всю жизнь ходил по этим и другим таёжным местам. Дневные переходы случались и по двадцать пять, и по тридцать километров. Да ещё с тяжёлым рюкзаком, особенно когда приходи-

лось заносить в зимовье припасы или выносить из тайги мясо.

Да что тут, он, Петрович, можно сказать, ещё не старик, если в посёлке до сих пор был жив дед Кузьма, который последнего своего лося добыл в семьдесят два года. Мясо он выносил к дороге за восемнадцать километров. И сделал четыре ходки. Всё это время ночевал в лесу под открытым небом в марте, когда ночью морозец бывает нешуточный, градусов пятнадцать–двадцать. А тут расстояние — не расстояние. Рюкзак почти пустой, по пути ни одного серьёзного болота. Не поход — прогулка.

Серёга вырвался из города отдохнуть на выходные, а он собрался набрать брусники и просто несколько деньков пожить в лесу. Сын хоть и стал городским, своих корней не забывал. Чуть какой выходной или небольшой отпуск — так к отцу. Они вместе и избу эту поставили два года назад. Из неё ещё не выветрился смоляной дух.

Пока шли, Алтай, крупный кобель от западносибирской лайки, поднял сначала глухарку, потом глухаря, которых Сергей успешно взял. С собой не стал нести, а повесил в пакетах на деревьях, положив в

каждый по стреляной гильзе, чтобы запах пороха отгонял непрошенных воришек — куниц. Петрович на такую дичь не отвлекался. Ему бы что покрупней. Олешку или лосика. Он каждый год брал одного оленя и одного лося, обеспечивая мясом и себя с женой, и семью сына.

Часам к четырём дошли. Поели, отдохнули. До темноты поработали на строительстве беседки. В ужин за разговорами выпили водки.

Утром следующего дня Сергей ушёл, чтобы успеть не поздно вернуться в город, а Петрович взял в рюкзак ягодный короб и пошёл собирать бруснику. Недалеко от избы, которая была построена на берегу небольшого ручья, стоял на беломошнике великолепный сосновый бор. Брусники там уродилось немерено. Белых грибов тоже, но тащить отсюда в посёлок грибы было неразумно.

Петрович увлёкся ягодами и совершенно забыл о времени. Так всегда бывает, когда занимаешься такой работой. Голова освобождается от повседневных мыслей и думается обо всём на свете. Вспоминается прошлое. Петрович вспомнил, как приехал в посёлок молодым парнем. Леспромхоз тогда только

организовали. Как бились за выполнение планов, как встретил прекрасную девушку Иру, которая стала его женой, как родился Сережка, да мало ли чего ещё. Было очень тихо, и ничто не отвлекало от работы и воспоминаний. К реальности его вернуло глухое рычание Алтая, который до этого спокойно сидел рядом. Пёс резко вскочил на ноги, уставившись в кусты дикой малины, что росли метрах в пятидесяти от того места, где они собирали бруснику.

Петрович распрямылся и тоже посмотрел туда. Пока ничего подозрительного видно не было, но он сразу понял, что происходит. Ружьё было с собой, и он перезарядил стволы пулевыми патронами, которых оказалось всего два. Алтай зарычал громче, шерсть на загривке встала торчком. Кусты малиника зашевелились. Сначала показалась огромная медвежья голова. Хозяин леса осмотрел окрестности, оценил ситуацию и вылезет целиком. Обычно, даже в девяти случаях из ста, медведь не ищет встречи со своим главным врагом, а, почуяв человека, уходит. То, что косолапый показался перед охотником, да ещё перед охотником с собакой, было невероятно. И Петрович это прекрасно осознал. Осознал, но не понял, почему.

Алтай с яростным лаем бросился на зверя. Все-таки западносибирские лайки — лучшие в охоте на медведей. Вот в охоте на лосей они уступают другим лайкам: и восточносибирским и, в особенности, карело-финским. И уступают именно из-за своей злости и агрессивности, пугая лося, но не останавливая его. А в работе с медведем такой характер как раз и нужен. Пёс напал на медведя со своими обычными приёмами, крутя его на месте, не приближаясь. А Петрович не мог понять, что происходит. Поведение медведя нельзя было объяснить. То, что косолапый сам появился перед человеком, было против его медвежьей, в общем-то, трусливой природы. Загадка.

Вдруг Алтай отстал от медведя и со всех ног побежал к своему хозяину. Петрович видел, что медведь ничего ему не сделал. Неужели собака испугалась? Опять загадка. Не водилось за Алтаем такого, чтобы он кого в лесу боялся. Но когда пёс пробежал мимо хозяина с лаем, сосредоточенно глядя в одну точку злыми глазами, Петровичу стало всё ясно. Алтай бежал не с поджатым хвостом. Значит, он не убегал в страхе от медведя, а бежал навстречу... От этой ясности Петрович похолодел, зная, что сейчас увидит позади себя.

Уже оборачиваясь, он снял ружьё с предохранителя и поднял для выстрела. И вовремя. Сзади на него набегал второй медведь, ещё больше первого. Человека от зверя отделяло метров двадцать, когда Алтай преградил ему дорогу. Собака сразу забежала сбоку, развернув медведя боком к хозяину, и

тут же грянул выстрел. Огромный зверь осел на задние лапы. Передними пытался сохранить равновесие, но рухнул на бок. Петрович тут же обернулся к первому медведю. Тот стоял на прежнем месте и с ненавистью смотрел на человека. Смотрел и не уходил. Не ушёл даже после выстрела. Петрович отказывался верить своим глазам. То, что сейчас происходило, не укладывалось в его голове. Звери путём хитроумной комбинации с отвлекающим маневром устроили охоту на человека. Но почему он не уходит теперь, когда их замысел провалился? Чего он ждёт?

Алтай всё ещё яростно драл убитого медведя за шерсть и не обращал внимания на живого. А тот стоял и смотрел на человека. Стоял и смотрел, низко опустив голову. Петровичу стало не по себе. Интуиция ему подсказывала, что ещё ничего не кончилось. Откуда-то сбоку, со стороны, которую он совершенно не контролировал, послышался хруст. Он повернул голову и увидел третьего медведя, приближавшегося огромными прыжками. Алтай почему-то на него не среагировал. Петрович повернул ружьё навстречу зверю, может быть, секунды за две до нападения, и выстрелил. Пуля угодила тому прямо в голову. Медведь рухнул замертво. Старик ошарашенно смотрел на бьющегося в конвульсиях медведя и не верил, что это всё происходит с ним. Три, сразу три! Стоп!

Петрович быстро переломил ружьё, зарядил его самой крупной дробью, которая у него была, «единицей», и обернулся к первому медведю. На том месте никого не было. Как будто не было вообще. Сколько могли держать руки ружьё, он не сводил глаз с малиника. Но зверь не показывался, и Алтай вёл себя уже спокойно. Тут Петровича оставили силы, и он медленно осел на белый мох.

Сознание оставалось, но наступила беспросветная апатия, которая может длиться бесконечно, пока кто-нибудь или что-нибудь не выведет человека из неё. Так можно было бы просидеть несколько часов, уставившись в одну точку. Но Алтаю надоело рвать убитых медведей, и он пришёл к хозяину. Простое поскуливание не возымело действия. Тогда пёс начал как бы тормозить человека лапой, тихонечко потягивая: «Ну, давай, хозяин, вставай».

Петрович, наконец, очнулся. Он медленно поднялся и подошёл сначала к первому убитому медведю, потом ко второму. Пока осматривал их, окончательно пришёл в себя.

...Конечно, за свою долгую жизнь он охотился на медведей, но всегда это было организовано, и всегда с определённой целью: или из-за ценной желчи, срочно понадобившегося медвежьего жира, или ради кем-то заказанной шкуры. Сейчас Петрович не знал, что делать с двумя случайно добытыми медведями. Наверное, надо было бы взять всё по-

Фото Т. Я. Трифановой

лезное. Но только не сегодня. Завтра он придёт и потихоньку разделает туши, возьмёт желчь, сало, снимет шкуры... А на сегодня охота закончена. Надо возвращаться домой. Пережитая смертельная опасность забрала силы, а до избы ещё час ходу.

Уже подходя к избе, Петрович почувствовал какую-то необъяснимую слабость, которой никогда раньше за собой не замечал. Ноги буквально подкашивались. Дыхания стало не хватать. Он даже рюкзак оставил с намерением забрать его позже. Дойдя до жилища, старик без сил опустился на лежак и почти тут же забылся сном.

Ночи в сентябре в этих краях уже холодные. Градусник «падает» до нуля, а, бывает, что и минус. Изба, не протопленная с вечера, простыла уже давно, но изнеможенный человек почувствовал, что замерзает, только к утру.

Петрович проснулся в отвратительном настроении. Это были его первые ощущения. В его памяти ещё не всплыли вчерашние события, он не пытался встать и растопить печку, но только осознавал, что «всё плохо». Ещё не придя в себя, он пытался вспомнить, случилось ли с ним что-то подобное раньше... Когда его семилетний Серёжка заболел тяжелейшим воспалением лёгких, его с женой Ирой увезли в городскую больницу, а он остался в посёлке. Заснул у единственного телефона в опорном пункте милиции и проснулся с ужасным, необъяснимым чувством, похожим на теперешнее. Потом мысли и образы постепенно стали обретать реальность, законченность, как-то связываться одни с другими. «Серёга — ребёнок. Серёга — взрослый. Вчера ушёл домой. Я остался, чтобы набрать брусники... Стоп! Медведи! Сразу три! Охотились на меня!».

Он сразу всё вспомнил. Холод в избе отступил на второй план. Лежал, не шевелясь, переживая вчерашние события.

Где-то за дверью скулил Алтай, уже давно призывая хозяина выйти.

Петрович медленно поднялся на лежаке и опустил ноги. Он понял, что с ним творится что-то очень нехорошее. За грудиной поселилась жгучая боль. Она пекла и жгла, как будто там застряла большая порция горячей каши. Левая рука почти онемела и плохо слушалась. Язык опух, с трудом поворачивался во рту. То небольшое усилие, которое он сделал, чтобы просто сесть на лежаке, вызвало одышку. Во всём теле чувствовалась слабость, которую он заметил ещё вчера. Ничего не понимая, старик снова лёг на матрац.

«Неужели это то самое, о чём я думаю? Не может быть! У меня ведь никогда не болело сердце. Даже признаков никаких не было. Я не знаю, что такое валокордин или нитроглицерин, и когда надо пить то или другое. И так рано! Хотя почему рано? Шесть-

десят семь — уже пора. Знала я случаи, когда от этого умирали и в пятьдесят, и в сорок. Неужели у меня инфаркт?»

Боль в груди не отпускала. Петрович боялся пошевелиться. И он был в полной растерянности, потому что не знал, что делать. Сердечных лекарств никаких нет. До людей далеко. Очень далеко. Непредостаточно далеко. И никто сюда в ближайшее время не придёт. Отлежаться? Может, отпустит? А если это действительно инфаркт? Тогда что? Конец? Он стал вспоминать всё, что читал и слышал об инфарктах, и получилось, что по все признакам это он и есть.

Так, не шевелясь, все более утверждаясь в том, что всё кончено, Петрович пролежал в холодной избе несколько часов. А потом он подумал, что шевелиться-то и незачем. Всё равно он скоро умрёт, так зачем вставать и топить избу, кормить Алтая. Надо просто тихо встретить неизбежное. Он настроился на быстрый исход и мысленно простился с женой, сыном, внуками. Потом стал вспоминать своих родственников и прощаться с ними, хотя точно не знал, кто из них жив, кто нет. Вспомнил давно умерших родителей и обрадовался, что «там» его ждут свои.

Боль жгла с прежней силой, но ничего не происходило. Он оставался в ясном сознании, видел потолок избы, слышал скулившего Алтая, ощущал холод, который становился всё сильнее. Хорошо, что накануне с Сергеем они расправили одеяла, но не укрывались ими, потому что хорошо протопили избу. Петровичу с трудом удалось натянуть на себя одеяло. Все движения сопровождались усилением боли в груди, но он, в глубине души простившись уже с жизнью, особого внимания на это не обращал. Согретьшись под толстым ватником, старик забылся сном.

Пробуждение снова было тяжёлым. Петровичу снились кровавые кошмары, и, очнувшись, он удивился, что ещё жив. Это вселило в него какую-то призрачную надежду. Он попытался пошевелиться, и тут же получил резкий укол в сердце. «Нет, видно «это» придёт позже», — подумал старик и оставил попытки встать. Единственное, что его радовало в этой ситуации, так это ясность ума. Она была какой-то очень чистой и давала новое зрение: он как будто раньше не видел, что доски в потолке подогнаны неровно, что пазы между брёвнами в избе забиты мхом плохо, окошко светит тускло. Он подумал о двух лежащих в тайге тушах медведей и пожалел, что пропадёт столько ценного добра. Подумал о брошенном рюкзаке: «Кто-нибудь подберёт и обрадуется находке». Но больше всего ему было жаль Алтая, который продолжал скулить за дверью. Петрович прекрасно сознавал, что, если он умрёт, умрёт и Алтай, потому что верный пёс ни за что не уйдёт от

избы, зная, что хозяин его там. Эта мысль вернула его к реальности.

«Нет, надо что-то делать, — подумал старик, — надо хотя бы открыть в избе дверь, чтобы запустить собаку». Если он смог натянуть на себя одеяло, то почему бы не попытаться открыть дверь. Старик осторожно скинул с себя тяжёлое тряпье. Потом очень медленно поднялся с лежака и свесил ноги. Боль не утихла, но пока и не убивала. Была жуткая слабость. Тем не менее, ему удалось встать на пол и, держась за лежак, дойти до двери и толкнуть её. Дверь отворилась всего на несколько сантиметров, но счастливый Алтай мордой открыл её шире и с радостным визгом ворвался в избу. От избытка чувств он чуть не повалил хозяина.

Петрович, опершись руками о лежак, едва держал напор пса. Так он простоял несколько минут, дожидаясь, пока тот не успокоился. Потом, держась за всё, что можно, очень осторожно вышел наружу. Вышел только для того, чтобы снять с высокой полки кастрюлю с едой для Алтая. Десятилитровая кастрюля была почти полной. Петрович заглянул в неё и увидел, что каша замёрзла. «Хорошо, не расплескается», — подумал старик и стащил кастрюлю с полки. Та упала на землю, не перевернувшись. «Алтая тут на три дня хватит, а потом, может, кто и придёт». Тут Петрович вспомнил, что сам ничего не ел со вчерашнего дня. Но мысль о еде вызвала у него отвращение. Хотелось только пить. Он еле доковылял до лежака, по пути прихватив с печки чайник, вода в котором ещё не замёрзла, хотя сверху уже образовалась корочка льда, напился и лёг, сразу заснув.

В этот раз сон его был очень беспокойным. Он постоянно просыпался, долго лежал с открытыми глазами, думая о своей судьбе. Он и раньше предполагал, что жизнь его вот так и закончится. Проводя в тайге большую часть времени, да ещё в возрасте, можно, конечно, встретить смерть скорее здесь, чем в посёлке. Сколько таких случаев уже было. Петрович сам два раза вывозил из лесных изб умерших охотников. Это было естественно. Но думать о таком про себя не хотелось. Чтобы вода в чайнике не замёрзла, он взял его с собой под одеяло.

Утро следующего дня не принесло никаких изменений. В груди продолжало жечь, и левая рука от болевой отдачи почти не слушалась. И — слабость. Не позволяющая ничего сделать слабость. Но он оставался живым и в ясном сознании. Хорошей новостью оказалось то, что потеплело. «Хоть печку не надо топить», — подумал Петрович. Верный Алтай лежал рядом, но при пробуждении хозяина весело вскочил, скуля и прыгая на лежак, призывая его вставать. Всё это — то, что он до сих пор был жив, хорошая погода, активность пса — заставило человека задуматься о борьбе со смертью. «Надо попробо-

вать отсюда выбраться, — решил Петрович, — здесь-то я точно окочурюсь». Он знал, что за ним никто не придёт. Каждый раз, уходя в тайгу, он говорил Ире, что придёт «дней через пять» или «дней через семь», но эти пять или семь дней могли вылиться и в три, и в пятнадцать. И жена к этому уже привыкла. В этот раз он сказал — «дней через пять». А прошло всего три. Поэтому Ира не будет беспокоиться ещё как минимум неделю.

Прежде всего, Петрович решил, что нужно поесть. Уже двое суток он не принимал ничего, кроме воды, но не чувствовал голода. Он с трудом растопил печку и поставил на неё кастрюлю с водой, которую предусмотрительно набрал ещё Сергей. Когда вода закипела, старик бросил в неё несколько кусков сухой оленины. Чистить картошку не было сил. Через два часа он снял с уже потухшей печки кастрюлю. Съел миску бульона с хлебом и куском мяса. Вся эта работа по приготовлению еды его сильно утомила, и сразу после обеда он опять уснул.

...Выбираться из леса Петрович решил с рассветом следующего дня. Он прекрасно понимал, что путь в двенадцать километров может для него растянуться на два-три дня, а может быть, и на всю жизнь. Поэтому к такому рискованному переходу надо было подготовиться. Прежде всего, старик вырубил две рогатины и смастерил из них костыли. Всё-таки четыре точки опоры лучше двух. Потом из старого холщового мешка сделал некое подобие рюкзака, привязав к его нижним углам толстую верёвку. Сварил ещё кусок мяса, а бульоном заполнил две полторалитровые пластиковые бутылки. Взял сухарей, кружку и нож. Ружьё спрятал.

Эта несложная и нетрудная работа заняла у него весь день. После каждого действия, сопровождавшегося усилением боли в сердце, приходилось подолгу отдыхать. Особенно трудно далась рубка рогаatin. Топором этого он сделать не смог: топор оказался слишком тяжёлым. Тогда Петрович, лежа у деревьев, охотничьим ножом потихоньку срубил их, потратив на каждое не меньше часа. С костылями передвигаться оказалось значительно легче, и старик вдруг поверил, что сможет дойти до дороги.

Наутро Петрович встал и прислушался к своему организму. С момента первого ощущения боль в сердце превратилась из остро жгучей в тупую, давящую, как пресс. По-прежнему изводила слабость, которая, казалось, поселилась в каждой мышце. Очень сильно мешала одышка. Аппетит отсутствовал напрочь. Но старик заставил себя поесть приготовленное ещё с вечера. Кроме того, он поставил перед Алтаем большую миску с размоченными мясным бульоном сухарями.

Покончив с едой, он надел свой вещмешок, накиннул через шею привязанные к костылям тесё-

мочки, чтобы не ронять и не нагибаться за ними, притворил дверь в избу и ступил на тропу, которая должна была привести его к жизни.

Первое и самое тяжёлое препятствие ждало его уже через сто метров: ручей. Избу они с сыном построили на дальнем от дома берегу, а берега этого небольшого, глубиной по колено, ручейка были довольно круты. Петрович кое-как спустился со своего берега, перешёл воду и надолго прилёг на покрытом мхом склоне перед подъёмом вверх. Минут через пятнадцать он собрал всю волю в кулак и пополз на четвереньках, хватаясь руками за всё, что росло рядом. Склон поднимался вверх метров на десять–двенадцать, но за один приём преодолеть его не удалось.

На половине пути у старика потемнело в глазах, руки и ноги отнялись, и он мешком повалился на мох почти без сознания. Его как будто ухватило за левую руку и крутило и мутило в каком-то бешеном чёрном смерче, то поднимая от земли, то вновь швыряя об неё. Через какое-то время смерч успокоился. Старик приоткрыл глаза, но лес ещё довольно долго вращался и плясал вокруг него. Он долго наблюдал за верхушками сосен, пока они не остановились в своём танце. Рядом беззвучно сидел Алтай. Пёс уже давно понял, что с хозяином творится неладное, и многого от него не требовал. Просто был рядом и охранял от всякой лесной опасности.

Петрович снова пополз наверх. Оставшиеся пять метров он преодолел за два раза. Наверху ещё долго отдыхал, прежде чем двинуться дальше. Обычно переход через ручей занимал минуты три–четыре. В этот раз старику понадобилось больше часа.

После ручья тропа на протяжении примерно трёх с половиной километров шла по сосновому бору без спусков и подъёмов. Петрович подумал, что если за день сможет пройти такое расстояние, то это будет очень хорошо. Сильно наваливаясь на костыли, он медленно пошёл вперёд. Ещё раньше он понял, что до последних остатков воли напрягаться не надо: можно потерять сознание, а то и вообще помереть. Поэтому Петрович делал переходы до первого желания просто упасть. Их длина составляла едва ли больше метров ста, ста двадцати. Потом он долго отдыхал, лежа навзничь с закрытыми глазами. К концу четвёртого или пятого перехода он уже перестал обращать внимание на боль в сердце. Его занимали только слабость, усталость и одышка.

С каждым переходом отдых продолжался всё дольше, пока он не обнаружил, что проспал почти целый час. Но самочувствие после сна стало лучше. Петрович оглянулся вокруг и определил, что отошёл от избы всего на километр. Но поскольку он твёрдо решил вытащить свою несчастную душу из леса, он сказал себе: «Ого! Я перешёл через ручей и уже

прошёл целый километр! Осталось всего-то одиннадцатый». Есть он пока не стал, решив пройти ещё немного.

В первые часы своего исхода Петрович пытался о чём-то думать. О прожитой жизни, о семье, об Ирине, о том, как она воспримет его болезнь, когда его привезут из леса домой. Если привезут. О том, что он будет делать потом, когда вылечится. Если это «потом» вообще будет. Но постепенно мысли начали путаться и сбиваться, особенно после моментов забывания во время отдыха. К концу дня он уже ни о чём не думал, а только тупо считал шаги до очередного привала.

Наконец, бор стал переходить в заболоченную низинку, тянущуюся на протяжении полутора километров до старой лесной дороги, которая уже выходила на лесовозную. Пройти этот участок измождённому больному старику без хорошего отдыха было невозможно, и Петрович стал готовиться к ночёвке. Тем более, что уже начало темнеть. Отдышавшись и немного придя в себя после последнего перехода, он нашёл огромный, достаточно сухой вывороченный корень когда-то упавшей сосны. Собрал сушняк, в изобилии валявшийся вокруг, и развёл под этим корнем костёр. Готовить ложе сил не осталось. Старик попил бульона, с отвращением съел кусок мяса и провалился в сон.

Смолистый пень быстро занялся жарким огнём, согревая спину несчастного человека. С другой стороны вплотную, по давно устоявшемуся правилу, спал верный Алтай. А над этим ничтожным источником тепла и света на десятки и сотни километров простиралась Ночь. Где-то далеко в посёлке спокойно спала жена Петровича, а ещё дальше, в городе, — ни о чём не подозревавший Сергей.

Посреди ночи старик проснулся от какого-то дикого, первобытного страха, который мерзкой змеей заполз в раненое сердце и не оставлял. Боль в груди усилилась, и Петрович вдруг решил, что не доживёт до утра. Ему стало так жутко, что он заплакал. «Нет, лучше бы я остался в избе, — думал он, — там умирать не так страшно». Корень уже перестал гореть пламенем, превратившись в пышущие жаром угли, которые давали больше тепла, но почти не давали света. И обступившая со всех сторон непроглядная темнота давила и пугала. Старик пролежал без сна до первых признаков рассвета. Слава Богу, перед утром боль немного отпустила, и несчастный снова заснул.

Утро выдалось ясным и морозным. На траву лёг иней. Петрович проснулся от холода, но тот факт, что он всё-таки проснулся, прибавил ему настроения. Чувствовал себя он не хуже и не лучше, чем в предыдущие дни, но от ночных страхов не осталось и следа. «Надо идти. Я правильно сделал, что пошёл.

Я уже прошёл три с половиной километра. Осталось восемь с половиной. Я дойду!» Петрович быстро позавтракал и двинулся в путь.

Сложность предстоящего участка заключалась в рыхлом мягком мху, в котором нога утопает выше щиколотки, а также в зарослях багульника и карликовой берёзы. Продираться сквозь них и здоровому-то человеку непросто, а больному, слабому, идущему на костылях и вовсе убийственно. Полдня Петрович штурмовал этот труднейший в своей жизни километр. Несколько раз от изнеможения он терял сознание, валяясь прямо в сырой мох. Да и когда в сознании ложился отдыхать, особо не выбирал сухое место, да его там и не было. Он приваливался к стволу какой-нибудь сосенки, оглушая тишину леса тяжёлым дыханием, закрывая глаза и проваливаясь в короткий сон.

Когда, наконец, он выбрался на твёрдое место, штаны и низ куртки были абсолютно мокрыми. Петрович хорошо понимал, что мокрым в лесу оставаться нельзя, тем более что холодало, но сушиться пока не стал. Надо было пройти ещё немного. И он продолжал ковылять на своих костылях, немного изменив график переходов и привалов. Чтобы не замёрзнуть во время отдыха, надо было его сократить. А для этого надо было сократить переходы.

Ближе к вечеру он стал присматривать место для ночлега. Поскольку маршрут он знал прекрасно, искать его долго не пришлось. Петрович вышел к большому завалу из нескольких сухих елей. Если бы удалось его разжечь, можно было не бояться замёрзнуть ночью. Старик больше часа собирал сушняк, складывая его под основание завала. Тяжёлый дневной переход и эта последняя работа совершенно обессилили его.

Он упал возле собранной кучи, не находя сил даже чиркнуть спичкой. Так он пролежал не менее получаса, пока не начал замерзать. Наконец, ему удалось вытащить коробок, не слушающимися пальцами достать две спички, зажечь их и поднести к пучку берёсты. Та ярко вспыхнула, и сразу же занялся мелкий еловый сушняк. Костёр разгорелся. Петрович заставил себя раздеться до нижнего белья и развесить мокрую одежду и сапоги на ближайших сучьях деревьев. Сам на корточках придвинулся к огню так близко, насколько мог терпеть жар. В этой позе он на какое-то время заснул.

Проснулся от чувства, что горит. Это начал полыхать завал. Старик снял совершенно высохшие вещи, оделся и достал еду. Оставалась ещё полная бутылка бульона, большая часть прихваченных сухарей и половина мяса. «Еды хватит. Хватило бы сил». За два дня он уже прошёл половину пути, причём самую сложную. До старой лесной дороги рукой подать, а она для ходьбы, даже с костылями, уже не

сложна. «Конечно, за целый день шесть километров не одолеть, — думал Петрович, — но можно пройти хотя бы четыре, ещё раз заночевать и часам к двенадцати следующего дня выйти на дорогу. Машины там в это время ездят часто, подберут». С этими мыслями он уснул.

Завал горел всю ночь, и утром ещё давал много жару. Уходя со стоянки, старик не боялся, что возникнет лесной пожар. Осенью лесных пожаров не бывает: мох сырой. В этот день он спешил пройти как можно больше. И одолел почти пять километров, но к вечеру устал так, как не уставал за предшествующие дни. Он даже не смог развести большой костёр, которого хватало бы до утра. А с середины ночи пошёл дождь. Старик заполз под раскидистую ёлку и до утра просидел под ней, дрожа от сырости и холода. Под самое утро усталость всё-таки сморила его. В тревожном сне он провёл не больше часа.

Проснулся от холода и от усилившейся боли в сердце. Дождь не прекращался. Надо было идти, но силы Петровича оставили. И воли, на которой он держался всю дорогу, не осталось. Старик снова заплакал. Он почти дошёл. Остался какой-нибудь несчастный километр, и звука моторов проходящих по лесовозке машин не было слышно лишь из-за шума дождя. «Неужели всё так и закончится под этой ёлкой?» — в отчаянии подумал он.

...Куда-то подевался Алтай. Петрович вдруг сообразил, что давно уже не видел пса. И он не мог вспомнить, когда же видел его в последний раз. Может, вчера, может, позавчера. Борьба за жизнь, борьба на последней грани отняла у человека не только заботу о своём четвероногом друге, но даже простое внимание: рядом собака или нет. Но старик всё понимал. Давно не кормленный пёс мог уйти на поиски пропитания. Алтай вполне был способен сам добыть себе зайца. «Он поест и придёт. Он обязательно придёт».

Петрович лежал под елью, свернувшись от холода и боли калачиком. Его сознание, с утра ещё достаточно ясное, теперь путалось. Он опять вспомнил Ирину, причём молодую, что обещал наловить ей куниц на шапку и воротник. «Так я ведь уже наловил, — сам себе сказал старик, — и Ирина уже давно их сносила. Или нет? Что-то последнее время у меня стало плохо с памятью. Надо будет съездить в город и показаться хорошему врачу. Серёга давно меня зовет. Стоп! Серёга! Он же собрался завтра ко мне приехать. Звонил же, что проводит внука в школу и приедет. Ну вот, а я тут в лесу задержался. Уж мы-то с ним поохотимся на медведей. Надо будет только сгонять домой за пулевыми патронами. Рюкзак новый возьму, который мне подарили в позапрошлом году на юбилей. ...А чего это я, старый-то, в лесу бросил? ...Эх! Памяти совсем не осталось...

и медведей не разделал, пропадёт ведь добро... А третий ушёл. Ходит, наверное, сейчас по тайге и меня ищет». Тут Петрович ясно услышал рычание медведя. Воспалённое сознание подсказало ему, что медведь выследил его в тайге и теперь вот пришёл за ним. Рычание всё приближалось, а у него не было даже сил открыть глаза и посмотреть смерти в лицо. Потом он почувствовал, что медведь его тащит куда-то к себе. «Вот и конец», — подумал Петрович и провалился в полную темноту.

...Алтай убежал от хозяина ещё рано утром, при первых признаках рассвета. Он услышал шум машины на дороге, вскочил, заскулил, с тоской глядя на человека. Несколько раз порывался бежать в сторону дороги и несколько раз возвращался. Потом, при очередной проходящей машине, он принял

окончательное решение и со всех ног пустился в ту сторону.

С проходящих лесовозов видели собаку, которая лаяла и бросалась под колёса. Видели, но проезжали мимо. Только один из водителей узнал Алтая. Он остановился и вышел. Собака с радостным лаем и визгом бросилась к человеку, но потом вдруг резко повернулась и побежала в лес. Водитель всё сразу понял. Они с напарником отцепили прицеп и поехали на боковую отворотку, куда их звала собака. В километре от дороги они и нашли Петровича. Живого, но без сознания. В полузабытьи он и принял шум двигателя «Урала» за рёв медведя.

Его спасли, но врачи не верили, что старик с таким инфарктом прошёл по лесу одиннадцать километров.

Ухта. Май 2007 г.

В ТРУБОУКЛАДЧИКЕ

«Господи! Как хочется курить! Ну, почему всё это происходит именно со мной?». Эти две мысли не давали мне заснуть. Первая меня выматывала. Вторая просто убивала.

Я ворочался в постели в балке, насквозь пропахшем соляжкой, нестираными вещами и отвратительной тушёнкой, где-то на краю земли, на непреодолимом расстоянии от цивилизации. Москва? Где ты, моя любимая Москва? Такая родная и понятная, такая уютная и предсказуемая. С твоей энергией, с твоей такой милой толкотней, с твоими шумами, без которых, оказывается, невозможно жить, с твоими вечерними огнями. С твоим комфортом, чёрт возьми! Где ты? За три тысячи километров отсюда!

И зачем я выбрал эту командировку? Можно было бы поехать в Сочи делать репортаж об олимпийских стройках. Они сейчас идут «на ура». Нет! Я поперся в Тюмень писать о строительстве очередного газопровода. Как будто их у нас ещё не настроили вдоволь! Можно было бы поехать во Вьетнам. Там тоже Газпромская стройка. Главный редактор, у которого я был в фаворе, предложил командировки на выбор. Но я, дурак, выбрал именно эту, в тмутаракань Тюменской области. Боже мой! Где я сейчас? До ближайшего города, Нового Уренгоя, двести километров!

Хотя, почему «дурак»? Я же сам хотел этого. Улететь, убежать как можно дальше от свалившейся на меня проблемы. Спрятаться, закопаться, загрузить-

ся тяжёлой работой, лишь бы не думать об ЭТОМ. Но не думать не получалось. Сознание упрямо возвращалось к ужасающей действительности: от меня ушла жена. Ушла к другому мужчине. Ушла навсегда. Предала! Самое обидное заключалось в том, что какое-то время, вероятно, полгода она встречалась с ним, а я ничего не замечал. А когда узнал и устроил скандал, она собралась и, не сказав ни слова, даже не попросив прощения, ушла. Да ещё собачку нашу общую забрала! Вот это было вообще по-свински!

Это случилось две недели назад. Первые несколько дней от потрясения я ничего не мог делать. Приходил в редакцию, садился за компьютер и целый день тупо пялился в экран, не в силах написать ни строчки. Каким-то образом о моей ситуации стало известно всем, и меня не доставали. Пытались даже утешать. Особенно мне «понравилось» утешение начальника нашего отдела: «Как я тебе завидую, старик! Вот бы моя от меня сбежала! Так нет же, вцепилась и руками и зубами — не оторвать». А я позавидовал ему: он не любил, и наличие рядом с ним его жены вызывало в нём только раздражение и досаду. А что же делать мне? Спасибо главреду, подбросил эту командировку. Я ухватился за возможность уехать из Москвы, из этой квартиры, в которой всё напоминало о ней, как утопающий за соломинку. «Да, конечно! В Тюмень, в тундру, к чёрту, к лешему, лишь бы подальше, лишь бы заглушить боль».

Для своего репортажа о строителях газопровода я выбрал самый дальний участок. Мне выдали унты, тёплую куртку, меховую шапку, огромные рукавицы, посадили в вахтовку «Урал», и вот я здесь.

За три дня, прожитые с газовиками, я познакомился с замечательными людьми, настоящими мужиками, и, странно, моя боль стала отступать. Из разговоров и рассказов этих людей я узнавал об их судьбах. Многие были разведены, кто-то женат вторым браком. Конечно, когда мужик по полгода не бывает дома, вкалывая на Севере, дома может произойти всё что угодно. Бабы — они ведь не железные. И вот что странно: мне показалось, что они не придавали этому событию особого значения. «Ну, ушла жена, и чёрт с ней. Ей же хуже — такого мужика потеряла. Другую найду». Видя, в каких тяжёлых условиях работают газовики, я проникся к ним уважением и почувствовал, что смогу справиться со своей проблемой. Только надо время. В своём репортаже я описал сложную технологию прокладки газопровода, трудности, с которыми постоянно встречаются газовики, и то, как они их преодолевают. Летом техника утопает в болотах, комары и мошка не дают вздохнуть. Дожди и постоянная сырость. Зимой — жесточайшие морозы и ветра. Сталь становится хрупкой и не выдерживает нагрузок. Обморожения. Уделил внимание бытовым условиям, но главное, конечно, — показал характеры людей. Этих отчаянных, во многом неустроенных, но порядочных и честных мужиков. В общем, репортаж получился хороший. На следующий день я должен был уезжать.

Часы показывали три часа утра. Сна — ни в одном глазу. Если днём я практически не думал о случившемся, то ночью мои переживания возвращались снова и снова. И курить! Как же хотелось курить! Я же бросил полтора года назад и был абсолютно уверен, что бросил навсегда. Но после того как закрылась дверь за моей женой, рука сама потянулась за сигаретой, и характер несколько этому не воспротивился. Я стал курить ещё больше, чем раньше. Пачки на день уже не хватало. В командировку я взял блок, и вот он уже кончился. «Нет, так дело не пойдёт, — сказал я себе, — когда всё ЭТО пройдёт, надо опять бросить». Но сейчас, вот прямо в эту самую минуту мне до смерти хотелось покурить.

Мой сосед по балку, машинист трубоукладчика Михаил, тоже был курящим. Я, стараясь производить как можно меньше шума, встал и начал шарить по всем карманам. Сигарет не было. Всё-таки сосед проснулся.

- Ты чего не спишь? — недовольно спросил он.
- Курить так хочу, не могу. У тебя есть?
- Нету здесь, всё вчера выкурили. В «трубаче»

моём есть пачка, сходи, если не лень. Он тут рядом стоит, метров сто.

Я засомневался. Сто метров по тридцатиградусному морозу? А что делать? Придётся идти. Ватные штаны надевать не стал, на мне было хорошее зимнее термобельё. Влез в куртку, сунул ноги в унты, нахлобучил собачью ушанку и вышел в ночь. После натопленного балка морозный воздух сразу обжёл лёгкие, вызвав приступ кашля. Когда отпустило, я, прикрыв рукавицей рот, быстро пошёл к видневшемуся вдаль трубоукладчику. Мороз через тонкую ткань белья защищал кожу на ногах и залез снизу под широкую куртку, заставив меня плотнее закутаться. Было достаточно светло от неполной луны и от звёзд, а снег отражал этот свет. На Севере ночи всегда светлее именно потому, что всё вокруг покрыто белейшим снегом.

Дорога шла между стеной леса и траншеей, в которую в скором времени опустят сваренную в плеть трубу будущего газопровода. Двухтрубки лежали на бровке одна за другой. Всё, вроде, просто: экскаватор выкапывает траншею, сварщики сваривают трубу в плеть, изолируют сварные стыки и опускают её в траншею. Потом засыпают. Газопровод готов. Но сколько тут нюансов! Только газовик-строитель поймёт меня. Но это — другая тема. Я уже подходил к громадине «трубача» фирмы Катерпиллар, когда боковым зрением уловил, нет, скорее, спиной почувствовал какое-то постороннее движение, присутствие рядом кого-то ещё. Оглянулся — и застыл на месте. На дороге, по которой я шёл от балков, преграждая путь к отступлению, стоял и внимательно смотрел на меня волк. Я сразу понял, что это именно волк, а не собака. В городке строителей жил один беспородный пёс — появился неведомо откуда, да так и остался жить всеобщим любимцем. Но это был не он, и это был волк!

Зверь стоял, широко расставив лапы, низко опустив голову, не сводя с меня глаз. В его немигающем взгляде, в его напряжённой стойке было столько агрессии, что я похолодел от ужаса. Я сразу понял, кем являюсь для него: долгожданным ужином, может быть, даже последним шансом, спасением от голодной смерти. Перед глазами у меня пронеслись жуткие картины: как челюсти хищника разрывают мою плоть, растаскивают кишки, кровь окрашивает снег, а я ещё живой.

Мы продолжали стоять напротив друг друга, не двигаясь. Я не должен был смотреть ему в глаза, но не в силах был оторвать взгляда. А волк, почувствовав, что его жертва может представлять опасность, всё ниже опускал голову, готовясь к атаке. Он уже начинал щериться, оголяя белоснежные клыки. В этот момент со стороны леса показалась ещё одна тень. Так, отлично, на помощь первому пришёл ещё

один. Моё и без того незавидное положение ухудшилось в два раза. Но приближение второго зверя (просто моим глазам надо было увидеть хоть какое-нибудь движение) вывело меня из ступора. До трубоукладчика оставалось метров десять, и я медленно спиной вперёд начал пятиться к нему. Оба волка тоже осторожно двинулись за мной.

Шаг, ещё шаг. Как же до тебя ещё далеко! Ещё шаг. Я преодолевал безумное желание повернуться и броситься бежать, инстинктивно понимая, что рано. Волки догонят меня быстрее, чем удастся добежать до спасительной защиты машины. Ещё шаг, ещё. Волки так же медленно двигались за мной. К счастью, они не подозревали, что их жертва может укрыться в этой горе металла. Для них трубоукладчик был просто холмом, частью природы. Они ждали, когда жертва побежит. Для них это было естественным — все убежали. Ещё шаг, ещё. Всё. Я упёрся спиной в гусеницу. Ну, здесь уже надо было быть проворным.

Я повернулся к волкам спиной и в одно мгновение вскарабкался на гусеницу, больно ударившись коленками о выступающие грунтозацепы. Увидев мою спину, звери разом бросились за мной. В несколько прыжков они преодолели разделявшее нас расстояние, но я уже рванул ручку дверцы (Господи! Спасибо тебе! А если бы она была заперта? Я ведь даже не спросил у Михаила об этом). Тот волк, что был первым, сходу запрыгнул на гусеницу, но, поскользнувшись на отшлифованных стальных траках, свалился вниз. Влетев в кабину, я с такой силой захлопнул за собой дверцу, что чуть не разбил в ней стекло. Волки недоуменно смотрели на трубоукладчик, поглотивший их добычу. А мной овладело безумное веселье.

— Что, собачки, съели! — заорал я в окошко, замахал руками, привлекая внимание моих несостоявшихся убийц.

Звери увидели мои пассы и, поняв, куда я пропал, стали со всех сторон обследовать трубоукладчик. Один из них снова запрыгнул на гусеницу. На этот раз удачно. Он активно обнюхал дверцу, особенно уделив внимание щелям, откуда до его чувствительного носа доносился запах добычи. Мой запах. Волк когтями принялся отчаянно царапать дверцу. У меня снова волосы на голове зашевелились. Нас отделяла тонкая перегородка стекла и стали. Я видел, с какой настойчивостью хищник пытается добраться до меня, и не был вполне убеждён, что дверцу ему не преодолеть. В конце концов, придя в себя и осмелев, я резко отворил дверцу, спихнув серого с гусеницы. Волки, ещё побегав немного, успокоились.

Что им оставалось? Только ждать. А ждать они умеют. Добыча — вот она, рядом, так зачем же куда-

то бегать, искать. Надо только дождаться, когда она выйдет.

Я понял, что волки просто так сами не уйдут. Пока не проснётся городок, будут караулить. Чёрт возьми! До меня стало доходить, что ситуация-то паршивая. В кабине трубоукладчика температура такая же, как и на улице: за минус тридцать. Обычно Михаил выходил заводить свой «трубач» в половину седьмого. Отослав меня за сигаретами, он наверняка снова заснул.

То есть мне здесь сидеть ещё больше трёх часов. Сколько я смогу выдержать на таком морозе? Эйфория от избавления от смертельной опасности, во время которой холода не замечаешь, прошла, и Мороз взялся за дело. Как это так! Всё вокруг подчинено ему. Болота, в которых летом бульдозеры утопают по самую крышу, заморожены до дна, деревья заморожены так, что ни пила, ни топор не берёт. Стальные тросы, поддерживающие массу сократонных трубоукладчиков, лопаются. И вдруг посреди всего этого царства холода маленькое живое существо с температурой тела плюс 36,6 градуса. Непорядок.

«Что же это я штаны-то ватные не надел? Со штанами протянул бы дольше», — пронеслась никчемная теперь мысль.

А так мне в моём термобелье даже сесть на сиденье невозможно. Куртка короткая, да и через неё чувствуется, какая холодная кожа на кресле. Я стоял в кабине, согнувшись и делая небольшие приседания, только бы не коснуться задницей сиденья. Тут я вспомнил, зачем попёрся сюда. Сигареты! Страстное желание насладиться табаком ворвалось в мой организм с небывалой силой. Я разыскал пачку, выхватил губами сигарету, щёлкнул зажигалкой и вдохнул восхитительную порцию дыма. Оба волка, увидев огонёк зажигалки в окне кабины, вскочили на ноги, забегали вокруг. Эта их реакция натолкнула меня на одну идею: «Да! Огонь! Все дикие звери боятся огня. Надо соорудить факел и с ним добраться до балков».

В моём представлении в кабине всех тракторов, соответственно и трубоукладчиков, которые относятся к этому семейству техники, должны были валяться кучи промасленных тряпок, пригодных для факела. Но их почему-то не было. Вообще не было ничего лишнего — ни помятого ведра с гайками, ни разбросанных гаечных ключей, ни старой телогрейки, ничего! Идеальный порядок. Из чего же сделать факел? Из рукавицы! Только её надо вымочить в солярке. Где тут солярка? Солярка была только в баке, расположенном за кабиной, открыть который я бы всё равно не смог, да и никакая сила не заставила бы меня покинуть кабину. Идея с факелом оказалась несостоятельной.

Я продолжал лихорадочно думать, жадно куря: «А если покричать? Может, услышат?». Я докурив сигарету, отворил дверцу, высунулся наполовину и что есть мочи заорал:

— Помогите-е-е-е! Волки-и-и-и!

Мой отчаянный вопль растворился в ледяной пустыне. А эти, из-за которых я просил помощи, увидев свою жертву, необычайно оживились, забегали, забегали. Один, всё тот же, первый, снова разбежался и заскочил на гусеницу. Я, естественно, успел закрыться. Волк, видя меня так близко, вероятно, от безысходного голода попытался напасть на свою жертву. Он, рыча и скуля, бросался на стекло с лязгающей пастью, забрызгивая слюной стекло, обдавая его своим горячим дыханием, и всё тут же замерзало каплями и сплошным туманом. Второй волк, видя яростную активность своего сородича, и, вероятно, подумав, что тот уже добрался до мяса, тоже запрыгнул на трубоукладчик. Но место на гусенице было уже занято, и он взобрался на капот перед лобовым стеклом. Он также принялся атаковать меня через стекло, всякий раз натываясь на прозрачную преграду, оставляя на ней следы своей голодной слюны и дыхания.

Я был настолько ошарашен этой яростной атакой хищников, что обездвиженным тюфяком забрался с ногами на сиденье, не в силах пошевелиться. Никто и никогда, и с такой отчаянной силой, не хотел добиться от меня чего-то. В данном случае понятно чего. Родители добивались послушания и хороших оценок в школе, начальник отдела бездарно и безуспешно добивался, чтобы я вовремя сдавал материалы в печать, моя собачка каждое утро скулила у кровати, требуя, чтобы я вывел её погулять. Жена, бросившая меня любимая жена, добивалась от меня чего угодно — порядка в доме, внимания к ней, чтобы я пил поменьше, не ворчал на её маму. Господи! Неужели она бросила меня из-за этого? Да если бы она хоть раз попросила вот с такой убедительностью, как эти две зверюги! Мы, городские, благополучные граждане, и не только граждане, но и наши любимые пёсики и кошечки, не знаем, что такое настоящая сила чувств и желаний. А эти двое знали.

Я снова представил, как их зубы вонзаются в мою плоть. Бр-р-р! Но «бр-р-р» накатило на меня не только от страха, но и от холода. Опасность, исходившая от волков, конечно, была велика, но опасность замёрзнуть выступала на первое место. Я уже убедился, что кабина трубоукладчика неприступна, и мне оставалось только как-то не задубеть в течение трёх часов.

Мне вдруг стало ужасно обидно. Блин! Почему жизнь, или, я не знаю, Бог так ополчились на меня? Чем я нагрешил, чтобы насыпать на меня такие на-

пасти: жена ушла, волки хотят сожрать. Почему это всё — мне? И мороз! Мороз стал пробираться не на шутку. Я сидел на корточках на водительском кресле, привалившись к его спинке. И вот она высасывала из моего тела тепло. Я всё надеялся, что прогрее её собой, но этого не происходило. Во всяком случае, мне так казалось, потому что было очень холодно. Приходилось опираться то одним плечом, то другим. А оторваться совсем — спинка сразу опять промёрзнет.

Ко всему прочему неимоверно захотелось спать. Чтобы отогнать сон, пришлось снова закурить. Даже зажигалка не хотела гореть. Газ на морозе горит плохо, не то что бензин. Этот горит везде, и на морозе, и на сильном ветру. Пришлось отогревать её в рукавице. Чёрт побери! Во мне и так мало тепла, а я ещё должен его расходовать на прогрев спинки кресла и зажигалки! Закурив, я не стал выключать её, надеясь на хоть и маленький, но всё-таки источник тепла. Мерцающий перед глазами огонёк вновь вызвал в душе приступ самокопания в моей горемычной судьбе.

Я всё время спрашивал себя: почему она ушла, неужели я был таким никчемным мужем, что со мной стало невозможно жить? Я вспоминал и анализировал все свои грехи, большие и маленькие. И логика подсказывала: раз грехи всё-таки были и поскольку жена всё-таки ушла, значит, она не смогла с ними смириться, значит, она права, и её надо простить и отпустить. Ох, уж эта моя интеллигентская сущность: всех понять и всех оправдать! Другой на моём месте уже оторвал бы от сердца предательницу, не гнобил себя бесполезными вопросами и наслаждался свободой. Но это моя сущность, и мне никуда от неё не деться.

Зажигалка, поскольку я её держал рукой в рукавице, снова замёрзла и погасла. Глаза слипались. Я прикрыл их всего на минутку — так мне показалось. Но какой-то приснившийся омерзительный страх заставил очнуться, и я увидел, что проспал почти двадцать минут. Этот страх был послан свыше, чтобы я не замёрз, чтобы начал что-то делать, бороться за жизнь, в конце концов. Я еле-еле встал на затёкшие ноги и снова принялся делать приседания, до полного изнеможения. Зато немного согрелся.

Часы показали, что с момента заточения в кабине трубоукладчика прошло меньше часа. А что же волки? От моего дыхания все стекла кабины покрылись инеем, и разглядеть, что делается снаружи, было невозможно. Пришлось отогревать окошко всё той же зажигалкой. Но через маленький круляшек отогретого стекла я не смог обнаружить моих голодных тюремщиков. Может быть, ушли? Открыть дверцу, посмотреть? Страшно, но надо. Надо что-то делать, чёрт возьми! А то сдохнешь здесь!

Я немного приоткрыл дверцу, но скопившийся в кабине более тёплый воздух, чем снаружи, выходя через эту щель, превращался в пар, и через него ничего не было видно. Я открыл пошире...

Волк, наверное, сидел прямо напротив дверцы. Я его заметил слишком поздно, потому что, когда рванул ручку назад, он уже успел просунуть голову в щель и схватить меня за унт. От неожиданности и ужаса я заорал во всё горло. Хорошо, не отпустил ручку! Наоборот, я изо всей силы потянул её на себя. Голова волка оказалась зажатой. Он заскулил сквозь стиснутые на унте челюсти, пытаясь вырваться назад вместе с моей ногой. Не отпускал, гад! Задышался, но не отпускал. И я не отпускал. Поняв, что смогу причинить волку много неприятностей, я второй

ногой упёрся в панель приборов и давил дверцей шею зверя. Тот, наконец, отпустил унт, захрипел, начал задыхаться. И тут произошло невероятное.

Второй волк, видя, что его собрат попал в беду, сзади напал на него. Вот она, волчья сущность! У первого не было никаких шансов спастись. В момент его живот оказался распоротым... Я не могу описывать, что увидел дальше. Я отпустил бедолагу. Его голова тут же исчезла. Подождав минуту, я снова приоткрыл дверцу. Вся гусеница была в крови. Дальше кровавый след на снегу тянулся к лесу.

Не в силах пошевелиться от пережитого, я долго всматривался в черноту за ближайшими деревьями, куда один волк утащил другого. Теперь он будет сытым. Слава Богу, не мной.

ПОСЛЕДНИЙ ОХОТНИК

Старик проснулся и долго лежал с открытыми глазами. Было ещё совсем темно. Единственное окошко в избе едва угадывалось смутным пятном на абсолютно чёрной стене. До рассвета оставалось не меньше часа, но сон уже прошёл. Часов он никогда не имел, да они были и ни к чему. Время для него определялось сменой дня и ночи, времён года, участками пути или промежутками дня, которые необходимо затратить на выполнение той или иной работы, например, разделки лося. Тем не менее, он очень остро чувствовал время и сейчас абсолютно точно знал, сколько ещё можно полежать, чтобы потом успеть собраться и выйти на путик, охотничью тропу, с рассветом.

Вставать не хотелось. Последний год он стал сильно уставать. И почему-то усталость особенно давала себя знать именно утром. Как будто и не от-

дыхал всю ночь. Подниматься приходилось с усиленной воли, долго расхаживаться, тяжело переставляя отяжелевшие за ночь ноги и разминая одеревеневшую спину. Только руки его ещё слушались и глаза, слава Богу, не подводили. Он и сейчас ещё время от времени выделял чучела птиц, а для этой работы руки и глаза — это главное.

Изба ещё не простыла. И хотя первые ноябрьские заморозки уже покрывали лужи молодым хрустящим ледком, печку он топил один раз, вечером. Изба была добротной, тепло до утра держала. Снаружи не доносилось ни звука. Лес безмолвствовал.

«День будет тихим», — бездумно отметил для себя старик и медленно свесил с лежанки ноги. Посидев немного, он зажёл керосиновую лампу. Конечно, в лампе горел не керосин, а солярка, которая сильно коптила и воняла, но старик был рад и этому, потому что керосин и парафиновые свечи стоили денег, а солярку можно было слить с какого-нибудь трелёвщика бесплатно.

Фитилёк ярко вспыхнул и осветил нехитрый быт охотничьей избы. Слева от двери, такой низкой, что даже невысокому человеку, чтобы зайти внутрь, приходилось сильно нагибаться, стояла железная печка, обложенная самодельными кирпичами и обмазанная глиной. Сразу за печкой — покрытая лосиными шкурами лежанка. На ней могли бы в тесноте заночевать три человека, если лечь ногами к печке. А если поперёк, то и все четыре.

Справа от двери у крохотного окошка находился приколоченный к стене небольшой столик. Рядом стояли два чурбака, заменявшие табуретки. На задней стене — две полки на всю ширину избы. Левая

глухая стена была обита лосиными шкурами. Всё в избе: и размеры три на четыре метра, и низкий потолок, и дверь, больше похожая на люк, и окошко, и даже то, как она была сложена, — подчинялось единственной цели — сохранять зимой тепло. Ставили избу двенадцать лет назад с отцом и братом Петром взамен старой, простоявшей почти пятьдесят лет.

Отец умер через год после того как закончили избу. Утром в хороший осенний день пошёл проверять петли. На пути прилёг отдохнуть у костерка и не проснулся. Легко жил старый охотник Степан, в согласии с собой, людьми и природой, и лёгкой смертью умер. Иван с Петром похоронили отца рядом с избой.

Старик сунул ноги в «домашние тапочки» — обрезанные под калоши сапоги, накинул на плечи телогрейку и вышел наружу. Лесная чаща встретила его непроглядной темнотой, но верхушки огромных елей, обступивших со всех сторон жильё, уже чётко выделялись на фоне начинавшего светлеть неба.

Запалив костёр, он поставил на огонь чайник и кастрюлю с приготовленным вчера зайцем. Потом сел и закурил. Опять с досадой вспомнил о собаке, которую в начале осени задрали невесть откуда появившиеся здесь волки. Рыжая карело-финская лайка радостно встречала его по утрам, когда он выходил из избы, сноровисто работала по глухарю и белке, да и медведя могла остановить. Хорошую лайку теперь достать трудно. Взяв щенка, надо года два учить его премудростям охоты. А как в лесу без собаки? Ох, беда, беда...

Расположившись за столиком при уютном свете коптившей лампы, старик позавтракал куском зайца с хлебом, который пёк сам, и кружкой пахучего, заваренного с листьями смородины брусничного чая, очень сладкого. Собрал еды на охоту, уложив всё в старый-престарый рюкзак, положил две пол-литровые пластиковые бутылки, одну полную с чаем, другую залитую наполовину самогонкой. Взял топор, без которого в лес не заходил. Потом тщательно оделся, особенно долго накручивая портянки, чтобы в дороге ничего не мешало, накинул на плечо ремень всё еще прекрасно бьющей одностволки и вышел в лес, подперев дверь избы палкой.

Иван Степанович Пыстин родился и всю жизнь прожил в маленькой коми деревеньке, настолько маленькой, что в ней не было даже школы. Учеников каждый день возили в соседнюю деревню, что стояла ниже по реке на двадцать километров. Осенью на подводах, зимой на санях. Единственным оплотом цивилизации был поставленный году в семидесятом дизель-генератор, мощности которого едва хватало на освещение домов и работу небольшой лесопилки. Пока работал леспромхоз, народ занимался заготовкой леса, имея при этом неплохие заработки.

Люди держали скотину, птицу. Естественно, все мужики в деревне охотились и рыбачили. У каждой семьи были лодки, моторы, свои уголья, лесные избы. Бывало, Пыстины заготавливали к зиме две двухсотлитровые бочки рыбы. Хватало и себе, и на продажу.

С перестройкой всё начало рушиться. Развалился леспромхоз, без которого не осталось ни работы, ни денег. Хозяйства стали приходить в упадок. Молодёжь из деревни подалась в районный центр и дальше в город. Скотину съели, алюминиевые лодки распилили и продали как цветмет. Мужики беспробудно глушили водку, пропивая последнее. Случались драки. Буквально из-за пустяков, из-за недолитого стакана, случайно брошенной обидной фразы, просто от беспросветной тоски. В одной из таких бессмысленных, жестоких драк Степаныч убил человека. Наутро, протрезвев, сели братья Пыстины в лодку и поплыли в нижнюю деревню, где жил участковый. И не было у него угрызений совести, а было только тупое безразличие к своей судьбе и ко всему миру.

Дали Степанычу восемь лет. Первый раз в жизни выехал он за пределы своего района, потому что повезли его на отсидку в лагерь строгого режима, что находился под городом Ухтой. Из крохотного зарешеченного окошка воронка увидел он первый раз город с пяти- и даже девятиэтажными домами. А второй и последний раз оказался Степаныч в городе ровно через восемь лет, когда уже свободным человеком возвращался из Ухты на родину.

За прошедшие годы деревня практически прекратила своё существование. Дома стояли чёрными холодными глыбами с пустыми или кое-как заколоченными окнами. Дизель-генератор давно разобрали по винтикам, и те несколько стариков и старух, что ещё жили там, пользовались для освещения ворованной соляркой, лучинами. Жива была и жена брата Петра, Шура. Единственный оставшийся на земле близкий человек. А вот Пётр пропал. Уплыл по весне четыре года назад вверх по реке и не вернулся. Пропало всё: человек, собака, лодка, все вещи. Как в воду канул. И не искал его никто. Просто некому было. Пётр оставался в деревне последним крепким стариком, который ещё охотился и рыбачил. Остальные просто доживали свой век.

Иван поселился в доме брата. Старый отцовский, из которого он уходил в тюрьму, совсем развалился, а своего он так и не завёл. А вдвоём с Шурой было и веселей, и проще жить. Степаныч поправил стены дома, крышу, поставил забор, построил новую баню. За бесценно приобрёл старенькую одноствольную «нелегалку» двенадцатого калибра и занялся делом, которое лучше всего знал на свете: охотой.

Лесная изба не сильно пострадала от времени. Видно было, что за ней, хоть и не постоянно, но сле-

Фото В. В. Веремея

дили. Тайга не совсем безлюдна. Охотники и рыбаки ходят везде, где есть дичь и рыба. А дичь в этих краях водилась, и рыба тоже. И за прошедшие годы её даже прибавилось. Оно и понятно: леспромхозы и всякие там геологические партии ушли. Перестали реветь по лесным закоулкам трактора и трелёвщики, травящие природу солярой и мазутом, мутящие воду в нерестовых речушках при переездах вброд. Вместе с ними ушли и чужие люди, «вербованные», как всех чужаков с большой земли называл Степаныч. Эти без совести и жалости стреляли во всё, что движется, и в любое время года. Да ещё с машин. А весной с машины или вездехода на лесной дороге, куда после долгой зимы стремится боровая дичь, чтобы поклевать камешки, можно бить её мешками. В общем, беспокойства в тайге стало меньше, а дичи и рыбы — больше.

Обычно Степаныч заходил в свои угодья в середине августа. В это время птица уже подросла, у лосей начинался гон, а у рыбы — жор. От деревни до избы было два дня ходу. Если в один день выйти рано утром, то на следующий день к обеду можно добраться. Ночевал он на переходе в специальной переходной избе — простеньком сооружении, сложенном из тонких стволов и с односкатной крышей, но тоже с плотно закрывающейся дверцей, застеклённым окошком, нарами и печкой. Для одной ночёвки этого было достаточно. Заходить приходилось два, а то и три раза, чтобы занести все необходимые припасы, потому что оставался старик в угодьях аж до Нового года. А приносил он с собой муку, подсолнечное масло, консервы, конечно же, соль, сахар, сигареты. Никогда не захватывал чай — пил брусничный, смородиновый морс, который готовил сам. Картошка была рядом с избой, он держал небольшой огородик.

До Нового года Степаныч добывал до сорока глухарей, не считая другой боровой птицы, одного лося и килограммов сто рыбы, хариуса и щуки. Больше не брал. Всё это добро он хранил в леднике, который не таял даже в самое жаркое лето, а ближе к празднику начинал выносить в деревню. Приходилось делать ходок до восьми, хотя он использовал небольшие сани.

Сбытом продуктов леса занималась Шура. Всё забирал водитель передвижной продуктовой лавки Серёга, который раз в месяц приезжал в деревню с продуктами и с почтальоншей, доставлявшей старикам пенсию. Платил хорошо, не скупился. И сам не оставался внакладе, перепродавая мясо, птицу, рыбу на городском рынке.

Жизнь у Степаныча вошла в спокойное, размеренное русло. Можно даже было сказать, что он счастлив, хотя сам никогда не задумывался над этим понятием.

Сегодня Степаныч должен был проверить «отцовский» путик, тот, на котором ровно двенадцать лет назад умер отец. Всего в его угодьях было семь путиков, но в этот год он ставил петли только на трёх, самых длинных. За осенний световой день он успевал проверить лишь один. На двух других тоже сидела в петлях дичь, и был риск, что её снимут лисы, россомахи, куницы. Поэтому больше трёх путиков старик освоить уже не мог.

«Отцовский», самый старей и самый «уловистый» путик (всё-таки в искусстве определять места для установки силков отцу не было равных) представлял собой хорошо натоптанную тропинку, идущую сначала вверх по речке иногда по самому краю крутого спуска и редко уходящую вглубь леса на расстояние более ста метров. На этом густо заросшем ельником отрезке стояли петли на рябчиков и зайцев. Километра через полтора лес по обе стороны реки расступался в стороны, забирался на бугры, редел и постепенно переходил в смешанный бор. Река текла по широкой заболоченной пойме с отдельно стоящими берёзами и невысокими сосенками.

Рассвело. Ясную, северную, ненасыщенную краской голубизну неба не портило ни единое облачко. Утренний ветерок ещё не проснулся. И хотя на Севере погода могла перемениться всего за час-два, старик точно знал, что сегодня день будет тихим и солнечным. Он уже расхотелся. Ломота в спине и в коленях отпустила, и он шёл свободно, наслаждаясь ходьбой, слегка морозным густым воздухом и окружающей красотой. Она не вызывала в нём каких-то волнующих чувств, как, например, у городского человека, раз в месяц вырывающегося на природу. Степаныч, всю жизнь проживший в глуши, на природе, особенную её красоту воспринимал по-другому. Красота — это, прежде всего, хорошая погода. Ну, какая красота может быть, когда идёт дождь или снег? А хорошая погода — значит, не вымокнешь, не замёрзнешь, хорошо поохотишься. Дичь, кстати, тоже в плохую погоду не выходит. Поэтому он действительно был рад такому дню.

Пока шёл вдоль речки, снял с петель двух рябчиков и зайца. Вдоль поймы силки остались пустыми, хотя свежие глухаринные наброды были ясно видны на песке, не успевшем замёрзнуть. Перед тем как свернуть в лес, Степаныч покурил, сидя на бревне, слушая запоздалое гульканье косачей и пытаясь определить, сколько петухов токует.

Первого глухаря Степаныч снял только на середине путика. Он издали увидел поднятую коромыслом тушку птицы, и сердце радостно ёкнуло. Почему-то попавший в петлю глухарь вызывал у старика больше всего радости. Даже больше, чем добытый лось. Наверное, потому, что эта большая,

сильная, красивая птица была неотъемлемой частью тайги, определяющей её богатство и как бы связывающей всю живность в единое целое. Если места богаты глухарём, значит, они богаты всем. А что такое лось? Корова и есть корова. И приручить можно, и разводить, как домашний скот. Где-то старик слышал, что они даже на Украине водятся, а вот про глухарей там и не ведают.

Он подошёл к силку, осмотрелся. По набродам было видно, что на порхалище гуляло три петуха. Но когда один, увидев заманчиво висящий пучок брусники, вошёл в хитрый лабиринт из колышков и, потянувшись за ягодами, попал в петлю и забился в ней, остальные улетели.

Глухарь был хорош. Весом в пять килограммов. Старик вынул птицу из петли, привычным движением пальца выдернул из тушки кишки, набил брюшко свежей можжевельной хвоей, спрятал голову под крыло и аккуратно положил в рюкзак. Промделав всё это, он снова настроил силки. Потом сел, отдохнул.

Солнце показывало уже полдень. Хотелось перекусить, но надо было дойти до места. Старик закинул изрядно потяжелевший рюкзак на спину и пошёл дальше. Лес был насквозь пронизан солнцем. Лучи играли в открытых заболоченных сосняках и березняках, в прозрачных борах с янтарными, монолитными стволами сосен, в глухих ельниках с их буреломами, папоротниками и постоянным сумраком. Особенно ласкал стариково ухо посвист рябчиков. Красноголовые дятлы сопровождали человека своим трудолюбивым деловым перестуком. Иногда то здесь, то там далеко по тайге разносилась таинственная дробь желны. А откуда-то сверху долетали крики уходящих на юг гусей.

Ну, вот и заветное место. В этом месте путик пересекал небольшой ручей, противоположный берег которого был весьма высок и крут. Поднявшись на него, хотелось снова передохнуть. Так и повелось у охотников Пыстиных делать небольшой привал на берегу этого безымянного ручья. Единственной приметой, делавшей место привала особенным, была огромная пихта со стволом в два обхвата, с великолепным конусовидным шатром плотных зелёных ветвей, под которым всегда было сухо и уютно. Здесь и заснул вечным сном охотник Степан, отец двух сыновей-охотников. Братья прибили к стволу пихты доску, на которой на коми языке стамеской высекли надпись, что на этом месте умер Степан Пыстин из деревни Югыдтыдор такого-то числа, такого-то года в возрасте семидесяти четырёх лет. Креста никакого не ставили по той причине, что никогда не были в церкви, в душе оставались язычниками, как и их предки.

Иван Степанович с трудом взобрался на бугор и подошёл к пихте. Доска на стволе, хорошо проварен-

ная в олифе, защищённая от дождей кроной дерева, несколько не потемнела от времени. Он мысленно поздоровался с отцом, постоял, отдышался, потом снял рюкзак с ружьём, сел на поваленное дерево и закурил. Потом налил в пластмассовую кружку самогона, отрезал кусок холодного зайца и задумался. Перед тем как выпить, Степаныч всегда старался вспомнить и заново пережить какой-нибудь примечательный случай, произошедший с ним и с отцом. Эта традиция неизменно выполнялась, и каждый раз он восстанавливал в памяти новый эпизод. В этот раз он вспомнил, как они втроём с Петром ходили на лося.

Ивану было тогда восемнадцать, Петру двадцать лет. Преследование лося длилось с утра и целый день. Несколько раз собаки останавливали сохатого, но едва только охотники подходили на выстрел, лось срывался и снова, продираясь через чащу, уходил. В очередной раз, услышав по лаю, что лось встал, они втроём начали осторожно приближаться. Хотя как можно соблюдать осторожность, если все были предельно измотаны многочасовой погоней по тайге. Хорошо, что две лайки, кружа вокруг огромного животного, отвлекали его внимание от людей. Лось тоже устал, и охотники поняли, что в этот раз удасться произвести выстрелы.

Первым шёл Пётр с двустволкой, за ним — отец тоже с двустволкой, и только у замыкающего Ивана была одностволка. Собаки выгнали сохатого на старую поросшую мелким березняком вырубку. Уже был виден среди мелколесья бок лося, до него оставалось метров семьдесят, но отец не давал команды стрелять. Подошли ещё метров на тридцать. Теперь можно, но отец обернулся к Ивану и сказал, чтобы тот не стрелял, поберёт патрон. Они с Петром сделали ещё несколько шагов и прицелились. В этот момент лось, отбиваясь от собак, повернулся в пол-оборота головой к людям, практически скрыв от выстрелов туловище.

Стрелять же из гладкоствольного ружья лосю в голову, защищённую рогами да ещё опущенную вниз, было не очень благоразумно. И, возможно, Пыстин-старший не стал бы этого делать, но у Петра тоже было ружьё, и он был измотан бегом по лесу. Ему всё надоело, хотелось поскорей с этим покончить, и он выстрелил. Потом второй раз. Одна пуля отбила лосю отросток рога, вторая прошла вдоль бока, царапнув, но не причинив вреда.

Огромный, весом более трёхсот килограммов бык поднял голову и налившимися кровью глазами уставился на людей, уже не обращая внимания на собак. Хотя он и корова, но во время гона нет агрессивнее животного в тайге, чем лось-самец. Секунду он стоял не двигаясь. Потом бросился на них. Укрыться было негде: кругом ни одного большого

дерева, бежать бессмысленно. Единственное, что им осталось, — стрелять. Отец присел на колени и быстро выстрелил два раза. Лось дёрнулся всем телом, но продолжал неумолимо приближаться.

Иван ни тогда, когда всё это происходило, ни после не мог объяснить то, что он сделал. В тот момент, когда сохатый бросился на них, он побежал. Но побежал не от лося и не в панике, бездумно. Он побежал в сторону и немного вперёд, навстречу животному. Так что оказался сбоку от лося, когда тот пробежал мимо него. Иван остановился и выстрелил в незащищённый бок животного, почти не целясь. Лось рухнул, как подкошенный, не добежав метров семь-восемь до отца и брата. Потом, когда раздвигали тушу, нашли одну отцовскую пулю, попавшую в грудь, но прошедшую мимо сердца. Пуля, выпущенная Иваном, перебила лосю позвоночник и прошла навылет. С первым ранением разъярённый бык, убив всех троих, умер бы только на другой день. С перебитым позвоночником он умирает сразу.

Отец не стал спрашивать, как ему, восемнадцатилетнему пацану, пришла в голову мысль поступить именно так, справедливо полагая, что только какой-нибудь всемогущий бог мог направить юношу на верный путь. Он купил ему самое лучшее ружьё, какое можно было найти в их краях.

Продолжая предаваться воспоминаниям, он подумал, что отцу повезло: умер во сне, не мучился, братья его нашли через сутки. Ни зверь, ни вороны не попортили тело. Похоронили честь по чести, за могилой есть уход... Пока он, Иван, жив. А вот Петру не повезло. Сгинул человек в лесу, может, умер сам, может, убили. Но то, что нет у него нормальной могилы, — так это к бабке не ходи. И его самого ждёт, скорее всего, такая же участь, потому как помирать в деревне он категорически не хотел: слишком тоскливо. Нет, если уж почувствует он приближение смерти, уйдёт в лес. Это Степаныч твёрдо решил. А помри он в лесу, кто его пойдёт искать?

Постепенно думы повернулись к его собственной судьбе. Всю жизнь, не считая детства, Иван Пыстин прожил в одиночестве. Брат женился, женился своим домом. У него тоже была жена, правда, недолго, полтора года. Взял жену из нижней «большой» деревни, привёз в родительский дом, собиравшись строиться. Но, оказалось, молодая девка хотела от него большего, нежели постоянно ждать мужа сначала с лесоразработок, потом с охоты, потом с рыбалки. Когда Иван в очередной раз ушёл в тайгу, она собрала свои вещи и уехала к родителям. Он за ней не поехал. Коми — гордый народ.

Второй попытки завести семью он не делал, так и жил с родителями. Друзей, если понимать это слово в прямом смысле, у него не было, поскольку

деревня их была небольшой, а значит, в ней — все знакомые, все друзья, по большому счёту — никто. Общался только с родителями да с Петром и Шурой.

Поначалу, лет до тридцати, было тоскливо. Стал попивать. Как из тайги, с разработок или с охоты, так за бутылку. Отец пытался с ним бороться, брат тоже — бесполезно. Пьяным ему было хорошо, а трезвым — не очень. Ему и женщин сватали, но кто ж пьющего полюбит. Потом он вдруг осознал, что пропадает, и пить бросил, но с одиночеством смирился. Случившаяся в его жизни отсидка не сделала его менее одиноким: на зону он попал уже пожилым человеком, кроме того, совершенно непригодным к тем отношениям, которые там царили. Если судить по справедливости, жил он до этого чисто, а то, что человека убил, так это не от подлости, ненависти или зависти. Поэтому в зоне Степаныч замкнулся в себе и никого в душу не допускал.

После зоны он поселился у Шуры, но они не стали ближе, чем в те времена, когда все были живы и всем было хорошо. Нет. Шура постоянно думала о пропавшем Петре и о детях, которые давно жили в чужих городах своими семьями. Не только не приезжали, но и писали-то не чаще двух раз в год. Так что Степанычу от Шуры в духовном или в каком-нибудь ином плане ничего не было нужно. Они просто жили в одном доме, помогая друг другу.

Старик давно свыкся со своей судьбой, давно научился жить один, но в последнее время стал замечать за собой, что всё время чего-то ждёт. Стал радоваться, когда к нему кто-нибудь приходил, пусть даже «вербованные». В прошлом году он даже поехал перед сезоном в «большую» деревню. Посмотреть на людей. Там познакомился с таким же, как и сам, охотником и пригласил его к себе в гости. Ещё более одиноким почувствовал себя Степаныч, когда два месяца назад пропала собака, с нею он не расставался все годы после тюрьмы, взяв её щенком.

Однако надо было идти, солнце уже клонилось к закату. Старик собрал рюкзак, простился с отцом и пошёл дальше. На оставшемся участке путика он снял ещё одного глухаря и четырёх рябчиков. За километр до избы он почувствовал запах дыма. Это могло означать только одно: в избе кто-то есть и топят печку. Старик обрадовался, сегодня ему стало особенно тоскливо. Он шёл и гадал, кто бы это мог быть, как вдруг на тропинку путика со стороны избы выбежала лайка и залаяла. Присмотревшись к собаке, он узнал её. Это была собака Михаила, знакомого городского охотника, который два-три за сезон приходил к нему. Подходя к избе в уже сгущавшихся сумерках, старик увидел высокого улыбающегося мужика лет сорока.

— Здорово, Степаныч!

— Здорово, «вербованный»!

Михаил Морозов

Работал инженером отдела по разработке месторождений, возглавлял Совет ветеранов ООО «Газпром трансгаз Ухта»

МЫ ВЫШЛИ ЖИВЫМИ ИЗ АДА

Михаил Михайлович Морозов возглавлял Совет ветеранов ООО «Севергазпром». В годы Великой Отечественной войны он был рядовым, наводчиком противотанкового орудия 189-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 202-й стрелковой дивизии, пулемётчиком 93-й и 86-й дивизий (в составе 1-го, 2-го, 3-го Украинских фронтов). Прошёл боевой путь от Киева до города Ческе-Будеёвице в Чехословакии. Освобождал Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Венгрию, Югославию, Австрию, Чехословакию. Награждён многими орденами и медалями. Закончил войну 12 мая 1945 года. В книге «Прикоснёмся к подвигу», изданной пресс-службой ООО «Севергазпром» в 2001 году, М. М. Морозов поделился своими воспоминаниями о фронтовой молодости.

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, мне исполнилось шестнадцать лет. 21 июня я сдал последний экзамен в школе. Окончил семь классов с отличными оценками. А утром 23 июня мы узнали, что началась война.

У меня был хороший школьный друг Сашка. Посоветовались мы с ним и решили: едем на войну! На следующий день пришли в военкомат с просьбой отправить нас на фронт. Конечно, мы многого

не понимали. Воспитывались на подвигах Халхин-Гола, Хасана, героев Гражданской войны. Поэтому считали, что раз пришла беда для Родины, мы обязаны идти её защищать. В военкомате над нами посмеялись и отправили домой, пообещав, что придёт время и они нас не забудут.

И действительно, не забыли. В мае 1943 года нас призвали в армию. Высокий патриотизм, помноженный на нашу молодость, вызывал какое-то

Фото А. В. Кучерова

особое чувство оптимизма. Ни страха, ни опасения, что мы можем назад не вернуться, у нас не было. Но для матери это был тяжёлый удар. Старший брат с первого дня войны находился на фронте. Уже два года от него не было никаких вестей. И вот очередной сын отправляется в бушующее горнило войны.

Отправлять меня в армию тоже было проблемой. Ни одеть, ни обуть призывника было не во что. Хлеба не было, а в повестке указано, что требуется обеспечить призывника продуктами питания на неделю. При абсолютном отсутствии в колхозном амбаре зерна (кроме семенного) всё же нашли выход. Дали матери отруби, которые предназначались для кормления колхозной лошади — резерва Красной Армии. Каким образом ей удалось из этих отрубей сотворить подобие лепёшек, я не знаю. Вот с этими лепёшками и картошкой в мешке я и отправился на защиту Родины. Правда, в мешке находились ещё две отварные колхозные курицы.

Проводив до окраины посёлка, мама обняла меня, залилась слезами и напутствовала: «Сынок, о нас не беспокойся. (С мамой оставался ещё младший брат). Мы будем ждать и, прошу тебя, в случае чего, не посрами нас. Лучше погибни, но в руки фашистам не давайся». Я успокоил её тем, что, мол, возможно, я ещё не доеду до фронта, как кончится война. Но этот оптимизм не оправдался, и ещё два года военная судьба кружила меня по фронтовым дорогам.

Проводить меня до военкомата вызвался младший брат, которому шёл четырнадцатый год. Предстояло преодолеть восемнадцатикилометровый путь по размокшей грунтовой дороге босиком: надеть на ноги было нечего. Пройдя с поклажей километров пять–шесть, мы решили перекусить (в мешке же две курицы). И двинулись дальше. Не дойдя до пункта назначения километра три–четыре, я почувствовал, что меня покидают силы. Подламываются ноги, слабеют руки. Позади еле плетётся брат. Решив, что он тоже устал, хочу сказать, мол, давай отдохнём. Но у меня ничего не получается. Язык онемел, не могу произнести ни слова. Брат тоже что-то хочет мне сказать, но и у него ничего не получается. Валимся на землю. Сил нет. Так лежим часа два–три. Смотрим: едет мужик на повозке в нашу сторону. Остановился, спрашивает: «Что случилось?». Мы ничего не можем толком ответить...

Погрузил он нас на повозку и повёз в райцентр, где находился военкомат. Там сгрузил нас на колхозном базаре и уехал. Проведя ночь на этом базаре, мы немного очухались и утром направились в военкомат.

Позднее, после войны (в 1947 году), когда я получил десятидневный отпуск за добросовестную службу и приехал к маме, вспомнил я об этом случае. В популярной форме мне объяснили причину происшедшего. У колхоза весь урожай зерновых отбира-

ли на нужды фронта. Оставались отходы для корма птицы, почти на девяносто процентов состоявшие из семян сорняка — жабрея.

В то время в колхозе начался массовый падеж птицы. Пригласили специалистов. Оказалось, что причина — отравление семенами жабрея, которые содержат большое количество наркотического вещества. Употребив этих «наркотических» кур, мы с братом чуть было не разделили их судьбу. Родина-мать могла недосчитаться одного из своих защитников.

От военкомата до запасного полка можно было добраться только водным транспортом по притоку реки Оби. Через неделю после прибытия в военкомат нас, призывников, погрузили на баржу, вывозившую зерно для нужд фронта. В то время я не знал, что на путь от военкомата до прибытия в воинскую часть государство должно было обеспечить меня продуктами питания. А засевшие в военкомате жулики и проходимцы пользовались нашей неосведомлённостью и никаких продуктов на дорогу нам не выдавали.

Я очень переживал, как же доберусь до запасного полка голодным? Ведь путь неблизкий, впереди — почти месяц. В пункте погрузки нам предложили: желающие заработать зерна на дорогу приглашаются на загрузку баржи. Не имея ещё полных восемнадцати лет от роду, я вынужден был целый день таскать на баржу мешки весом по восемьдесят килограммов, за что получал один котелок зерна. Потом я варил зерно на костре. Это спасло от голодной смерти.

В устье притока, где сейчас расположено село Парабель Томской области, нас перегрузили на теплоход. Причём не в каюты, а в трюм, где находились бочки с солёной рыбой. На бочках мы и дневали, и спали, и использовали их содержимое для питания. Затем от Томска до Новосибирска и далее, до города Бердска, наш путь продолжался по железной дороге в вагонах для скота. Длинная голодная дорога привела нас в 22-й запасной полк практически голыми. Правда, штаны мы не проели. По пути следования остальную одежду променяли у населения на еду.

Мне было жаль расставаться со штанами, когда поступила команда старшины снять их и сдать в каптёрку. Ведь мать для отправки меня в армию на последнюю картошку выменяла эти штаны у латышей (в 1940 году несколько латышских репрессированных семей привезли в наше село). Однако разрешалось отправить личные вещи домой. Упаковал я свои штаны и послал домой. Ведь там остался оборванным младший брат. В 1947 году, когда я приехал в отпуск, он ещё носил их и был очень доволен. Кстати, то были первые в моей жизни штаны из шерстяной ткани, которые мне и моему брату довелось поносить. До того случая все мы ходили в холщовом одеянии.

Служба в запасном полку запомнилась на всю жизнь. Почти ежедневные марш-броски на десять–

двадцать километров, а в столовой — баланда с крапивой или лебедой, которую мы, солдаты, собирали на полях и приносили на кухню полка. Тяжёлая муштра и скудное питание приводили к тому, что солдаты зачастую пухли и умирали от голода.

Нас, бывших одноклассников, по прибытии в запасной полк почти всех определили в одну роту миномётчиков. Мы всячески старались помогать друг другу и с нетерпением ждали отправки на фронт, чтобы спастись от голодной смерти в расположении полка. Наконец, дождались.

Нам выдали новое обмундирование, погрузили в телячьи вагоны (по тридцать–сорок человек в вагоне), и мы поехали. Дорога была тяжёлой. За два месяца в пути покормили нас горячей пищей только в Омске, Свердловске, Москве и Туле. Питались сухим пайком, которого явно не хватало. Поэтому на каждой станции, где останавливался наш эшелон, мы меняли обмундирование на хлеб, другие продукты, а когда уже нечего было менять, некоторые врывались на железнодорожных станциях на базары, хватая с прилавков всё, что попадалось под руки.

Конечно, за такие деяния солдат снимали с эшелона — за мародёрство карали жестоко. В нашем вагоне были ребята из глухих таёжных посёлков, которые ничего подобного не делали и даже не знали, что такое возможно. Мародёрством занимались солдаты, призванные из городов или ранее судимые. Поэтому нашему вагону на станциях, где пополнялся запас продуктов для эшелона, доверялось ходить на склады и доставлять продовольствие в командирский вагон.

Был такой случай. По прибытии эшелона на станцию Чаны Новосибирской области солдатами эшелона была разграблена камера хранения. Время было ночное. Эшелон арестовали и не выпускали, пока не произвели досмотр всего состава. Солдаты выходили из вагонов, и железнодорожная комендатура начинала обыск. В вагонах оставался только дневальный.

В одном из вагонов при обыске на нижних нарах лежал солдат, накрытый шинелью, в ботинках. Спросили у дневального: «Почему не вышел из вагона?». «Это больной», — ответил дневальный. Больному скомандовали подняться. Он лежит. Снова команда — лежит. Стащили шинель, а под ней в солдатских ботинках лежала... живая коза с закутанной мордой. Солдаты украли эту козу из сарая железнодорожного рабочего. Комендатура нашла всё похищенное, а грабивших арестовали. В дальнейшем туда, где предполагалась остановка эшелона, по железнодорожной связи шло предупреждение для жителей, чтобы те уходили с базаров.

В октябре мы прибыли во фронтовую полосу под Киев. Поступила команда на разгрузку. Открыли вагоны, но ни один солдат из вагона не вышел.

Почти все стояли у дверей только в нательном белье: всё обмундирование за время пути променяли на продукты. Начальника нашего эшелона арестовали за то, что привёз солдат на фронт в таком виде. Нас снова одели и пешим порядком отправили к фронту.

Распределили по воинским частям, и я оказался в 189-м отдельном противотанковом дивизионе 202-й стрелковой дивизии. Дивизион был укомплектован 45-миллиметровыми пушками. Огневые позиции всегда располагались впереди окопов пехоты на прямой наводке. В расчёте я был самым молодым, ещё не обстрелянным в бою. Определили меня подносчиком снарядов, но когда начался бой, мне пришлось самому быть и подносчиком, и заряжающим, и наводчиком.

Первое боевое крещение получил в боях при окружении и уничтожении Корсунь-Шевченковской группировки фашистских войск. Операция проводилась с конца декабря 1943 года по 18 февраля 1944 года. Удивительно, что в жестоком, кровавом бою у меня не было чувства панического страха. Возможно, это было результатом патриотического воспитания, огромной любви к Родине, а может, того, что я ещё не имел ни одного ранения. Кто его знает? Страх появился потом.

Как сейчас вижу: идут фашистские танки, идёт вражеская пехота. Батарей ведёт интенсивный огонь. Уже подбито несколько танков противника. И вдруг три орудия из батареи замолкают: они разбиты. Остаётся в действии одно, наше. В разгаре боя не понимаю, что происходит, только у орудия — я один: все остальные бойцы ранены. Командир после перевязки вернулся к орудию позднее.

Здесь и началась самая жаркая работа. Я — и подносчик, и заряжающий, и наводчик. Вот фашистский танк идёт прямо на моё орудие. Наводке орудия на цель мешает мокрый плотный снег, залепляющий прицел. Навожу через ствол орудия. Веду огонь, а попасть не могу. Первый бой, один у орудия, нет боевого опыта, но есть приказ — ни шагу назад! Когда до танка остаётся метров триста–четыре, одним из выстрелов мне удаётся разбить ему гусеницу. Танк кружится на месте, но не загорается. Он продолжает вести огонь по моему орудью, а я — по нему. В этот момент вдруг появляется командир с перевязанной рукой и начинает корректировать стрельбу орудия.

Командир, опытный фронтовик, понимает, что мне грозит смертельная опасность. Уже вражеский танк произвёл два выстрела с недолётом и перелётом снарядов. Следовательно, очередной снаряд должен попасть прямо в моё орудие. В какое-то мгновение он даёт команду: «Морозов, в окоп!».

Только нырнул я вниз головой в окоп, как раздался оглушительный взрыв. Всё затихло. Я в око-

пе полностью засыпан. Дышать тяжело. Спасает от удушья то, что вперемешку с землёй я засыпан досками разбитых ящиков и снаряжными гильзами. Благодаря этому по каким-то щелям ко мне проникает воздух. Разбил все-таки фашист и моё оружие, последнее в батарее. Чувствую, как командир пытается откопать меня и кричит: «Ты жив?!». В первые минуты я ещё слышу его крик, но потом полностью гложу. Откопал он меня. Смотрю я на своё оружие и думаю, что всего несколько минут назад и я, конечно, разделил бы в этом бою его участь.

Всю жизнь я благодарю этого человека, спасшего мне жизнь. Из истории войн мы знаем немало примеров, когда в бою командира спасает солдат. В моём случае всё получилось наоборот. Командир спас жизнь солдату.

В 1984 году, когда я впервые приехал на встречу однополчан, в первую очередь я попытался узнать, жив ли мой бывший командир орудия, старший сержант Карнилов? Но услышал печальную весть. В 1944 году в боях под городом Клуж, в Румынии, он погиб от прямого попадания снаряда в окоп. Вечная слава и вечная память этому человеку. Уже после разгрома Корсунь-Шевченковской группировки немецких войск меня вызвали в штаб, где вручили за мой первый бой медаль «За отвагу».

Тот первый бой настолько сдружил меня с расчётом, что я не мог представить себе, чтобы потерять его, несмотря на контузию.

На следующий день батарея получила новые орудия. Передислоцировалась по линии фронта ближе к соседнему населённому пункту. Окопалась. Предполагалось, что в этом направлении фашисты предпримут новое наступление. Так мы простояли в обороне до утра 17 февраля 1944 года.

Окружённые фашисты решили воспользоваться тёмной метельной ночью и двинулись по оврагу на наши позиции. Разгорелся жесточайший бой. К утру вся колонна врага была разгромлена. Описать панораму места, где завершилось сражение, невозможно. Что там творилось! Автомобили, конные обозы, солдатские кухни, кровь, грязь, снег, тысячи убитых немцев, блуждающие и убитые лошади... Всё было перемешано, стоял удушливый запах гари.

Конечно, первой нашей заботой было проверить немецкие походные кухни, продовольственный транспорт. Здесь мы хорошо подзаправились. Но долго заниматься трофеями нам не пришлось. Поступило сообщение, что в нашем направлении движется ещё одна колонна фашистов — в основном, конница.

И вот по узкому пространству оврага накатывается на нас лавина одуревших немцев. Расстреливаем их из орудий в упор, их давят наши танки. Вдруг оказывается, что мы попали в окружение. В нашем распоряжении остаётся небольшой клочок земли в

этом овраге. Мы занимаем круговую оборону с автоматами, винтовками, гранатами.

Старшине дивизиона приказано взять немецкую лошадь и скакать через окружение в штаб за подкреплением. Отъехавший от нас метров на триста-четыре старшина расстрелян из пулемёта немецкой самоходки. В критический момент, когда мы готовимся разрядить всё оружие, с правого фланга нашей обороны появляются танки и начинают утюжить фашистов. Кольцо окружения прорвано. Оставшиеся фашисты сдаются в плен.

Поздно вечером мы увидели колонну пленных немцев, которых вели в тыл. Теперь известно, что из восьмидесяти тысяч окружённых фашистов в плен попало восемнадцать тысяч, остальные были уничтожены в период с конца декабря 1943-го по 18 февраля 1944 года.

Ещё накануне описанного выше боя в одну из ночей я стоял у орудия на посту. Где-то часа в четыре утра я, всмотревшись в темноту, увидел, что со стороны тыла нашей обороны движется довольно большая колонна людей в направлении расположения нашей окопавшейся пехоты. Слышался разговор на непонятном иностранном языке. Подумав, что это выводят на передовую какое-то подразделение узбеков или казахов, чтобы пополнить нашу пехоту, я не придавал этому значения. Продолжал стоять на посту, внимательно всматриваясь в сторону противника.

Вдруг где-то минут через пять после того, как я заметил движение людей, застрочил пулемёт — один, другой... Открылась сильная стрельба из автоматов по этой движущейся колонне. Слышно было, как пехота включила в пулемётную и автоматную стрельбу весь арсенал крепких выражений, присутствующих обычно солдатам, идущим в атаку. Этот арсенал, конечно, в литературном языке не применяется. Но в боях он помогал.

Что же произошло? Немецкая колонна солдат численностью до роты решила под покровом ночи вырваться из окружения. Но бушевавшая сильная снежная метель привела к тому, что они заблудились. Вместо выхода из окружения снова возвращались туда, откуда вышли. На рассвете метель утихла, начал подниматься туман. Колонна была начисто рассеяна, большая часть фашистов убита, но стрельба не прекращалась. Сквозь туман на поле, где были немцы, стали просматриваться торчащие из земли, как мне казалось, каски окопавшихся фашистов. Вот по этим каскам и строчили наши пулемётчики, пока окончательно не рассеялся туман.

Каково же было удивление, когда стало ясно, что не каски и головы фашистов торчали из земли, а их брошенные сапоги, застрявшие в раскисшей земле, когда они начали драпать под огнём наших пулемётчиков.

В описываемые дни боёв был и такой трагический случай. На смену измотанным в боях частям прибыла сибирская дивизия, в её составе была в основном молодёжь. Окопавшаяся дивизия готовилась к предстоящему наступлению. Но в период артподготовки большинство окопов и траншей были накрыты залпом «катюш». Это была страшная трагедия. Наступление не состоялось. Погибло много воинов, только что прибывших на фронт. Как это получилось, мне неизвестно. Видимо, была ошибка в корректировке огня. Обидно, что такие случаи были и в последующих боях.

Окончательный разгром Корсунь-Шевченковской группировки фашистских войск завершился 18 февраля 1944 года. Войска 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов с боями начали окончательное изгнание фашистов с нашей земли. Надо сказать, что зима и весна 1943–1944 годов никак не способствовали наступательным операциям. Частые мокрые снегопады, метели, а весной дожди создали невероятные трудности для наступательных операций.

Практически на плечах солдат приходилось тащить боевую технику. Автотранспорт по раскисшим

дорогам двигаться не мог. Командование мобилизовало местное население на переноску снарядов, мин, другого вооружения к линии фронта. Особенно тяжело было пехоте, которая наступает не по дорогам, а по полям, лесам, болотам. Ноги вязли в грязи, а сверху лил дождь, шёл мокрый снег. Когда вспоминаешь это сейчас, просто не верится, как такое можно было выдержать, вынести, как можно было просто выжить...

Наша 202-я стрелковая Краснознамённая Корсуньская орденов Суворова и Кутузова дивизия наступала в направлении города Умань и далее на Могилёв-Подольский и город Единцы (с 1991 года — Единец. — Ред.) на границе с Румынией. Несмотря на весеннюю распутицу, наступление было столь стремительным, что практически через месяц после разгрома фашистов под городом Корсунь-Шевченковским мы вышли на государственную границу с Румынией, пройдя за этот период с боями более пятисот километров.

По пути наступления видели разрушенные, сожжённые сёла Украины. Больно было смотреть на обнищавших жителей, на повешенных фашистами

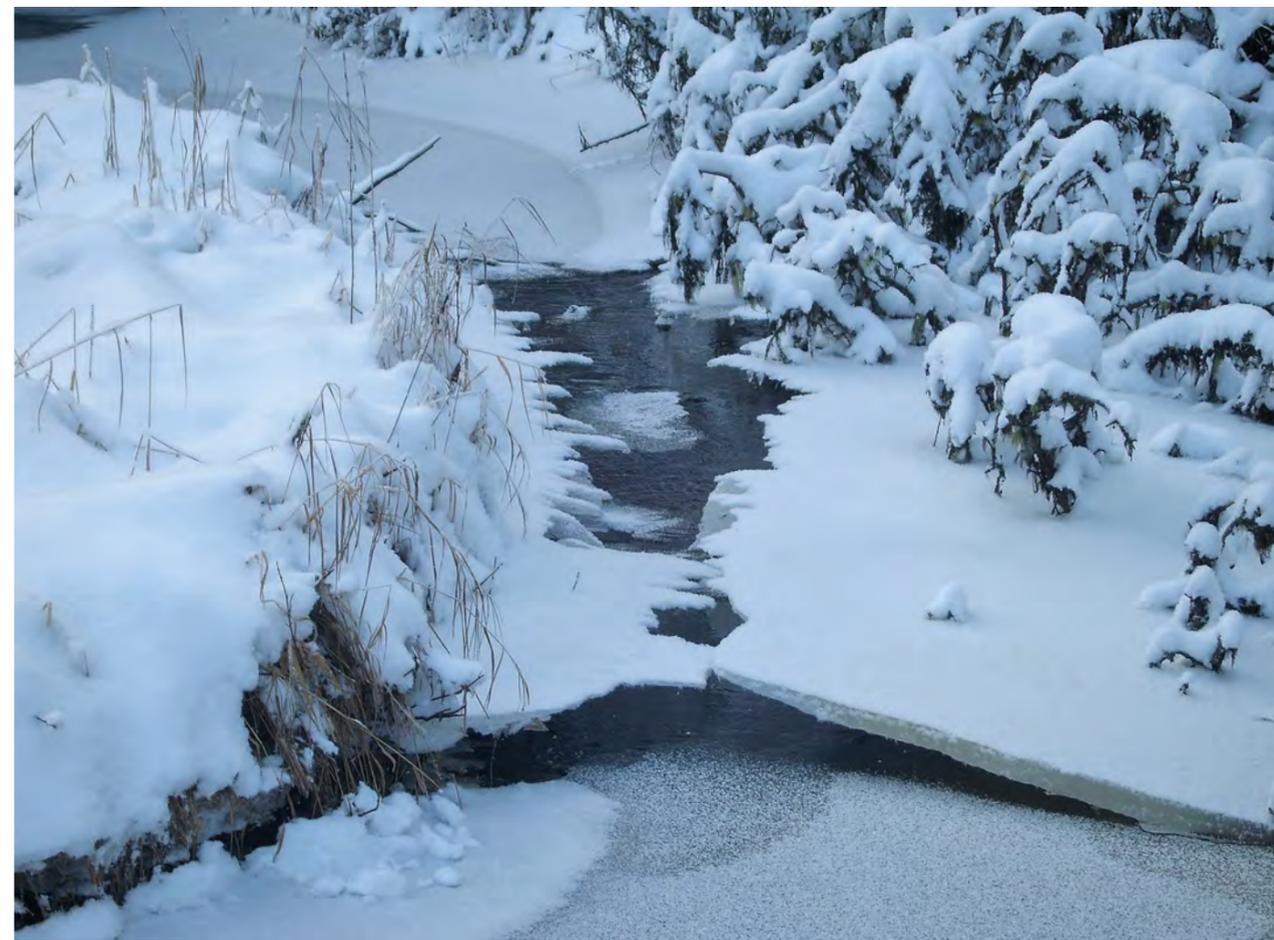

Фото А. В. Кучерова

почти в каждом населённом пункте людей, на братские могилы наших солдат. Конечно, всё это ещё больше разжигало в нас ненависть к врагу, побуждало к справедливому мщению. В боях вся эта ненависть обрушивалась на головы врага.

С конца декабря 1943-го до конца марта 1944 года мы постоянно находились в боях, на огневых позициях, в окопах и траншеях. Мокрые, грязные, вшивые, не имеющие возможности зайти хоть раз в какой-нибудь дом погреться, помыться, отоспаться. Наконец, 24 марта 1944 года мы освободили город Могилёв-Подольский, и дивизиону предоставили возможность на двое суток задержаться в городе.

Старшина дивизиона, зная, что мы уже несколько месяцев не могли помыться, разыскал в городе баню, которая располагалась в районе железнодорожного вокзала. Когда мы зашли в банное помещение, ощутили неописуемое блаженство. Но вот в разгар этого блаженства услышали крики на улице. В чём дело? Думали, что откуда-то проникли в город немцы, хотя они уже были за рекой Днестр в Молдавии. Кто-то забежал в баню и сообщил: «Горим!». Подумали, что загорелась баня. Выскочили голые в предбанник, некоторые во двор. И нам предстала фантастическая картина. Вовсю горело прожарочное помещение, где дезинфицировалось от вшей наше обмундирование. В считанные минуты оно сгорело вместе со вшами. Остались мы только в шинелях и в ботинках. Запасного обмундирования в дивизионе не было: весенняя распутица стала причиной резко отставания тыловых частей от наступавших.

Помылись мы в бане, старшина построил дивизион (мы надели на себя только шинели и ботинки). С песней двинулись к месту расположения наших орудий в район железнодорожного вокзала. Командир дивизиона, понимая, что ожидать подвоза нового обмундирования бесполезно, а утром следующего дня надо продолжать наступление, решил обратиться к жителям города за помощью. Создал группу, в которую вошёл и я, и мы пошли по домам просить у людей, кто чем мог пожертвовать, чтобы одеть солдат. Подходил к концу март. По ночам было ещё холодно. Население города за много лет оккупации обнищало, самим надеть было нечего. Но как бы то ни было, всё же отдавали, кто что мог. А «погорельцев» оказалось человек сто двадцать.

Набрали мы разной одежды, принесли в дивизион. Старшина начал раздавать барахло. Несмотря на то, что я сам ходил на сбор одежды, при раздаче оказался последним. Мне досталась трикотажная женская комбинация серого цвета. Надел я её, поверх комбинации — шинель. И в такой форме я простоял всю ночь у орудия. Замёрз изрядно. Утром начал говорить старшине, как же я буду освобождать Молдавию без штанов. Он посмотрел на меня и от-

вечает: «У тебя есть нитки и иголка. Бери вот здесь между ног, зашей и надевай. Будешь как в трусах». Я последовал этому совету, а утром следующего дня мы вступили на землю Молдавии. Весь путь по Молдавии я проделал в этом одеянии, а когда вышел на реку Прут (границу с Румынией), представилась возможность сменить его. Мы взяли в плен румынских солдат. Не раздумывая, раздели их, а им вручили то, в чём были.

Наша 202-я дивизия первой вышла на государственную границу СССР с Румынией в районе селения Старые Бедражи Еденецкого района Молдавии. В 1985 году по приглашению руководства города Единцы мы съехались на встречу однополчан, посвящённую 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Встреча с жителями города и района была очень тёплой. Все жители благодарили нас за освобождение их от фашизма. В дни встреч побывали на местах бывших боёв. В селе Старые Бедражи были приятно удивлены. Там жители из камней соорудили на собственные средства грандиозный монумент в честь воинов 202-й дивизии, форсировавшей в этом месте 26 марта 1944 года реку Прут.

На монументе прикреплена мраморная доска, на которой написано: «На этом месте 26 марта 1944 года советские воины 202-й стрелковой дивизии комдива полковника Хохлова И.М. первыми вышли на государственную границу СССР — реку Прут. Честь и слава советским воинам-освободителям! От благодарных потомков».

9 мая 1985 года к 40-летию Великой Победы нас, семерых однополчан, пригласили в село Лопатник (несколько севернее села Старые Бедражи) Единецкого района на праздничные торжества. Как тепло встречали жители села! Благодарили за освобождение от фашистского нашествия. Праздничный обед был организован на берегу реки Прут. Соорудили временный стол, богато его накрыли. Мы помянули дорогих однополчан, не вернувшихся с войны. Выразили искреннюю благодарность хозяевам за такой тёплый приём.

По завершении обеда решили выйти на берег реки Прут, чтобы через сорок лет ещё раз взглянуть на чужой румынский берег. Вспомнить, что и как здесь было сорок один год назад. Чтобы подойти к берегу, надо было вначале подняться на небольшое возвышение, откуда открывалась панорама румынской земли. И какое же было удивление, когда мои однополчане, поднимаясь на это возвышение, начали пригибаться к земле так, как это они делали сорок один год назад при форсировании этой реки. Мало того, глядя на них, и я начал двигаться, пригибаясь к земле. Когда поднялись на возвышение и взору нашему открылся румынский берег, посмо-

трели мы друг на друга и рассмеялись. Ведь сорок один год назад здесь мы пригибались к земле потому, что враг с противоположного берега вёл огонь по наступающим. Вот уж действительно, как поёт поэт Ножкин: «Тридцать лет и триста лет никто из нас войны забыть не сможет».

Форсировав Прут, дивизия повела наступление уже по румынской земле в направлении города Яссы. Здесь мы встретили сильное сопротивление противника. С ходу город взять не удалось. Фашисты контратаковали почти ежедневно. Начались изматывающие тяжёлые бои. Помню, после завершения одной из схваток мы никак не могли понять, кто же кого победил? В тылу нашей обороны ходили немецкие солдаты, горели их и наши танки. Горело всё, что только могло гореть. В конце концов, разобрались. Фашистская контратака захлебнулась. Мы победили!

В этих боях наш дивизион непрерывно бросали то на один, то на другой участок фронта. Туда, где фашисты пытались прорвать нашу оборону с помощью танков. В тех ожесточённых оборонительных боях под городом Яссы были и трагические, а порой и смешные эпизоды.

Однажды в разгар немецкой контратаки (это было в начале апреля 1944 года) поступила команда: сняться с огневых позиций и срочно передислоцироваться на другой участок обороны, где её прорвали немецкие танки. В это время дивизион подвергся интенсивному орудийному и миномётному обстрелу. Когда вырвались из зоны обстрела, остановились на какое-то время, чтобы разобраться в потерях. Мой заряжающий, фамилия помню — Макеев, смотрит на меня обезумевшими глазами и говорит: «Миша, ничего не пойму, ты живой?». «Ну, если я разговариваю с тобой, значит, живой», — отвечаю я. «А мне показалось, — говорит, — что тебя разорвало взрывом, когда ты начал складывать станины орудия».

А было так. Когда я складывал станины, чтобы подцепить орудие к тяге (в качестве тяги у нас использовались американские автомобили «Виллис»), разорвался снаряд. Меня обволокло дымом, ударило взлетевшей землёй, но почему-то не задело осколками. А он посчитал, что меня разорвало, и не заметил, что я вместе с ним выезжал из-под обстрела. Да, так вот было. Часто после боя мы смотрели друг на друга и недоумевали, как же мы остались живы в этом аду.

Здесь же, под городом Яссы, был такой случай. Расположили мы батарею на одной из высот, ждали контратаку немцев. На высоте — ни дерева, ни кустика. Вдруг одному из наводчиков орудия по фамилии Тупица срочно потребовалось отхожее место. Голая местность. Туалеты на фронте не стро-

или. Он вылез из окопа, снял штаны, повернулся задом в сторону противника и стал делать своё дело. Но не успел он его завершить, как на наши позиции посыпались немецкие мины. Он, с голым задом, упал сверху в окоп, и уже в окопе натянул штаны. Командир батареи потом грозил ему расстрелом за нарушение маскировки боевых позиций. Конечно, мы потом долго смеялись над ним. Потом уже, когда я лежал в госпитале, через некоторое время и его привезли туда: ему оторвало ногу...

К концу апреля 1944 года контратаки противника почти прекратились. Немецкие позиции располагались от нашей обороны где-то в четырёхстах-пятистах метрах через глубокий широкий овраг. Стоял тёплый солнечный день. Перестрелки почти прекратились. Солдаты, находясь в окопах, поснимали с себя гимнастёрки, нательное бельё и начали вести борьбу со вшами. В бинокль было видно, что немецкие солдаты занимаются тем же.

На наших позициях появилась какая-то комиссия, состоявшая из большого количества генералов, офицеров. Они ходили по позициям, не маскируясь, во весь рост. Фрицы, конечно, это усекали и открыли беглый миномётный огонь по этой комиссии. Более шустрые и молодые офицеры мгновенно оказались в наших окопах.

А один генерал с большим животом упал на землю и стал грести её, стараясь руками вырыть окоп. Кружился он на этом животе, и ничего у него не получалось. Было это от наших окопов метров за тридцать–сорок. Генерал боялся подняться, чтобы добежать до наших окопов, а ползти не мог: живот мешал. Вот и кружился он на нём, как на шарике. Командир батареи дал команду нашему расчёту выдвинуться броском к генералу и затащить его в окоп. Весом он был килограммов сто, не меньше. Конечно, потом он вынес нам благодарность, написал в блокнот наши фамилии и сказал, что предоставит нас к наградам (которые мы до настоящего времени ждём).

14 мая 1944 года в бою при очередной контратаке вражеская мина нашла и меня. Я получил ранение в обе ноги. Начались мои скитания по госпиталям. Медсанбат располагался в армейских палатках. Когда я лежал здесь в ожидании операции по извлечению осколков, на меня удручающе действовали крики и стоны раненых в операционной палатке. Пришло и моё время. Раненых было очень много, и медперсонал не успевал их оперировать. Положили и меня на операционный стол. Привязали верёвкой к столу. Четыре медсестры прижали за ноги и за руки, а хирург приступил к работе. И тут я понял, почему кричали раненые в операционной палатке. Хирург начал извлекать осколки без анестезии: не хватало обезболивающих средств. Правда, ни

хирург, ни медсёстры не стыдили меня за то, что я орал. Ясно было, что никто не выдерживал, когда резали по-живому. Наконец, зашили раны. Кончились мои мучения на операционном столе.

Через какое-то время меня эвакуировали сначала в прифронтовой госпиталь, потом дальше в тыл. Основное лечение проводилось в госпитале, который располагался на станции Знаменка. Здесь пришлось выдержать ещё две операции. Резали так же — по живому телу. Дело в том, что раны не заживали, а загнивали, в них заводились черви. Поэтому хирург обрезал гнилое мясо и снова зашивал рану. Боялся я, что и в четвёртый раз будут резать и зашивать. Но обошлось. Хотя и медленно, но раны начали заживать. По мере выздоровления меня продвигали ближе к фронту. Из города Бельцы отправили на фронт. Правда, раны ещё полностью не зажили, но хирург сказал, что пока я доберусь до фронта, они заживут. Зажили уже на передовой.

В 202-ю дивизию я уже не попал, а оказался в 93-й стрелковой дивизии, которая вела бои в Югославии. Вручили мне ручной пулемёт. Так я попал в пехоту. Обидно было, что не направили к своим ребятам в 189-й истребительный отдельный противотанковый дивизион. Ведь более семи месяцев я был вместе с ними в боях. А боевая дружба — это особенная дружба: она сильнее любой другой.

Так завершилась моя фронтовая работа в 202-й дивизии. Но война есть война. И здесь, в 93-й дивизии, быстро появились новые друзья — ведь фронтовые друзья познаются в бою.

По завершении разгрома фашистских войск в Югославии дивизию пеши́м форсированным маршем направили в Венгрию на окружение и уничтожение Будапештской группировки немецких войск. Шёл уже декабрь 1944 года. Марш-бросок настолько был тяжёлым, что я как вспомню, так до сих пор мурашки по коже пробегают. За суточный марш проходили до девяноста километров. Шли и днём и ночью. Остановки были кратковременными, только для того, чтобы наполнить котелки из походной кухни. Зачастую эти котелки опорожнялись прямо на ходу. Некоторые солдаты, особенно старших возрастов, не выдерживали, падали на ходу. Только таких сажали на обозные повозки.

И на этом переходе не обошлось без приключений. Вечером, когда мы вошли в один из населённых пунктов, командование решило дать возможность солдатам часа три-четыре передохнуть, перемотать портянки, перекусить. Наш взвод разместили в одном из домов мадьяр. Пока не подъехала походная кухня, мы со вторым номером пулемёта решили пойти в соседний дом метров за двести-триста от нашего расположения и попросить у мадьяр сала или окорока (мадьяры — мастера солить сало и го-

товить окорока). При этом разрешения у командира взвода не попросили, решив, что мы мигом сомотаемся, а он не узнает.

Зашли в дом. Сидят женщины, дети, из другой комнаты выглядывают два молодых мадьяра. Мы, как могли, объяснили им, чего хотим. Ждём. Нашу просьбу они не спешат удовлетворять. Двое молодых мадьяр вышли из комнаты и как-то странно начали приближаться к нам: один с одной стороны, другой с другой. И в этот момент распахивается наружная дверь и появляется командир нашего взвода с солдатами. С ходу вlepил мне и моему второму номеру по шеем и вытолкнул на улицу. Потом, когда он нас поставил под ружьё (это в полном боевом снаряжении, с грузом в сорок килограммов) на всё время, пока отдыхали солдаты, командир «популярно» объяснил, что могло быть с нами: мадьяры нацелились схватить нас и там прикончить.

И вот солдаты в тёплом помещении отдыхают, а мы уже второй час стоим под ружьём на улице. Сжалился командир взвода, снял нас из-под ружья. Мы ещё часок полежали на полу в жилом помещении и двинулись дальше в девяностокilометровый переход. Сало чуть не стоило нам жизнью. Спасибо командиру за крепкие «зашейники».

По пути марша, ближе к Будапешту, начали вести бои, взяли города Секешфехервар, Бичке, другие населённые пункты. Здесь хотелось бы привести леденящие душу и сердце факты зверств немецких фашистов. О них повествуется в описании боевого пути 93-й стрелковой Миргородской Краснознамённой ордена Суворова дивизии, в составе которой, после излечения в госпитале, я воевал с октября 1944-го по 14 января 1945 года.

В период контрнаступления немецких войск, стремившихся деблокировать окружённую в Будапеште группировку своих войск, дивизия 21-26 января 1945 года вела бои на рубеже Пазманд — Каполнаш-Ниек. В этот период часть тыловых подразделений дивизии, в том числе медико-санитарный батальон, были размещены в селе Вереб. Прорыв противника в направлении этого села создал прямую угрозу тылам дивизии.

И трагедия случилась. О той трагедии, которая произошла в селе Вереб, стало известно через несколько дней, когда фашистские войска были изгнаны оттуда. Гитлеровцы захватили тридцать девять раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Озлобленные неудачами и большими потерями, фашистские изверги из дивизии «Мёртвая голова» учинили расправу над нашими ранеными боевыми товарищами. Они затащили их в кузницу и на наковальне разбили головы кузнечным молотом. Некоторым воинам выкалывали глаза, отрезали носы, уши, вырезали на теле пятиконечные звёзды.

После освобождения села Вереб была создана комиссия, которая составила акт о фактах зверского уничтожения группы раненых бойцов и офицеров Красной Армии немецкими фашистами. В акте, в частности, подтверждается: «...Немцы разбивали головы своих жертв молотом на кузнечной наковальне. Весь пол в кузнице и вокруг неё покрыт лужами крови и сгустками человеческого мозга...».

В книге воспоминаний бывшего командира 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Н. И. Бирюкова «Трудная наука побеждать» публикуется письмо, присланное ему из села Вереб за подписью председателя сельского исполкома. В нём тоже полностью подтверждаются факты злодеяний немецких фашистов над воинами Красной Армии в конце января 1945 года, где, в частности, пишется: «... Население села в память о погибших советских воинах поставило памятник сразу после освобождения Венгрии в 1945 году. Вокруг памятника на месте, где стояла кузница, растут тридцать девять каштанов (по числу замученных воинов), как бы символизируя своей шумящей листвой торжество жизни над смертью».

В те же трагические дни конца января 1945 года бывший начальник химической службы 51-го полка 93-й дивизии капитан Ю. Д. Малков в журнале боевых действий полка, который он вёл в то время, писал ещё об одном акте вандализма фашистов: «Немецкие автоматчики захватили в плен раненого водителя автомобиля полка Германа Карловича Сузя. Озверевшие фашисты затащили бойца в кузницу, кувалдой разбили пальцы обеих рук, а затем молотом размозжили ему голову...».

Это только часть тех бесчисленных зверств, которые творили фашисты на советской оккупированной земле и на землях других стран порабождённой Европы. Сейчас, когда хулители Великой Победы советского народа над фашизмом пытаются всячески умалить её значение, приходится только сожалеть, что этим фальсификаторам не пришлось побывать в селе Вереб, лагерях смерти Освенциме, Дахау и других, под кузнечным молотом и в крематориях концлагерей.

Я проклиная этих мерзких вырожденков, плюющих в души воинов-победителей, в славную историю Великих Побед советского народа в период нашествия фашистской нечисти на мою Родину!

Фото А. В. Кучерова

В декабре наши войска замкнули кольцо окружения Будапештской группировки немецких войск. Наша дивизия расположилась на внешнем фронте окружения. И опять начались кровопролитные бои. Фашисты рвались на выручку окружённым войскам.

В гористой местности, в скальном грунте не было возможности выкопать надлежащий окоп. Погода стояла ненастная. Днём шёл мокрый снег, а ночью опускался мороз до двадцати градусов. Шинели, всё обмундирование промокало до тела, ноги были мокрые. Погреться негде. Я с пулемётом расположился на одной из высот у города Бичке. Фашисты вели методический обстрел города и наших позиций — днём и ночью. Полевая кухня к моей пулемётной точке не могла подъехать даже ночью. Питались сухим неприкосновенным запасом. Съели его быстро. Только через неделю кухне удалось ночью подъехать к нам и накормить горячей пищей.

С неимоверным трудом нам удалось вырыть неглубокий окоп. Во тьме с поля принесли кукурузные стебли и немного укрыли его от снега. Ночью, чтобы хоть как-то отдохнуть, опускались в него на корточки. Бывало, закроешь на несколько минут глаза и вздремнёшь. Лечь было невозможно: на дне окопа стояла вода, и его размер не позволял. У пулемёта дежурили по очереди.

Но вот настала новогодняя ночь. Впереди — 1945-й. Незадолго до двенадцати часов штаб, расположенный в городе, включил громкоговорители, и мы услышали новогоднее поздравление Москвы. Выступал, по-моему, Калинин. Обстрел фашисты не прекращали. После поздравительной речи начался новогодний концерт. Исполнялись песни военных лет. Зазвучал «Синий платочек». И вдруг обстрел прекратился. Подумалось, что даже фашистам не сладко, что песня взяла за душу и их. Как только закончилось исполнение песни, тут же возобновился обстрел.

Вытащили нас из окопов, когда пришла на смену новая часть. Представилась возможность зайти в мадьярскую хату посушиться, погреться после полуторамесячного пребывания в окопе. Но напрасно я радовался. Как только я снял ботинки, размотал мокрые портянки, ноги охватил нестерпимый жар. Ощущение было такое, будто они в кипятке. Ноги так горели, что я не выдержал, начал кричать. Командир взвода внимательно осмотрел меня и тут же дал команду старшине немедленно отправить меня в медсанбат: ноги оказались обмороженными. Только привезли меня в медсанбат (это было ночью), как тут же перегрузили в другой автомобиль и повезли дальше в тыл.

К утру в одном из населённых пунктов сгрузили в госпиталь. Положили на нары, где уже лежали солдаты без ног, без рук, с другими тяжёлыми ране-

ниями. Прележал я где-то часа два, но никто ко мне не подходил. Я кричу от нестерпимой боли. На забинтованные ноги встать невозможно. Оказалось, что почти весь медицинский персонал уже покинул госпиталь, так как началось немецкое контрнаступление. Наши войска стали отступать.

Зашли к нам два санитары и в темпе поместили нас на грузовой автомобиль. Поехали. Приехали в населённый пункт, где располагался другой госпиталь. Сгрузили на нары. Где-то через полчаса забежал старшина санслужбы и дал команду раненым: «Кто может, выходите во двор, грузитесь в повозки, поедем дальше». Я сполз с нар на пол, на четвереньках выбрался во двор, ездовой помог мне взобраться на повозку. Обоз с ранеными тронулся: немцы приближались. Обоз двигался к Дунаю, чтобы переправить раненых через реку на противоположный берег.

К вечеру мы достигли берега Дуная. Сгрузили нас на землю. Сверху падал мокрый снег. Мы лежали. И к нам никто не подходил, медперсонала не было. Нас уже засыпало снегом. Тяжелораненые не могли даже перевернуться. Через Дунай раненых должен был перевозить катер Дунайской флотилии. Он сделал первый, второй, третий рейс. Нас никто не грузил, а было где-то уже около двенадцати или часа ночи.

Со стороны фронта доносилась артиллерийская канонада, пулемётные очереди. Немцы приближались к нам. Я решил на четвереньках по снегу ползти к причалу. Подошёл очередной катер, бросили трап на берег. Я полез по трапу. Залез примерно на его середину, как вдруг был сбит, упал в воду. Оказываются, отступавшие офицеры и солдаты тыловых частей штурмом бросались на катер, загружались в него, а раненые так и оставались лежать на берегу. Дождался, когда вернётся катер, снова полз на трап. Та же участь. Какой-то офицер ударил меня по рукам сапогом — и я снова оказался в воде. Снова подошёл катер. Я опять сделал попытку заползти на трап, и снова меня хотели сбить в воду. Но на этот раз меня спасли медсёстры, которые находились на катере. Они заметили, что я делаю уже третью попытку забраться на катер и каждый раз меня сбивают в воду драпающие офицеры. Одна из сестёр взяла автомат и, как только меня начали стаскивать, закричала: «Назад! Если вы не пропустите этого солдата на катер, буду стрелять!». И тут же они вдвоём подхватили меня и затащили с трапа на борт катера.

Это был последний рейс катера. Минут через пятнадцать после нашего отправления к берегу подошли фашисты. Все раненые, которые находились на берегу, были зверски ими уничтожены. Об этом я узнал уже утром, когда к нам в госпиталь посту-

пили раненые разведчики. Первый раз жизнь мне спас командир орудия под Корсунь-Шевченковским, второй — замечательные русские женщины. Всю жизнь я благодарю их. Но как узнать, кто они, где они?

Дальнейшее моё лечение проходило в госпитале, располагавшемся в городе Кечкемете. Продолжались мои мучения от нестерпимого жжения ног. Раненые, лежавшие со мной рядом на нарах, видя, как я мучаюсь, посоветовали начать курить. Курил толстые трофейные сигареты. Конечно, это не убавляло боли, но как-то отвлекало. Постепенно пузыри на ногах стали лопаться, и дело пошло на поправку. Боли утихли. Лечащий врач осмотрела мои ноги и сказала, что через недельку она меня выпишет. Посидела возле меня. Рассказала, что у неё был сын, который погиб на фронте. Такой же молодой, как я. И я понял, почему она так по-матерински относилась ко мне. Пришёл день выписки на фронт. Она мне сказала, что выпишет в офицерское училище. Я категорически отказался. Все мои помыслы были направлены на быстрее встречу с друзьями-однополчанами. Она, как сына, уговаривала меня согласиться пойти в училище. Сказала, что пока я буду учиться, кончится война, а если пойду на фронт, неизвестно, вернусь ли невредимым. Но я как бык упёрся, стоял на своём. На фронт — и всё! Что поде-лаешь, молодо-зелено.

Судьба пощадила меня. Вернулся не невредимый, но живой. Видимо, её, хотя и чужое, материнское сердце тоже молилось за меня. Спасибо ей.

Через два дня мы, группа выздоровевших солдат, пешим маршем прибыли на фронт. Формировочный пункт располагался на западной окраине Будапешта. По пути следования сопровождавший нас офицер исчез. Мы прибыли без документов. Тут же нас распределили по воинским частям. И опять я не попал в свою 93-ю дивизию, а направили меня в 86-ю гвардейскую стрелковую дивизию, стоявшую в то время в обороне на подступах к городу Эстергому.

Направились мы в эту дивизию в сопровождении адъютанта командира дивизии, который приезжал в пункт распределения за пополнением. Это произошло ночью 16 февраля 1945 года. По прибытии в место расположения штаба дивизии адъютант долго водил нас по домам, но так нигде и не устроил ночевать: все дома были переполнены военными. Тогда он решил завести нас в дом, в котором располагался командир дивизии. Завёл в прихожую (генерал уже спал) и приказал, чтобы мы без шума устроились за печкой до утра, а утром, сказал, уйдёте. Уставшие в дороге, замёрзшие, мы были рады, что попали в тепло, и моментально уснули на полу.

На рассвете проснулись. Повар командира дивизии начал готовить в печке завтрак генералу.

Мы сидели позади печи, за занавеской. Продуктов у нас в вещмешках не было. Сидим голодные как волки. А тут идет расчудесный запах готовящейся пищи. Ефрейтор был уже в возрасте, годился мне в отцы. Повар начал печь пирожки и складывать в чашку, стоявшую за занавеской, где располагались мы. Смотрю: ефрейтор (фамилия его Новиков) берёт пирожки из этой чашки, ест сам и мне подаёт. Я ему говорю: «Что ты делаешь? Нас же сейчас генерал расстреляет за мародёрство». Он улыбнулся и говорит: «Главное, Миша, пожрать сейчас, а там пусть расстреливает». Повар пирожки печёт, бросает в чашку, а он берёт и всё подаёт мне.

Слышим, повар разговаривает с генералом. Тот спрашивает у него: «А что на второе?» — «Пирожки с мясом, товарищ генерал!» — «Ну, неси, попробуем». Повар подходит к чашке, а там пусто. Он, конечно, «перекрестил» нас мыслимым и немислимым русским фольклором и пошёл докладывать генералу. Слышим, как доложил генералу. Генерал спрашивает: «Откуда солдаты?». Он объяснил, что адъютант ночью привёз пополнение. «Ну-ка, веди их сюда». Заходим в комнату, ефрейтор по всем правилам докладывает генералу: «Ефрейтор такой-то, солдат такой-то по вашему приказанию прибыли!». Генерал встал из-за стола, говорит: «Молодцы, не растерялись. Эти ребята и в бою не подведут! А ты, Ваня (так звали повара), если бы оказался на передовой, наверняка стал бы «языком» для немцев. Даже пирожки прохлопал». Скомандовал нам: «Идите!». Мы пошагали во двор, где нас ждал уже новый командир взвода.

Прибыв на передовую, мы получили ручной пулемёт, и снова началась наша фронтовая работа. Под Эстергомом простояли в обороне до 20 марта 1945 года, а после сокрушительной артподготовки пошли в наступление. Когда фрицы начали драпать, нас построили в колонны для преследования противника, и мы проходили мимо генерала, напутствовавшего нас: «Вперёд, на Вену!».

Завершилась Будапештская операция и началась Венская. Но прежде — ещё одно воспоминание о фронтовой работе в обороне под городом Эстергомом, после взятия Будапешта. Линия нашей обороны простиралась в красивейших горах в районе населённого пункта Фельшгелла (ныне часть города Татабанья. — Ред.). Наша рота расположилась на дне глубокого ущелья, по которому шла автомобильная дорога «Будапешт — Эстергом». Вдоль неё протекала горная речка, мост через которую был взорван отступавшими фашистами. Поэтому подъезд со стороны тыла к нашей линии обороны каким-либо транспортом был невозможен. От нашей обороны до моста было метров пятьсот-семьсот.

Днём подъезд полевой кухни к взорванному мосту был невозможен, так как на вершине горы

проходила немецкая линия обороны и дорога интенсивно обстреливалась. Кухня могла подъехать к мосту только ночью. Участок автодороги от нашей линии обороны до разрушенного моста был заминирован противотанковыми минами на случай прорыва танков.

Командир роты приказал мне, как только наступит темнота, брать два термоса и ходить по этому заминированному участку дороги до разрушенного моста, перебираться на противоположную сторону, куда подъезжала полевая кухня, заполнять термосы кашей и супом и доставлять в роту. Ночью в горах царит непроглядная темнота. Пользоваться фонариком было нельзя, так как на вершине горы находились немецкие пулемёты. На этом пятисотметровом участке дороги мины располагались в шахматном порядке.

Как только начинало темнеть, я выходил на дорогу, запоминал, как расположены мины, и потом в темноте ходил с термосами туда и обратно. Это была пытка. Буквально на ощупь я пробирался через это минное царство. Потом уже я настолько изучил маршрут, что ходил по памяти, наступал ногами именно туда, где не было мин.

Когда вспоминаю это сейчас, просто не верится, что всё это было со мной наяву, а не в каком-то кошмарном сне. Здесь же, в этой обороне, был и трагический эпизод. Мой пулемёт располагался напротив немецкой пулемётной точки на расстоянии сто – сто пятьдесят метров. Местность там лесистая. Иногда днём удавалось посмотреть, как копошатся немцы.

Перед началом наступления командование решило артиллерийским огнём уничтожить это немецкое пулемётное гнездо. Задумка была такая: после артналёта взвод штрафников должен был занять его броском. Командир роты оказался трусоватым. Решил: раз мой пулемёт ближе всех расположен к немцам, то я лучше всех могу вывести взвод штрафников на исходную позицию. Командный пункт командира роты располагался внизу ущелья. Он вызвал меня и приказал повести прибывший взвод к моему пулемёту, расположить его фронтом к немцам, а самому спуститься вниз, к нему. Всю эту подготовительную операцию командир роты должен был сделать сам. И с той точки, где располагался мой пулемёт, ему надо было корректировать огонь артиллерии. Но он струсил.

Я его команду выполнил: отвёл штрафников к пулемёту, забрал своего второго номера и спустился на КП. Через несколько минут наша артиллерия открыла уничтожающий огонь из дальнбойных орудий. Закончилась артподготовка, но мы не услышали криков «ура». Наша артиллерия, кроме немцев, накрыла и мою огневую точку, где распо-

лагался взвод штрафников. Бедные люди! Из взвода осталось пять или шесть человек. Остальные были убиты или тяжело ранены. Так трусость командира обернулась трагедией.

20 марта мы с ходу овладели городом Эстергомом и начали преследовать противника вдоль правого берега Дуная в направлении к Вене. По левому берегу наши войска наступали на Братиславу. В районе слияния рек Моравы и Дуная нашей дивизии предстояло переправиться на левый берег Дуная, так как продвижение войск по левому берегу несколько запаздывало.

Фашисты, видимо, разгадали замысел нашего командования. В районе предполагавшегося форсирования Дуная находился небольшой австрийский город. Целые сутки пытались его взять, и только к утру следующего дня нам удалось выбить фашистов из города и подготовить плацдарм для форсирования реки. Утром следующего дня началась переправа на подручных средствах. Погрузились мы с пулемётом на плот. Несколько солдат гребли вёслами, досками, а моей задачей было строчить непрерывно из пулемёта по противоположному берегу, не давая немцам вести активный ответный огонь по плывущим солдатам. Удалось добраться до берега невредимыми. Завязался бой. Перевес сил был на нашей стороне, и фашисты побежали.

За успешное форсирование Дуная меня со вторым номером наградили медалью «За отвагу». Это уже была моя вторая медаль.

Дальше на Вену наш путь лежал по левобережью Дуная. Причём продвижение шло с непрерывными боями. Только выкопав окоп, через десять–двадцать минут надо бежать вперёд и снова рыть окоп — и так целыми днями. В этом наступлении в одном из австрийских городов, уже недалеко от Вены, мы обнаружили лагерь военнопленных. Он оказался без пленных, а крематории ещё дымились. Фашисты перед отступлением всех сожгли в печах. Картина была жуткой. Открыли печи, а там полно человеческих костей. Возмущению нашему не было предела. И хотя был приказ пленных фашистов не расстреливать (иначе могли тоже жизнью заплатить), сдержанность чувства мести было невозможно. Ни одного фашиста, сдавшегося в плен, мы не пощадили!

Чем ближе подходили к Вене, тем сильнее нарастало сопротивление противника. Был апрель, всё кругом благоухало, цвели сады. А мы зарывались в мокрую землю и лежали в ледяной воде. Грунтовые воды находятся там очень близко к поверхности: бывало, копнёшь малой сапёрной лопатой на один штык — и появляется вода.

Впереди уже были видны очертания Вены. Мы только что взяли крупный населённый пункт, и тут

же нас вывели из боя — слишком много потеряли личного состава. Нас сменила другая воинская часть. А нам поставили задачу провести обследование винных подвалов в поисках немцев. Командир взвода и я со вторым номером пулемёта спустились в один из подвалов... Там находилось много винных бочек огромных размеров. Немцев не было видно.

Начали продвигаться к выходу. Вдруг я заметил, что слева, в стене, блеснул огонёк. Осветил то место фонариком — оказалось, на стене висел брезент, прикрывавший боковой ход. Далее виднелась деревянная дверь, сквозь щели которой просматривался блеск огонька. Я закричал: «Хальт! Хэндэ хох!». Молчок. Повторяю снова. Опять молчок. Даю пулемётную очередь в дверь. И сразу раздались крики женщин и детей. Сердце ёкнуло, как говорится.

Распахнул дверь, и перед нами предстала такая картина... Стоит невысокий стол, на нём горят свечи. Впереди стола перед нами стоят на коленях маленькие дети лет пяти–семи с поднятыми руками и плачут. Позади стола — несколько женщин, тоже с поднятыми руками. Потом они стали жестиковать, показывая пальцами на себя. И повторяют что-то по-австрийски. Мы поняли смысл слов: «Нихт киндер!». Они просили стрелять в них и не стрелять в детей.

Конечно, от такой неожиданности мы были в недоумении. Почему это мы должны в них стрелять? В ходе довольно долгих объяснений удалось понять, что фашисты им внушали, будто русские всех расстреливают. В конце концов, нам удалось их убедить, что никого мы не собираемся расстреливать, что ищем фашистов. Дети поднялись на ноги, перестали плакать. Женщины, осмелев, попросили нас подойти ближе. Мы подошли. Одна из них запустила руку в мою шевелюру, потом второму номеру, потом командиру взвода. Попытались выяснить причину такой процедуры. А там был ещё один старый австриец. Он начал кое-как объяснять нам по-русски (старик в Первую мировую войну был у нас в плену, немного понимал и говорил по-русски), что они искали в наших головах. Оказывается, немцы всё время вбивали им в головы, что русские — с рогами. Это надо же додуматься до такой ереси, вбивать в головы простых людей такую чушь!

Продолжая наступление, заняли город Штоккерау — это рядом с Веной. Здесь мы окопались и простояли до 8 мая 1945 года. Находясь в обороне западнее Вены, мы несколько раз отражали контратаки фашистов. Чтобы обезопасить себя в ночное время, вдоль траншеи разместили пулемёт, винтовки, автоматы, раскладывали на бровке гранаты. Целую ночь по очереди вели огонь в сторону противника, чтобы нас не захватили как «языков». 7 мая поздно вечером нам объявили, что в пять часов утра

8 мая после артподготовки пойдём в наступление. Ночью мы подносили в траншею ящики с патронами, гранатами. Но утром, когда наступило время идти в наступление, артподготовки не последовало. Мы ждали. Уже взошло солнце. Было тихо. Ночью противник вёл интенсивный ружейно-пулемётный огонь по нашим позициям, а к утру прекратил.

Ждали наступления, команды: сигналом должна была быть ракета. Мы начали недоумевать. В чём дело? Отдельные солдаты начали на сапёрных лопатках поднимать над траншеями каски, чтобы обнаружить, не стреляет ли противник. Никто не стрелял. Тогда осторожно стали подниматься из траншей во весь рост. Тихо. И как-то в один миг поле брани залилось криками «ура!». Мы бегом двинулись к немецким траншеям, а они оказались пустыми. Фашисты на рассвете оставили свои позиции и начали отходить на запад.

Продвинулись мы вперёд развёрнутым фронтом километров на пять, построились в колонны и форсированным маршем двинулись дальше. Нам объявили, что наша задача — догнать отступавших фрицев и не дать им возможности уйти в американскую зону оккупации Германии. В таком форсированном темпе двигались до заката солнца 8 мая 1945 года.

Вошли в очередной крупный австрийский посёлок. Командование решило дать нам кратковременный отдых и возможность перекусить. Этот двенадцатичасовой форсированный марш по пересечённой местности или, вернее, по горам австрийских Альп настолько нас измотал, что мы тут же на обочине дороги попадали наземь. Мало того, у большинства солдат ноги оказались стёртыми до крови. Расположившись на земле, наслаждаясь обретенным отдыхом, ждали подхода полевой кухни. Но вдруг кто-то криком нарушил тишину. Все приподнялись и повернулись в ту сторону, откуда кричали.

Увидели, что от штаба дивизии солдат скакал галопом на лошади и во весь голос кричал. Наконец, разобрали его слова. Связной командира дивизии кричал: «Конец войне! Конец войне!». Не верилось. Может, это неправда? Но он привёз нам правду! В какой-то миг все вскочили на ноги и начали без устали салютовать каждый из своего оружия. Я без перерыва выпустил вверх полный диск из пулемёта. Ствол стал красным. Схватил автомат и тоже выпалил полный диск в воздух. Конечно, описать этот момент, наверное, не под силу даже писателю, а тем более мне. Это надо самому пережить. После салюта мы прыгали, целовались, плакали, обнимались. Радость была беспредельной. Не верилось, что остались живы. Смотрим на руки, на ноги — целы! Сразу мелькнула мысль: «Всё, сейчас повернём обратно — домой!».

Но напрасны были наши надежды. Тут же поступила команда строиться. И мы пошли вперёд, на запад. Задача оставалась прежней — догнать отступавших. Немцы драпали на машинах и на конном транспорте, а мы шли пешком. С вечера 8-го и до восхода 9 мая мы шли на запад в надежде догнать противника. Но безрезультатно.

Утром 9 мая вошли в австрийский город Линц. Там нас ждал кратковременный отдых — и снова в путь. Но здесь, видимо, командование армии или фронта (а это был 2-й Украинский фронт) поняло, что пешком нам не догнать фашистов. Собрали колонну автомобилей, погрузились в них и повернули резко на север, двинулись в Чехословакию. На автотранспорте передвигаться было веселей. Да и двигались мы уже по славянской земле. Въезд в каждый населённый пункт был проблемой. Жители буквально на ходу машин бросались к нам с цветами, со словами благодарности за освобождение от фашизма. Вместе с нами шли и танки. Жители забрасывали их цветами. В такой обстановке наше движение продолжалось до вечера 9 мая.

Вечером нам всё же удалось перерезать одной из фашистских дивизий путь отхода в американскую зону. Командование выслало парламентёров, чтобы немцы сдались без пролития крови. Что произошло на переговорах, мне неизвестно, но фашисты расстреляли наших парламентёров.

Начался бой. Я получил от командира взвода задание выдвинуться с пулемётом поближе к дороге, по которой двигалась немецкая колонна войск, и помешать этому. С немецкой стороны навстречу мне тоже выдвинулся пулемётчик и залёг метрах в двадцати от меня. Я, не поднимаясь, крикнул: «Хальт! Хэндэ хох!». И тут же пулемётная очередь просвистела над моей головой. Кроме свиста пуль, услышал на русском языке отборный мат. Я тут же запустил в них противотанковую гранату. Всё затихло. Командир взвода, наблюдая на опушке леса за мной, решил, что мне там уже делать нечего, и крикнул, чтобы я бежал обратно.

И только я двинулся по канаве, застрочил пулемёт с немецкой стороны и прошёл мою шинель вдоль всей спины. Мне удалось добежать до опушки леса и уйти из-под обстрела вражеского пулемёта. Как получилось, что мою спину не задела пули, не знаю. Прибыв к командиру взвода, я снял по его просьбе шинель и увидел, какие клочья на ней висят. «Морозов, — сказал командир взвода, — ты в рубашке родился!» День Победы, 9 мая, чуть было не стал для меня последним днём жизни.

Часам к одиннадцати вечера бой прекратился. Немецкая колонна, состоявшая в основном из повозок, снова двинулась по дороге на север.

Мы снова сели в машины. Включили фары и на малой скорости стали въезжать в немецкую колонну. Так мы разделили фашистов на части. Немцы поняли, что сопротивление бесполезно, и сдались. Как потом стало известно, ослеплённые фарами наших машин, они приняли нас за своих и поэтому не предприняли никаких действий. Когда они объявили о своей капитуляции, мы начали их разоружать. И обнаружили, что пленная дивизия состояла в основном из власовцев. Они спрашивали, что с ними будет. Конечно, мы всячески старались их успокоить, что будет всё благополучно, что их не расстреляют. Таким образом, мы не дали этой дивизии добраться до американцев.

Снова погрузившись в машины, двинулись дальше на север и утром 10 мая вошли в город Ческе-Будеёвице, расположенный на границе Чехословакии с Германией. Здесь население города тоже забрасывало нас цветами, всячески благодарило. В лесах у города действовала не сложившаяся армия под командованием фельдмаршала Шёрнера. Мы заняли оборону на окраине города. Я установил свой пулемёт в районе железнодорожного моста через реку Влтаву.

Паломничество горожан к нам, русским, и здесь не прекратилось. Жители прямо в окопы несли цветы, угощали, чем могли. В середине дня 10 мая нам объявили, что в наш город со стороны Праги должна прибыть дрезина с американскими солдатами для встречи с нами. Действительно, через некоторое время появилась дрезина с тремя вагонами открытого типа, в которых находились американские военнослужащие. Состоялась тёплая встреча с союзниками.

Дня через три или четыре к городу подошли уже регулярные американские войска. Мы расположились лагерями. Несдавшаяся многочисленная группировка немецких войск под командованием фельдмаршала Шёрнера заставляла быть начеку, и мы всё ещё жили в окопах. 12 мая поступило сообщение, что группировка разгромлена чехословацкими партизанами и нашими войсками.

Так, только 12 мая 1945 года мы закончили войну. Стали полевым лагерем на окраине города в красивом сосновом бору. Чехи продолжали приходить к нам с цветами, приносили молоко, другие продукты. Конечно, для нас это было не лишним, так как трофеев уже негде было брать.

Началась мирная военная служба. Жили мы теперь в полевых палатках. И по уставу уже следовало соблюдать распорядок дня. При подаче команды к отбою, ко сну надо было разуваться, снимать обмундирование и ложиться на нары. Первые дни старшина долго с нами мучился: мы никак не хотели раздеваться и разуваться — привыкли к окопной жизни. Потом всё же начали выполнять команды. А в первые дни, когда подавалась команда «подъём», мы все оказывались уже одетыми и обутыми. Ночью по привычке натягивали на себя обмундирование, обувались и ложились на нары. Пришлось старшине раздавать наряды вне очереди, и это отучило нас от окопного быта.

В период этой лагерной жизни мы не давали покоя командирам одним и тем же вопросом: «Когда поедем домой?». Обещали, что скоро. Говорили, что готовят железнодорожные составы. И вот пришёл, наконец, день нашей отправки домой. У всех было приподнятое настроение. Построили нас и... объявили: домой пойдём пешком. Объяснили: железнодорожный транспорт будет занят вывозом в Советский Союз трофеев: машин, оборудования, продовольствия — всего того, что положено нашей стране по репарациям.

Перед отправкой из лагеря тренировались: в течение недели уходили километров на двадцать в сторону, как мы считали, нашей Родины, а потом возвращались к вечеру обратно в лагерь. И так по сорок километров ежедневно с полной боевой выкладкой. Так командование дивизии тренировало нас перед долгим маршем на Родину.

24 июня 1945 года мы двинулись пешим маршем домой. Сколько километров нам предстояло пройти, мы не знали. Переходы под палящим солнцем были изнурительными.

Начали роптать. Видя такое дело, командование дивизии решило днём давать нам отдых, а ночью идти. Ежедневно мы проходили маршем по сорок – сорок пять километров. Казалось, не будет конца этой дороге. Шли обратно по странам, которые освобождали: Чехословакии, Австрии, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии. При этом не только шли, но на ходу занимались военной учёбой.

Каждый день, когда заканчивался очередной переход, на месте привала нас уже ожидал дивизионный духовой оркестр, который исполнял военные марши. Под эту музыку, после изнурительного перехода, надо было проходить мимо командира дивизии строевым маршем и обязательно с песней. Нам как раз было до песни! Но служба есть служба. И надо было петь: «В бой за Родину, в бой за Сталина...». Или: «Кони сытые, бьют копытами, разобьём по-сталински врага...» и так далее.

Благо, на марше кормили нас неплохо. Действовали ещё фронтовые сто граммов. Однажды, когда командир дивизии принимал парад, сказал нам: «Дорогие друзья, жалеть я вас не буду, но заботиться буду». Слово своё он сдержал. Через месяц нам дали нового командира дивизии, а генерал-майора Соколовского откомандировали на восток — на советско-японский фронт (это был тот генерал, у которого мы с ефрейтором в своё время съели все пи-

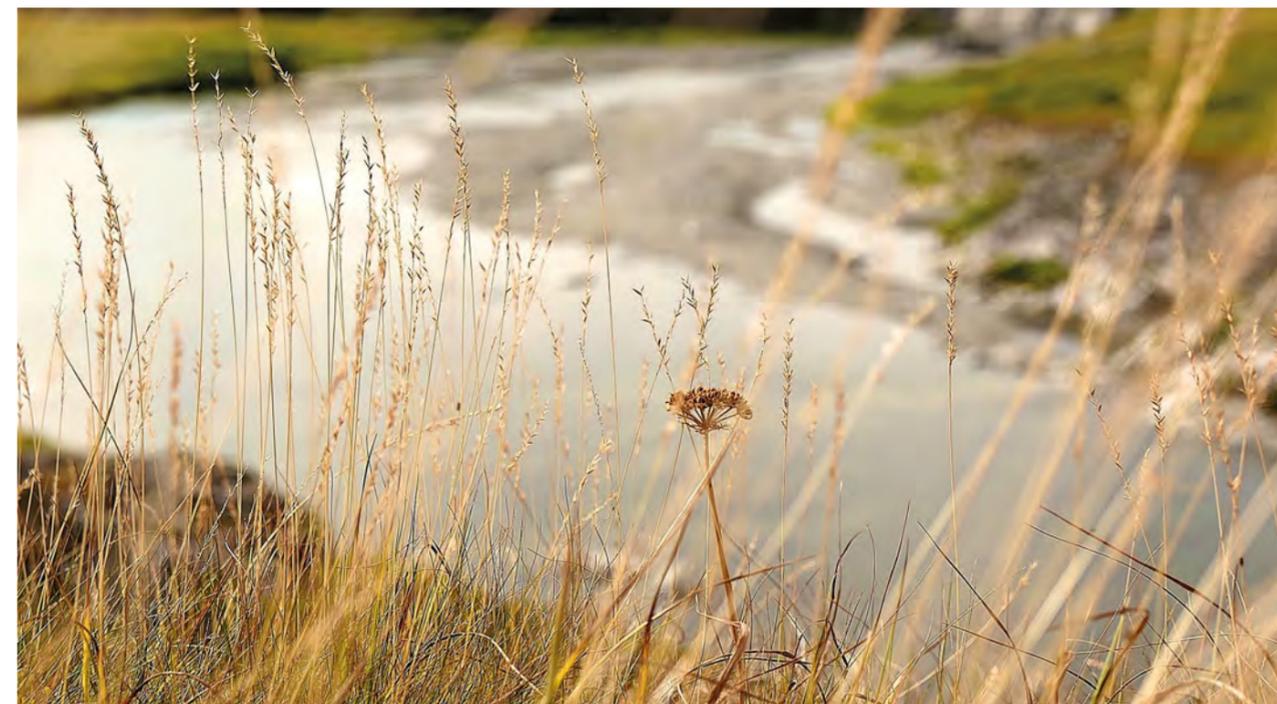

Фото О. А. Филипповой

рожки). Впоследствии мы узнали, что Соколовский погиб на японской войне в Китае.

Длинным и долгим был наш путь домой. Пришли к родной государственной границе только в октябре. Перешли границу по мосту через реку Прут там, где полтора года назад гнали врага на запад. На том берегу была видна родная земля, и нам так хотелось быстрее прикоснуться к ней, ступить на неё! Душу согревала надежда на скорую встречу с нашими матерями, родными, друзьями.

Тоска по Родине усиливалась, видимо, и тем, что мы были очень молоды. Ушли мы на фронт ещё неокрепшими юнцами. Поэтому после долгой разлуки мне так хотелось увидеть родную мать и сказать ей сыновье спасибо за то, что мыслями и мольбами своими она всю войну оберегала меня от фашистской пули.

Перед мостом получили инструктаж, что переход должен осуществляться не в ногу, а вольным шагом. В противном случае он может обрушиться. Взошёл на мост по инструкции, дошли до середины и — вдруг, без всякой команды, все побежали! Каждый хотел первым ступить на родную землю! Что творилось, надо было видеть... Бойцы разбегались по берегу, падали на землю, каждый целовал её, как родную мать. Настолько наши солдатские души истосковались по Родине! Прибыли на зимние квартиры в город Ананьев Одесской области, в Одесский военный округ. Зима 1945–1946 годов запомнилась тем, что мы всё время жили в неотопливаемых казармах.

Осенью 1946 года наша дивизия передислоцировалась в город Бельцы Молдавской ССР, где зима

1946–1947 годов была такой же холодной. Я уже носил «высокий» воинский чин сержанта. В 1948 году группу молодых, здоровых солдат и сержантов перебросили в Финляндию, на военно-морскую базу Поркалауд, расположенную в Финском заливе. Отсюда я демобилизовался только 30 декабря 1949 года.

Итак, что же в итоге? Шесть с половиной лет службы в армии (из них два года на фронте), два ранения, обморожение ног, семь тысяч километров пешком (при этом на запад по-пластунски), четырнадцать боевых правительственных наград.

Но главное — жив! Ад войны не сумел поглотить меня.

Конечно, то, о чём я рассказывал, — лишь штрихи моей фронтовой работы. Всего не перескажешь, не опишешь. Да и кому это нужно? Утешаю себя лишь надеждой, что воспоминания эти будут представлять интерес хотя бы для моих детей и внуков. Может, когда-то и вспомнят они с ноткой здорового честолюбия, некоторой гордости о своём предке: вот каким двужильным был их отец и дед — прошёл все круги ада и выжил! Заработал целый иконостас наград и возвратился домой.

А может, когда-то, к столетию нашей Победы в Великой Отечественной войне, всё-таки произойдет переоценка ценностей, и потомки по достоинству оценят подвиг Красной Армии, спасшей многие народы мира от фашистского порабощения. Воздадут должное всем, кто принёс Победу, поднимут до заслуженных высот не только маршалов, генералов, офицеров, но и каждого отдельно взятого солдата.

Елена Мерепанова

Работала художником
Хозяйственной службы при
Администрации ООО «Газпром трансгаз Ухта»

ВОПЛОЩЕНИЕ ОЖИДАНИЙ ОТ АРМЕНИИ

Если смотреть на Ереван сверху, то можно увидеть группу многоэтажек, как бы образующих надпись: «СССР»... «Р» — неполная. Показалось, наверное... Нет! Не показалось! Порыв народа увековечить великое братское единение воплотился в этом жилкомстрой-монументе, адресованном потомкам...

Как оно и бывает с глупыми человечками, бывшее братство увяло, стройка заглохла, а воистину космический след остался.

И лишь Богу сверху теперь открыт весь потаённый смысл четырёх букв, пустивших корни в скалы и в души потерявших себя людей.

Арагат, долженствующий украшать вид из окна, где-то отсутствует.

Также отсутствуют прекрасные сады, розы в палисадниках, увитые виноградом террасы. Сентябрьский зной иссушает кожу, мгновенно превращая пот в солёный песок. Дворники подпиливают засохшие напрочь деревца, заматают в кучки опавшие жестяные листья и перезревшие сливы. Ночью — +25!

Всё, что мы надумали себе об Армении из умных книг и красивых киношек, нужно срочно забыть и начать всё сначала!

А сначала был Ованес, объявивший, что он кофеман. И теперь его ежедневное присутствие в нашей кочевой туристской жизни сопровождалось неповторимым! непревзойдённым! удивительным армянским кофе наитончайшего помола!!! Этот кофе нам подавали по желанию Ованеса в ресторанах и на деревенском рынке, на вершине древней горы, на широченной террасе отеля и в гостях у его друзей, и друзей друзей, и друзей друзей друзей.

Ованес появился в нашем отеле (как и всё в Армении) по какому-то Божьему промыслу, когда мы спустились в холл с интернетской шпаргалкой для слепых котят, куда можно сходить в Ереване. Ованес, как и полагается армянину, оказался генеральным директором. Двумя генеральными директорами — всеармянской лиги деятелей искусств и «Мураз-Армения тур». В графике его встреч высочайших гостей Армении организовался небольшой разрыв.

Его деликатное приглашение поехать с ним по Армении было... как бы это объяснить... царским. Его лицо — лицо персидского царя; неторопливые жесты, весомость слов... Его выбор маршрута — таинственные величественные строения в библейских нетронутых местах. Звуки его голоса — древнее звучание запёкшихся в единый звук твёрдых согласных в армянской речи и едва слышном его пении под каменным куполом пещерного храма. Всё сливается в ощущение единой материи места, времени и народа. Народа, несущего в себе что-то такое, что не позволило ему проклинать небо и всё человечество за неисчислимы горести и бедствия, не рассеяться полностью по всему миру и не раствориться абсолютно в других народах. Чтобы продолжать жить на голых камнях почти безжизненных гор, когда всё остальное отняли!

Ближний круг путешествий лежит через пустошь, где даже пыль не в силах подняться от зноя. Смирные овцы кучками вдоль дорог ожидают своей участи, отвернувшись от разделочных крюков. Они стоят, сблизив головы, и молчат. О высоком. Облака шерсти с полусотней ножек.

За голыми холмами в камнях и колючках виднеются оазисы из камышовых болотцев, невысоких яблоневых и персиковых аллей, орошаемых булькающим в канаву краном. Благодарным деревцам под животворящим солнцем и этих скудных поливов достаточно, чтоб отдарить потом сладчайшими ароматными фруктами.

А за каменной стеной и палисадником — храм-памятник в честь красавицы Рипсима, посмевавшей завернуть сватавшегося к ней царя, какого-то там язычника, недавно с гор слезшего. Армянские девушки до того горды и красивы, что сплошь царям отказывают. Ну, а потом над их могилами встают величавые постройки и напоминают простым смертным, что не всё царям масленица.

Наш вдохновенный гид приоткрывает нам миры ушедших душ, над памятью которых выросли из чёрного камня храмы, не украшенные ничем, кроме копоты свечей в кованных железных поставцах и

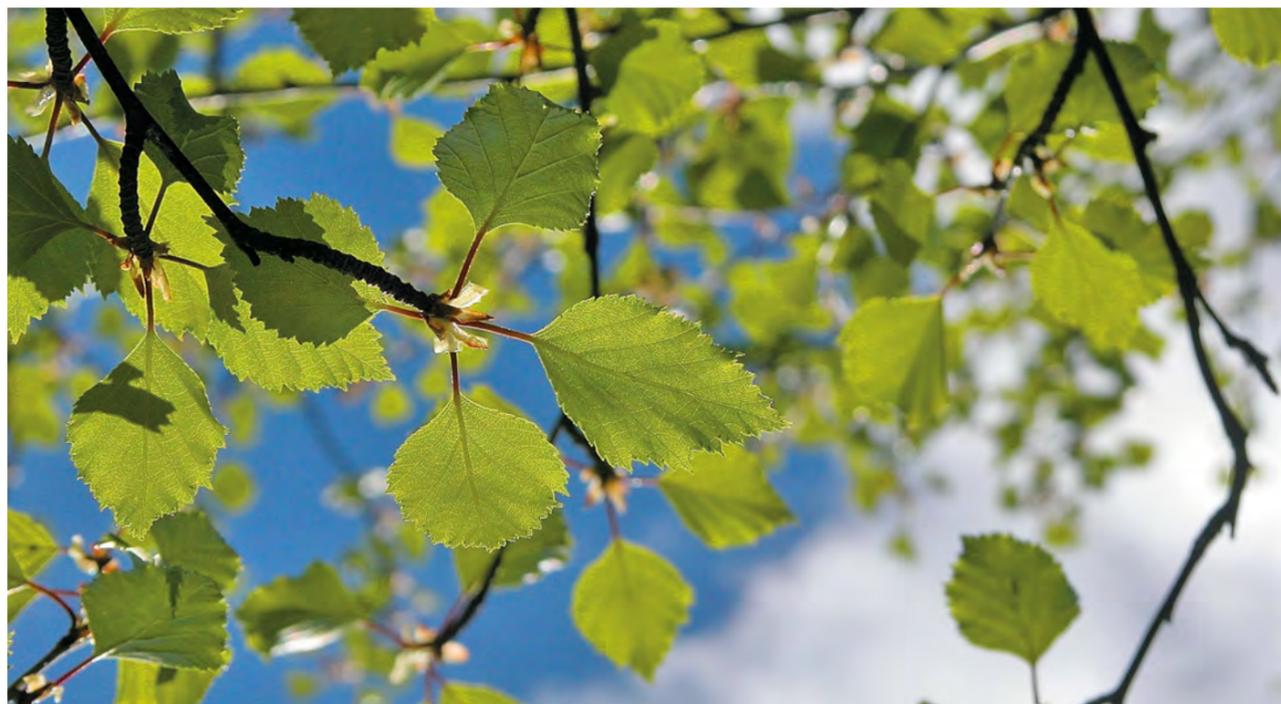

Фото А. В. Кучерова

каменной резьбы. Чёрные монахи смиренно и одиноко несут здесь службу.

Посетив уже пять таких построек, лет которым по полторы тысячи и даже больше, вдруг понимаю, что крыши и купола вовсе не черепичные, как поначалу казалось. Нет! Они из каменных блоков, вставленных в замок! Да и все стены уложены в замок без раствора (следы современной реставрации на растворе как-то сильно безобразят стены). Все блоки в крохотных бороздках зубила — единственного инструмента для создания идеальной поверхности: нож в шов не пролезет! Так что, похоже, и египетские пирамиды не боги строили!

Однажды на террасе отеля встретили жену Ованеса — маленькую смуглую Армине в царственном золоте одежд и мерцающем перламутровом ожерелье. С сильными руками пианистки. Чёрные глаза её смеются. Она воплощение моих ожиданий от Армении как обители красивых женщин и большезлазых детей. Армине одаривает разговором, укрываясь за смеющимися глазами и кофейным ароматом. Исчезает.

Круг наших путешествий всё расширяется, уводя нас то в край отвесных гор, где на краю плато стоит Гарни — великолепный, языческий ещё храм, отсылая нас к Афинскому акрополю, то в край туманов по ту сторону Пушкинского перевала — Дилижан и Спитак. И жильё опасно лепится к сотрясающимся скалам, и могильные камни вдоль дорог отвоевали полметра у каменных стен. Нет даже клочка ровной земли, зато волшебный климат и изобилие влаги даруют растениям жизнь. И на самой вершине — обиталище страшных тайн в каждом закоулке, едва освещаемом призрачным светом из проёмов под куполом многоколонных галерей Санаина. Почти как в храмах Аджанты, что затеряны в индийских джунглях.

Между городами заезжаем в придорожные ресторанчики. От жажды нам подают кисловатый тан, и усталость как рукой снимает. Выпеченный на открытом огне хлеб. Хрустящий. С запахом дымка. Макаем полоску лаваша в мацун (это почти сметана). Или едим холодную телятину из глиняного кувшина, в котором она хранится в подвале, залитая топлёным маслом. Её заворачивают с луком в лепешку. И запивают красным вином.

Предлагают на пробу шеренгу наливок и фруктовых самогонок в винном краю Арени.

Сидим у подножия крепости Гюмри, наблюдаем, как в каменных печах доисторической кухни готовятся ароматные блюда, запекается в тандыре сей момент выловленная в пруду стерлядь. Внезапный дождь грохочет по крышам, дымит, тут же испаряясь. Опять солнце в сто свечей. Мы бросаем вилки, облизываем пальцы, губы, вымазанные деликатесом... По стене бастиона ходит часовой, надвинув

дождевик и опустив в землю винтовку. Крепость, она всегда крепость.

А то сидим над шашлыком в одном из домиков на сваях. Они стоят в ложине над горной речкой, временами спокойной, в тени высоченных плакучих ив и гор впритык.

Почти японский пейзаж.

Или под камышовой крышей с видом на хрустальный Севан, пробуем кебаб из раков. Зажаренного до хруста усача сгрызаем вместе с хвостом и плавниками.

Но храмы! По какому зову, оставив буднюю жизнь, необразованные селяне два столетия выдалбливают гору, практически вычерпывая породу через глаз купола?! Без чертежей! Создав идеальную форму подкупольного барабана, арок, галерей и монолитных колонн со всеми причитающимися ордерками! Какое эхо гуляет теперь в этом подzemелье! Перекачивается по кругу, многократно умножаясь на галерее и восходя к небу. Посчастливилось услышать знаменитый женский квинтет а капелла, исполняющий там гимны в день поминовения усопших. Волшебство...

Или родник на вершине горы?! Над ним устроена часовня из чёрного туфа: аркада с каменной крышей и выдолбленная ложа для струящихся вод. А на многие километры — одно селение в пять домов.

Для кого?

А для всех, кто осмелился влезть на эти кручи!

И эти кручи, и соборы внутри, и храмовые площади украшают хачкары — памятные камни с крестами. В этих камнях — посвящение событию. Рождению ли, исторической вехе, окончанию ли войны, мудрецу, родителям, любимой... Их тысячи по всей горной стране. Ни один не повторяется в узоре. Стучит зубилом каменщик, а из-под инструмента песней завивается необыкновенная арабеска. Что бумажные манускрипты?! Пришёл враг и сжёг! А тут камни. Века переживут. Ну, разве что разбить можно. Так ведь и сложить кусочки можно!

У нас в России армян по глупому предубеждению зовут «хачиками», огораживая непонятный народ собирательным прозвищем. Но не догадываются, что хач — это святой крест, который преданно несут в себе армяне, оберегая перво-христианство; так вот мы неосознанно зовём их крестоносцами, возвышая тем самым прямых потомков Ноя, не изменивших ни на йоту свою веру в Божественное присутствие, в Божественно осенённую землю. Пусть даже и каменную твердь! В Эчмиадзине хранятся кусочек ковчега и копьё, проткнувшее умершего Христа. А то, что ковчег сейчас на турецкой стороне, так это их проблемы. Они там не живут, называя те места проклятыми...

Дни наши в Армении истекают. Арарат приоткрывается на горизонте. Обычно марево подни-

мается из долины коньячных виноградников, закрывая священную для армян гору. Нынче воздух прозрачен. Крестьяне работают между двух огневых позиций — Армении и Турции. С той стороны наготовские базы белеют. С этой — российский гарнизон.

«Что делалось, то и делается. Что было, то и будет. И ничто не ново под этими небесами»...

Ночью сгущаются чёрные тучи, предвещая долгожданный дождь. Он прорывается, наконец, грохочет страшным водопадом. Молнии почему-то горизонтальными вихрями очерчивают Арарат. Бьют с той стороны вершины, призрачно подсвечивая небо и ковчег, который виден не нам. Накатывают мысли о новом великом потопе.

Солнечным и свежим утром отправляемся на коньячный завод в великолепии витрин с брендовыми коньяками, каменных залов с пирамидами дубовых бочек. Отведываем «Арарат», «Ани» и «Ахтамар» —

коньяк, меняющий свой вкус и аромат с четырёх до двадцати лет выдержки, всего лишь впитывая дубовые соки. Пешком поднимаемся к центру Еревана, наблюдая неспешную воскресную жизнь. Оттоптав ноги, устраиваемся в тени в парке Влюблённых. Там устроены ручейки и водопады — места фотографирования свадебных процессий. Жених с невестой поворачиваются к объективам и так, и эдак, и ещё как-нибудь. Пьют шампанское, их осыпают розовыми лепестками и блестящим конфетти. Потом невесты-принцессы целуют своих принцев, те обратно превращаются в чудовищ и радостно скачут к своим друзьям по своим мужским делам, а принцессы — по кухням скрести кастрюльки.

А мы — в Россию. Под первый октябрьский снег. Туда, где изобилие воды, плодородных почв, голубоглазых беспечных людей, даже не подозревающих, что в Армении их очень любят. И благодарно хранят общую историю!

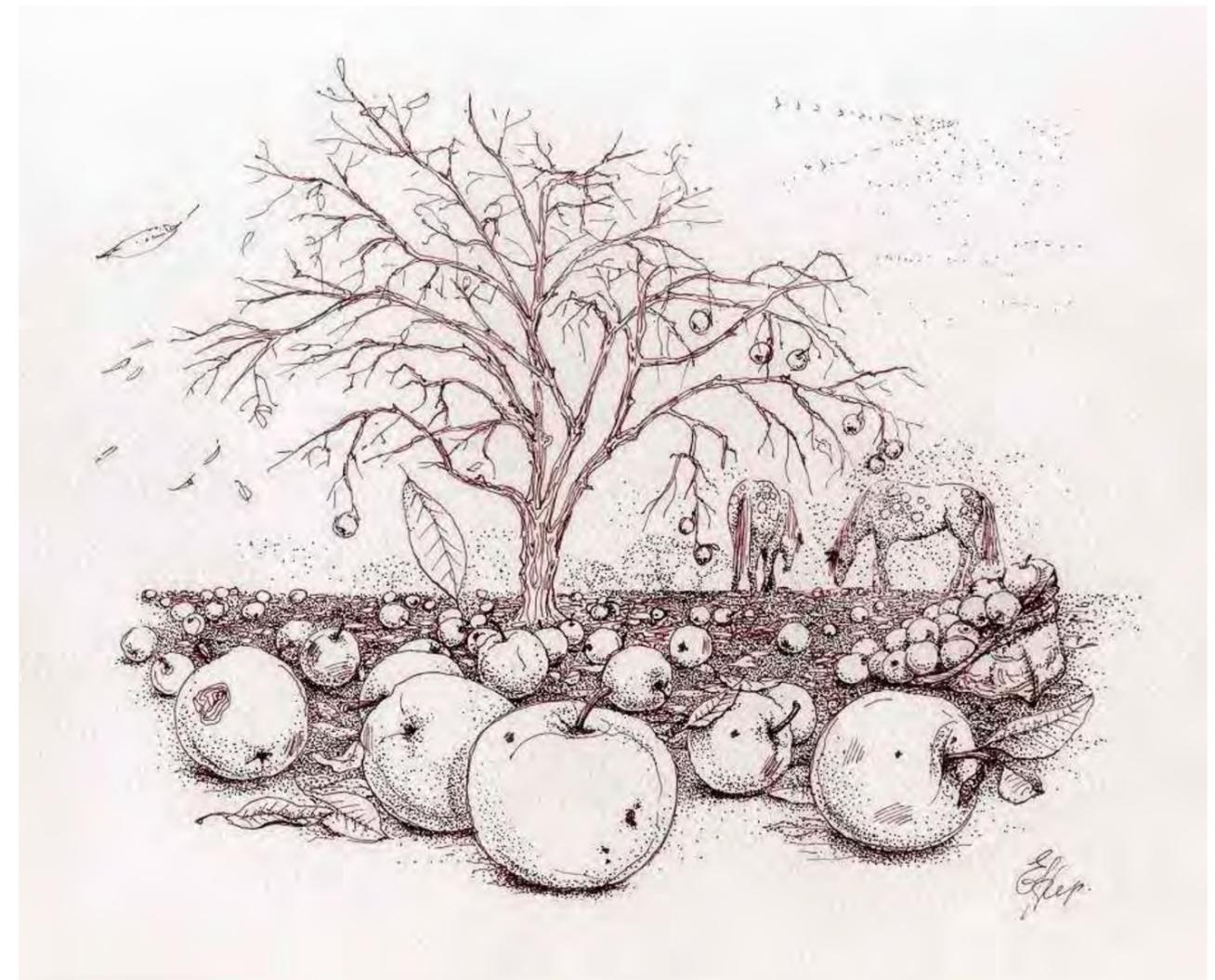

Рисунок Е. Н. Черепановой

ЖИЗНЬ КИПИТ, ИДЁТ РЕСТАВРАЦИЯ

Нынешняя осень увлекла в Нагорный Карабах безудержным солнцем и всяческим урожаем. И проводниками в этот древний край были опять наши прошлогодние ереванские труппы: всезнающий и всевидящий Ованес (виртуозный скрипач и маэстро за рулём своего минивэна на горном серпантине) и его спутница по жизни — царственная Армине. Удивительной душевной щедрости и смелости женщина, в худшие для Карабаха времена, в самые голодные годы развозившая по замерзавшим деревням еду и подарки детям к Рождеству. По заледеневшим горным дорогам, мимо военных постов, с ночёвками в нетопленных школах...

Для нас это — знакомство с затерянным миром, для них — паломничество по святым местам.

Для Армине — встреча со старыми, знакомыми местами, далёкими нынче друзьями и путешествие в самый дальний уголок Армении — Дадиванк, храм, построенный учеником Апостола Христова.

Мы едем из Еревана долгие восемь часов то по горам, то между ними, почти не встречая жилья. На этих уступах трудно жизни зацепиться. Ненадолго останавливаемся, чтобы посетить Татев — монастырь над пропастью, которую пересекаем по канатной дороге длиной шесть километров в прозрачном вагончике фуникулёра. И смотрим с высоты птичьего полёта на крошечные квадратики домов и ниточку реки.

У въезда в Карабах — заправская погранзаезда. С таможенной и штампами в паспортах. А дальше...

Рисунок Е. Н. Черепановой

Даже роуминга нет. Мобильники молчат. Мы — в полной изоляции. И только кофе, волшебный кофе с двухсантиметровой шубкой пены, что подают в крохотных парадных чашках в дырявой кафешке со старым плакатом на всю стену, вызывает настоящий восторг.

Ослики что-то тащат.

О! Всадник проскакал. На точёной карабахской лошадке. Овечек по склонам собирает в кучу. Встречные — на проржавевших «москвичках» и «жигулях», на перегруженном уазике везут на крышах кто чего.

Зилок, заваленный всяким добром. Жизнь кипит. Вот и Степанакерт на горизонте забелел почти параллельными улицами новых домов. А нам — в Шуши.

От прекрасной крепости поднимаемся вверх, сворачиваем — и...

В надвигающихся сумерках встают призраки домов без окон, без крыш, без стен...

Два минарета без куполов на фоне восходящей луны.

Медленно-медленно шуршат колёса по каменным обломкам. Слева проплывает простреленная панельная пятиэтажка с дровами на балконах, с дымящимися трубами буржук из закопчённых окон. С печально глядящими на улицу стариками.

С последним лучом солнца сворачиваем на спуск, заросший ежевикой, и по выбоинам от артобстрелов, цепляясь днищем машины и ойкая поминутно, упираемся, наконец, в ворота. Света нет ни зги. Мы вообще туда?

Куда-то звонит Ованес (у него отдельная связь). Мяукает кот. Ворота удаётся открыть и заехать на более-менее ровную площадку перед домом. Из груды поленьев торчит распотрошённый снаряд. С огромного дерева под ноги шлёпается что-то.

И тут всё оживает, начинает шуметь и смеяться, зажигается свет во дворе и в кухне. Это с другой улицы ввалился хозяин дома — красный командир, балагур и врун безбожны — смешливый и большеглазый Саро.

Сейчас он не на войне. Но командир по-прежнему: за таким и в бой смело, и таскать камни на постройку, и клумбы копать возле недавно возведённого здания. Беженцев обустроить, таких же, как и сам, вырвавшихся из Азербайджана от зверских расправ. Спасать очередной дом от неумелой реставрации. Он так и говорит: «Реставрация». Не ремонт, не постройка. Реставрация! Как основной закон любого строительства в Шуши. Во имя возрождения его старинного лица, узнаваемого в каждом камне, в каждой краске. По закону обратного волшебства.

Во имя Родины, за которую бились.

Заражаясь его оптимизмом, многие и правда готовы ещё потерпеть без насущных нужд, отдавая себя заботе о вечных ценностях.

Вот всем миром две церкви отстроили. Подняли на крыло музыкальную десятилетку с именными табличками спонсоров у двери каждого класса. Вкусно пахнет из школьной столовой, на стене — древо с золотыми листочками — фамилиями учеников всех поколений, прославившихся на весь мир. А директор на собственном микроавтобусе собирает по утрам учеников из горных деревень и вечерами развозит их обратно. Добывает музыкальные инструменты — опять немного денег от равнодушных людей. И опять и опять вывозит юные таланты в свет, чтоб не зачахли ростки прекрасного.

Заново провели газ. И воду, столь ценную, что купцу, платившему за каждый пробитый в скале метр золотом и подарившему её шушинцам, построенной источник. И был когда-то памятник из чёрного мрамора на могиле. Но... историю великих дел иногда желают стереть навсегда.

Влюбленный в Шуши Саро, хоть и бакинцев урождённый, с гордостью ведёт в музей минералогии. В восстановленных из руин высоких сводчатых залах из дикого камня красуются дары академика Габриелянца, подобно Соломоновым сокровищам, на каменных полированных плитах. Они укрыты стеклянными колпаками либо тонкими пластинами, вделанными в стену на просвет солнечного луча, или в тайной комнате играют неземными красками во тьме под ультрафиолетом. Отполированный шар из агата с аметистовыми друзами в разломе. Старейший на глазах лазурит, ещё недавно добытый из подземной тьмы нежно-голубым. Сталагмит, застывший шариками виноградной грозди. Окаменелость с гигантским зубом доисторической акулы. Гигантские аммониты, переродившиеся изнутри в оникс... И камни, камни, камни. Поделочные и строительные, зашлифованные плитками или разделанные под декоративную резьбу... Великолепные подарки гор.

Выслушиваем настоятельную рекомендацию, гуляя по уже отстроенному Шуши, посетить потайную комнату под храмом Казанчецоц, где во время обстрелов спаслись многие жизни.

О да! Те впечатления стоили столь дальнего пути в Карабах!

Там у алтаря под решёткой в полу — крохотный лаз с резким разворотом ступенек вправо и проёмом вполтела. Несколько метров протискиваясь в кромешной тьме, выпадаешь в круглый зал-купол чуть выше двух метров в самой верхней точке. Даже шёпотом сказанное слово, усилившись, долго гуляет по кругу. А едва только встанешь в центр, ты попадаешь в колдовское объятие звука. Начав петь, слышишь свой голос внутри себя, как в наушниках. Но резонирует он сферой в метре вокруг тебя, и такими чистыми яркими нотами, как будто ты колокол, а тела нет вовсе. Космическое...

Что должен чувствовать здесь молящийся?!

Почему для общения с Богом выбирают пещеры?

Для меня навсегда осталось загадкой: среди груды сваленных строительных смесей посреди улицы стоял латунный бак на лапах, с львиными головами по бокам, держащими в зубах кольца-ручки. С присохшим внутри штукатурным раствором. Послевоенная расточительность от невозможности добыть большую ёмкость?

Наш новый проводник Анют ведёт нас знакомыми с войны тропами в ущелье. Там величественные скалы. Там древние постройки. Пещеры. Там тайна.

Сверкающий хрусталь водопада оседает на гигантский зелёный зонт из камня и сплошного мха над гротом, шлифует подступы к нему. Боясь упасть на скользких выступах, сперва осторожно перебираемся по плетёному мосту через распад и только с другой стороны ущелья разглядываем это сказочное явление природы, где в нише, укрытой водяной преградой, непременно должны быть сокровища.

Мы устраиваемся на пикник в самой нижней точке всей этой красоты. Я располагаюсь на пригретом валуне и, закрыв глаза, слушаю рассказ Ашота, как он искал способ избавиться от военной привычки смотреть на людей через прицел. Как упала здесь после утренней молитвы боевая подруга от снайперского выстрела.

Слушаю шум быстрой воды. Птицы. Цикадки. Шорохи. Осыпаются мелкие камешки. Безвременье.

Ещё день посвящается археологии. Добираться к раскопу — через сметённый с лица земли белокаменный Агдам, где в брошенных садах за минами наливаются в последней спелости розовый гранат. Кое-где собирают камни на постройку. Или заржавленный металл. На несколько минут включается азербайджанский роуминг. И всё. Нет жизни. Только белые валуны на чёрной земле.

А дальше — рваные дороги, заградительные валы, голубые артиллерийские батареи. Редкие смельчаки берутся засеять поля, обезвоженные к тому же из-за разрушенных водоводов. Ни мира и ни войны.

И так долгие двадцать лет.

Древняя армянская столица Тигранакерт навсегда оставила следы в скальной твердыне гор, обращённых к Агдамской долине. Никакая сила не вырвет из каменных объятий выбитую в монолите и ошлифованную многотысячьем ног лестницу к вершине горы с идеально круглыми чашами отверстий под масляные светильники вдоль пути. Всё, что жило и дышало вокруг, укрыто ещё толщей земли лишь чуть-чуть приоткрывается археологами. Но десятки родников из царской купальни по-прежнему прорываются в долину и несут жизнь.

Всякий вечер, возвращаясь в Шуши, вздыхаем с облегчением, находя всех обитателей по-прежнему за хозяйскими делами, котлов, мирно жрущих неосторожно оставленную рыбу, с оптимизмом булькающую стиральную машинку. Мужчины азартно подключаются складывать дрова, трести орехи с высоченного дерева и шарить потом по земле впотымах, отыскивая их. Вместе с Хасмик, женой Саро, его полной противоположностью — обстоятельной и плавной, серьёзной и ответственной, — накрываем большой стол. Потешаемся над девушкой, странной обитательницей нашего второго этажа, беззащитной перед шутками Саро, которые даже мы постоянно фильтруем, отжимая правду, замешенную на весёлых враках. Прохаживаемся по карабахской эпопее Германа Стерлигова, нового мессии и единственного спасителя христианского мира, приехавшего заселить своим семейством Богом осенённые земли. Приехал. Нашумел. Наобещал. Напророчил, поучил жизни.

И слинял. Не успев сделать быстрые миллионы и доброе имя себе. Оставив недоуменных карабахцев самостоятельно искать возможности вдохнуть жизнь в убитые земли, искать свой высокий смысл в полуголодной аскезе, на руинах, без надежды увидеть благо при этой жизни. Когда открыты двери в ближний цивилизованный мир...

...Какая-то ускользающая истина никак не оформится в слово. Её можно даже потрогать, настолько она осязаема. Примерно как муравейник, который разрушили до основания, растоптали, но оставшиеся в живых упорно тащат свои хвоинки, поднимая заново дом прямо из-под ног...

КРОТКАЯ

Милая деревенская женщина лет пятидесяти пяти. Смотрю на неё и думаю: что она делает здесь, в деревне, среди развалин быта и семейной жизни? Она, в молодости красавица, каких мало на свете. С притягательным обаянием и

живым умом. Почему глаза упрятаны за густую чёлку? Почему руки, как ветки старого дерева?

Мы живём вместе под крышей её недостроенного дома уже десять дней. Десять дней я смотрю, как вспыхивает и гаснет её улыбка. Как безуспешно она

пытается навести уют после ухода соседей или невестки с сыном. Как потерянно бродит по дому, не имея в нём собственного уголка, хотя прожила здесь одна после похорон мужа пять лет.

Но хозяйка в доме все, кроме неё: гости, которые ломаются без спросу, соседи, безнаказанно отнимающие время, поглощающие напитки и закуски, сыновья, давно живущие отдельно, однако бурные загулы с друзьями приносящие сюда, в деревенскую вольницу.

Огромная изба на крайней улице. Женскими руками оштукатуренная и переустроенная. Не до конца. Сил не хватает. Зато камин. Уже оживший. Новые окна. Огромный крытый двор, забитый техникой: мотоциклы, четырёхколёсный скутер, амфибия. Куча железа в гараже. Пять собак, натасканных на большого зверя. Горка недоколотых дров мокнет возле бани. Вода ведрами со двора, через сад, в баню. Потом в дом — по лестнице в пять ступеней. Через высоченный порог. Ковшиком — бережно в умывальник. В миску — для посуды. В чайник.

Собакам в вольер — лопату снега. Вечером — ведро картошки на плитку. День кончается. Надо успеть увидеть в окне последний лучик солнца, чтоб

день не ушёл безликим. А утром опять вставать в свой раз и навсегда очерченный крут. Невыносимо. Невыносимо от женской своей невоплощённости.

Они встретились на заре своей жизни. Он — чубарый, шумный, весёлый. Вокруг него земля вертится. Она — нежная, тонкая, чуткая. Его харизма шлейфом накрывала всё, чего бы ни коснулся. Друзья, как на подбор, — сильные, вольные. На охоту, так непременно на Саяны. Строить — чтоб надрываться. Драться — насмерть!

А жениться, так непременно на первой красавице. Чтоб и друзья, и недруги от зависти загнулись. И чтоб каждого, кто посмел взглянуть на неё, в кровь избить. Да и самому заполучить нож в бок. А её поразински — за борт жизни! Чтоб не стояла между друзьями! Чтоб тенью на пирушках. Чтоб верной подругой, пока носит нелёгкая по горам, по долам. Чтоб об руку — краше не было. За полверсты чтоб настроение угадывала, по дому летала.

А сыновьям, как только на ноги встали, — ружьё в руки да в лес! Чему баба научить может? Только крестиком вышивать да соплю распускать? Её бабье дело — мужу подчиняться! А она, как не своя, в каж-

Живопись Е. Н. Черепановой

дый его след ступала. Всё сносила. За мимолётную ласку. За редкие часы возле него. За какие-то вселенские истины, снисходившие в минуты откровений. Горестным эхом вырвалось: «Не наговорила с ним — всего себя растратил...».

Растратил. Рубил жизнь огромными кусками. К чему мельчить? Удел слабых — догонять. Доводить до ума. Вдохнуть жизнь. Давать имена его детищам. Так и умер, делая свой семимильный шаг, — начав строить, опомнившись, родовое гнездо.

ДЖАЗ И КАРТОШКА

Осень. Любимое время года. Почему-то.

Дачный рай заменяет, который уже год, леса, луга, пляж...

Со стороны, может, и каторга. Но сказочные цветы возами и «наглое изобилие», как выражается моя сестрица, всяких овощей и ягод искупают нелёгкие сельские труды.

А она прячется за густой чёлкой, чтоб не видеть женской злобы тех, чьи мужья поют хвалу её кротости и трудолюбию. Чтоб случайным блеском глаз не задеть чьего-то сердца, помня о впечатанных в память поножовщинах. Пытается придать благородство отстроеному домину, вкладывая все женские свои силы в не женские, на десятерых начатые дела. Причёсывая память о нём, «не к ночи будь помянутом». Не держа сердца на бросивших её сыновей.

Мои американские друзья захаживают всякую неделю посмотреть на распутившиеся ряды лилий и новинки роз, щедро усыпанные нежнейшими бутонами.

Они наездили по свету, отселили сына на родину джаза, раз в год устраивают себе вояж за океан, попутно заражаясь там любовью к клочку землицы,

Живопись Е. Н. Черепановой

везут пакетики семян в надежде вырастить из них чудо-овощ. Как-то поняли, что здешний климат подходит им более всего, да и друзья представляют огромную ценность. Купили участок с неказистым домишком. Соорудили баню и устроили себе на пенсии своеобразный дауншифтинг, съезжая на дачу почти на полгода. Топят баню на десять человек, ездят на рыбалку и за грибами. Выращивают картошку, гордо показывая вновь приобретённые семена у друга-помещика из Микуни. И как-то это всё легко и празднично.

Зовут посмотреть их американскую, уже убранную морковь, ремонтантную клубнику (от которой я отказалась в силу слишком короткого для неё лета). Делятся видами на урожай. И так важно, серьёзно. Всё это я давно уже прошла, стараюсь не разрушить иллюзий, учу есть цветки настурции, в которой они с удивлением обнаруживают вкус редиски.

Вечер лёгким туманом подбирается со стороны леса. Ещё тепло, но хочется уюта. Разбредаемся на запахи отварной молодой картошки с укропом. Буквально вчера узнала, что Ильин день, попадающий на начало августа, — это и коми праздник, в который принято подкапывать первую картошку. И в этот день даже мои дети, ненавидящие картошку в принципе, любят её самозабвенно и соглашаются посадить и на следующий год тоже. Так уж и быть...

Рядом три хозяйства за общим забором, по видимому, родственники или близкие друзья, собрались ужинать в шатре все вместе. Мангал полыхает, звякают кастрюльки на летней кухне. Музыка. Я складываю подсохший на ветерке лук.

Ухо улавливает звуки оркестра...

Красиво так. И громко. Любимая труба и саксофон.

Однако, слишком громко, да и некоторые нестройности в оркестровке. Живой джаз!!! Ух ты! Любопытство уносит мои ноги в конец улицы на звук, который чем ближе, тем отчего-то глуше. То ли удаляется по дороге, то ли теряется в ближнем лесу...

Некоторые сомнения при взгляде на застывшие ноги в шлёпанцах останавливают на секунду, но любопытство, что родилось вперёд меня, толкает по холодной росе в темнеющий лес. Через ручей. По тропкам на ощупь. Мечусь вдоль натянутых сеткой задних дворов чужого массива, ища незапертую калитку на ту сторону. Проникаю на вечернюю улицу... И...

...«да, то был вальс, старинный, томный»... И, в окружении картошки, раскинутый шатёр светился фонариками. И духовой оркестр — три трубы, четыре валторны, саксофон и ударник — в серых смокингах. И ноты на пюпитрах. И раскрытые футляры по грядкам — от добротной кожи до новомодного пластика и тканево-поролоновых чехлов.

По очереди солировали, вставая с места. Срывали аплодисменты. Сыграв один сюжет, раскланивались. Кто-нибудь оглашал: «А теперь, друзья мои, играем страницу двенадцать, любимого нашего Силантьева»... Пары танцевали...

Наконец, юбиляр — дедок лет за семьдесят — поднялся: «Последнее танго!».

Тягучее танго плыло над банями и огородами, стелилось по ручью вместе с туманом, рвало сердце. Надрывались душевные раны.

И было так всё равно, что ноги в шлёпках давно замёрзли. Что почти стемнело, и обратно — через лес по скользкому мостку.

— Господа, картошка сварилась. Эх! Молоденькая! Прошу к столу!

Оркестранты радостно побросали инструменты, впопыхах не застегнув футляры. Ветерок под куполом шатра позвякал ещё ударной тарелкой, желая продолжения. Но было уже не до музыки.

Так гармонично и незаметно свершился переход от высокого к простому и обыденному, сведя на нет их вечный спор.

ДАВНО ХОТЕЛОСЬ

Банальная вещь — хотелось в лес...

Я — как тот коренной москвич, живущий среди театров и музеев, а за всю жизнь посетивший их лишь на школьной экскурсии да с девушкой на романтической прогулке. Он упоает на то, что все эти красоты рядом, руку протяни.

И не идёт.

Вчера... Вообще это получилось спонтанно. Был вечер. Дочь обиделась на весь свет, оттого что её

пригласили за грибами, но не срослось. Ещё один выходной выпал.

И тут ей сигналият снизу: выходи. А собачку? А собачке места нет, народу полная машина!

А теперь собачка садится на пятую точку и обижается на весь свет, горестно вздыхая. Ну, надо видеть это зрелище: здоровый псец повесил морду и ест всех тоскливыми глазами. Молчаливый такой укор. Даже колечко на хвосте разогнулось.

Чувствую, что мой ковчег щас пойдёт ко дну. Хватаю куртку, на голые ноги — колючие носки, приплясывая в одном сапоге, вываливаю из корзины лук с огурцами. Вытряхиваю ключи от машины, документы и с собачкой на поводке слетаю вниз по ступенькам. Собачек понял всё: сигает в машину, едва дверь открылась, следом за корзиной пристраивает попу в багажник, притом до смерти боясь езды. Он готов это пережить, только в лес! По пути он, конечно, перепрыгивает барьер и начинает выть на руках у стерженеющей потихоньку дочери. Но сто двадцать километров! Уже за городом!

Солнце низко, прямо в глаза. Держу курс за белой «кормой», повторяя за ней пируэты вокруг дорожных ям. Там — в белой «ласточке» — ас! Мне не сравняться, да и машинка моя на высоких скоростях не стелется, как та, белая, а норовит взлететь. Мы отстаём на поворотах, высматривая против солнца знакомый силуэт. Пёс, обманываясь падающей скоростью, начинает выть громче.

Минуем дорожную гладь, начинаются ухабы. Тут я королева. Мой танчик плавно ныряет в промоины, по очереди вытаскивая колёса, и нет нужды щемиться под деревья, искать, где поровнее.

Находим подходящий карман для парковки и выпускаем одуревшего от скоростей пса.

Радостей! Носится, скачет, ломает ветки, топоча громко, как конь. Бедняга, он не догадывается, что с нами ружьё...

А наш рыжий Яг Морт уже расчехляет свой охотничий карабин, опробовать попку. Первым выстрелом сбивает шишки с еловой маковки. Бедный собачек со страху улепётывает куда-то, но после одиночного выстрела решает, что всё не так страшно. Напуганный с детства залповым огнём фейерверков, скитавшийся две недели подальше от города, он теперь норовит забиться куда-нибудь даже от сухого треска воздушной винтовки. А тут гулкий взрыв пороховницы!

Моя очередь. Приятно гордиться заслугами тридцатилетней давности, когда раз плюнуть — со ста метров в десяточку. А щас слабо? На слабо, отзываюсь почти всегда, и мы с племянником расстреливаем в лохмотья картонку на дальней ветке. Вдруг, поняв, что пса нашего нет и в помине, бросаем пальбу и начинаем жалобно зазывать нашего беглеца обратно. Но нет! Он спасает свою шкурку где-то за тридевять земель от подлых обманщиков, заманивших его бедную собачью душу в ловушку. Оглохнув от собственных воплей, бросаем это бесперспективное занятие, надеясь, что собачек наш очухается и вернётся сам. Грибы ждут...

То, что они ждут, мы поняли сразу! Этакий коридор метров триста, с можжевельными веточками посреди княженики. И под каждым листочком — волнушка с пятачок! Скользящая, хрустящая, приземи-

стая — нож не лезет. Плюнув на нож, колупаем ногтями, всё больше входя в азарт. И тут стук копыт на весь лес: наш пёс несётся! Не зная, куда деть себя от радости, прыгает через наши спины, валежник, месит лапами нашу волшебную поляну, расквашивая грибочки. От невозможности утихомирить это чудовище все начинают орать на него, забыв порадоваться счастливому обретению.

Но всё устаканивается, наконец, и мы снова шуршим каждый в своём секторе. А вечернее солнце так и играет на макушках дальних ёлок. Красиво, и сумерки близко. Оглядываясь с сожалением на «клондайк», спускаемся в белый бор. Там редкие сосны, и пока светло. Хрустим по сухому белому мху. Такой заповедный парк в розовых сумерках. Птицы замерли. Слышен стук падающих сосновых иголок, шорох неторопливых ног. Повизгивание счастливецев, натякающихся на рыженькие моховички. И пора уже выбираться. С утра всем на службу, а ещё с добычей надо успеть разобраться...

«По машинам!» Ну, где там! Наше четвероногое норовит улепетнуть. Ещё сколько-то бегаем с ним в догонялки, наконец, удаётся выловить его за ошейник и взгромоздить эту упирающуюся «лошадь» на руки, чтоб уже гарантированно дотащить до машины и попытаться запихнуть в дверь растопыренные лапы. Всё!!! Едем уже тихо. Не воем. Не несёмся по автобану. Успеваем полюбоваться на тюки сена по полям, на свежестроенный мостик. На розовый город, каким он никогда не бывает. Только в предсумеречье, и только с этой вершинки.

Забавляемся, когда с поворота нас резво обгоняет «жигулёнок» и гордо жмёт педаль впереди. Я плавно подбираюсь к его коробушке, повисаю на хвосте и поджимаю, не собираясь обгонять. «Жигуль» тщетно гребёт всеми колёсами, силясь оторваться от самурая. Он весь уже в сизом облаке от перегазовки, но мы весело маячим в его зеркале. Потом оставляем в покое, сбавив до восьмидесяти и махнув ему рукой. Съезжаем на свою отворотку, шлёпаем по родным дворовым лужицам и пристраиваем широкую самурайскую морду моего RAV-4 на последний незанятый пятачок. В виде бонуса нам сыплют ещё один пакет грибов, которые я ещё полночи буду перемывать и пристраивать под сопенье уставшего пса и телебасни с первого канала.

Мечтайте, и вам сбудется.

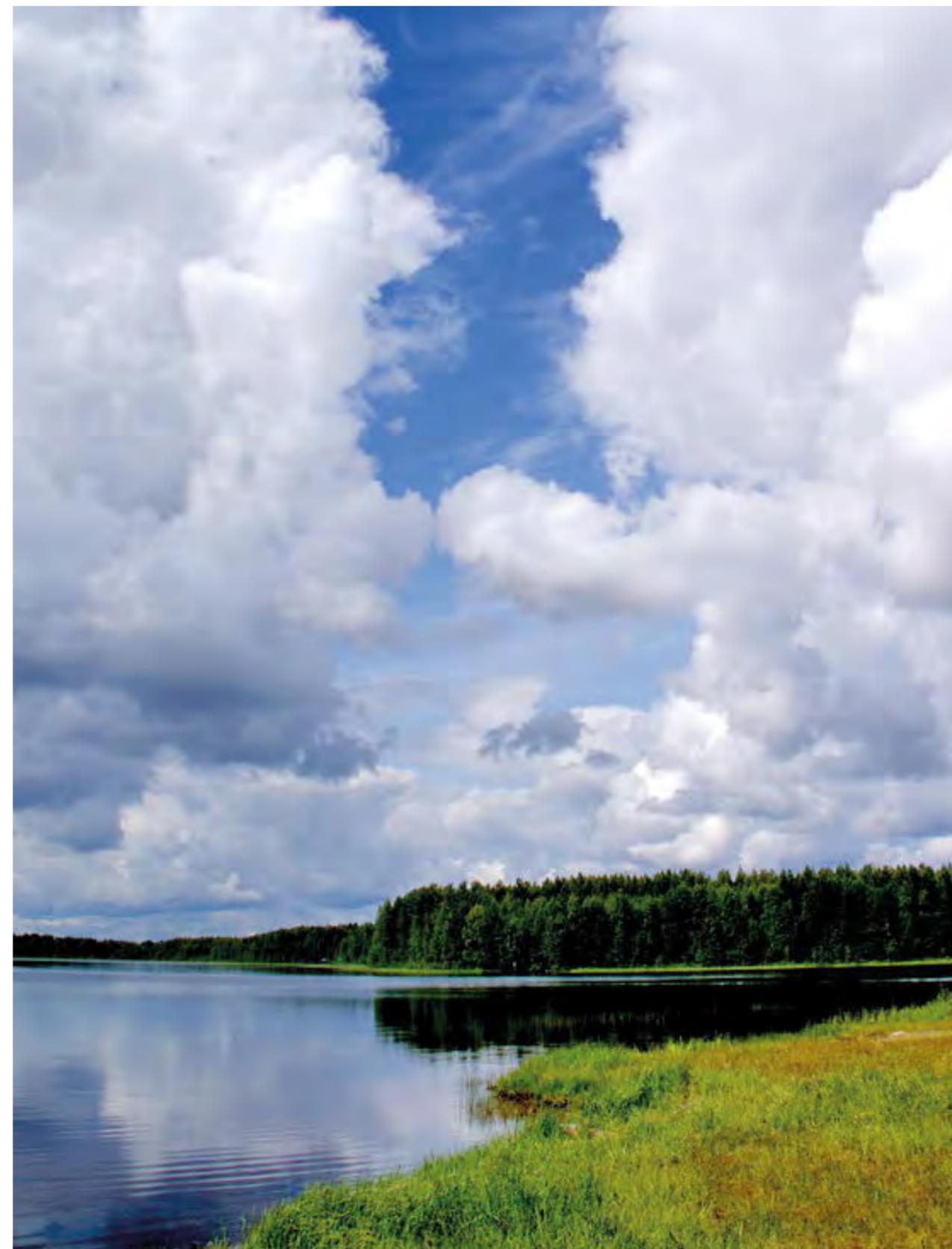

Фото Н. В. Матюшевой

Глава III
*Изобразительное
искусство*

Фото А. В. Кучерова

Галина Абрамова

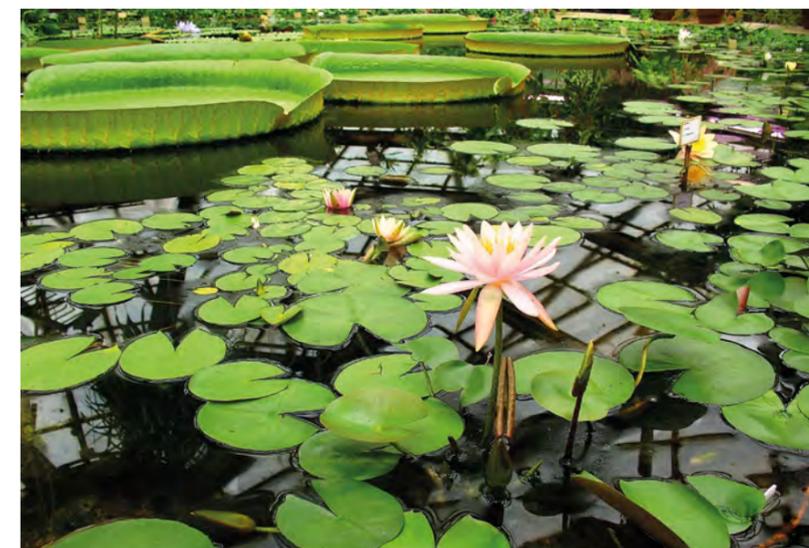
Работала медицинской сестрой
Медико-санитарной части

Галина Батищева

Работала медицинской сестрой
Медико-санитарной части

Наталья Богданова

Лаборант химического анализа 5-го разряда
Химической лаборатории Шекснинского ЛПУМГ (Бабаево)

Николай Бывков

Работал инженером, фотокорреспондентом
Службы по связям с общественностью и СМИ

Денис Васин

Заместитель начальника
отдела защиты от коррозии
Инженерно-технического центра

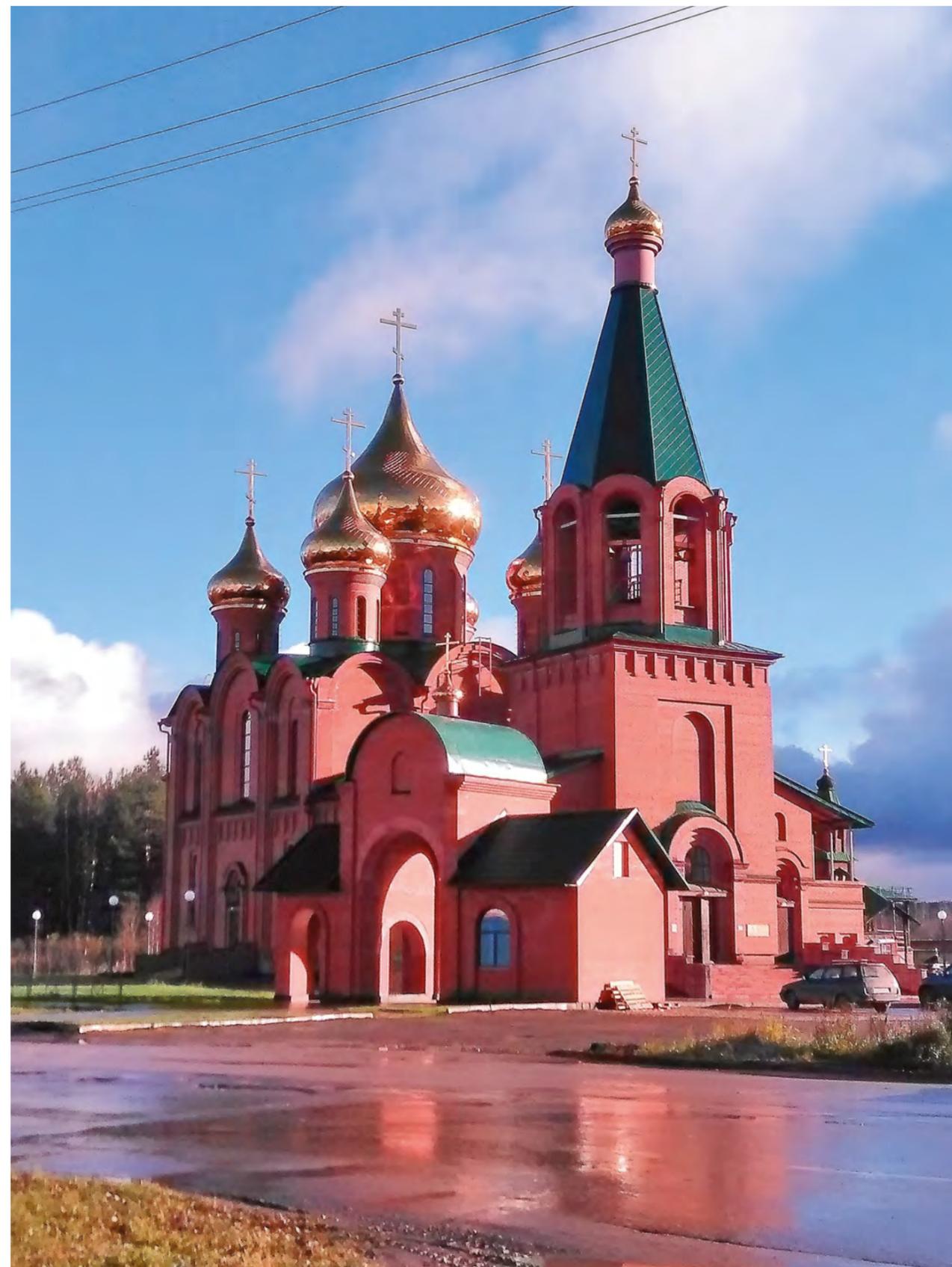

Елена Васильева

Работала корреспондентом
газеты «Севергазпром» Службы по
связям с общественностью и СМИ

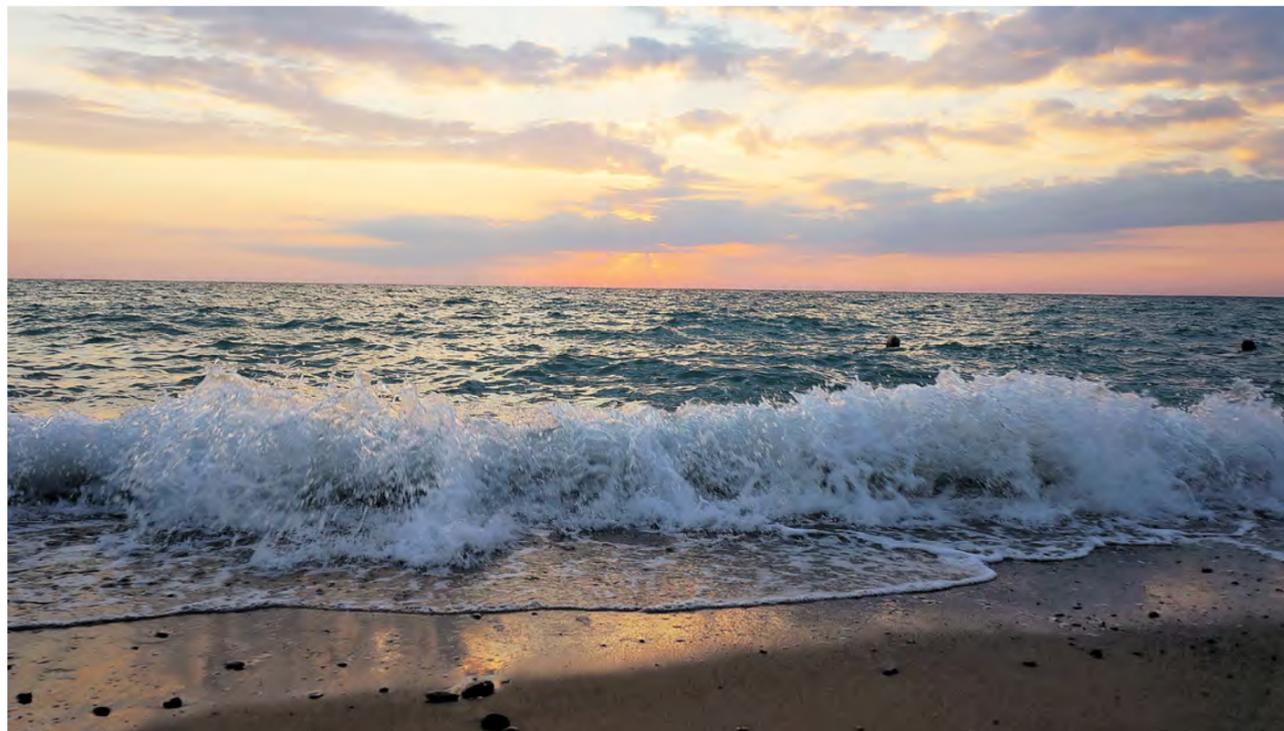

Виктор Васяжин

Художник Хозяйственной службы

Светлана Вишневецкая

Работала врачом клинической лабораторной
диагностики Медико-санитарной части

Елена Деметьева

Специалист по связям
с общественностью Службы по
связям с общественностью и СМИ

Евгений Жданов

Инженер-программист 1-й категории
Отдела сопровождения и развития
локальных информационно-управ-
ляющих систем производственно-
хозяйственной деятельности Службы
информационно-управляющих систем

Евгения Карнаева

Специалист группы по обеспечению выставочно-экспозиционной деятельности Службы по связям с общественностью и СМИ

Фотографии на развороте Е. В. Карначевой

Мавел Кожевников

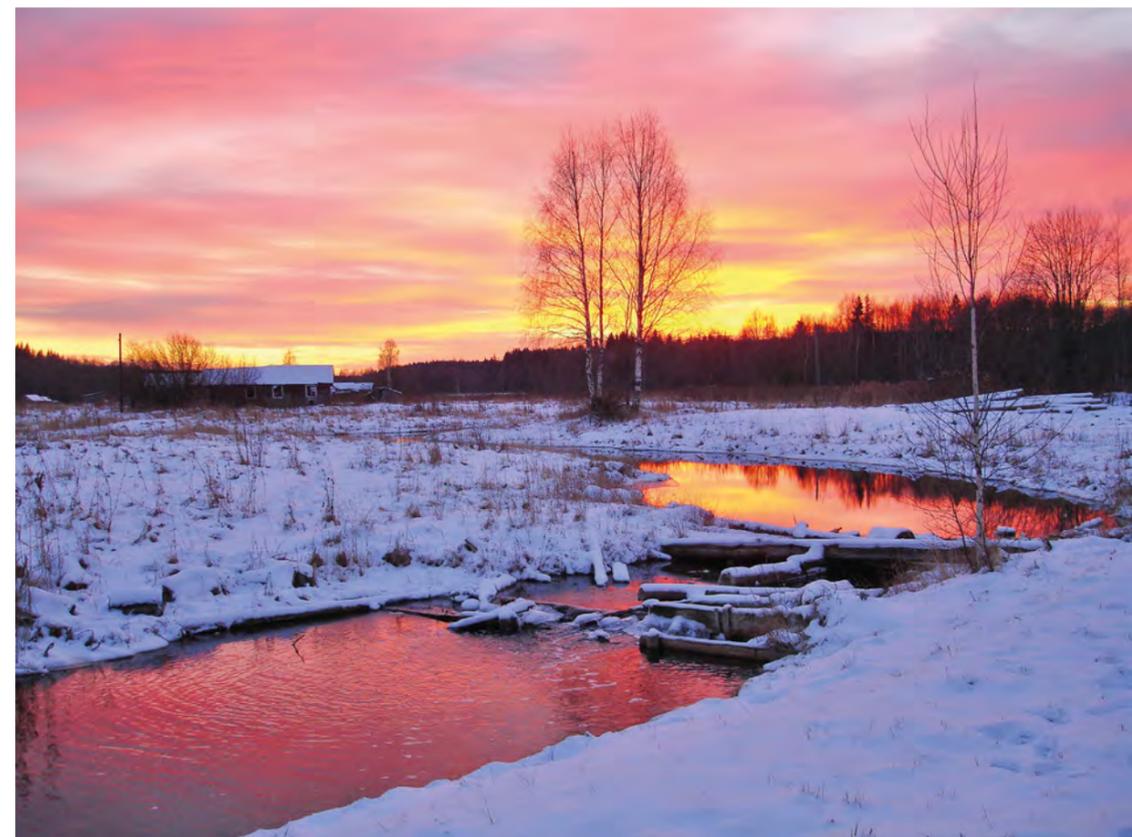
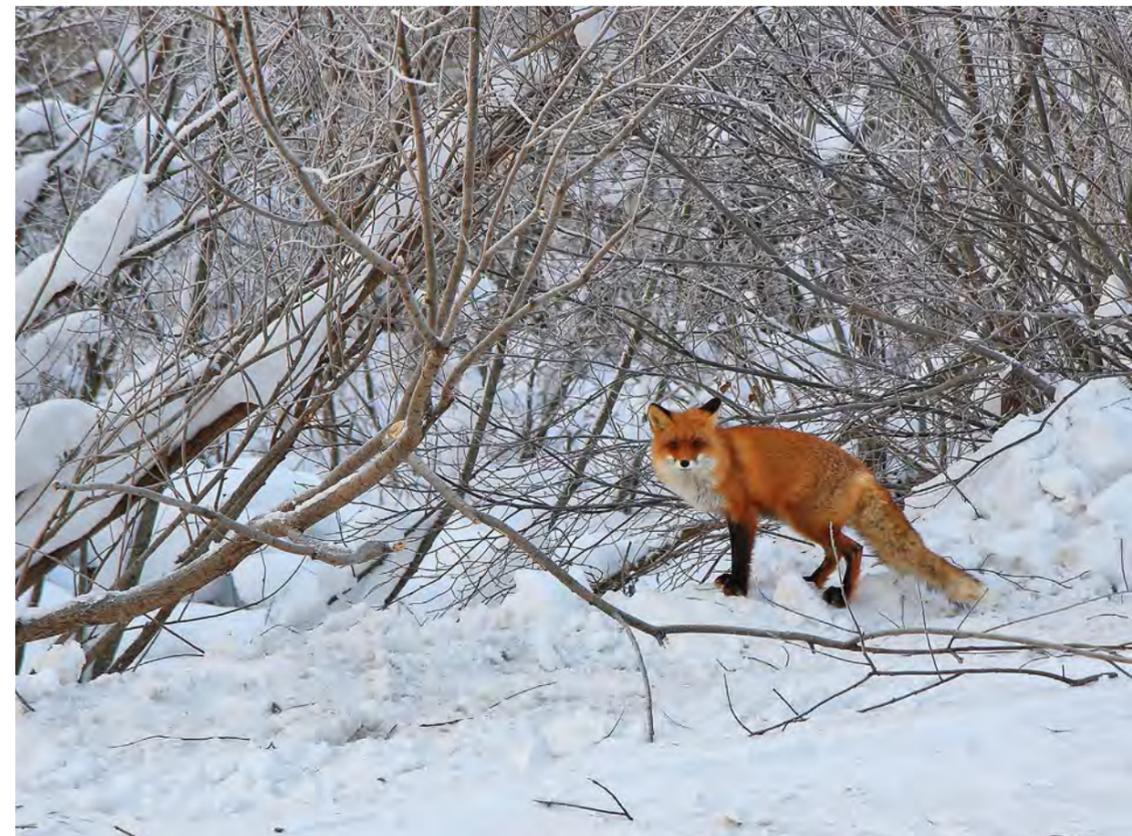
Ведущий инженер
Службы экспертизы проектов и смет
Инженерно-технического центра

Виктор Козак

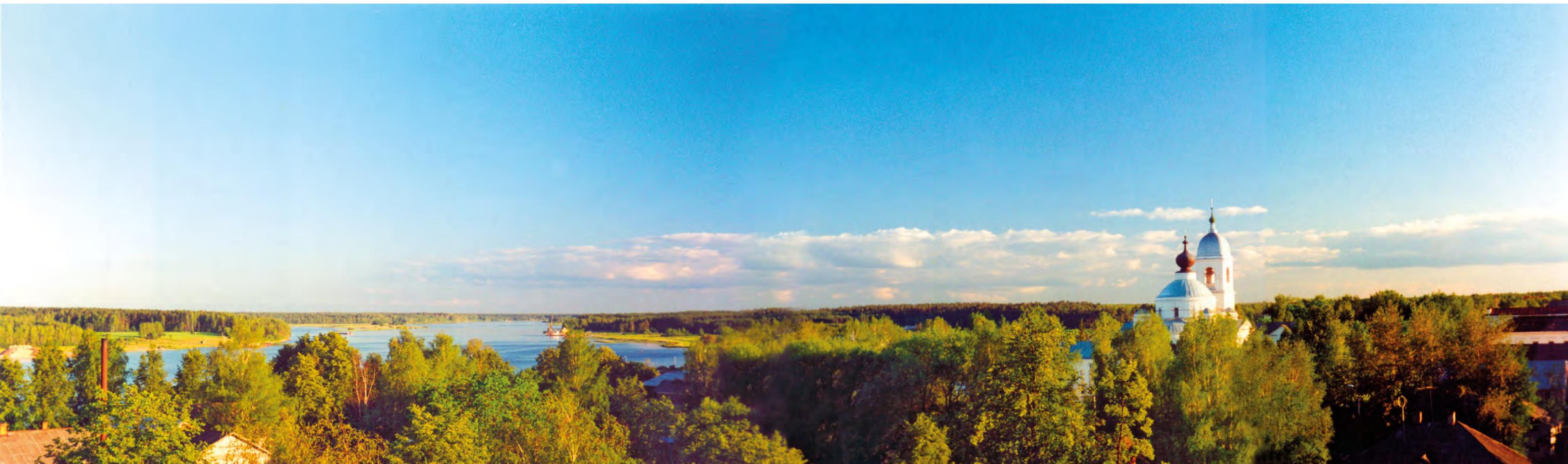
Работал исполнителем художественно-
оформительских работ 6-го разряда УМТС
Приводинского ЛПУМГ

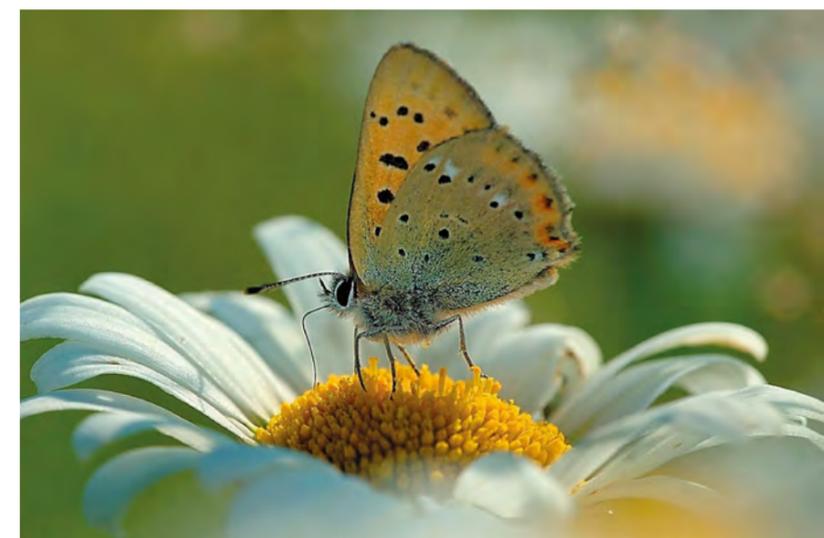

Александр Куреров

Начальник Отдела охраны труда Администрации

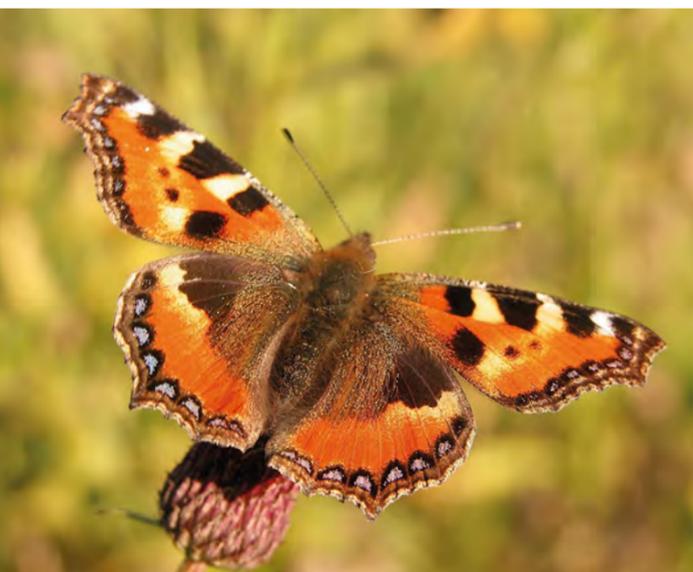

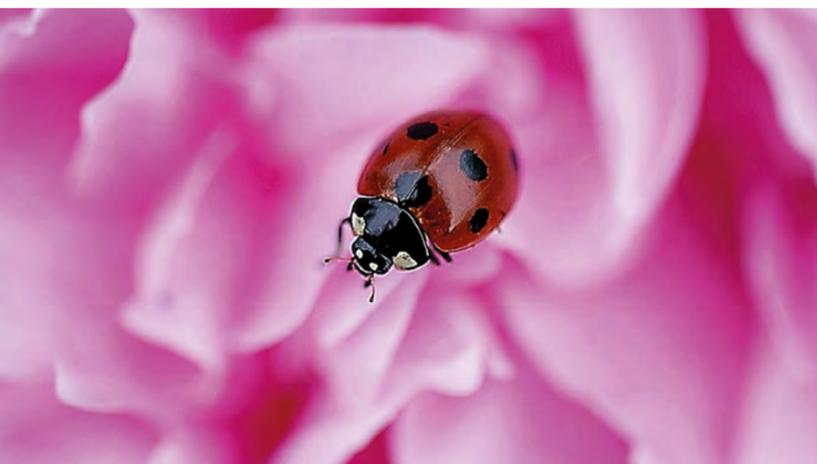
Дмитрий Лысаковский

Ведущий инженер
Отдела главного механика Администрации

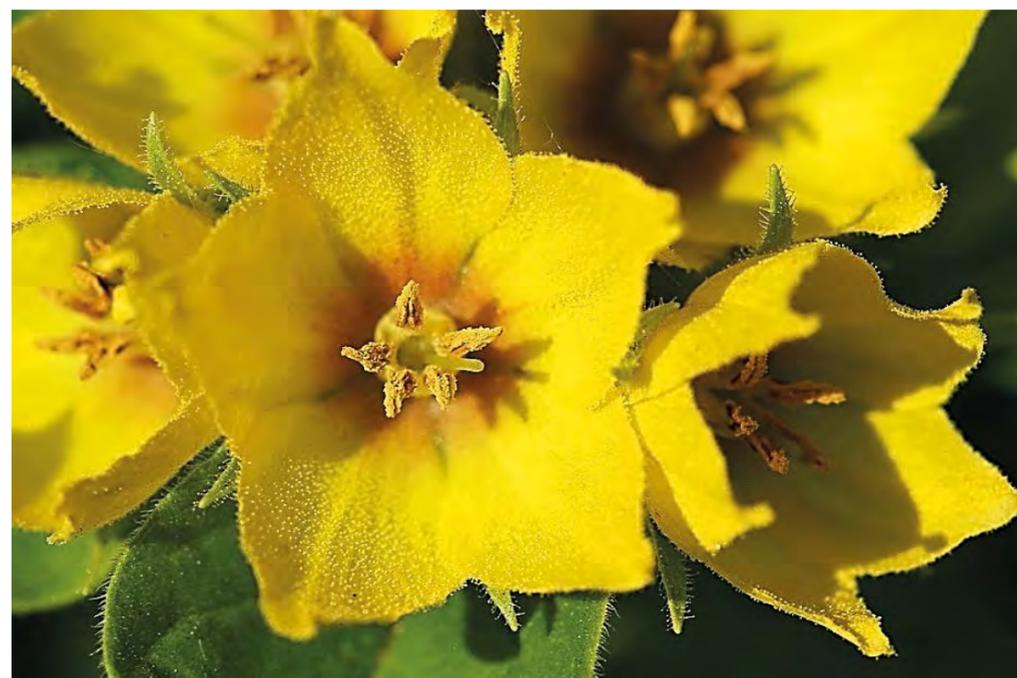
Нелли Матюшева

Ведущий экономист
Отдела социального
развития Администрации

Сергей Мужалетдинов

Инженер-программист
Учебно-производственного
центра

Максим Осташов

Ведущий инженер Службы связи Печорского ЛПУМГ

Сергей Манкратов

Заместитель
главного инженера по охране труда,
промышленной и пожарной
безопасности Печорского ЛПУМГ

Максим Мононов

Заместитель начальника
Службы корпоративной защиты

Иван Прокошев

Инженер-программист
1-й категории Юбилейного ЛПУМГ

Роман Сельков

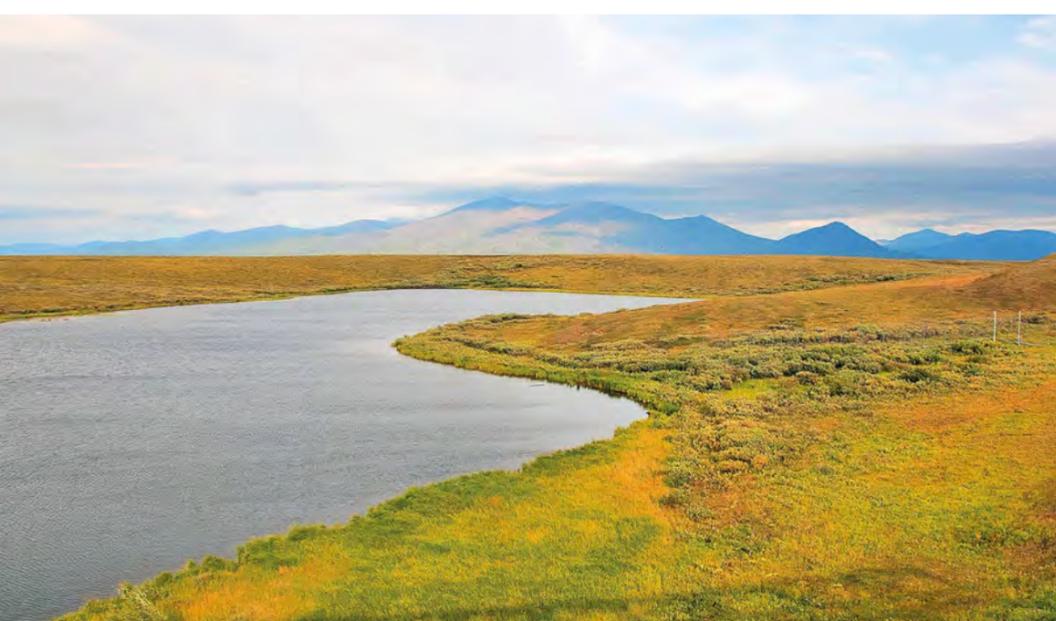
Ведущий инженер-программист
Отдела внедрения и эксплуатации
средств защиты информации СИУС

Марина Субакова

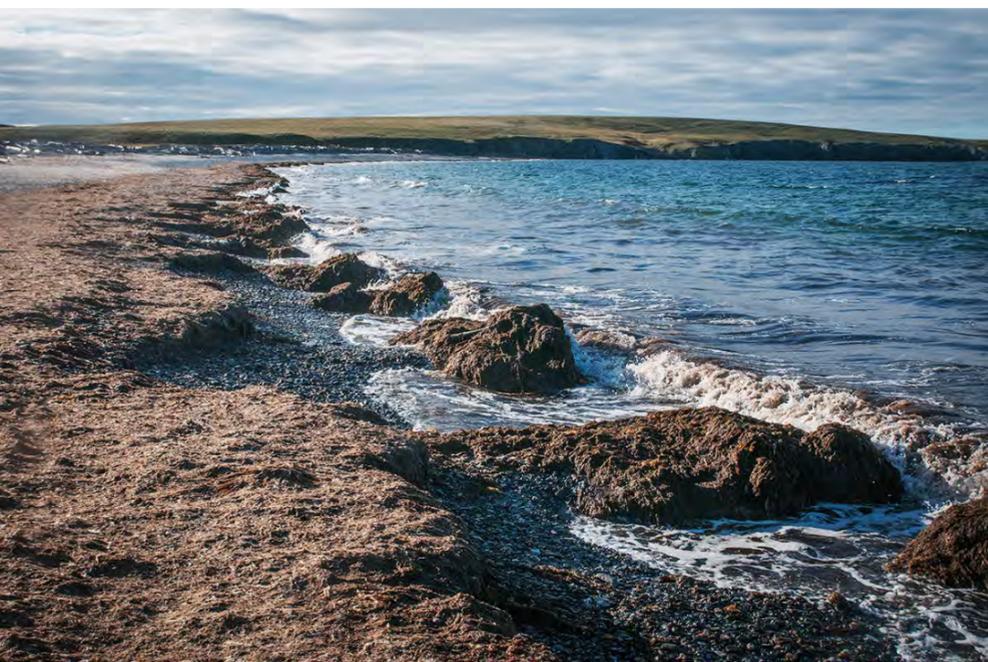
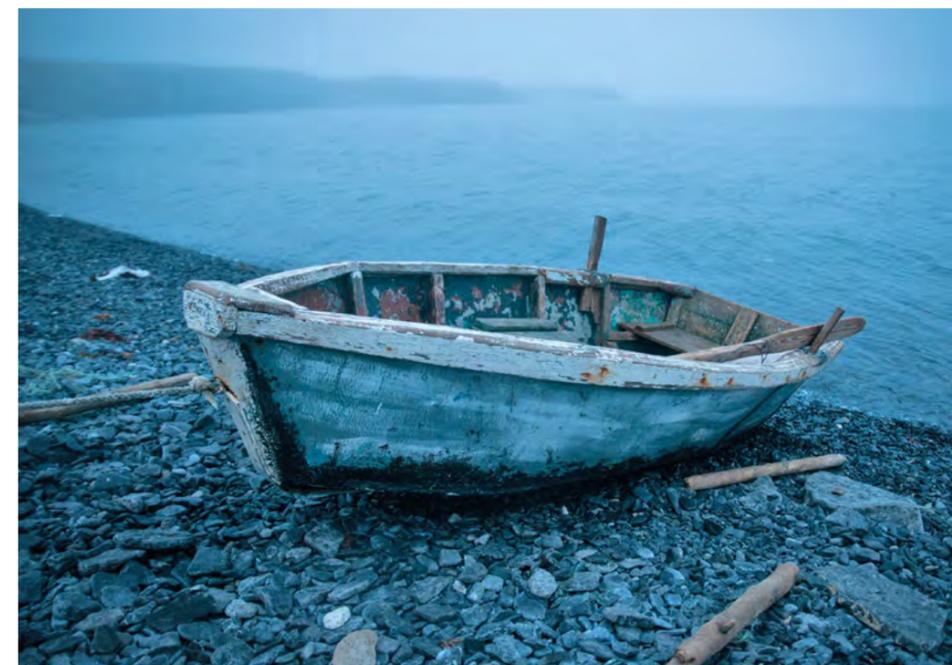
Корреспондент Службы
по связям с общественностью
и средствами массовой информации

Фотографии на развороте М. А. Сиваковой

Метр Елесарев

Электромеханик связи
Службы связи
Воркутинского ЛПУМГ

Владимир Слободкин

Специалист по связям с общественностью Службы по связям с общественностью и средствами массовой информации

Алексей Сухолейстер

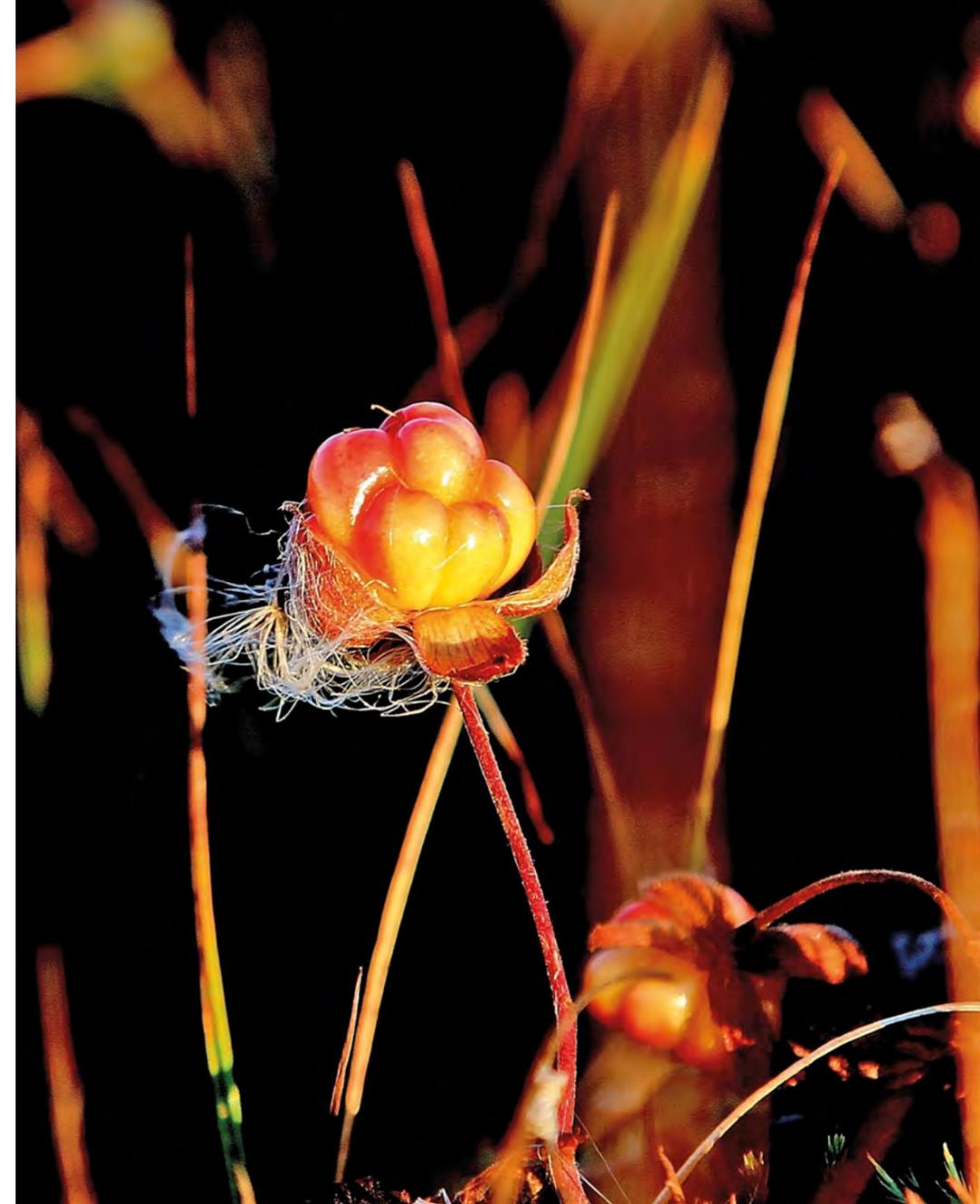
Инженер 2-й категории Службы связи Воркутинского ЛПУМГ

Фото А. А. Сухолейстера

Фотографии на развороте А. А. Сухолейстера

Александр К. Фурманов

Mexei A. Sukholeister

Фото А. А. Сухолейстера

Матьяна Трифанова

Работала ведущим инженером
Нормативно-исследовательской лаборатории

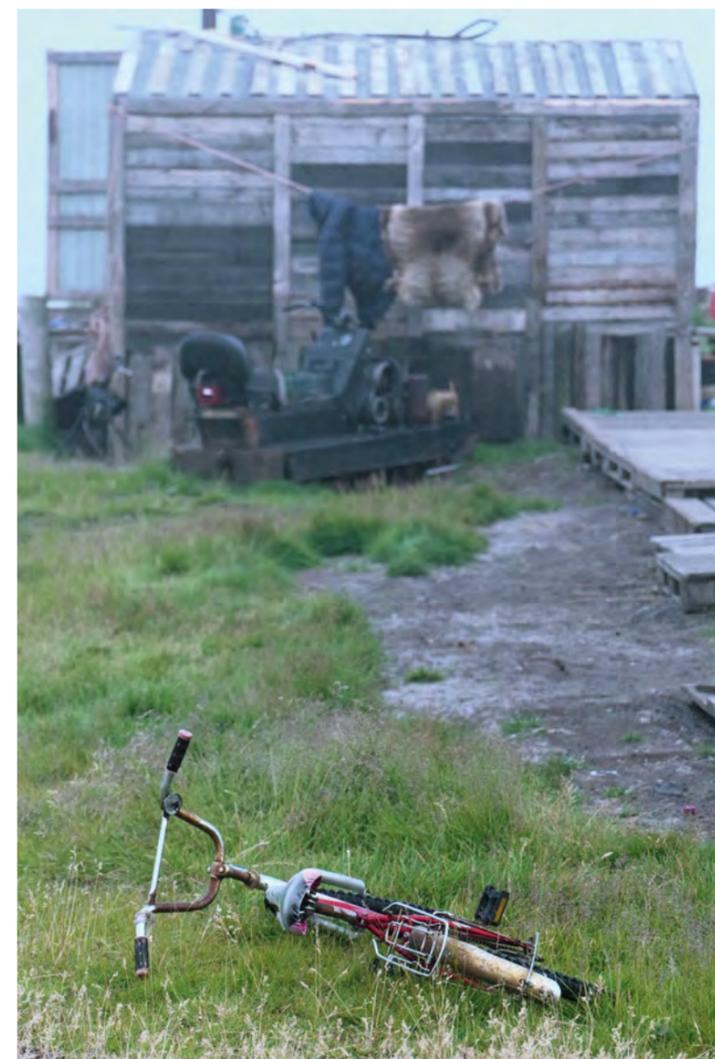

Ольга Филиппова

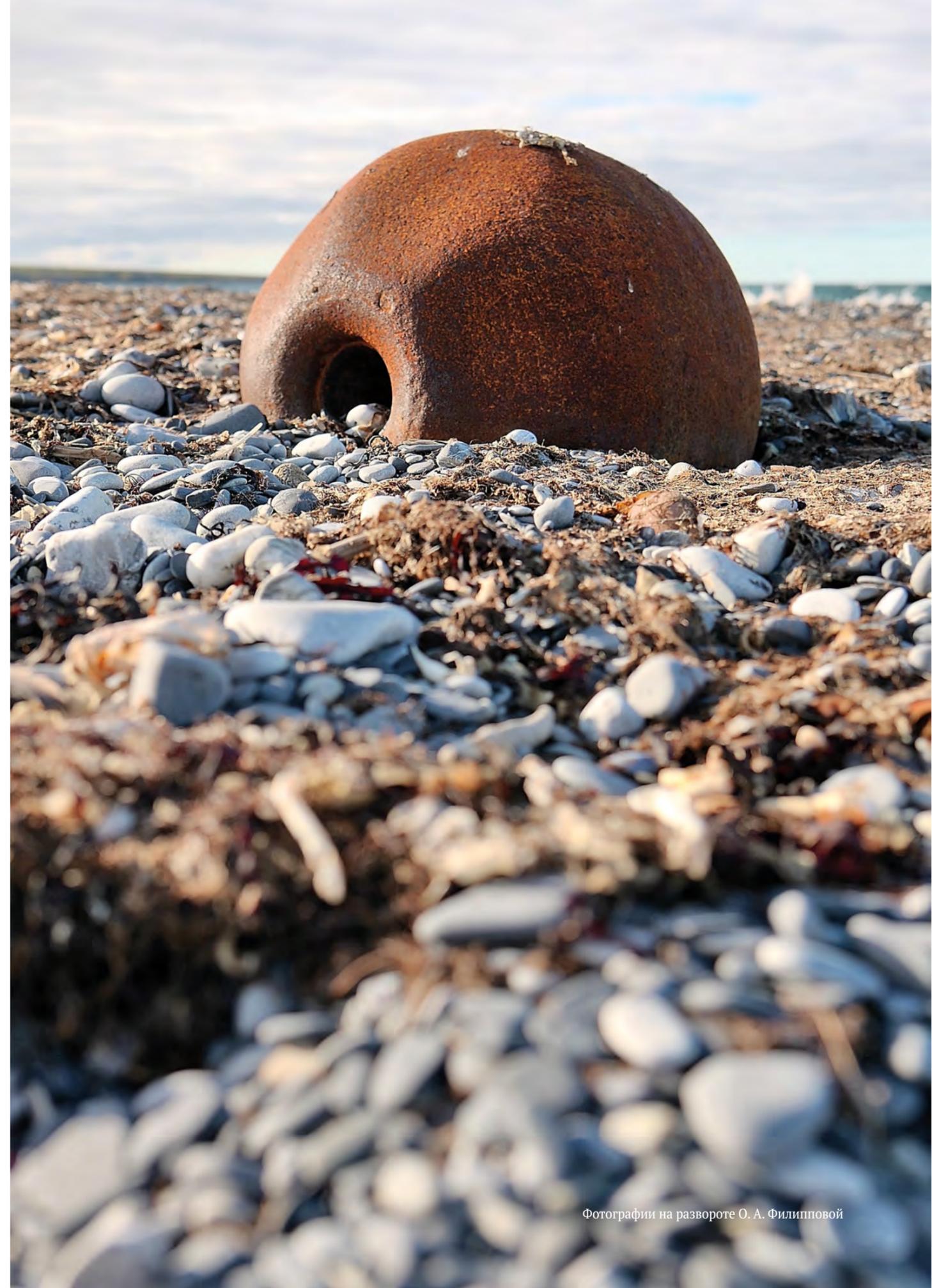
Начальник Службы по связям с общественностью и средствами массовой информации

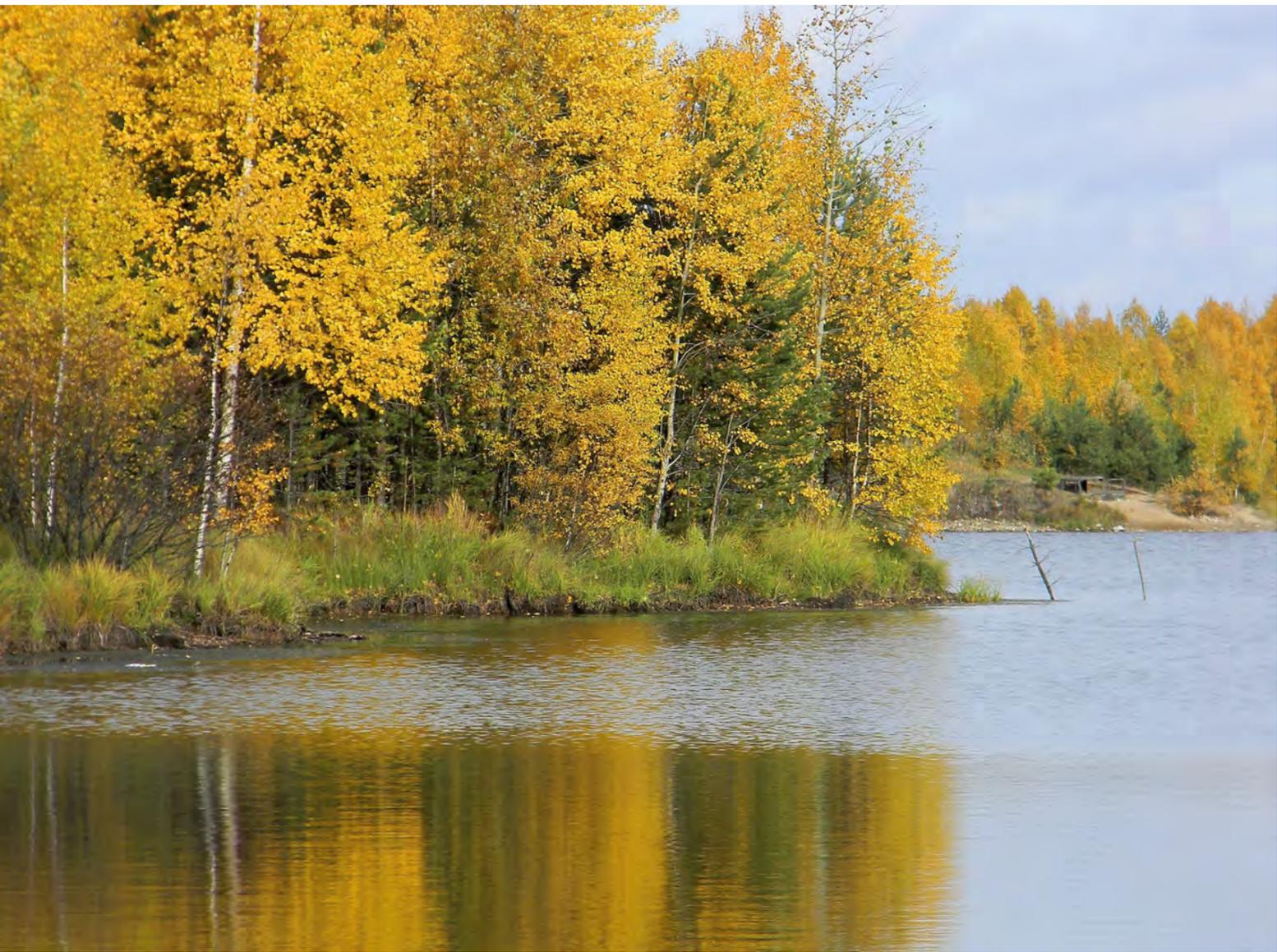
Фотографии на развороте О. А. Филипповой

Марина Филиппева

Инженер 2-й категории Строительной группы гражданских объектов Службы проектно-конструкторских работ Инженерно-технического центра

Ирина Маманова

Работала заместителем начальника
Службы по связям с общественностью
и средствами массовой информации

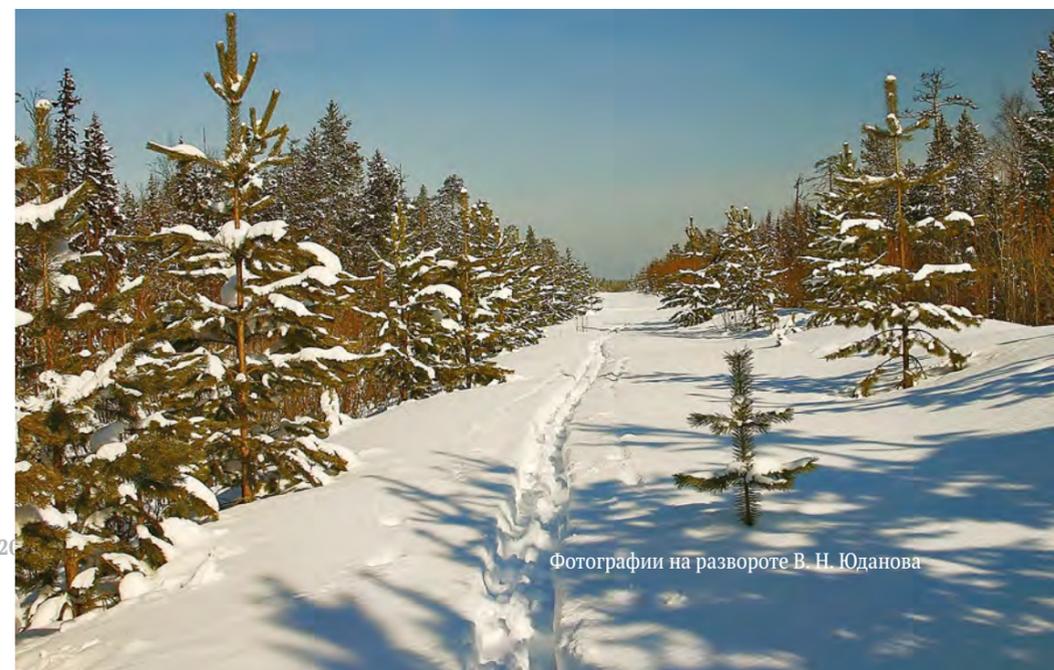

Владимир Юданов

Работал начальником отдела
организации защиты имущества Службы корпоративной защиты

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	3	Посвящается мировому прогрессу.....	40
		Заглянуть бы в зеркало	41
ГЛАВА I. ПОЭЗИЯ			
Александр ГОРНОВИЧ			
40 нам сегодня стало	6	Алексей КОВАЛЕВ	
Город Ухта	7	Орденосец	42
Баба Нюра.....	8	Про маму	43
Паромщик	9	Сергей КОРОБКА	
Молога	10	Прощание с Воркутой	44
Баба Люба	11	Байдарацкая.....	45
Сергей ГУЩИН		Лилия КРАСНОВА	
Посвящение деду	12	Магия осени	46
Дети рисуют войну	14	Душа.....	47
Жара. Июль. Расплавленный асфальт	15	Спасибо	48
Я — лирик?!.....	16	Одна история	49
Корабль компрессорной.....	17	Материнство	50
Газотрасса.....	18	Всемирно хороши и мил не будешь	51
Юбилейный	19	Из детства.....	52
		Моя глубинка	53
Наталья ЕРОШЕНКО		Мамина молитва.....	54
Обновление	20	Память	54
Волчица на воле	21	Корни.....	55
Необычное что-то в пришедшей зиме.....	21	Прости, деревенька.....	56
Темно. Затаились дома.....	21	Дмитрий КРИВЦОВ	
Ода валенкам	22	В тайге	57
Над городом серая туча.....	23	Деревенская дорога	58
Вы знаете, как сердце раскрывать.....	23	Топят бани.....	59
Стихи о цветущей сакуре	24	Белье церкви	60
Ветер, брат весёлый мой	24	Провожала девушка.....	62
Любимому	25	Я коня оседлал.....	63
Ты подарил мне розы	25	Знаю я с невысказанной болью	64
Осколки	26	Ленинградскому трамваю.....	65
Иришке	27	Будка обходчика	66
Дождь и душа	28	Сирень	67
Поруганная церковь	29	Тёмное окно	68
Ветер и деревья.....	30	Мы дорожкой лунной	68
Городу Мышкину	31	Непознаваем мир — твердят нам теософы	69
Здесь меня уже нет	32	Грустная ворона	70
У Волги.....	33	Рыжая мокрая осень	71
Лилово-лилово-лилейная гладь.....	33	Когда башка забита хламом.....	72
Виктор ЗАЙКОВ		Святая Троица.....	72
Родина	34	Памятнику и человеку.....	73
Похоронка	35	Весной в лесу.....	74
Свидание	35	Усть-цилёмка	75
Геннадий ИВАНОВ		Лиственница	75
Кукушка	36	Амазонка	76
Конфликт	37	Родина	77
Проект.....	37	На Кировской дороге.....	77
Галина ИОНОВА		Горят леса осенним златом	78
Бессонница-бессмыслица	38	Болото на пути красно от спелой клюквы	78
Посвящается доченьке Юленьке.....	39	Вадим ЛАПОКНЫШ	
		На смерть Пушкина	79

Борис РАЙНОВ	
Исповедь начальника, или.....	80
Любовь РОЗЕ	
Мы — первопроходцы!	81
Ожидание	82
Июльское солнце.....	83
Дочери в день рождения	83
День Победы.....	84
Фронтвые письма	85
Посвящение молодым специалистам	86
Тучи	86
О романтиках-первопроходцах	87
С юбилеем, Ухта родная!.....	88
Газовики — народ особый	89
Республика моя.....	90
Нас называют нефтяными королями.....	91
«Севергазпром».....	92
«Инженерная слава» Газпрома	93
Серебряные кружева.....	94
Марина ТАРАТИНА	
Я пишу о своём котёночке	95
Родная Урдома	95
НАДЕЖДА ФРОЛОВА	
Прекрасная страна.....	96
Мамина «Колыбельная»	96
Ностальгия	97
Светлана ШАБАЛИНА	
Скоро весна	98
Весна пришла.....	98
Про меня.....	99
Нет-нет... Ни слова о любви	99
Месть	100
Взгляд сосны горит зелёный.....	100
А ты меня совсем ещё не знаешь.....	101
Привет	102
Сны	102
На ладошке искрятся снежинки	103
Весна	103
Поэзию не сложишь за мгновенье.....	104
Пробуждение.....	104
Сирень с черёмухой уж скоро зацветут	105
Может быть	105
Ветер.....	106
Май	106
Куда душа моя устремлена.....	107
Мне снится сад.....	108
Осень	108
В лесу	109
А мысли снова далеко в дороге.....	109
Хочу в осень уйти с головою	110
Пусть на земле весна творится!.....	110
Мне так надоел мёрзлый снег.....	111
Я здесь одна на утреннем рассвете	111

Ирина ШАМАНАЕВА	
Среди сосен и мхов это было как в сказке	112
Нам сколько лет отпущено судьбою?	112
Вот и всё	113
Стихи мои несовершенны.....	113
Юбилей	114
Страдания.....	114
Я наполню сердце светлой, нежной грустью	115
Песня шофёра	116
Апрель	116

ГЛАВА II. ПРОЗА

Елена ВАСИЛЬЕВА	
Женская доля	120
Дорогами войны	120
На войне как на войне	121
Долгожданный мир	122

Александр ВЕЛТИСТОВ	
Везучий вы народ, солдаты.....	123
Балагур.....	123
Солдат двух войн	124
Комиссовали.....	125
Маша	125
Пацаны	126
1948 год.....	126
1968 год.....	128
В первый раз	129
Медаль	130
Газировка.....	131
Труба	131
Пистолет	131
«Русский синдром»	133

Александр ГОРНОВИЧ	
Те самые пушки	135
Шедевр Грабина	135
На вражеской службе	135
Судьба изобретения.....	136
За Вену.....	136

Дмитрий ГОРНОВИЧ	
Случай на Гагарацкой.....	138

Сергей ГУЩИН	
Спасибо! Мы помним вас!.....	140
Блокада	141

Наталья ЕРОШЕНКО	
Остался с Иридой.....	143
Старая-молодая Жалейкина	146
Воплощение мечты.....	149
Одиночество.....	151

Алексей КОВАЛЕВ	
Вещий сон	154
Как солдаты генерала спасли.....	155
Праздник Победы	155
С Марией в постели	156

Лилия КРАСНОВА	
Вовкина рыбалка	157
Благословение святителя.....	160

Дмитрий КРИВЦОВ	
Дредноут	163
Первая добыча	166
Последний лось	170
Январская купель.....	174
Колька, бражка и Борман	176
Инфаркт, или Медвежья охота на человека	179
В трубоукладчике	186
Последний охотник	190

Михаил МОРОЗОВ	
Мы вышли живыми из ада.....	195

Елена ЧЕРЕПАНОВА	
Воплощение ожиданий от Армении.....	211
Жизнь кипит, идёт реставрация	214
Кроткая.....	216
Джаз и картошка.....	218
Давно хотелось.....	219

ГЛАВА III. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Галина АБРАМОВА	224
Галина БАТИЩЕВА	228
Наталья БОГДАНОВА	230
Николай БЫКОВ	232
Денис ВАСИН	236
Елена ВАСИЛЬЕВА	242
Виктор ВАСЯХИН	254
Светлана ВИШНЕВСКАЯ	258
Елена ДЕМЕНТЬЕВА	260
Евгений ЖДАНОВ	266
Евгения КАРНАЧЕВА	270
Павел КОЖЕВНИКОВ	274
Виктор КОЗАК	275
Александр КУЧЕРОВ	278
Дмитрий ЛЫСАКОВСКИЙ	285
Нелли МАТЮШЕВА	286
Сергей МУХАМЕТДИНОВ	294
Максим ОСТАШОВ	296
Сергей ПАНКРАТОВ	298
Максим ПОПОВ	299
Иван ПРОКОШЕВ	302
Роман СЕЛЬКОВ	304

Марина СИВАКОВА	305
Пётр СЛЕСАРЕВ	316
Владимир СЛОБОДКИН	320
Алексей СУХОЛЕЙСТЕР	321
Татьяна ТРИФАНОВА	330
Ольга ФИЛИППОВА	332
Марина ФИЛИПЬЕВА	340
Ирина ШАМАНАЕВА	344
Владимир ЮДАНОВ	348

Авторы художественных работ в главах I–II

Галина БАТИЩЕВА	140, 157, 161
Николай БЫКОВ	69
Елена ВАСИЛЬЕВА	14, 16, 28
Денис ВАСИН	9
Виктор ВАСЯХИН	170, 177
Виктор ВЕРЕМЕЙ	190
Светлана ВИШНЕВСКАЯ	154
Олег ГУРЬЕВ	7
Елена ДЕМЕНТЬЕВА	4–5, 118–119
Анатолий ДЬЯЧЕНКО	74
Олег ДЬЯЧКОВ	46
Евгений ЖДАНОВ	17
Антон КОРОВИН	20
Александр КУЧЕРОВ	13, 29, 31, 48, 51, 61, 66, 107, 132, 143, 195, 199, 203, 210, 222–223
Нелли МАТЮШЕВА	27, 47, 120, 121, 123, 125, 149, 152, 221
Сергей ПАНКРАТОВ	55
Максим ПОПОВ	166
Алексей СЕДЯКИН	110
Роман СЕЛЬКОВ	23
Марина СИВАКОВА	44
Петр СЛЕСАРЕВ	45
Алексей СУХОЛЕЙСТЕР	139
Елена ТРАВНИКОВА	170
Татьяна ТРИФАНОВА	180
Марина ФИЛИПЬЕВА	30, 70, 127
Ольга ФИЛИППОВА	148, 209
Ирина ФОКИНА	53
Елена ЧЕРЕПАНОВА	213, 214, 217, 218
Ирина ШАМАНАЕВА	115, 117
Владимир ЮДАНОВ	34, 101, 129
Рустам ЮСУПОВ	163

ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Сборник творческих работ

Подписано к печати 01.08.2017. Формат 60×90/8
Печать офсетная. Бумага мелованная 130 г/м²
Усл. печ. л. 44,5. Заказ № 5052. Тираж 2000 экз.

Разработано и отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»
167882, Республика Коми, Сыктывкар, Савина, 81.
Тел. 8(8212) 28-46-71, 28-46-72. www.komitip.ru

ISBN 978-5-7934-0718-2

9 785793 407182